МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVI

XXVI
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

Греки – варвары: контакты и конфликты

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств

Институт археологии Российской академии наук

Институт археологии Крыма Российской академии наук

ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»

Благотворительный фонд «Деметра»

XXVI БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

Греки – варвары: контакты и конфликты

Материалы научной конференции

«Индрик»
Москва 2025

УДК 902/904
ББК 63.4

Редакторы-составители
Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева

Научный редактор
А. А. Масленников

Редактор
А. В. Меньшиков

XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: Материалы научной конференции / Ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. – М.: Индрик, 2025. – 328 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-761-4

Издание осуществлено при поддержке Благотворительного фонда «Деметра»

На первой странице обложки и титульном листе:
два скифских воина, стреляющих из лука, –
нашивная аппликация из кургана Куль-Оба, золото, IV в. до н. э. ГЭ.

На авантитуле: тетрадрахма Митридата VI Евпатора (аверс) из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло, серебро, 73/72 г. до н. э. ЯИЛМ (к тезисам Н. Г. Новиченковой. С. 190).

ISBN 978-5-91674-761-4

© Авторы, 2025
© Издательство «Индрик», 2025

Вместо предисловия

Как можно заметить, ранее объявленное название конференции изменилось. Тому есть несколько причин, но первая – изменение состава оргкомитета конференции и правления БФ «Деметра». Без лишних подробностей предшествующих событий отметим главное: Вячеслав Дмитриевич Письменный – инициатор создания Фонда, его стратегии, и в том числе проекта конференции «Боспорские чтения», снова возглавляет правление БФ «Деметра». Работаем дальше…

Оргкомитет конференции

На фото: у Лапидария ВКИКМЗ (г. Керчь) – В. Д. Письменный с внучкой Никой (крайняя справа) и музы музея: генеральный директор Т. В. Умрихина (рядом с Никой), заместитель директора Н. В. Быковская (слева), заведующая Лапидарием Н. Л. Кучеревская. 12 февраля 2020 г.

Греки – варвары: контакты и конфликты

Материалы научной конференции

Д. В. Бейлин
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

И. В. Рукавишникова
Институт археологии РАН, г. Москва

КУРГАН «ГОРНОСТАЕВКА 7» – ДОЗОРНО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС МЕЖДУ ДВУХ БОСПОРСКИХ ВАЛОВ

В 2019 г. севернее села Горностаевка исследовался курган, получивший название «Горностаевка 7». Он располагался на вершине скальной гряды (высота 147,1), являющейся юго-восточной оконечностью хребта «Прямой» в 0,66 км к северу от перекрестка улиц Танкистов и Львовская упомянутого села (рис. 1, *1*–*2*). С 50-х гг. прошлого столетия здесь эпизодически добывался щебень, но, судя по картографическому материалу, еще до второй половины XX в. тут располагалось от 2 до 7 курганных насыпей.

Диаметр скального основания курганной насыпи, подрезанного со всех сторон карьером, составил 36 м, а высота – до 4 м. Ее уплощенная вершина была перекопана грабительскими ямами. С севера, выше обнажений скалы, отчетливо читались две искусственные террасы (рис. 1, *3*), а с юго-востока, на верхней площадке скального массива при зачистке заплывшей ямы были выявлены остатки погребального сооружения.

Гробница представляла собой каменный ящик, ориентированный по оси запад – восток и сложенный из хорошо обработанных известняковых плит (рис. 3). Сохранилась южная стенка, состоявшая из цельной плиты 2,2 × 0,5 × 0,2 м, концы которой имели пазы для фиксации торцевых плит. Реконструируемые размеры гробницы: 2,85 × 1,75 м (снаружи) и 2,6 × 1,45 м (изнутри). Находки, в том числе антропологические, за исключением нескольких стенок амфор (IV–III вв. до н. э.) и лепных сосудов (эпохи бронзы?), отсутствовали. Датировка ее, таким образом, неопределенная.

Комплекс сооружений (рис. 2, *1–2*). Северный и западный склон скального основания, как уже писалось, был террасирован, а его вершина представляла собой площадку 8 × 6 м.

Нижняя терраса изначально, по-видимому, прямоугольная в плане (22–24 × 23 м), как бы по периметру, окружала весь скальный останец. В южной и восточной частях она сохранилась хуже и имела аморфные очертания.

Вторая (верхняя) терраса, также прямоугольных очертаний, имела более скромные размеры: 15 × 10 м и возвышалась над первой на 1,5–2 м. На ней были зачищены остатки четырех траншей от фундамента прямоугольной в плане довольно солидной постройки, стены которой были ориентированы по сторонам света.

Северная траншея шириной 1,8 м на востоке и 1,65 м на западе сохранилась на длину 14,9 м. Глубина ее составляла от 0,5 до 0,9 м. По краям сохранились два участка каменной кладки самого фундамента: восточный – длиной 8,3 м, а западный – всего на 1,4 м.

Западная траншея под фундамент, вытесанная в скальнике, прослежена в длину до 4,4 м. Ее ширина от 2,1 до 1,9 м, глубина – 0,45–0,89 м. Каменная кладка сохранилась в северной части на протяжении 3–3,2 м. Южный участок траншеи полностью срезан карьером.

Южная траншея шириной 1,7–2 м прослежена на длину до 13 м. Ее глубина от 0,25 до 1 м. Она также основательно разрушена карьером, а каменная кладка фундамента не сохранилась вовсе.

Восточная траншея вообще была практически полностью уничтожена. Прослежен лишь участок длиной 4,5 м при ширине около 1,8 м и глубине до 1 м.

Все траншеи фундамента соединялись, но не совсем ясен характер сочленения каменных кладок.

Итак, общая длина северной траншеи – 14,9 м, южной – 13 м, западной – 4,4 м и восточной – около 4,7 м. Реконструируемые же размеры самого помещения – 4,4 × 8,6–9 м.

Сохранившиеся части кладок фундамента могут, на наш взгляд, свидетельствовать о неких приемах антисейсмического свойства. Так, крупные грубо обколотые камни были использованы в кладке в качестве лицевых. Они имели преимущественно клиновидную форму и широкой гранью были обращены к стенкам траншей, а узкой – вовнутрь. Более мелкие камни, заполнявшие пространство между ними, образовывали вместе с боковыми некое подобие арки (полулинзы). На нее достаточно плотно помещались в свободном порядке крупные колотые камни мшанкового известняка,

а пространство между ними забивалось более мелким камнем[1]. Собственно кладка, там, где она сохранилась, может быть охарактеризована как иррегулярная трехслойная, двухлицевая. Камни внешнего фаса, естественно, были крупнее. При этом фасадные камни уложены по принципу обратной разгрузочной арки: ряд больших камней, заполняющих центральную ось траншеи, сдавливали нижние боковые фасадные камни, на которые, в свою очередь, давили фасадные камни верхнего ряда. Масса бутового камня распирала конструкцию – и, таким образом, происходило перераспределение нагрузки на кладку и скалу. Такой прием позволил создать надежный антисейсмический фундамент для последующего возведения мощного оборонительного сооружения.

Особое внимание привлекло следующее довольно странное обстоятельство. Северная траншея фундамента постройки как бы продолжалась за пределы описанного периметра в западном направлении еще на 2,2 м, обрываясь бортом карьера. Аналогичная ситуация, хотя и всего на расстоянии 0,6 м, прослежена и на юге. Определить изначальную длину этого «продолжения» не представляется возможным. Поэтому реконструировать общую планировку постройки невозможно. Может быть, это были своего рода контрфорсы; а может – мы имеем дело с неким продолжением комплекса строений (стена двора при башне?).

Таким образом, перед нами нечто вроде остатков сигнально-оборонительной (сторожевой) башни. Сооружения подобного типа (тип I, 1 по А. А. Масленникову) известны в Восточном Крыму (*Масленников*, 1998. С. 179; 2003; *Ермолин*, 2009; 2010. С. 135–147; *Бейлин*, 2013; 2014). Однако культурный слой, связанный с ее функционированием, практически не сохранился – и, следовательно, оснований для уверенной датировки ее бытования у нас нет. Не дал результатов и осмотр прилегающей к кургану территории. Находки же IV–III вв. до н. э. следует рассматривать исключительно в контексте некоего захоронения.

Тем не менее наличие именно в этом месте дозорно-оборонительного пункта вполне оправдано. С вершины кургана «Горностаевка 7» хорошо просматривается обширная территория к востоку и западу, включая не только урочища «Ряды» и «Ровное поле» до горы Кошик и ее юго-восточного отрога (выс. 136), но и урочище «Вилки» (бывш. село Алексеевка). В прямой видимости находятся известные укрепления, расположенные

[1] Аналогичным образом камни были выложены и в сохранившейся части западной траншеи, и в западном отрезке северной стены.

по линии вала Бескровного (городища Михайловское, Тасуново, Либкнехтовка, Багерово Северное, Чурубашский маяк и даже Илурат). В ясную погоду с вершины кургана видны гора Туркмен, Темир-Гора, гора Хрони и верхнее плато горы Опук. По линии Узунларского вала визуальная связь осуществляется с городищем Савроматий и рядом башен-усадеб I в. до н. э. – II в. н. э. В прямой видимости находится и следующий сигнальный пункт на горе Скальная, представляющий собой небольшую однокамерную (?) постройку, расположенную на узкой террасе с южной стороны скального гребня, с которого просматриваются практически вся Аджиэльская балка и урочище Артезиан.

Таким образом, раскопки кургана «Горностаевка 7» позволили выявить один из дозорно-оборонительных объектов, расположенный между Узунларским валом и валом Бескровного, игравший важную роль в системе обороны и быстрого оповещения на территории Европейского Боспора в целом и столичного Пантикапея в частности.

Подобная монументальная постройка в виде дозорно-оборонительной башни могла быть сооружена здесь не ранее I в. до н. э., а возможно, и середины – II пол. I в. до н. э. Не исключено, что уже ко II в. н. э. комплекс перестал функционировать и был разобран на строительный материал[2].

[2] Мы можем лишь предположить, что после возведения крепости Савроматий, взявшей на себя основную контролирующую функцию в центральной части Керченского полуострова, «горностаевское» сигнально-оборонительное сооружение между Узунларским валом и валом Бескровного в целом потеряло свое стратегическое значение, равно как и многие звенья комплекса дозорно-оборонительных сторожевых башен линии Узунларского рва и вала, которые в свое время качественно дополняли и усиливали это земляное пограничено-оборонительное сооружение. Здесь стоит обратить внимание на строительный камень, из которого сложена сама конструкция и облицовка проезда в Узунларском валу, исследованного А. А. Супренковым в 2016 г. южнее городища Савроматий (*Супренков*, 2018; *Супренков и др.*, 2020). В лицевых кладках этого сооружения использовано большое количество хорошо обработанных прямоугольных блоков, суммарный объем которых вполне сопоставим с необходимым количеством камня для постройки сторожевой башни с укрепленным внутренним двором. Вполне справедливым видится предположение, что для строительства или же реконструкции мостового перехода через ров Узунларского вала был использован камень, добытый в результате разбора стен и фундаментов «горностаевского» сигнально-оборонительного комплекса. Расстояние же между указанными объектами составляет всего лишь 5 км.

Список литературы

Бейлин Д. В. К вопросу об этапах становления оборонительной системы восточной части Керченского полуострова I в. до н. э. – I в. н. э. (на примере поселений Бондаренково II и Бондаренково III) // Боспорские чтения. 2013. Вып. XIV. С. 37–43.

Бейлин Д. В. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I в. до н. э. на поселении Бондаренково III) // Боспорские чтения. 2014. Вып. XV. С. 34–42.

Ермолин А. Л. Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции // Фортеця. Збірник заповідника Тустань. Львів: Колір ПРО, 2009. С. 206–220.

Ермолин А. Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 2010. Т. 14. С. 130–161.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю ойкумены: сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 299 с.

Масленников А. А. Древние земляные пограничено-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, Гриф и К, 2003. 279 с.

Супренков А. А. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // ДБ. 2018. Т. 23. С. 230–257.

Супренков А. А., Михайлов А. М., Столяренко П. Г., Топоривская М. А., Теребухина Н. Ю. «Боспорские ворота» в Восточном Крыму обзор археологического материала // РА. 2020. № 3. С. 138–158.

Рис. 1. *1* – план-схема Керченского полуострова с указанием места расположения кургана «Торностаевка 7»; *2* – фрагмент топографической карты северной части села Торностаевка и окрестностей; *3* – курган «Торностаевка 7». Вид с севера

Рис. 2. *1* – план траншей фундамента строительного комплекса. Нижний уровень кладки фундамента; *2* – план северной траншеи фундамента строительного комплекса. Верхний уровень кладки фундамента и ее разрезы

Рис. 3. Археологические комплексы кургана «Горностаевка 7». Вид сверху с востока

А. Л. Бойко, А. В. Дедюлькин
Музей истории города Ростова-на-Дону;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

МОНЕТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА ИЗ СОБРАНИЯ ДОНСКОГО МУЗЕЯ

Сведения о нумизматических находках, происходящих с территории Нижнего Дона в XIX в., сравнительно немногочисленны. Информация о них, как правило, связана с общественной деятельностью относительно немногочисленного слоя донских дворян, получивших классическое образование в Войсковой гимназии. При этом речь шла не о создании нумизматических коллекций как таковых, а о хранении имеющих, по мнению обладателя, значительную материальную или историческую ценность предметов (монет, медалей и др.). Зачастую это было связано с оригинальными представлениями о древней истории Юга России или о происхождении донского казачества.

Достаточно крупные собрания могли формироваться у собственников земель, на которых были расположены известные памятники древности. Представители знатного рода донских дворян Мартыновых на протяжении более чем полувека владели землями в пределах Черкасского округа Области войска Донского (юрт Гниловской станицы), где и поныне расположено Недвиговское городище (античный город Танаис) и многочисленные курганные могильники. В 1806 г. генерал-лейтенант А. Д. Мартынов (в 1807–1808 гг. – наказной атаман) передал в «кабинет Черкасской гимназии: одну золотую, 14 серебряных и 10 медных» монет (*Бутков*, 1871. С. 164). Значительное количество донских нумизматических находок античного времени видел И. А. Стемпковский, посетивший Дон в 1823 г. (*Стемпковский*, 1824а. С. 256–257; 1824б. С. 192, 202). Нумизматические находки могли передаваться в столичные научные общества. В 1824 г. войсковой

старшина Л. Я. Лукьянов отослал хорошо определимую римскую монету III в. н. э. в Общество истории и древностей российских (*Писарев*, 1826. С. 138).

Ряд распоряжений по Области войска Донского (1818, 1831 гг.) сделали центром собирания древностей, в том числе и нумизматических, Новочеркасскую войсковую гимназию, в которой был создан специальный Мюнц-кабинет. В этом собрании древностей Дона по отчету, составленному исполняющим должность директора гимназии И. Я. Золотарёвым, на 1838 г. зафиксировано хранение 273 медалей и монет (*Артинский*, 1907. С. 93). Коллекция постоянно пополнялась безвозмездными подарками казачьих офицеров. Так, в 1836 г. М. В. Себряков передал 10 золотых и 24 серебряных монеты (Там же. С. 92). Однако эта коллекция была практически неизвестна столичным коллекционерам, предметы из нее не были описаны в крупных нумизматических сводках по России. В материалах ежегодных отчетов по гимназии приводились обобщенные цифры по количеству монет в Мюнц-кабинете (Там же. С. 157, 202, 248).

Как и собрания других средних учебных заведений, собрание Новочеркасской войсковой гимназии могло существовать лишь при внимании почетных членов учебного заведения или личном интересе директора. С ослаблением контроля такие древности, как правило, исчезали. Этим можно объяснить и отсутствие данных о нумизматических коллекциях Новочеркасской войсковой гимназии к началу XX в.

Наиболее известным собирателем древностей Дона в середине XIX в. считался А. А. Мартынов (1777−1865 гг.), последний из частных собственников недвиговских земель. Являясь обладателем крупной коллекции раритетов, он был и автором известных «Записок» историко-краеведческого содержания (*Черняев*, 1929–30. С. 44–46). В различных разделах этого объемного повествования (частично опубликованного в журнале «Дон» в 1888 г.) неоднократно упоминаются монетные находки, происходящие с различных мест Войска Донского, без изображений и с минимальным описанием. Коллекцию монет осматривали и описывали в 1824 г. П. П. Свиньин (*Свиньин*, 1826. С. 313) и в 1853 г. профессор «римской словесности» Московского университета П. М. Леонтьев (*Леонтьев*, 1853. Л. 24). Коллекция не произвела на П. М. Леонтьева серьезного впечатления, поскольку неизданные экземпляры в ней отсутствовали (*Леонтьев*, 1854. С. 491). Сам А. А. Мартынов был о своей коллекции более высокого мнения и счел нужным привести в «Записках» сюжет о специально приехавшем посмотреть эти находки В. А. Соллогубе, даже получившем две средневековых монеты в подарок

(*Мартынов*, 1887. С. 31). О судьбе этих и других находок после смерти А. А. Мартынова ничего не известно, в лучшем случае они могли пополнить собрание Мюнц-кабинета войсковой гимназии.

Монеты могли храниться и в домах людей меньшего достатка, как простых казаков, так и священнослужителей. П. М. Леонтьев, копавший на Дону в 1853 г., указывает на монету Савромата II, найденную на Елизаветовском городище в 1824 г. и хранившуюся у «протоиерея станицы почтенного старца Дикова» (*Леонтьев*, 1854. С. 512). Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство сведений о нумизматических находках на Дону прочно связывается с двумя крупнейшими поселениями античности − Елизаветовским и Недвиговским городищами с прилегающими некрополями и поселениями сельской округи.

В таблице XXIV «Монеты древнегреческие и боспорские» «Каталога археологического отдела Донского музея», составленного Х. И. Поповым[1], представлено четыре монеты эллинистической эпохи. В текстовой части нет описания этой таблицы, но дополнительную информацию можно получить из «Каталога предметов, доставленных на Археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 году». В правом верхнем углу таблицы XXIV помещена качественная фотография серебряной тетрадрахмы последнего царя Македонии из династии Антигонидов Персея (рис. 1, *1*). В каталоге выставки при IX Археологическом съезде упоминается присланная из Донского музея «серебряная македонская монета Персея, (168 г. до Р. Хр.), хорошей сохранности, найден[ная] в нижней части Дона». Странной выглядит локализация места находки без какой-либо конкретной привязки – к оврагу, балке, станице, хутору. Не уточняется даже, о каком из берегов Дона идет речь. Если эти сведения верны, находку подобной монеты можно считать уникальной для Северного Причерноморья. М. Г. Абрамзон и И. В. Тункина в публикации монет из святилища на острове Левка отмечают монеты македонских царей Филиппа II, Александра III, Филиппа III и Кассандра (*Абрамзон, Тункина*, 2018. С. 59).

[1] Каталог не был завершен и издан, и более века в музее хранились сброшюрованные части незавершенного текста и отдельные листы иллюстраций с предметами. В 2021 г. сохранившиеся материалы были изданы с дополнениями и комментариями (Археологические находки Донского музея…, 2021), но текст к планшетам с монетами, если он и существовал, не сохранился. Нет соответствующего раздела и в издании 2021 г. Сами монеты, вероятно, были вывезены из Донского музея по приказу войскового атамана А. П. Богаевского в 1919 г. в числе других ценных экспонатов и войсковых регалий. В акте односложно упоминаются не менее 200 шт. серебряных монет, включая «крайне редкие и высокоценимые антикварами» (Акт подкомиссии…, 1924. С. 2). Их нет среди предметов, в 1946 г. возвращенных из Национального музея в Праге в Новочеркасский музей истории донского казачества (Опись…, 1946).

В представительной и очень разнообразной коллекции нумизматических материалов Левки нет ни одной находки, связанной с династией Антигонидов. Следующим предметом в каталоге выставки при IX Археологическом съезде упоминается изображенная в той же таблице XXIV «серебряная тетрадрахма острова Фасоса» (рис. 1, *2*), с указанием места находки – пос. Верхне-Царицынский (ныне хут. Степаневка в Калачевском районе Волгоградской области), на реке Царице, левом притоке Дона. Это степные территории, где во II–I вв. до н. э. обитали ранние сарматы. Находки монет в раннесарматских погребениях и на отдаленных степных территориях единичны (*Кропоткин, Обыденнов*, 1985; *Глебов*, 2002; *Безруков*, 2011). Судя по фотографии, изображение головы Диониса довольно грубое, по современным представлениям, такие монеты определяют как тетрадрахмы «фасосского типа», чеканенные под контролем римской администрации с 148 по 80/70 г. до н. э. (*Прокопов и др.*, 2011. С. 77). Не удалось найти каких-то конкретных упоминаний о двух римских республиканских денариях из таблицы XXIV. Оба украшены изображением голова богини Ромы в крылатом аттическом шлеме (рис. 1, *3–4*). Один из денариев, с четкой надписью LAECA, вероятно, отчеканен при монетарии Марке Порции Леке, в 125 г. до н. э. (*Crawford*, 1974. Cat. 270/1). Сотрудник Археологической комиссии В. Н. Ястребов в 1890 г. отмечает в собрании древностей для будущего Донского музея «монеты преимущественно татарские; есть несколько экземпляров из эпохи Савроматов». Вряд ли бы В. Н. Ястребов пропустил редкую для Северного Причерноморья эллинистическую царскую серебряную монету хорошей сохранности, а также монету Фасоса и две монеты Римской республики. Не упоминает археолог эти монеты и в коллекциях частных лиц, осмотренных в Ростове-на-Дону, которые не произвели на него впечатления. Самое крупное из увиденных нумизматических собраний, принадлежавшее Ф. И. Романовичу, было охарактеризовано В. Н. Ястребовым как «пестрое и бессистемное».

Наиболее информативной является фотография тетрадрахмы Персея (рис. 1, *1*). На аверсе – голова царя в диадеме. Тетрадрахмы Персея относятся к одному и тому же типу, различаясь только монограммами и знаками (звезда и плуг) ниже дубового венка с орлом Зевса, сидящим на керавне, на реверсе. Федерико де Люка учел 63 штемпеля аверсов монет этого типа (*De Luca*, 2021). Исследователь отмечает, что портреты Персея на аверсе этих тетрадрахм значительно различаются, и характеризует их в образной и поэтичной манере. Они варьируются от чрезвычайно реалистичных изображений с тонко проработанными кудрями, созданных и подписанных

Зоилом (O1–O4), до стройного профиля «с острым взглядом, подобающим философу» на аверсе штампа O21; от сильного и гордого профиля, который легко мог бы быть «профилем древнего царя Персии» (O38–O41), до энергичной головы «настоящего олимпийского чемпиона» (O61), и так далее. Художественное качество этих портретов очень разнообразно и имеет тенденцию значительно падать в серии, отмеченной символом плуга. Де Люка справедливо отмечает, что постепенное ухудшение стиля серии, отмеченной символом плуга, а также привлечение большого количества резчиков штемпелей для их создания (вероятно, в течение короткого времени) являются ярким показателем военного характера чеканки. Монета из Донского музея очевидно не относилась к ранним сериям с именем мастера Зоила. Характерной особенностью рассматриваемой монеты является резкий излом линии нижней границы шеи, а также рельефно подчеркнутая *vena jugularis externa*. Все аналоги штемпелю монеты из Донского музея – на поздних сериях тетрадрахм из свода Федерико де Люки, монетах с значком плуга. Исследователь отмечает интересный аспект, связанный с уменьшением веса монет. Средний вес тетрадрахм Персея снижается с 16,80 г до 15,40 г. Разница составляет примерно 1/12, а по аттическому стандарту соответствует диоболу. Если каждый из 39 000 пеших воинов получал дневное жалованье в 2 обола, а каждый из 4 000 всадников – в день 1 драхму, Персею требовалось 3350 тетрадрахм в день для выплат пешим воинам и еще 1000 тетрадрахм для выплат всадникам, на общую сумму в день 4350 тетрадрахм, тогда как на целый месяц войны им требовалось 130 500 тетрадрахм (или эквивалентная сумма в других монетах) (*De Luca*, 2021. P. 33). Де Люка заключает, что уменьшение веса тетрадрахм было абсолютно логичным, в том числе и с учетом пресловутой алчности, единогласно приписываемой источниками Персею.

Сложно сказать, каким образом монета Персея оказалась на Дону. Вполне возможно, что эта тетрадрахма попала на Боспор из Западного Причерноморья во время Митридатовых войн. Не исключено и более прозаическое объяснение. Известна переписка с Московским нумизматическим обществом и Румянцевским музеем по поводу редкой монеты (в действительности – грубой подделки, фантазийной имитации) (*Захаров и др.*, 2023). Один из просителей о консультации – житель Нахичевани-на-Дону В. И. Черкесов. Второй корреспондент – некий Иван Маркович Чосыч, который привез «уникальную» монету из поездки по Македонии в 1900 г. Очевидно, что оба вопрошающих писали по поводу однотипной (одной и той же?) монеты и, вероятно, могли быть знакомы между собой. Македонские монеты

находят на территории расселения кельтов-скордисков (*Ujes*, 2002). Примечательно, что в 1900 г. И. М. Чосыч побывал в Македонии (т. е. и на северо-западных территориях царства Антигонидов), где легко мог приобрести тетрадрахму Персея. Не исключено, что монета поступила в Донской музей в дар от какого-нибудь донского мецената, которому была продана И. М. Чосычем, В. И. Черкесовым или каким-то другим торговцем древностями. Легенда об обнаружении тетрадрахмы на Нижнем Дону (но без какой-либо внятной конкретики, которую можно было проверить) могла быть придумана для большей убедительности.

Список литературы

Абрамзон М. Г., Тункина И. В. Гости острова Левки (античные монеты по неизданным рисункам Н. Н. Мурзакевича) // ВДИ. 2018. № 1 (78). С. 52–87.

Акт подкомиссии по установлению ценности имущества, увезенного из Донского областного музея в Новочеркасске в ноябре–декабре 1919 г. № 274. 10 мая 1924 г. // Архив НМИДК.

Артинский И. П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1907. 469 с.: ил.

Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х. И. Попова / под ред. А. Л. Бойко, Е. В. Ситливой. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2021. 272 с.: ил.

Безруков А. В. Роль монеты в межплеменной торговле народов Волго-Камья // ПИФК. 2011. № 1. С. 77–84.

Бутков П. Г. О местности города Танаиса // Древности. Труды МАО. Т. III, вып. 2. М., 1871. С. 155–168.

Глебов В. П. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. 2002. № 1–2. С. 28–41.

Захаров Е. В., Смирнов С. В., Черненко В. Г. Об одной фантазийной имитации селевкидской монеты // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2023 года: материалы докладов и сообщений. М.: ГИМ, 2023. С. 17–20.

Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 1985. № 2. С. 241–254.

[***Леонтьев П. М.***] Письмо П. М. Леонтьева к Л. А. Перовскому от 20 июля 1853 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 23–30.

Леонтьев П. М. Археологические розыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. М., 1854. Кн. IV. С. 397–524.

Мартынов А. А. Записки о войске Донском полковника Алексея Андреевича Мартынова (1842–1847) // Дон. 1887. № 9. С. 29–32.

Прокопов И. С., Пешехонов В. К., Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Эллинистические тетрадрахмы о-ва Фасос, тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» и их имитации из собрания Государственного исторического музея // ПИФК. 2011. № 4 (34). С. 77–103.

Опись экспонатов Донского исторического музея, поступивших в Главное Управление МВД СССР из г. Праги в январе 1946 г. // Архив НМИДК.

Писарев А. А. Замечания о медали, найденной близ Азовского моря (в 1823 году) // ЧОИДР. 1826. Ч. III, кн. 1. С. 138–142.

Свиньин П. П. Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // Отечественные записки. Ч. XXV. 1826. № 70 (февраль). С. 306–327.

Стемпковский И. А. О местоположении древнего города Танаиса // Вестник Европы. 1824а. № 4. С. 251–259.

Стемпковский И. А. Второе письмо о местоположении древнего города Танаиса // Вестник Европы. 1824б. № 23. С. 190–202.

Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки // Зап. Сев.-Кавк. о-ва археологии, истории и этнографии. Кн. 1 (Т. 3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону, 1929–30. С. 42–46.

Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Vol. 1: Introduction and catalogue; Vol. 2: Studies, plates and indexes. London: Cambridge University Press, 1974. 944 p.

De Luca F. The tetradrachms of Perseus of Macedonia. Cassino: Associazione Culturale Italia Numismatica, 2021. 124 p.

Ujes D. Coins of the Macedonian Kingdom in the Interior of Balkans. Their Inflow and Use in the Territory of the Scordisci // Histoire & Mesure. 2002. Vol. XVII, No. 3/4: Monnaie et espace. P. 7–41.

Рис. 1. *1–4* – монеты эллинистической эпохи из собрания Донского музея (по таблице XXIV «Монеты древнегреческие и боспорские» для неизданного «Каталога археологического отдела Донского музея» Х. И. Попова): *1* – тетрадрахма царя Персея; *2* – тетрадрахма «фасосского типа»; *3* – денарий римской республики, монетарий Марк Порций Лека; *4* – денарий римской республики, после 141 г. до н. э.; *5–8* – тетрадрахмы царя Персея поздних серий (по: *De Luca*, 2021)

А. В. Бонин
Институт археологии РАН, г. Москва

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ГОТСКИХ ПОХОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИЛЬИЧЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич 1 по Я. М. Паромову) в ходе охранно-спасательных работ в южной части раскопа 2 и на территории раскопа 3 (северная окраина современного поселка Ильич) были исследованы слои римского времени. В северной части раскопа 3 были найдены остатки винодельни, состоявшие из фрагмента давильной площадки и трех цистерн. Находки из заполнения цистерн датируются серединой II – первой половиной III в. н. э. В 10 м к востоку были обнаружены синхронные строительные остатки хозяйственного комплекса, представленные развалами пифосов и хозяйственными ямами.

Южнее винодельни и хозяйственного комплекса в древности проходила небольшая балка, которая была засыпана мусорными сбросами, содержавшими в больших количествах золу, раковины мидий, а также многочисленные фрагменты керамических сосудов. Свалка предварительно датируется II–III вв. н. э. Южнее ее исследована часть некрополя позднеантичного времени с 25 погребениями. Большинство их сконцентрированы в северо-восточном углу площади некрополя.

Погребения были зафиксированы на глубине 0,7–2,4 м от дневной поверхности в культурном слое поселения, содержавшем многочисленные находки от I до IV в. н. э., но среди них были и монеты конца IV – середины III в. н. э. Большинство погребений находились на глубине от 1 до 1,5 м, шесть – на глубине 1,5–2 м, пять – на глубине 2–2,5 м и только одно – на глубине менее 1 м. Следы подпрямоугольных могильных ям прослежены у четырех погребений (№№ 5, 25, 29, 30). Каменных гробниц, а также следов древесного тлена, железных гвоздей и всего того, что говорило бы о захоронениях в гробах, не найдено.

13 из 25 захороненных индивидов имели деформированные, вытянутые черепа (рис. 1), что позволяет, учитывая археологический контекст, отнести их к поздним сарматам (*Зубарь*, 1982. С. 83–84; *Балабанова*, 2004. С. 172; *Свиркина*, 2022. С. 21).

Ориентировка погребений неустойчива, что характерно для погребального обряда римского времени в Северном Причерноморье (*Зубарь*, 1982. С. 43–44; Население предгорий…, 2011. С. 227). Большинство (15 из 25) лежали головой на север, вдвое меньше – на северо-восток и только трое – на юг. Господствует трупоположение на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги выпрямлены (22 из 25). И только в двух случаях, на некотором расстоянии от остальных, безынвентарные погребенные покоились на левом боку с согнутыми руками и ногами. Еще в одном случае положение индивида неясно вследствие разрушения погребения, от которого уцелел только череп.

Все погребения одиночные, если не считать одного, где рядом с костями ног обнаружены кости черепа другого индивида. Впрочем, учитывая, что границы могильной ямы здесь читались с трудом, можно предположить, что кости черепа относились к другому, разрушенному погребению.

Инвентарь, зафиксированный почти в половине захоронений, довольно скуден – это лепная и кружальная керамика, керамические пряслица, немногочисленные украшения (браслеты и височные кольца); всего 23 предмета. Наибольшее количество находок в одной могиле – 4. В большинстве же найдено 1–2 предмета.

Керамика представлена тремя лепными и двумя кружальными сосудами (рис. 2–3). Лепной – из погребения № 5 – схож с сосудом из раскопок И. Т. Кругликовой некрополя у дер. Семеновки (*Кругликова*, 1969. С. 107, рис. 11, *5*). Лепной кувшин из погребения № 21 украшен насечкой по верхней кромке венчика, аналогии ему найти не удалось.

Керамические пряслица найдены в трех погребениях и представлены следующими видами: биконической формы (рис. 3, *2*) и конической формы с усеченно-коническим основанием (рис. 3, *3*).

Бронзовые браслеты (3 экз.) найдены в одном погребении (рис. 3, *4*) на костях предплечий и на правой голени, ближе к стопе. Все они округлые в сечении, разомкнутые, в один оборот, орнаментированы поперечными насечками на концах (тип 7 по В. Н. Зубарю) (*Зубарь*, 1982. С. 99, рис. 61, 15–17) и Широкой Балке (Население предгорий..., 2011. С. 293, рис. 237).

Бронзовые височные кольца в виде разомкнутого проволочного кольца, круглого в сечении, с надетой на него бусиной кубической формы со скругленными гранями происходят из двух погребений (рис. 3, *5*). Схожие

украшения обнаружены в Крыму, при раскопках Восточного могильника Неаполя Скифского первых веков н. э. (*Сымонович*, 1983. С. 92–93, табл. XXXI).

Из прочих предметов упомянем медную подвеску, нижняя часть которой имеет форму лезвия топора, верхняя – прямоугольная с двумя поясками. Сверху – четырехугольная петля для подвешивания. Она найдена в в районе головы погребенного (рис. 3, *6*). В погребении № 30, на нижней челюсти, присутствовала бронзовая заклепка, а еще в четырех – обломки железных ножей (рис. 3, *7*).

Отметим компактное скопление 20 бронзовых монет (денарии и двойные денарии первой – второй четвертей III в. н. э.) при расчистке погребения 15 (от которого уцелел только череп). Комплекс может представлять собой кошелек захороненного. Среди них: Рескупорида III – 7 экз.; Котиса III – 3 экз.; Савромата III – 1 экз.; Ининфимея – 9 экз. Клад можно датировать 238/239 г. н. э. (*Абрамзон, Бонин*, 2017. С. 405).

Рядом были найдены еще три двойных денария Рескупорида V. Один – 242/243–251/252 гг. н. э., два других – 267/268 г. н. э. (Там же).

Скорее всего, исследованный некрополь возник в этом месте уже после прекращения функционирования винодельни и хозяйственного комплекса в результате готских походов середины III в. н. э. Деформированные черепа и погребальный обряд могут свидетельствовать о появлении новых групп населения на территории Азиатского Боспора в этот период.

Список литературы

Абрамзон М. Г., Бонин А. В. Монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка в 2015–2016 гг. // ПИФК. 2017. Вып. 3 (57). С. 392–430.

Балабанова М. А. О древних макрокефалах восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2004. Вып. 3. С. 171–187.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Кругликова И. Т. Некрополь поселения у дер. Семеновки // СА. 1969. № 1. С. 98–119.

Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН, 2011. 408 с. (Некрополи Черноморья; т. IV).

Свиркина Н. Г. Население Фанагории в III в. до н. э. – V в. н. э. (по палеоантропологическим материалам из Восточного некрополя). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского. Киев: Наукова думка, 1983. 173 с.

Рис. 1. Погребение 29. Вид с востока

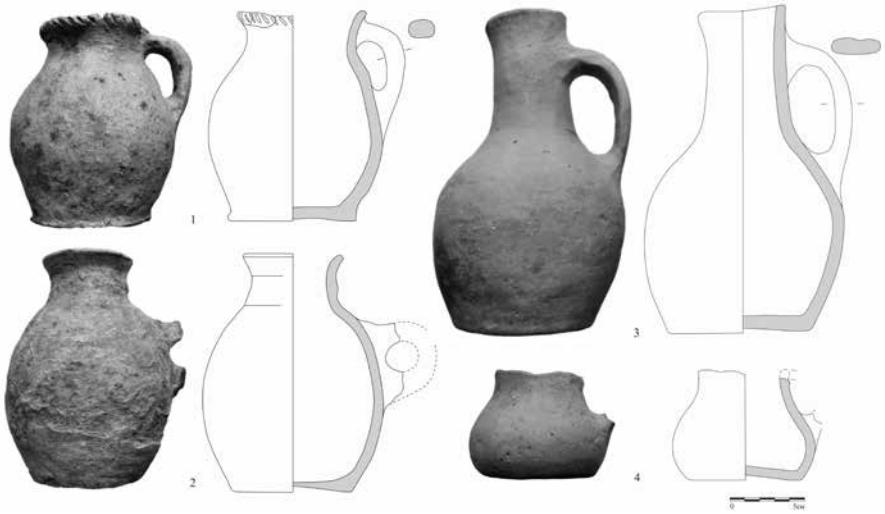


Рис. 2. Лепная и кружальная керамика из погребений:
1 – погребение 21; *2* – погребение 25; *3, 4* – погребение 30

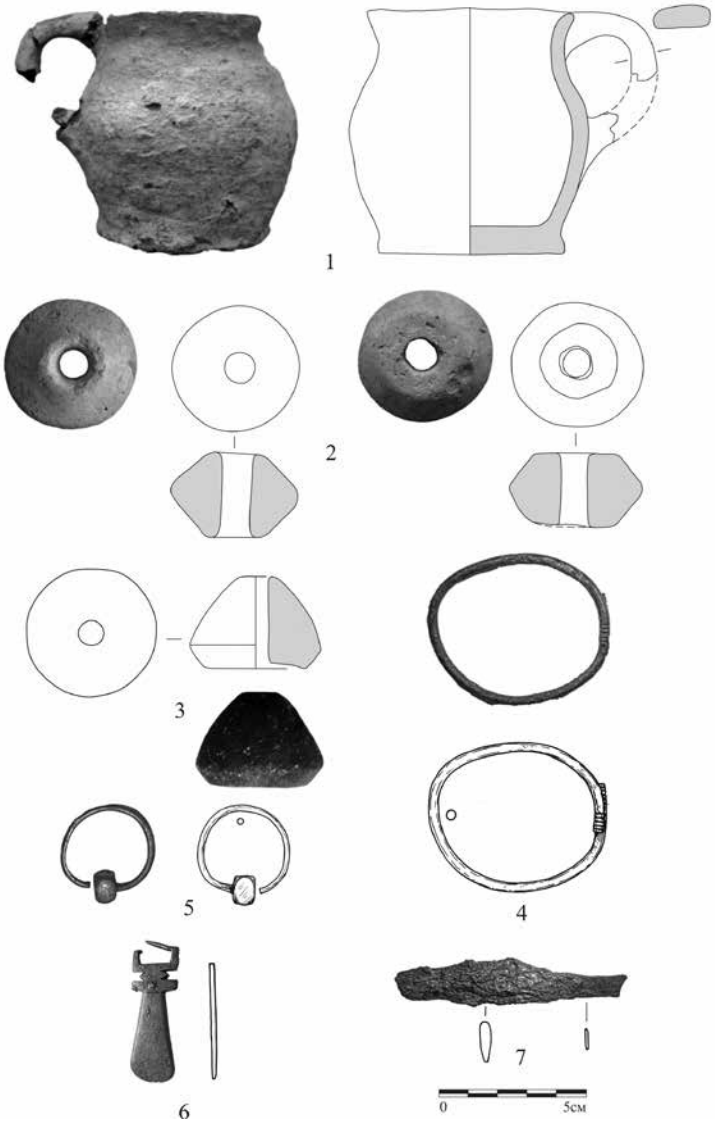


Рис. 3. Лепная керамика, керамические пряслица и украшения из погребений:
1, 2 – погребение 5; *3* – погребение 9; *4* – погребение 14; *5* – погребение 25;
6 – погребение 28; *7* – погребение 29

А. М. Бутягин
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

СТРАТЕГИИ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В ходе колонизации в Северном Причерноморье сформировались три субрегиона, в каждом из которых можно наблюдать определенные особенности греко-варварских взаимоотношений. Центром Северо-Западного Причерноморья, покрывавшего пространство от Дуная до Перекопского перешейка, стал город Ольвия, вокруг которого располагалась обширная хора, насчитывавшая многие десятки поселений. Восточная часть Крыма входила в состав Херсонесского государства, подчинившего себе еще некоторые города. Хора города располагалась в непосредственной близости от него на территории Гераклейского полуострова, а также севернее, охватывая побережье полуострова Тарханкут. На территории Керченского и Таманского полуострова находился Боспор. Постепенно все эти территории вошли в состав Боспорского царства, которое распространило свое влияние вплоть до устья Дона, где был основан город Танаис. В отличие от других субрегионов, на территории Боспора находилось относительно много крупных и мелких городов, рядом с которыми располагались сельские поселения, особенно многочисленные на территории Таманского полуострова.

Несмотря на то, что обычно противниками греческих колонистов в регионе оказывались, в первую очередь, номады, во всех трех субрегионах были выработаны различные модели взаимодействия с окружающими варварами. В целом они сформировались после катастрофических для всех причерноморских греков событий второй четверти V в. до н. э., когда регион подвергся мощному нажиму новой волны кочевых номадов (кроме Херсонеса). В последние десятилетия были найдены свидетельства в пользу периодических столкновений с варварами, начиная с середины VI в. до н. э., однако если какие-то столкновения военного характера имели

место, то в целом нельзя говорить об острой конфронтации с кочевниками. Серия военных столкновений в V в. до н. э. заставила жителей греческих городов искать стратегии выживания в новых условиях.

Следует отметить одну важную черту, которая является существеннейшей частью всех этих стратегий. Она состояла в том, что влияние варваров на внутреннюю жизнь и культуру греческих городов не допускалось. Фактически до римского времени мы не можем обнаружить никаких следов варваризации городской жизни, да и в следующем тысячелетии черты варваризации не были столь велики, сохраняя античный облик колоний. Таким образом, стратегии взаимоотношений не предполагали включения представителей варварских племен в городскую жизнь. Вопрос состоял в том, каким образом не допустить этого вмешательства.

История ольвийского государства представляет собой постоянную череду т. н. протекторатов варварских правителей над городом. В целом видно, что полис готов был исполнить любые разумные запросы окружающих варваров, дарил им ценные подарки, вероятно, чеканил монеты варварских царей и т. д. Мы можем условно охарактеризовать этот образ действий как стратегию «возможного подчинения». Т. е. ольвиополиты откупались от варварских правителей или номинально подчинялись им, но, конечно, только до той степени, в какой это не ограничивало полисную жизнь. Однако в середине I в. до н. э. город был разрушен нападением гетов – и возродился в начале н. э., фактически как прямое владение Римской империи.

Херсонесское государство на всем протяжении своего развития делало ставку на силовое решение греко-варварских взаимодействий. Первоначально тавры были вытеснены с Гераклейского полуострова, была подчинена Керкинитида, а также другие поселения Тарханкутского полуострова. Впоследствии, когда натиск Крымской Скифии и, возможно, нападения сарматских племен вытесняют херсонеситов с Тарханкута, те постоянно ищут союзников для вооруженной борьбы против скифов. В результате Херсонесу удалось получить помощь от Митридата VI Евпатора, чей полководец Диофант нанес скифам такой удар, после которого они фактически не смогли оправиться. Правда, сам город попадает под власть Митридата, затем подчиняется Боспорскому царству и, в конце концов, оказывается под протекторатом или даже прямым управлением Рима.

Иным образом сложилась ситуация на Боспоре. В течение столетия после катастрофических событий 2-й четверти V в. до н. э. здесь складывается монархия под управлением династов, скорее всего варварского происхождения. Судя по всему, она имела ярко выраженный греко-варварский

характер. Это выразилось в активном включении в управление государства варварских вождей различного происхождения. Греко-варварский характер царства также дискутируется, хотя уникальный вид курганных некрополей, в котором захоронения греческой и варварской элиты порой неразличимы, указывает на это напрямую. Судя по всему, греческие поселения продолжали сохранять свой неизменный характер, как и варварские кочующие племена, а слияние происходило только на уровне аристократии, причем варварских вождей приучали к эллинской культуре, а греческая аристократия частично перенимала привычки кочевой элиты. Основой такой власти была царская семья, выступающая как тираны для греческих городов и вожди для варварских племен. Гибкость системы заключалась в том, что в элиту могли быть включены представители разных племен и даже народов, хотя не исключено, что в определенные периоды представители того или иного народа доминировали.

В конце II в. до н. э. Боспор попадает под власть Митридата Евпатора, который, однако, продолжает привлекать варварскую элиту к управлению государством, и даже расселяет представителей этих племен на ближайшую к греческим поселениям территорию. После смерти сына Митридата Фарнака на престоле снова утверждается династия варварского, вероятно, сарматского происхождения. Она смогла пережить бурные события рубежа эр, когда на власть претендовали различные претенденты, и просуществовать как минимум до первой половины IV в. н. э. Судя по всему, характер власти этой династии был несколько иным, чем у Спартокидов, но основные черты правления напоминали предыдущие – во главе царства стояла греко-варварская элита, а в жизни городов варваризация просматривается очень слабо, хотя, видимо, присутствие представителей негреческих племен здесь увеличилось.

Интересно, что три крупнейших центра приняли в течение V–II вв. до н. э. разные стратегии: частичного подчинения, формирования совместной элиты и вооруженного противостояния. Такая ситуация весьма любопытна и требует объяснения. Хотя сами эти стратегии и конкретные события греко-варварских взаимодействий часто становятся предметом рассмотрения, цельная картина привлекает внимание реже.

Важным моментом здесь является то, что, несмотря на сходную внешнеполитическую обстановку, греческие центры выбрали разные стратегии взаимоотношений. Как кажется, причину этого нужно искать, с одной стороны, в природных условиях региона, а с другой – в этническом окружении субрегионов, которое несколько отличалось.

Ольвия находилась на самой стремнине передвижения кочевников по степному коридору. Со всех сторон она была охвачена степными просторами, а окружавшие ее племена могли откочевать в любой момент и быть сменены новыми. В этих обстоятельствах единственной тактикой становилась попытка умилостивить неспокойных соседей любыми способами, т. е. подарками, формальным подчинением, предложением для вождей входа в город и т. д. В целом такая тактика не давала, как кажется, городу надежных союзников. Таким союзником могло быть только крупное земледельческое государство, способное усилить оборону города дополнительным военным контингентом, а при случае – и обновить фортификацию поселения. Такими союзниками для Ольвии стали держава Митридата, а впоследствии – Рим.

Географическое положение Херсонеса оказалось в высшей степени защищенным в природном отношении. Окруженные горами поля Гераклейского полуострова могли быть легко обороняемы от степных номадов исключительно контролем горных проходов и перевалов. В связи с этим город всегда мог рассчитывать на сохранность сельскохозяйственной территории. Это порождало уверенность в собственных силах и расчет на военную мощь полиса. Судя по всему, разрозненные племена тавров не представляли большой угрозы для Херсонеса и были способны только на грабительские набеги небольшими группами, что не могло представлять серьезной угрозы. Владение хорой на Тарханкуте и ее потеря привели к осознанию невозможности опоры только на собственные военные силы, что в итоге вело к такой же политике, как и у ольвиополитов.

Особая ситуация, которая сложилась на территории Боспора, вполне объясняется его уникальным расположением. Разделенные Керченским проливом территории давали надежную основу для обороны, так как пролив был непроходим для конников в летнее и труднопроходим в зимнее время; в свою очередь, Таманский полуостров, представлявший собой несколько островов в дельте Кубани, обладал прекрасными естественными фортификационными свойствами. В то же время зимой он был легче достижим для конницы, но это не имело существенного значения, так как в этот сезон сложно разорять объекты сельского хозяйства. В то же время наиболее опасной для региона проблемой оказывалась «война на два фронта» наподобие той, которая произошла в правление Сатира I, когда царство подверглось ударам с восточного и западного направлений. Для того чтобы не допустить такой ситуации, были необходимы надежные союзники. С одной стороны, рядом обитали земледельцы – синды, а также

полукочевые меотские племена, с другой стороны, похоже, что кочевавшие на территории Крыма скифы, во всяком случае со второй половины V в. до н. э., имели ограниченное пространство передвижений, что позволяло наладить с ними длительные отношения. Причем в таком положении трудно было полагаться только на какое-то одно племя или родственные племена, в связи с чем боспорские греки пытались привязать к себе максимум представителей варварской элиты.

Опыт показал, что в той или иной степени все эти тактики на протяжении длительного времени могли спасать греческие колонии от уничтожения или полного подчинения окружающим варварам, хотя в иные моменты все греческие колонии Северного Причерноморья испытывали трудные времена, а порой и подвергались уничтожению, однако находили силы для нового возрождения. Это может свидетельствовать о том, что греки на берегах Понта вполне грамотно смогли выработать стратегии взаимодействия с варварами, выгодно используя или, во всяком случае, учитывая свое географическое положение, а также обстоятельства их варварского окружения.

М. Ю. Вахтина
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Н. РОТА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ КУРГАНА ОГУЗ В 1902 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН)[1]

Во второй половине XIX – начале XX в. на ниве отечественной археологии трудились как исследователи, обладавшие достаточно высокой квалификацией, так и любители. К числу последних принадлежал и В. Н. Рот, известный, прежде всего, своими раскопками «царского» скифского кургана Огуз. Расположенный к востоку от с. Нижние Серогозы (бывш. Мелитопольский уезд Таврической губ.), он является одним из грандиозных «царских» скифских курганов Северного Причерноморья второй половины IV в. до н. э., насыпь которого по высоте сопоставима с Александропольским курганом и Чертомлыком (*Болтрик, Фиалко*, 1991; *Фиалко*, 1994; *Boltrik, Fialko*, 2007). Первые раскопки Огуза были проведены Н. И. Веселовским в 1891–1894 гг. (*Веселовский*, 1896). В 1902 г. памятник доследовал В. Н. Рот. О его жизненном пути и археологической деятельности в литературе можно найти немного, но изучение архивных материалов позволило наметить основные вехи его биографии.

Вадим Николаевич Рот родился 19 января 1875 г. в Виленской губернии, отец его был офицером (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4253. Л. 10). Позже семья перебралась в Севастополь, где Вадим Рот поступил в Севастопольское Константиновское реальное училище, но его не окончил, так как в августе 1892 г. (в 17 лет) был принят вольноопределяющимся 2 разряда в 50 пехотный Белостокский полк, дислоцировавшийся в Севастополе, на собственное содержание, однако очень скоро был «перечислен

[1] Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00187 «Неопубликованная “Карта по археологии Причерноморья” И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)».

на казенное содержание». В августе следующего года В. Н. Рот окончил курс полковой учебной команды младшим унтер-офицером. В 1894 г. он был зачислен на службу в Севастопольский крепостной пехотный батальон и 16 сентября 1897 г. произведен в подпоручики (Там же. Л. 11).

В 90-х гг. он женился на Любови Николаевне, дочери К. К. Косцюшко-Валюжинича (РГАМВФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3597. Л. 5 об.), известнейшего исследователя Херсонеса и основателя Музея, возникшего как «Склад древностей». Скоро Вадим Рот стал ближайшим помощником Косцюшко, помогая ему в раскопках. Работу в Херсонесе он совмещал со службой. В фондах Научно-архивного отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранится письмо К. К. Косцюшко-Валюжинича А. А. Бобринскому от 25 октября 1902 г., в котором автор письма просит разрешить тратить из средств, отпускаемых Комиссией на раскопки, 30 рублей в месяц «на наем чертежника, модельщика и фотографа, который мог бы также быть моим заместителем в случаях моих болезней, отпусков и командировок. Если мое ходатайство будет уважено Вашим Сиятельством, – писал К. К. Косцюшко-Валюжинич, – то я позволил бы себе рекомендовать для этой должности подпоручика Севастопольского крепостного батальона Вадима Николаевича Рота, изучившего черчение, фотографирование и составление моделей, и, – что весьма важно, – проживающего в Херсонесе, где им забронирована часть дома капитана Белозерова» (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 40. Л. 177–177 об.). В. Н. Рот также участвовал в подготовке для Комиссии отчетов о раскопках. Судя по записям в инвентарной книге Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН, им были выполнены акварели мозаик, открытых в Херсонесе. Так, например, указано (запись за 1902 г. на л. 273), что в Архиве хранятся негативы и отпечатки фотографий, сделанные с цветных акварелей В. Рота; эти фото изданы в «Отчете о раскопках в Херсонесе в 1901 г.» (*Косцюшко-Валюжинич*, 1902. С. 58, 59, 67. Рис. 7, 8, 16). В. Н. Рот неоднократно лично доставлял в Петербург вещи, найденные во время раскопок; так, например, в декабре 1906 г. он привез и сдал Комиссии особо ценные находки 1902 г., в числе которых были золотые украшения и художественные изделия (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 48. Л. 151–152).

В начале 1902 г. в Археологическую комиссию поступают известия о грабительской деятельности крестьян с. Нижние Серогозы, близ которого располагался ранее исследовавшийся Н. И. Веселовским скифский курган Огуз. Комиссия направила письмо и телеграмму

К. К. Косцюшко-Валюжиничу, предлагая возглавить раскопки или же прислать вместо себя В. Н. Рота. В феврале 1902 г. В. Н. Рот впервые приехал в Нижние Серогозы, где осмотрел Огуз и другие курганы. Основная цель командировки, по-видимому, сводилась к оценке сложившейся ситуации и противодействию хищническим раскопкам. Сразу после приезда он начал скупать у крестьян добытые ими ранее древности. Уже 15 февраля крестьяне составили жалобу, направленную в Комиссию, где говорилось: «Покорнейше просим Государственную (так в оригинале. – *М. В.*) Археологическую Комиссию разобрать наше дело, в чем мы будем жаловаться вам. 13 февраля 1902 года явился до нас, в селение Нижние Серогозы, какой-то профессор, фамилия ихнее Рот и отобрал от нас вещи, найденные нами в могилах»; далее приведены список крестьян и описание отобранных предметов с указанием, сколько денег за них было уплачено (от 50 коп. до 1 руб. 50 коп.). Полученные суммы крестьяне сочли недостаточными, однако «профессор, который явился в селение Н. Серогозы, фамилия ему Рот, отобрал все вещи, отнял и сказал, что вам мало, то я могу и так отобрать вещи и ничего вам не дам» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 26. Л. 20–21)[2].

20 февраля В. Н. Рот направил в Комиссию подробное письмо-отчет «О командировке в деревню Нижние Серогозы для остановки расхищения древностей и исследования кургана “Огуз”», начинающееся с подробного описания кургана (Л. 15–16 об.). В. Н. Рот и приехавший с ним помощник, надсмотрщик Г. Талавирка, сопутствуемые местными крестьянами, осмотрели курган, уделив внимание грабительским ходам, в порядке опыта часть земли была вынута и просеяна через грохот. «Осмотрев и исследовав курган, а также распорядившись о надлежащей охране оного, я занялся собиранием древностей, выкопанных крестьянами», – писал В. Н. Рот. «Для строгого надзора, по распоряжению г. К. К. Косцюшко-Валюжинича, в деревне Нижние Серогозы оставлен надсмотрщик Талавирка, снабженный мною удостоверением на право осматривать все курганы и просить содействия и вмешательства властей». К письму приложен «Перечень предметов, приобретенных у крестьян деревни Н. Серогозы» (Л. 17–17 об.).

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, грабительская деятельность местных крестьян велась с прежним размахом. Поэтому Комиссия приняла решение доследовать насыпь Огуза. В. Н. Рот, получив в марте 1902 г. Открытый лист, провел раскопки кургана, а затем представил

[2] Далее в скобках приведены ссылки на листы архивного дела 26/1902.

в Комиссию подробный отчет. Сохранились и его письма А. А. Бобринскому, рассказывающие о ходе работ и, собственно, представляющие собой небольшие отчеты. Первый из таких отчетов поступил в Комиссию 18 апреля 1902 г. (Л. 45–46).

В. Н. Роту с первых дней своего пребывания в Нижних Серогозах пришлось не только заниматься археологическими исследованиями, но и общаться как с местными уездными чиновниками, так и с крестьянами. В. Н. Рот также осмотрел курганы, находящиеся близ с. Нижние Серогозы, и прислал в Комиссию подробное их описание (Л. 57–68 об.). Оно сопровождается рисунками курганов и картой-схемой, выполненной карандашом с пометками красными чернилами «Отчетная карточка расположения курганов, расхищенных крестьянами близ лежащих сел», составленной 10 апреля (Л. 70). Всего В. Н. Рот выделил и описал 6 курганных групп. Он приложил к отчету фото и опись купленных предметов (Л. 60, 69–69 об.) из кургана у с. Ново-Александровка. 1 мая 1902 г. В. Н. Рот составил рукописный отчет о раскопках кургана Огуз (Л. 72–73 об.). После возвращения в Севастополь в начале июня В. Н. Рот подготовил итоговый отчет «О раскопках кургана “Огуз”, произведенных по поручению императорской Археологической Комиссии поручиком Севастопольского Батальона В. Н. РОТ в 1902 году от Марта до 1 Июля месяца близь села Нижние Серогозы Мелитопольского уезда Таврической губернии» (Л. 255–260). К отчету приложена «Перечневая опись предметам древности, доставленным подпоручиком Рот из раскопок, произведенных в 1902 г. кургана “Огуз” в Мелитопольском уезде близ села Нижние Серогозы». Им были изготовлены планы кургана (Л. 74–75; 139; 262) и многочисленные фотографии: общего вида кургана во время раскопок (рис. 1), расчищенных грабительских «входов», фото вещей, как найденных, так и добытых у крестьян, рисунки. Отчет В. Н. Рота лег в основу краткой публикации о результатах раскопок, изданной в 1904 г. в Отчетах ИАК (Раскопки…, 1904), а также использован А. А. Спицыным в его известной работе, посвященной курганам у с. Нижние Серогозы, вышедшей два года спустя (*Спицын*, 1906. С. 157–166).

Известно, что отчет о раскопках В. Н. Рота был передан для ознакомления Н. И. Веселовскому. Совершенно очевидно, что Н. И. Веселовский (как, вероятно, и другие члены Комиссии) достаточно критично отнесся как к отчету В. Н. Рота, так и к результатам его исследований. А. А. Спицын в упомянутой выше статье уделил его раскопкам буквально одну фразу: «Приступая к описанию всей находки, упомянем, что произведенное Коммиссиею по свежим следам расследование обстоятельств находки

(раскопки г. Рота, см. Отчет И.А.К. 1902 г., стр. 63–65) ничего не выяснило» (*Спицын*, 1906. С. 157). С этим трудно не согласиться. К сожалению, квалификация В. Н. Рота оказалась недостаточной для проведения полноценного исследования. Очевидно, он изначально считал своей основной задачей лишь «повторение» пути своего предшественника, расчистив «по его следам» грабительский ход, часть дромоса и основной склеп кургана, произведя осмотр и расчистку видимых грабительских ходов. Ему удалось обнаружить лишь один комплекс – т. н. «южную могилу» (*Фиалко*, 1994. С. 130–132). Основной его заслугой, на наш взгляд, является большое внимание к находкам и энергичная деятельность в организации их «отъема» у кладоискателей. В результате исследований 1902 г. в Археологическую комиссию поступила достаточно представительная и интересная коллекция вещей, которая затем была передана в Императорский Эрмитаж. Эта коллекция значительно превосходит численно коллекцию древностей из раскопок Огуза, проведенных Н. И. Веселовским. Среди находок 1902 г. есть целая серия уникальных художественных изделий, регулярно привлекающих внимание исследователей (рис. 2). К сожалению, наиболее интересные в художественном отношении вещи были приобретены у крестьян. К результатам исследований 1902 г., вероятно, следует отнести и временную «приостановку» грабительских раскопок, вызванную, в частности, энергичной деятельностью В. Н. Рота. К сожалению, эта пагубная практика возобновилась здесь практически сразу же по его отъезде.

Завершив раскопки Огуза, В. Н. Рот продолжал трудиться помощником К. К. Косцюшко в Херсонесе. В 1903 г. он был произведен в поручики (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4253. Л. 12). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. участвовал в обороне Порт-Артура, после ее окончания был награжден орденами Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом и серебряной медалью в память о войне с Японией (Там же. Л. 13 – 13 об.).

14 декабря 1907 г. скончался К. К. Косцюшко-Валюжинич. По поручению Комиссии В. Н. Рот составил первую биографию этого замечательного ученого, датированную 26 января 1908 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 137. Л. 175–176; *Романчук*, 2018. С. 205–206; *Антонова*, 2022. С. 67–68). Он занимался инвентаризацией документов и древностей, а также имущественными делами семьи К. К. Косцюшко-Валюжинича. После кончины тестя В. Н. Рот продолжал оставаться «помощником заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе». Раскопки же были приостановлены до назначения нового заведующего, почти все рабочие и надсмотрщики были уволены.

Эта ситуация тяготила В. Н. Рота, считавшего, что раскопки можно продолжить под его руководством (*Стоянов*, 2019. С. 773). С начала 1908 г. он регулярно направлял сообщения в Комиссию, докладывая о состоянии дел, высказывая соображения по поводу возможных мер для предотвращения разрушения памятника и пр. Так, 28 января 1908 г. он направил в АК пространное письмо, где высказал свои соображения о проекте переноса дороги, разработанном покойным директором, «так как в противном случае древним стенам угрожает много порчи» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 5. Л. 31 – 31 об.; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 137. Л. 19 – 19 об.). Он немедленно уведомил Комиссию о разрушении строительными работами т. н. «некрополя 13-й батареи», приложив к письму план территории с отмеченными им участками, где располагались археологические объекты (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 5. Л. 43 – 43 об.; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. 1908. Д. 137. Л. 26–27). Наконец, было принято решение о назначении Н. И. Репникова временным руководителем раскопок в Херсонесе, о чем В. Н. Рот был извещен телеграммой от 15 февраля и письмом от 16 февраля, подписанными В. В. Латышевым (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 5. Л. 47; НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. 1908. Д. 137. Л. 32 – 32 об.). Приезд Н. И. Репникова откладывался, и В. Н. Рот какое-то время продолжал исполнять обязанности временного заведующего. Вероятно, он рассчитывал и далее участвовать в исследованиях древнего города, а возможно, и играть в этих исследованиях важную роль. Однако ему были уготованы, скорее, «почетные проводы»: в письме Комиссии от 18 марта 1908 г. сообщается о вознаграждении, приуроченном к сложению им полномочий, связанных с раскопками (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 5. Л. 42 – 42 об.).

В начале весны в Херсонес прибыл Н. И. Репников, который и организовал раскопки потревоженного участка некрополя (*Юрочкин, Емельянова*, 2018. С. 320). Отношения с ним у В. Н. Рота сложились прохладные. В апреле–мае В. Н. Рот продолжал заниматься хозяйственными и другими делами, вел переписку с Комиссией. 1 июля 1908 г. Комиссия направила В. Н. Роту письмо с предписанием сдать дела новому заведующему – Р. Х. Леперу (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. 1908. Д. 137. Л. 91 – 91 об.). Об окончании передачи дел В. Н. Рот известил Комиссию донесением от 17 июля 1908 г. (НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. 1908. Д. 137. Л. 132). Весной и в начале лета 1908 г. между ним и командирами гарнизона крепости, недовольными участием В. Н. Рота в делах, связанных с исследованиями Херсонеса, происходили постоянные стычки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. Д. 5. Л. 153 – 154 об.). Возможно, это было одной из причин, побудивших его оставить службу

в крепостном пехотном батальоне. В результате, в силу целого ряда обстоятельств, В. Н. Роту пришлось навсегда проститься с раскопками Херсонеса, да и с занятиями археологией вообще. Вскоре он был переведен из Севастопольского крепостного пехотного батальона в Морское ведомство с зачислением по Адмиралтейству (РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 16. Д. 199. Л. 1), а в 1910 г. – в Сибирскую флотилию, в Сибирский флотский экипаж, и в августе этого года «убыл к новому месту служения» во Владивосток (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3597. Л. 15). 6 декабря 1911 г. ему был присвоен чин капитана (РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4253. Л. 2). В. Н. Рот служил во Владивостоке до весны 1913 г., когда был вынужден подать в отставку и оставить службу. После начала I Мировой войны он получил разрешение поступить в действующую армию (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3597. Л. 35) и был зачислен в 201 пехотный Понтийский полк, расквартированный в г. Кутаиси. Сражаясь в его составе, в 1915 г. был контужен (РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188. Л. 190). Достоверных данных о дальнейшей судьбе этого деятельного и разностороннего человека обнаружить не удается.

Список литературы

Антонова И. А. К. К. Косцюшко-Валюжинич – основатель Херсонесского музея. Черты психологического портрета // Бессмертная легенда Херсонеса. Неопубликованное наследие Ирины Анатольевны Антоновой / отв. ред.: А. В. Зайков, Т. А. Прохорова. Севастополь: ГИАМЗХТ, 2022. С. 65–77.

Болтрик Ю. В., Фіалко Є. О. Огуз – курган скіфського царя кінця IV ст. до н. е. // Золото Степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг, 1991. С. 178–180.

Веселовский Н. И. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовским. Село Нижние Серогозы Мелитопольского у., курган Огуз // Отчет ИАК за 1894 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1896. С. 77–87.

Косцюшко-Валюжинич К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // Известия ИАК. Вып. 4. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1902. С. 51–119.

Раскопки у с. Нижние Серогозы // Отчет ИАК за 1902 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1904. С. 63–65.

Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Биография и некоторые аспекты деятельности // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С. Г. Рыжова / отв. ред. В. В. Майко. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 205–216.

Спицын А. А. Серогозские курганы // Известия ИАК. Вып. 19. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. С. 157–174.

Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: в 2 т. Т. 1 / научн. ред.-сост.: А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 743–782.

Фиалко Е. Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов / отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Институт археологии НАН УССР, 1994. С. 122–144.

Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Народный ученый» – Н. И. Репников и Херсонес // Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь С. Г. Рыжова / отв. ред. В. В. Майко. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 319–332.

Boltrik J. V., Fialko E. E. Der Fürstenkurgan von Oguz // Im Zeichen des Goldenen Ggreifen. Königsgräber der Scythen / ed. H. Parzinger. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2007. S. 268–275.

Материалы РО НА ИИМК РАН

О хищнических раскопках крестьянами с. Нижн. Серогоз, Мелитопольского у., Таврической губ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. 283 л.

О продолжении археологических розысканий в Херсонесе. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 5. 559 л.

Рис. 1. Курган Огуз во время раскопок в 1902 г.
РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1902. Д. 26. Л. 265.

Рис. 2. Фрагментированный серебряный нащечник из кургана Огуз, 1902 г.
ФО НА ИИМК РАН. Нег. III 9842.

И. И. Вдовиченко
Музей истории города Симферополя, г. Симферополь

АТТИЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В 2021–2023 гг.

Археологические раскопки в Южном пригороде Херсонеса в 2021–2023 гг. дали более 5 млн артефактов, около 500 тыс. было передано в фонды музея-заповедника «Херсонес Таврический». Изучение этой огромной коллекции – дело ближайшего будущего. Одна из групп находок – аттическая расписная керамика. Автором изучено 78 фрагментов, которые датируются от начала V до конца IV в. до н. э. Наиболее многочисленная группа – фрагменты кратеров, сосудов для питья вина – глубоких киликов, скифосов, встречаются фрагменты пелик, ойнохой, рыбных блюд, туалетных сосудов – асков, лекифов, лекан, два фрагмента стенок панафинейских амфор.

Фрагменты панафинейских амфор ранее уже находили на Херсонесском городище. Автору удалось выявить фрагменты панафинейских амфор среди материалов раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича и С. Г. Рыжова (*Вдовиченко*, 2016; *Вдовиченко и др.*, 2019. С. 65). Два новых фрагмента происходят из раскопок Южного пригорода Херсонеса в 2021 г. Фрагмент стенки панафинейской амфоры (ХТ-21-Р-2/1-13199) найден в 2021 г. на раскопе № 2 в траншее № 2, уровень 1, отвал (рис. 1). Глина красная, лак с графитовым блеском. Лаковое покрытие и покрывающий стенку ангоб сильно повреждены, отшелушиваются, поэтому некоторые детали изображения трудно интерпретировать. На лицевой стороне сосуда сохранилась часть изображения каннелированной колонны дорического ордера с эхинообразной капителью и удлиненный вертикальный предмет, может быть края эгиды Афины. Такие колонны обрамляют изображение Афины, стоящей со щитом и копьем в повороте влево или, в более позднее время, вправо.

Изобразительное поле подчеркнуто прочерченной линией. Похожее изображение – на фрагменте стенки из Музея Эшмола (инв. 1962.427). Дж. Бордман датировал этот фрагмент IV в. до н. э. (*Boardman*, 1975a. Pl. 29, 11).

Второй фрагмент стенки панафинейской амфоры (ВХ ЭФЗК-15672) найден в раскопе 4 (рис. 2). Размеры: 10,0 × 12,1 см. Глина красная. На поверхности – царапины, потертости лакового покрытия. Изображена нога атлета (ступня и часть голени), бегущего влево; изображение выходит за пределы рамки, очерченной врезной линией. Серия Никократа (333–322 гг. до н. э.). Роспись близка рисунку на амфоре из Лондона (Британский музей), на которой также изображен длинный бег (Οι Ολυμπιακοί Αγόνες…, 1982. Πιν. 75). Новые находки свидетельствуют о достаточно стабильном поступлении панафинейских амфор в Херсонес во второй половине IV в. до н. э., о культурных связях с Афинами, развитии спорта в этом античном городе на окраине ойкумены.

Пелики – всего 4 фрагмента. Этот вид посуды более характерен для Боспора, на территории Херсонесского городища встречается редко. Наиболее ранние фрагменты датируются концом V в. до н. э. Это горловина небольшого сосуда с изображением женщин в хитонах, стоящих лицом друг к другу. И форма сосуда, и стилистические особенности рисунка близки мастеру Боннской пелики № 2053, имеют многочисленные аналогии. К числу работ этого же мастера относится небольшой фрагмент горловины с изображением женской головки (рис. 3). Сосуды, расписанные этим мастером, поступали в Северное Причерноморье, хранятся в коллекциях многих музеев, в том числе и в музеях Крыма (*Вдовиченко*, 2003. С. 78, № 18). Изображения стандартные: женщины, склонившиеся над низким алтарем хтонического божества или над корзиной, ларцом.

На фрагменте тулова пелики, склеенном из 14 обломков (ВХ ЭФЗК-18012), изображена Ника на квадриге. Рисунок динамичный, достаточно беглый, дополненный белой накладной краской, легко узнаваем, его можно отнести к мастерской Грифона. В Северное Причерноморье привозили большое количество таких ваз, относимых к так называемому «керченскому стилю». Как и многочисленные аналогии (в том числе пелика из Одесского археологического музея, № 22201) (*Шталь*, 2000. № 213, с. 98–99), она датируется 350–340 гг. до н. э.

На фрагменте пелики (ВХ ЭФЗК-15671) (рис. 4) сохранилась часть изображения: конная амазонка в повороте вправо, голова повернута влево, рука в замахе, очевидно с копьем или мечом. Лицо, украшение алопекиды, конская упряжь покрыты белой накладной краской. Аналогии стилистические

и композиционные – роспись больших пелик с амазономахией и грифономахией (*Шталь*, 2000. № 89, с. 164–165; № 40, с. 140) мастера Амазонок, которые датируются началом последней четверти IV в. до н. э.

Многочисленные фрагменты кратеров из-за небольших размеров практически не определяются по типам – это в основном обломки стенок и венчиков. Сохранившиеся части росписи на стенках все же позволяют датировать их от середины V до третьей четверти IV в. до н. э., а в некоторых случаях – определить группу или мастерскую вазописца. Наиболее ранние фрагменты с изображением стоящего вправо персонажа в гиматии (ВХ ЭФЗК-15682), персонажа в гиматии, рука протянута вперед, возможно держит жезл (ВХ ЭФЗК-13400), датируются на основании стилистических особенностей рисунка первой четвертью – серединой V в. до н. э. (*Вдовиченко, Жесткова*, 2011. № 228; *Boardman*, 1975b. № 175, 179). Несколько фрагментов (ВХ ЭФЗК-15678, ВХ ЭФЗК-21787) с изображением амазонки и коня являются частью композиций амазономахии и грифономахии и выполнены в мастерской мастера Грифонов, датируются второй четвертью IV в. до н. э. (рис. 5). Подобная композиция, только в зеркальном отображении, – на пелике из Керченского археологического музея (инв. КМАК-47) (*Шталь*, 2000. С. 40, 143). Роспись фрагмента с изображением Эрота с тимпаном (ВХ ЭФЗК-15692) близка изображению на кратере из Мюнхена (*Beazley*, 1963. P. 1446.3), относится к числу работ мастера Pourtales Painter и датируется первой четвертью IV в. до н. э.

На фрагменте верхней части стенки «сосуда закрытого амфоры или гидрии» (ВХ ЭФЗК-15681) сохранились палочный орнамент и изображение головы юноши. Характерная прическа, особенности изображения глаза, бровей близки работам мастера Комаччо. Аналогия: кратер с аналогичным декором и близким стилистически рисунком из коллекции университета Мельбурна, инв. № 998.0007 (MUV 82) (*Connor, Jackson*, 2000. P. 140–142, № 48).

Найдено 5 лекан группы «Отчет» с изображением подготовки к свадьбе – бегущих служанок с ларцом и тениями, Эротов, сидящего юноши-жениха (ВХ ЭФЗК-20355, ВХ ЭФЗК-20361, ВХ ЭФЗК-20402, ВХ ЭФЗК-20405, ВХ ЭФЗК-21739). На фрагменте крышки леканы (ВХ ЭФЗК-21739) сохранилось изображение части фигуры бегущей вправо служанки (рис. 6). Перед ней – арибалл, справа – часть фигуры летящего Эрота. Многочисленные аналогии известны из раскопок в Северном Причерноморье, и в том числе в Херсонесе (*Вдовиченко, Жесткова*, 2011. С. 57, табл. 17, *498*), на афинской Агоре (*Moore*, 1997. № 1107); класс свадебных лекан, вторая четверть IV в. до н. э.

Найдено много асков, причем есть и очень интересные экземпляры. Особое внимание привлекает фрагмент щитка аска с плоским неглубоким

вместилищем (shallow askos) с изображением сатира (ВФ ЭФЗК-15679) (рис. 7). Стилистические особенности рисунка – глаз, нарисованный в фас, суховатая жесткая моделировка тела – позволяют отнести сосуд к мастерской одного из художников поздней архаики и датировать после 470 г. до н. э. В пользу такой датировки свидетельствует и тот факт, что сосуды такого типа получают широкое распространение начиная со второй четверти V в. до н. э. (*Moore*, 1997. P. 56, 288). Целый аск с изображением ползущего сатира и сидящего козла, расписанный, скорее всего, тем же мастером, хранится в коллекции Британского музея (инв. E734) (*Hoffmann*, 1977. Pl. 7.4).

Остальные аски, с изображением кошачьих хищников и женских головок, – более поздние, относятся к группе Аль-мина (*Beazley*, 1963. P. 1366–1367) и Кембриджских асков, датируются началом – первой четвертью IV в. до н. э. (*Beazley*, 1963. P. 1505).

Найдены также два фрагмента рыбных блюд. На фрагменте придонной части блюда (ВХ ЭФЗК-797/426) на внешней стороне дна, на кольцевом поддоне – граффити ΔΙ, на внутренней поверхности дна – плавник рыбы, овы вокруг соусницы. Аналогия: рыбное блюдо из Салоникского археологического музея (38.217) (*McPhee, Trendall*, 1987. Pl.9a, p. 46), мастер рыбных блюд из Олинфа, вторая четверть IV в. до н. э.

Фрагменты глубоких киликов датируются ранним IV в. до н. э. и относятся к числу работ мастера Мелеагра. На них изображение атлетов-палестритов с посохами и арибаллами в руках. Аналогии – как среди находок в самом Херсонесе (*Вдовиченко и др.*, 2019. С. 117–118), так и в других музеях, например килик из Британского музея F 121 (*Καθάριου*, 2002. Πιν. 43, Α). Также представлены сосуды, роспись которых, более грубоватая и схематичная, относится к числу работ мастера Q, датирующихся второй четвертью IV в. до н. э. Многочисленные аналогии известны из раскопок Херсонеса и Пантикапея (*Вдовиченко и др.*, 2019. С. 118–119). Фрагменты скифосов относятся к поздней группе Толстых юношей (F. B. Group), датируемой третьей четвертью IV в. до н. э. (*Moore*, 1997. P. 305).

Таким образом, состав расписной керамики из раскопок южного пригорода в сравнении с данными городища Херсонеса кажется более бедным и по количеству, и по типологическому составу. Это может быть вызвано двумя факторами: более низкая покупательная способность и скудость быта населения, проживавшего в этом районе города, и, может быть, некоторая поспешность производства работ, некачественная выборка материала. Все же раскопки дали интересные материалы: фрагменты панафинейских амфор, сосудов архаического времени, редкие для Херсонеса вазы «керченского стиля».

Список литературы

Вдовиченко И. И. Античные расписные вазы из крымских музеев: каталог. Симферополь: Сонат, 2003. 127 с.

Вдовиченко И. И. Панафинейские амфоры из Херсонеса. Новые находки и открытия // Ученые записки Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 1. С. 70–81.

Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // Stratum plus. 2011. № 3. С. 15–123.

Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического: из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь: Альбатрос, 2019. 147 с.

Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики IV в. до н. э., керченский стиль. М.: Олма-Пресс, 2000. 224 с.

Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford: Clarendon Press, 1963. LVI, 2036 p.

Boardman J. Corpus Vasorum Antiquorum: Oxford, Ashmolean Museum. Great Britain 14. Fasc. 3. London: Oxford University Press, 1975a. X, 76 p., 52 pl.

Boardman J. Athenian Red Figure Vases: The Archaic Period: a Handbook. London: Thames and Hudson, 1975b. 252 p.

Connor P., Jackson H. A Catalogue of Greek Vases in the Collection of the University of Melbourne at the Ian Potter Museum of Art. Melbourne: Macmillan Art Publishing, 2000. 208 p.

Hoffmann H. Sexual and Asexual Pursuit: A Structuralist Approach to Greek Vase Painting. London: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1977. V, 17 p. (Occasional Paper; no. 34).

McPhee I., Trendall A. D. Greek Red-figured Fish-plates. Basel: Vereinigung der Freunde Antiker Kunst, 1987. 171 p.

Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton: ASCSA, 1997. 438 p. (The Athenian Agora; vol. XXX).

Καθάριου Κ. Το εργαστήριο του Ζωγράφου του Μελεάγρου και η εποχήτου. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2002. 439 σ.

Οι Ολυμπιακοί Αγόνες στην Αρχαία Ελλάδα. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1982. 304 σ.

Рис. 1. Фрагмент стенки панафинейской амфоры (XT-21-P-2/1-13199)

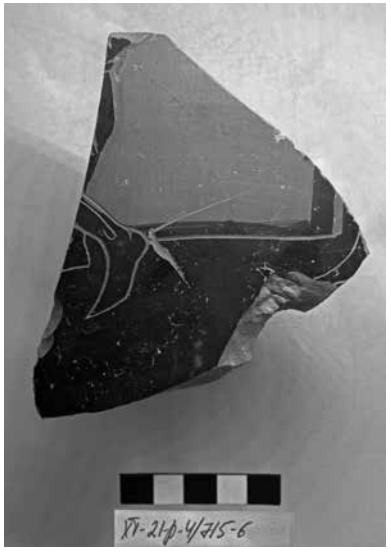


Рис. 2. Фрагмент стенки панафинейской амфоры (ВХ ЭФЗК-15672)

Рис. 3. Фрагмент горловины с изображением женской головки (XT-21-P-1) (ВХ ЭФЗК-20405)

Рис. 4. Фрагмент стенки пелики (ВХ ЭФЗК-15671)

Рис. 5. Фрагмент стенки кратера (ВХ ЭФЗК-15678)

Рис. 6. Фрагмент крышки леканы (ВХ ЭФЗК-21739)

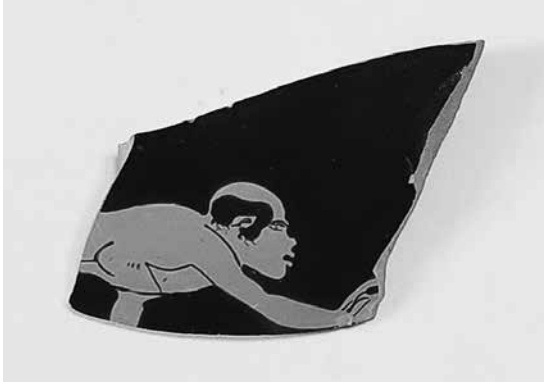


Рис. 7. Фрагмент щитка аска (ВХ ЭФЗК-15679)

Н. И. Винокуров
Московский педагогический государственный университет, г. Москва

ЦАРСКАЯ КРЕПОСТЬ АРТЕЗИАН НА СТЫКЕ ВАРВАРСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Городище Артезиан в центре одноименного урочища в степной зоне Крымского Приазовья непрерывно исследуется на протяжении почти четырех десятилетий (рис. 1–3). Впервые на это место обратил внимание В. Г. Зубарев в девяностые годы прошлого века, когда, сопоставив данные Клавдия Птолемея с современными картами, предположил наличие в центра урочища поселения Пароста, координаты которого оказались там, где еще никто не искал античные поселения. В 1986 г. во время успешной разведки ВКАЭ на холме между двух глубоких балок было обнаружено городище, хорошо читаемое в рельефе, с четырьмя мощными зольниками. По его границам проходили грунтовые дороги, склоны которых были обильны подъемным материалом первых веков н. э. Шурфовка в центральной зоне показала наличие мощного культурного слоя. Название памятнику присвоили по урочищу. С 1988 г. раскопки сначала Артезианского отряда ВКАЭ, а потом и ААЭ ежегодно удивляют необычными для сельских территорий Боспора находками. Среди них уникальные лапидарные документы, один из которых, кажется, сохранил часть древнего имени городища, не совпадавшего с предполагаемым.

Мощность культурного слоя памятника достигает пяти-шести метров в центральной части и двух-трех – на периферии. Обращают на себя внимание четкая планиметрия большинства построек и многоуровневое их расположение. Но самым значимым открытием явились остатки пожаров, связанных с боспоро-римской войной 44/45–49 гг. Дата фатального штурма городища, в котором погибли сторонники мятежного царя Митридата III, датируется осенью 46 г. н. э. В этой связи, а равно и согласно с другими наблюдениями, находками и открытиями актуален вопрос о возможном статусе данного городища Артезиан.

Обычно представлялось, что все боспорские царские крепости были подобны друг другу по уровню материальной культуры и благосостоянию жителей, архитектуре, планировке, целям использования и задачам обороны. Однако после находок на южном теменосе Артезиана эта точка зрения изменилась. По-видимому, среди царских укреплений были заметно выделявшиеся, более статусные объекты, что следует из посвятительной надписи Фарнака, найденной в 2023 г.

Конечно, монументальная архитектура городища Артезиан, особенно фортификация акрополя, тщательность, продуманность и выверенность всех планировочных строительных решений при его устройстве, невероятные финансовые и трудовые затраты центральной власти в ходе сооружения террас, жилых кварталов, зданий с ордерными элементами, частое использование привозного мрамора очень рано выделили памятник среди других археологических объектов и позволили с весьма достаточными основаниями считать его не простой крепостью, а *царской резиденцией*, где находился наместник, который контролировал государев домен, выходивший на западе к Казантипскому заливу Азовского моря. Где-то там располагался в древности и важный порт. По направлению к нему направлялась от Пантикапея «царская дорога», проходившая от старых прибрежных районов Боспора к новым осваиваемым территориям и гаваням (рис. 1). Она, как показывает аэрофотосъемка, следовала по самому краткому пути точно через городище Артезиан, куда сходился целый узел других важных боспорских коммуникаций, направлявшихся от городища Савроматий до Зенонова Херсонеса, от Илурата – Михайловки – Тасуново до Сююрташа, Куль-тепе и Салачика. Все древние дороги достаточно хорошо фиксируются данными высотных аэрофотоснимков и дронами. Они отчасти совпадают с направлениями современных грунтовых дорог, проходящих по наиболее удобным местам, хорошо освоенным местным населением еще с эпохи камня и бронзы.

На протяжении всей истории Боспорского царства городище Артезиан не теряло своей значимости для боспорских династов. Даже после серьезных природных и антропогенных катастроф, приводивших его крепостные сооружения и жилые кварталы в руинированное состояние, все восстанавливалось, вплоть до III–IV вв. н. э. Причем объем и масштабы реконструкций показывали непосредственное участие государства, военных инженеров и опытных архитекторов, которые учитывали все топографические нюансы местности и не скупились на расходы, достигая некоторой экономии за счет разобранных разрушенных укреплений и построек. Черепичная кровля, иногда даже каменная, ордерная архитектура, правильная

планировка, подчиненная сторонам света, мощные фундаменты крепостных стен и башен, царский дворец, наличие северного и южного теменосов с храмами дорического ордера, беломраморные алтари в ионическом стиле, пышные украшения храмов, избыточные для рядовых поселений, мраморная скульптура и барельефы, дренажи под всеми постройками, раскрашенная известняковая штукатурка, посвятительные и строительные надписи, дорогостоящие склепы некрополя и заказные надгробные памятники с эпитафиями – показатели особого отношения царской династии к городищу, больших ресурсных вложений в его развитие, проживания здесь хорошо обеспеченной боспорской элиты. Небольшой полиэтничный военный гарнизон царских катойков, состоявший из эллинов, иранцев, фракийцев и адыгов, объединенных царской властью при помощи центрального управления, единого древнегреческого языка, олимпийского религиозного пантеона, принимал участие в пока неизвестных нам судьбоносных для Боспора баталиях с варварами. Как свидетельствует надпись Фарнака, под Артезианом сражались и боспорские цари, где им угрожала реальная опасность для жизни. Неслучайно в этой связи и название основного храма Зевса Генарха и Сотера, устроенного на южном теменосе городища.

Важно отметить, что глобальные перепланировки, которые затрагивали всю площадь городища, не выходили за изначальную основную жилую и хозяйственную зону природного холма и его террасированных склонов, ограниченных балками: расширялся, по-видимому, с течением времени только некрополь, последовательно занимая различные прилегающие к городищу равнинные участки урочища. Раскопки показали, что в начальный период освоения урочища боспорскими царями здесь доминировали дубовые леса, которые к I в. н. э. сменились пашнями, виноградниками и садами с множеством мелких усадеб и поселений. Такой окультуренный ландшафт представлял собой дополнительные препятствия для противника, который мог прорваться к городищу со стороны Асандрова вала.

В урочище Артезиан противостояние с варварами вблизи пограничных окраин государства было вполне ощутимым, особенно в первые века н. э. Археологические свидетельства противостояния античной цивилизации и варварства на боспорском пограничье вполне очевидны для понимания того, в каких направлениях происходил этот процесс, начиная от военного захвата плодородных земель с природными ресурсами боспорскими царями у варваров и до постепенного и планового насаждения крепостей и оборонительных линий на самых опасных направлениях движения варваров, контроля за их пересечением на укрепленных переходах, создания

сигнальной системы оповещения между всеми оборонительными сооружениями, которые находились в прямой видимости друг от друга. Процветание царского домена и рост его доходов, получение сверхдоходов от монополии на внешнюю торговлю, контроль сухопутных и морских коммуникаций позволяли боспорским владыкам содержать на постоянной основе наемные войска из варварского и эллинского окружения Боспора и привлекать их к колонизационному поступательному движению, обустройству оборонительных и поселенческих структур в важных экономических районах, приспособленных для устойчивого хлебопроизводства, скотоводства, виноделия и рыболовства. В результате эллинизация и варваризация Боспора – два взаимодополняющих процесса – удачно учитывались боспорскими династами в государственном строительстве, что на примере городища Артезиан вполне впечатляюще по результатам. Возможно, в экономическом освоении новых земель принимало участие и автохтонное местное население, в той или иной степени приводимое в зависимость в ходе боспорского продвижения в лесостепные пространства, как это было принято и у других греков на колонизируемых территориях.

На этих пограничных с варварским миром плодородных землях Восточного Крыма противостояние с внешними пришлыми варварами было ощутимым во все исторические периоды Боспора. На самой заре колонизационного освоения в урочище на постоянной основе продолжало жить аборигенное население, которое постепенно ассимилировалось, размывалось пришельцами и царскими военными поселенцами, но его присутствие продолжало улавливаться еще много столетий. Крепость, поставленная на стыке дорог, была удобным местом и для торжищ, краткого отдыха торговых и военных караванов. Очень приспособленное для обороны место на мысу, на самом возвышенном холме, с которого видны были все окрестности артезианской балки вплоть до казантипского побережья Азова, городищ Багерово-Северное, Маяк, было сразу оценено царскими фортификаторами и архитекторами. Отсюда было хорошо следить за всеми варварскими передвижениями по грунтовым коммуникациям, собирать налоги, выполнять контроль за сбором урожая в царских хозяйствах урочища и прилегающих районов, оперативно перебрасывать мобильные конные и пешие воинские контингенты в любую сторону Боспора, где была необходимость защиты территории. Первостепенное значение данного населенного пункта как нерядовой боспорской военной крепости не оспаривается, но следует обратить внимание и на его религиозную значимость как для царствующей династии митридатидов, так и для населения государства. Наличие

собственного производства памятных поделок в виде терракотовых статуэток богов: Деметры, Коры, Кибелы, Афродиты, Эрота и Ариадны, Диониса и его свиты, праздничных дионисийских процессий с жертвенным быком, всадника – конного героя в сюжете божественной охоты в галопирующем и статичном виде, Приапа, Аттиса, Гермеса и других божеств показывает, что святыни городища, возможно, являлись общебоспорскими и привлекали паломников, посещавших Артезиан как чтимый религиозный центр, связанный и с почитанием обожествленных боспорских царей и героев.

Наличие здесь храмовых комплексов на двух теменосах, где один из храмов под покровительством Зевса Генарха и Сотера, скорее всего, выполнял функции почитания в этой центральной божественной ипостаси обожествленных боспорских владык, что вполне укладывается в определенную мировоззренческую схему идеологического сакрального духовного надзора за ключевыми территориями царского домена.

Итак, необходимо обратить внимание на месторасположение городища, которое с самого начала греки, опытные фортификаторы, превратили в крупную крепость, закупорив тем самым возможность свободного передвижения подвижных варварских соединений по удобным дорогам в сторону Пантикапея. С этого момента все опасные направления для вторжения в центральную зону Боспорского царства по южному и северному склону урочища контролировались боспорской пограничной конницей и крепостной пехотой, наиболее уязвимые участки для внезапного варварского прорыва после основания городища оказались перекрыты.

Место это, скорее всего, еще с эпохи камня или бронзы использовалось в качестве хорошего природного убежища, что доказано и нашими находками этого периода. В 2024 г. в котловане выборки башни поздней цитадели был обнаружен и фрагмент расписного фригийского кратера, ориентировочно датируемый VIII–VII вв. до н. э. (рис. 4)[1]. Точных соответствий среди боспорских материалов, в том числе и самых ранних,

[1] Его венчик трапециевидный в сечении, со скругленными краями, имел ровную площадку, расписанную тонкой кистью коричнево-бурой охрой в виде геометрической решетки. Сюжет росписи с внешней стороны черепка более выразительный. Здесь роспись выполнена между тонкими горизонтальными полосками и точечными поясками в виде растительных завитков или морских мотивов с точками и геометрическими штриховками внутри фигур, по стилю напоминавших известные критские морские мотивы. К сожалению, фигуры сохранились частично и детальной реконструкции пока не подлежат. Краска по поверхности нанесена уверенными длинными мазками более толстой кистью, чем на площадке венца. Она довольно густая, имеет аналогичную коричнево-бурую охристую основу. Глина изделия розовато-коричневая, довольно тонкая, с небольшим содержанием песчаных фракций, его поверхность хорошо заглажена, возможно, ангобирована.

не найдено. Не исключено, что параллели этой находке нужно искать среди образцов не протогреческой и греческой архаической посуды, а в круге фригийских расписных керамических древностей. Скорее всего, она не связана с городищем и происходит из разрушенного варварского погребения (кургана?) курганного и грунтового могильника эпохи средней и поздней бронзы, которые были обнаружены в конце 90-х гг. прошлого века северо-восточнее городища. Рядом располагалось и поселение эпохи бронзы. Впрочем, не исключено, что этот фрагмент может фиксировать *самый ранний этап колонизационного освоения* Восточного Крыма выходцами из Малой Азии.

Поразительно, что, несмотря на все изменения ландшафта и античные перепланировки, на вершине артезианского холма сохранился и самый ранний клад палеолитических орудий эпохи ашель. С самого начала освоения человеком урочища это была не просто топографически привлекательная зона для обзора, охоты и обороны, но и важная с ритуальной точки зрения возвышенность, с которой читались все возможные окружающие пространства на десятки километров. Конечно, значимость владения ею для обеспечения сакрального доминирования несомненна. Таким своеобразным способом магического закрепления территории для древних были особые ритуалы, жертвоприношения животных и людей, особых предметов, наделенных обереговыми функциями, например надписей из некрополя и храмов, устройство алтарей, ботросов и святилищ хтоническим богам, героям и высшим силам, чтобы маркировать зону определенного духовного противостояния с варварской стихией хаоса, оставить за собой стратегически важную территорию как область своего цивилизационного превосходства. С религиозной точки зрения, наверное, было не менее важно не только оградить все ценное для комфортной жизни крепостными стенами, башнями и рвами, но и выделить их особым обрядовым образом. Именно поэтому на артезианском холме такая необычная концентрация жертвоприношений на единицу площади, особенно в пределах акрополя, совершенно превосходящая обыденное понимание этого явления, начиная от эпохи камня, античного периода и до средневековья. Артезианское священное возвышение оказалось долговременной контактной зоной между варварством и цивилизацией, границей между инфернальным миром и миром реальным. Первый чтимый античный героон на городище появляется на городище, по-видимому, в IV в. до н. э., на три столетия ранее, чем были построены крепость и царский дворец царя Митридата Диониса. В этот период в урочище наблюдается внезапное проникновение и оседание на землю каких-то

кочевых групп, оставивших после себя большие эллинистические селища с иррегулярной планировкой. На терасированном артезианском холме к тому времени размещалась обширная усадьба правильной планировки, не исключено, что царской принадлежности. Тогда же произошло и какое-то событие, важное и памятное для боспорской династии. Возможное свидетельство тому было обнаружено в более позднем сгоревшем герооне ранней цитадели. Среди множества ювелирных изделий, золотых и серебряных монет, дорогой серебряной и бронзовой посуды I в. н. э. погибшей семьи наместника крепости оказались весьма важные статусные артефакты, заметно выпадавшие из набора известных предметов времени боспоро-римской войны, – эллинистический бронзовый шлем аттического типа, железный кавалерийский меч, костяные псалии (аналогии последним характерны для варварской конной упряжи и хорошо известны по степным погребальным комплексам IV в. до н. э.). Это были трофеи, знаки почитания, либо подношения, хранившиеся как памятные святыни в герооне на верхних этажах сгоревшего башнеобразного здания ранней цитадели. Они на четыре столетия отдалены от датировки множества находок из слоя пожара. Такие знаки собственности древнего героя, чудом уцелевшие вместе с золотом, драгоценностями и другими сокровищами после испепеляющего пожара 46 г. н. э., донесли до нас отголоски какого-то другого драматического события, скорее всего связанного с самой ранней битвой со скифами или какими-то другими номадами, в которой прославился предок или родственник боспорских династов, возможно – местный уроженец или первовладелец артезианского укрепления.

Не менее яркими свидетельствами драматического сакрального и боевого противостояния степных кочевников и боспорских военных поселенцев, мира варваров и мира цивилизации, явились в разновременных могилах на артезианском некрополе убитые и похороненные люди со смертельными травмами боевого характера. В ожесточенных схватках с неприятелем получали раны и лошади. В захоронениях на костяках зафиксированы боевые повреждения костей в области головы, шеи и груди от пик и копий, иногда очень тяжелые. При этом травмированные лошади не добивались, а лечились, выхаживались, тогда как раненые воины чаще не выживали. От периодических набегов варваров в первые века н. э. страдали и пасущиеся в пределах Артезиана домашние животные. Необычное подтверждение настильного варварского обстрела открыто при исследовании оборонительного рва акрополя, где найдена лодыжка коровы или быка с застрявшим железным наконечником стрелы. Причем удар стрелы кинетически был

очень мощным, хотя сам трехлопастной наконечник отличался миниатюрностью. Крепкая кость была не только насквозь пробита, но и продольно им расколота. Множество других наконечников стрел и пращевые ядра концентрировались по всей территории городища, но особенно с северной стороны крепости, являя собой доказательства неоднократных вражеских штурмов и набегов на Артезиан. Их последствия по пожарам прослеживаются в культурных напластованиях городища, но не все из них хорошо удается понять и привязать по хронологии к событиям боспорской истории, как это получилось в случае с боспоро-римской войной.

Финальный акт противостояния варварства и цивилизации на закате боспорской государственности открыт на южном теменосе городища, где не позднее 310 г. н. э. был захоронен убитый сарматский всадник высокого ранга в окружении множества жертвенных ям и тризн. Но это были новые номады, не скифы времени Перисада и Фарнака, а скорее аланы, пришедшие на Боспор со стороны Перекопа. И они здесь, под Артезианом, также сражались с войсками боспорского царя или кем-то еще. Результатом противостояния оказались пышные похороны погибшего вождя, совершенные в непосредственной близости от фундаментов храма Зевса Генарха и Сотера и его жертвенников. При этом вполне осознанно использовались в магических целях надписи, надгробия, архитектурные элементы храма, голова, обломки рук и торса беломраморной статуи Зевса. Но после такого апогея в противостоянии варварства и цивилизации победа осталась за христианской Восточно-Римской державой, ставшей преемником поколебленного варварами Боспорского царства. Маркерами новой эпохи явились железный церемониальный крест с каплевидными окончаниями и глиняный штамп для просфор с изображением креста в виде четырех лепестков, небольшой христианский храм с баптистерием, выстроенный ниже руин храма Зевса на южном теменосе. Христианские древности найдены в поддерновом горизонте рядом с поверженными языческими святынями и погребально-жертвенным комплексом IV в. н. э.

Парадоксальная тысячелетняя преемственность священной территории городища вызывает много вопросов, но главное – идти от фактов и не стать заложниками каких-то надуманных концепций, тогда и статус Артезиана сделается более понятным.

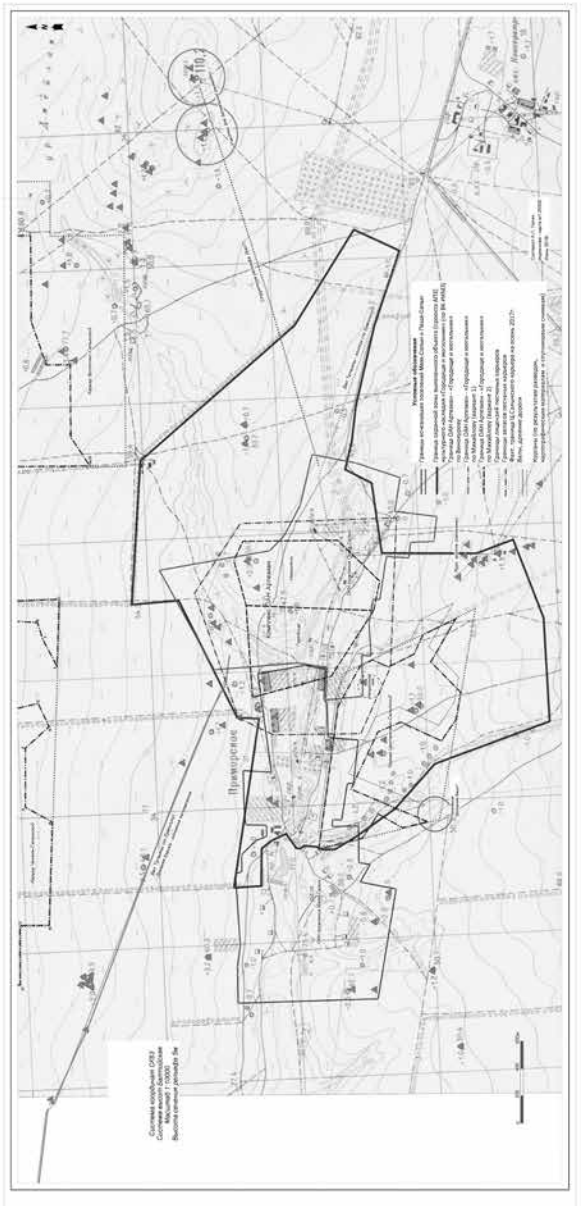


Рис. 1. Границы АПЗ и ВОАН «Городище Артезиан» и «Некрополь городища Артезиан» с указанием основных археологических объектов в его ближней округе

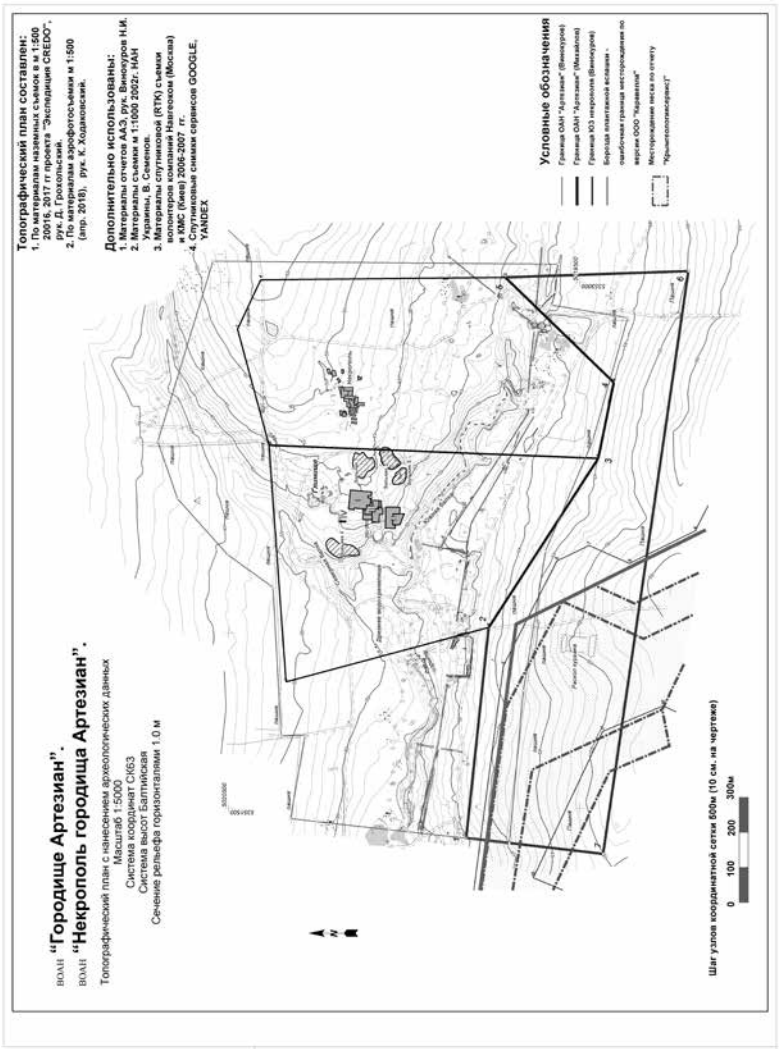


Рис. 2. Топографический план городища Артезиан и некрополя городища Артезиан, включая прилегающие территории (А. П. Пигин. «Кредо-Диалог». 2016–2022 гг.)

1

2

Рис. 3. Панорамы раскопов I–III городища Артезиан с высоты птичьего полета до начала работ 2021 г. (*1*) и после их завершения (*2*).
Вид с дрона с северо-востока и северо-востока-востока

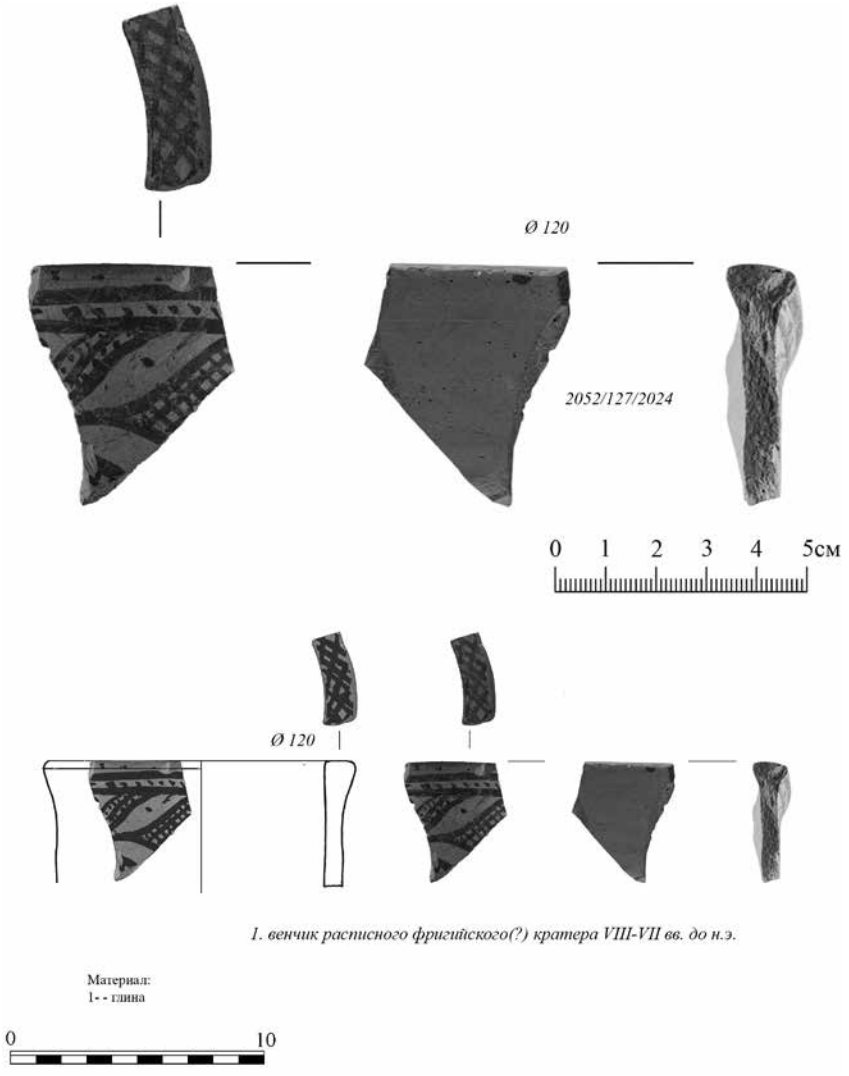


Рис. 4. Находка фригийского черепка из заполнения котлована выборки башни 4. Сырцово-щебенистая засыпь под затеком. Средний ярус (отметки –2,86–3,12). Северо-западная прирезка раскопа III 2024 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК

А. А. Внуков
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула

Л. Х. Алиева
МБОУ «Лицей № 1», г. Щёкино

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРАДИГМ В МЫШЛЕНИИ ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ТАВРИКИ В КОНЦЕ III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV В. (РИМ И ВАРВАРЫ)

Политические процессы в Европе с середины III – первой половины IV в. были во многом революционными. В Римской империи не только меняются форма правления и административное деление, но и заметно трансформируется духовная сфера жизни. С начала правления Диоклетиана в 284 г. вплоть до августовства Феодосия Великого решения многих императоров существенно отражались на внутренних процессах жизни государства, которые, в свою очередь, сказывались на внешнеполитической сфере.

Исходя из этого тезиса, примечательно рассмотреть место и степень заинтересованности римской администрации по отношению к Северному Причерноморью, в том числе и Крыма. В этой связи напомним, что в ходе так называемых скифских походов в III в. ряд городов Северного Причерноморья прекратили свое существование, а часть римских подразделений покинули Крымский полуостров. В середине III в. римские военнослужащие оставили Харакс и Херсон, а мыс Ай-Тодор заняли представители готского полиэтнического союза племен (*Айбабин*, 1999. С. 49; *Зубарь*, 2000. С. 198). Однако по данным эпиграфики, в период первой Тетрархии римские войска были вновь расквартированы в Херсоне и оставались там и в первой четверти IV в., соседствуя с некоторыми представителями сармато-иранского субстрата (*Айбабин*, 1999. С. 50).

Менее точно реконструируется история Боспорского царства, во многом из-за отсутствия письменных источников. Тем не менее исследователи не оставляют попыток дать свою интерпретацию истории царства в обозначенный период. Отдельно надо отметить работы А. И. Айбабина (*Айбабин*, 1999. С. 13–54), Н. Н. Болгова (*Болгов*, 1996. С. 28–38), В. М. Зубаря и В. Н. Зинько (*Зубарь, Зинько*, 2006. С. 214–226), С. В. Ярцева, В. Г. Зубарева и А. Ю. Бутовского (*Ярцев и др.*, 2015), которые основаны на комплексном анализе письменных и материальных источников. Н. Н. Болгов считает, что всю первую половину IV в., т. е. с того момента, когда Риму удалось пресечь претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике, Боспор находился под римским влиянием. Политика Радамсада (308–322) и Рескупорида VI (323–341/2?) была ориентирована на Рим (*Болгов*, 1996. С. 34–38). В. М. Зубарь и В. Н. Зинько считают, что в период правления этих царей серия херсонесско-боспорских войн, начатых в конце III в., продолжалась, а сами правители не стремились сотрудничать с римской администрацией (*Зубарь, Зинько*, 2006. С. 225). Однако согласно их мнению, на Боспоре находились силы, которые стремились к союзу с Империей, о чем может свидетельствовать сообщение Аммиана Марцеллина, что в 362 г. к императору Юлиану прибыли боспоряне с просьбой позволить жить в пределах своей земли (Amm. Marc. XXII, 7, 10) (*Зубарь, Зинько*, 2006. С. 226). Тем не менее, стоит согласиться с Н. Н. Болговым, всякие предположения здесь очень гипотетичны (*Болгов*, 1996. С. 35).

Отметим, что история Боспорского царства в монографиях Н. Н. Болгова, В. М. Зубаря и В. Н. Зинько рассматриваемого периода основана на анализе нумизматического материала и на сообщениях Константина Багрянородного о войнах Херсонеса с Боспором, которые в свою очередь базируются в некоторой степени на текстах Херсонесских исторических хроник. Скептически к этому письменному материалу относится А. И. Айбабин (*Айбабин*, 1999. С. 47–48). Основываясь на эпиграфических данных, конкретно на надписях КБН №№ 36, 64, 1051, 1112, а также анализе нумизматического материала, исследователь отмечает, что боспорские цари проявляли стремление показать свою связь с империей (Там же. С. 48).

Более детально события рубежа III–IV вв. рассмотрел С. В. Ярцев. Он в целом пришел к заключению, что сведения Константина Багрянородного хорошо вписываются в реконструкцию событий на полуострове. Более того, некоторые вопросы истории Северного Причерноморья позднеантичного периода находят свое объяснение, только если исходить из событий боспоро-херсонесского конфликта (*Ярцев*, 2010. С. 44). Говоря

о политике римских императоров в отношении Таврики, С. В. Ярцев отмечает, что при Константине I римское влияние в регионе было окончательно восстановлено. Однако реставрировать имперскую власть на полуострове было невозможно без предоставления особого статуса Херсонесу и союза с местными варварами. Если же конфликт Боспора и Херсонеса 327–329 гг. способствовал разрыву отношений с администрацией Константина, то начавшееся продвижение готов в Северное Причерноморье в 332 г. позволило боспорянам возобновить отношения с патроном, в результате чего были возобновлены римские выплаты Боспору как буферному государству (Там же. С. 34–46).

Безусловно, отсутствие достоверных письменных свидетельств существенно осложняет реконструкцию отношений Римской Империи с Таврикой. Тем не менее надо отметить, что этот регион являлся важным элементом в обороне римских границ в Северном Причерноморье. Потеря влияния на нем для римлян привела бы к усилению натиска варваров на дунайской границе, а вследствие появления врагов – у стен новой столицы. В период же первой Тетрархии такое положение дел осложнило бы кампанию Диоклетиана на Ближнем Востоке. В этой связи стоит напомнить, что военная политика Диоклетиана в целом была направлена на укрепления римских контингентов в пограничных крепостях. При всем этом эпиграфический материал из Аравии и Сирии показывает появление нового контингента боевых единиц Империи, сформированного из местного, т. е. локального компонента, так называемой equites promoti indigenae (*Мехамадиев*, 2019). Эти отряды представляли собой кавалерию местных варварских кочевых племен (Там же. С. 112; 118–119).

Вряд ли в Крыму была принципиально иная ситуация. Появление с IV в. в Херсонесе склепов с коротким дромосом (*Айбабин*, 1999. С. 49) позволяет говорить, что в городе с римскими войсками были размещены и союзные римской администрации аланы, возможно, выполняющие роль кавалерии, похожей на ту, которую сформировал Диоклетиан на Ближнем Востоке. В их задачу, как и у нобатов в Африке по отношению к Египту (*Глушанин*, 1985. С. 37), входило прикрытие подступов к Херсонесу.

Однако надо учитывать, что заигрывание с варварами не всегда приносило положительные плоды. В своей характеристике сарацин и гуннов Аммиан Марцеллин отмечал их природную необузданность и переменчивость (Amm. Marc. XIV, 4; XXXI, 2.11). Солдат Юлиана в целом негативно относился к союзным кочевникам-варварам (*Ермолова*, 2018. С. 194–206). Тем не менее мы должны констатировать, что союзные отношения

с племенами Барбарикума не всегда были долговременными: и если, скорее всего, Диоклетиан смог заручиться поддержкой алан в Таврике, то уже Константин столкнулся с принципиально иными проблемами. Императоры конца IV – середины V в. вынуждены были перезаключать договоры с варварами, идя на очередные уступки, что негативно сказывалось на экономике Империи. К примеру, известно, что ежегодные денежные выплаты гуннским вождям за несколько десятилетий в V в. выросли почти на 500 % (с 350 ф. в год в 420–430-х – до 2100 ф. в год к 448 г.) (*Внуков*, 2021. С. 168–173).

Устранить подобные негативные последствия можно было принципиальной сменой риторики в отношении варваров и переводом их из разряда socii (римские союзники) в федераты. Если судить по источникам, то неизвестно, когда возник термин «федераты». Впервые он упоминается в начале V в. в сочинении Олимпиодора Фиванского (Olimp. fr. 7) и относится к временам правления Гонория. Хотя Иордан отмечает, что уже при Филиппе (244–249) и Константине Великом союзные Риму готы именовались федератами (Iord. Get. 89, 112). В целом варвары-федераты не представляли собой покоренное или порабощенное племя, они соглашались служить Империи на основе договора, по которому император соглашался выплачивать им ежегодное жалование. Эти варвары подчинялись своим вождям и сохраняли свои традиции (*Скржинская*, 2017. С. 125). Исследователи склоны полагать, что политика договоров с варварами началась в 332 г., когда Константин заключил foedus с готами (*Глушанин*, 1985. С. 37; *Ермолова*, 2001). Однако Е. П. Глушанин утверждает, что на северных рубежах Империя имела только одних постоянных федератов – готов (*Глушанин*, 1985. С. 37). Нам подобный взгляд представляется упрощенным, т. к. готская экспансия в Северное Причерноморье представляла угрозу для буферных государств региона, в числе которых был Боспор. Вспомним вышеизложенный вывод С. В. Ярцева о налаживании отношений с Боспорским царством после того, как Константин отбил атаку германцев на дунайских границах в 323 г. (*Ярцев*, 2010. С. 34–46), а в последующие годы Константин укрепил фортификационные сооружения Дунайского лимеса. Уже в IV в. Дунай представлял собой постоянно охраняемый речной путь, укрепленный вереницей новых или обновленных рядовых и узловых фортификационных комплексов (*Воронова*, 2021. С. 30-31), и надо полагать, неслучайно.

Если судить по последующим событиям третий четверти IV в., можно с уверенностью констатировать, что готы были одной из главных угроз для Рима. Следовательно, в случае разрыва с ними отношений

и возможного военного конфликта римские императоры должны были обеспечить безопасность Херсону и другим городам Таврики. Для этого необходимо было заручиться поддержкой иных варваров, этими варварами могли быть уже упомянутые аланы.

Таким образом, на основе всего вышесказанного мы должны констатировать, что на рубеже III–IV вв. правители Римской империи проводили основательную политику по защите античных городов Таврики. Смена парадигмы мышления, согласно нашему мнению, в основном наблюдается в принципиально новом отношении к варварам-кочевникам сармато-иранского круга. Вероятно, в период правления Диоклетиана они были расселены около Херсона и в самом городе в качестве союзной кавалерии, тогда как Константин Великий, возможно, заключил с ними федеративный договор, пытаясь заручиться их постоянной поддержкой. Безусловно, данный тезис может подтвердиться или может быть опровергнут вследствие дальнейшего археологического изучения полуострова. Тем не менее такое положение дел нам представляется правдоподобным и требует дальнейшего критического анализа как письменных, так и материальных источников, в том числе и с городища «Белинское».

Список литературы

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. 180 с.

Внуков А. А. К вопросу о причинах возникновения военных конфликтов между гуннами и Восточной Римской империей в период правления Бледы и Аттилы // Византийский клуб: альманах. 2021 / под общ. ред. Н. Н. Болгова. Белгород, 2021. С. 168–173.

Воронова А. А. Особенности планировки церквей в укрепленных поселениях на дунайском лимесе // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. № 1 (16). С. 29–53.

Глушанин Е. П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // АДСВ. 1985. Вып. 22. С. 32–42.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // НИВ. 2001. № 2 (4). С. 22–30

Ермолова И. Е. Сарацины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43), ч. 2. С. 194–206.

Зубарь В. М. Римская крепость Харакс // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. № 4. С. 176–200.

Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. 2006. Вып. XII. 304 с.

Мехамадиев Е. А. Военная политика императора Диоклетиана (284–304 гг.) на ближневосточной границе Римской Империи: войсковые подразделения в контексте римско-персидского противостояния // ВДИ. 2019. № 79/1. С. 102–120.

Скржинская Е. Ч. Олимпиодор и его сочинение. Примечания // Олимпиодор Фиванский. История. СПб.: Алетейя, 2017. С. 83–224.

Ярцев С. В. Варвары Северного Причерноморья в борьбе Константина и Лициния // ПИФК. 2010. Вып. 4 (30). С. 34–45.

Ярцев С. В., Зубарев В. Г., Бутовский А. Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе): Монография. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. 544 с.

В. А. Горончаровский

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ИЛУРАТСКОЕ ГРАФФИТО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КАТАФРАКТАРИЯ (К 45-ЛЕТИЮ НАХОДКИ)[1]

Сорок пять лет назад в ходе раскопок боспорского города-крепости Илурат в одном из помещений дома[2] к югу от перекрестка двух главных улиц была сделана замечательная находка. Это обломок штукатурки красного цвета с процарапанным на нем изображением катафрактария (рис. 1), а такие сюжеты не так уж часто встречаются на памятниках античного времени. Рисунок, скорее всего, изображает владельца дома, несомненно, принадлежавшего к социальной верхушке города, в виде тяжеловооруженного всадника. Об этом свидетельствует тот факт, что в доме имелось специальное помещение для содержания верхового коня площадью 42 кв. м, большую часть которого перекрывала каменная вымостка со стоком для отвода нечистот. Здесь же находилась поилка с углублением, выдолбленным в верхней части крупного известнякового блока высотой 0,75 м.

Впервые граффито было опубликовано уже спустя три года после находки (*Шургая*, 1983. С. 98–100, рис. 4) и сразу привлекло внимание многих специалистов в области военного дела античного мира. Позднее более обстоятельному анализу в контексте изучения античной тяжелой кавалерии это открытие подверглось в статье, опубликованной автором совместно с В. П. Никоноровым (*Горончаровский, Никоноров*, 1987. С. 201–212). Конечно, предложенный тогда вариант реконструкции вооружения

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Этот самый крупный в крепости жилой комплекс площадью около 600 кв. м. объединил в результате перестройки не ранее конца II в. н. э. два прежде самостоятельных домовладения.

илуратского всадника не претендовал на исчерпывающую точность, оставляя возможность для дальнейших поправок. Появившаяся с тех пор новая археологическая информация, как и новые соображения по данному поводу, позволяют дополнить и исправить сделанные тогда выводы и уже на новом уровне знаний рассмотреть ряд затронутых в той статье вопросов.

В связи с этим стоит еще раз проанализировать все детали илуратского граффито. Прежде всего, отметим, что рисунок был нанесен на штукатурку уверенной рукой со знанием дела, о чем можно судить по целому ряду деталей. Например, как представлено устройство панцирного доспеха? Судя по всему, изображен укрывающий воина вплоть до щиколоток безрукавный длиннополый кожаный кафтан с глубокими разрезами спереди и сзади. На граффито весь он расчерчен горизонтальными полосами примерно одинаковой ширины[3]. Видимо, таким образом трактованы ряды нашитых с небольшим напуском прямоугольных металлических пластин. В данном случае наиболее подходящей аналогией являются изображения сарматских катафрактариев, облаченных в длинные панцири, на фреске из керченского склепа второй половины I в. н. э., открытого А. Б. Ашиком в 1841 г. (рис. 2). Они известны лишь по копии, выполненной художником А. М. Стефанским. В свое время М. И. Ростовцев высказался о ней достаточно критично: «...несомненно, общая композиция сцены зарисована правильно, но детали посадки, костюма и вооружения интерполированы неточным и невежественным рисовальщиком. Так, несомненной фальсификацией или интерполяцией является женская посадка и доходящий до низа ног панцирь-кафтан двух сражающихся рыцарей на правой части стены. Шлемы с обозначенными продольными и поперечными ребрами ясно показывают, что мы имеем здесь дело с обычным изображением боспорских всадников в яйцевидных решетчатых шлемах и длинных чешуйчатых панцирях» (*Ростовцев,* 1914. С. 352 сл.). Граффито из Илурата показывает, что в данном случае М. И. Ростовцев заблуждался. Единственное, в чем можно упрекнуть либо боспорского живописца, либо копииста, это разметка панциря наподобие «кирпичной кладки».

Но вернемся к изображению илуратского всадника. Если одну из полос на его панцире условно принять за пояс, то выше него таких полос 11, а ниже – 18. При средней длине тела взрослого мужчины от основания горла до талии около 45 см, получается, что примерные размеры видимой части панцирных

[3] Для более позднего времени такая манера передачи деталей панциря встречается у воинов, изображенных на раннесредневековых памятниках Центральной Азии, например, у тюркских всадников на хархадской писанице в Монголии, датируемой VI–VII вв. (*Новгородова, Горелик,* 1980. С. 101–112, рис. 6–9).

пластин (учитывая возможность наложения) составляют около 8 × 4 см[4], т. е. он был достаточно гибким для обеспечения подвижности корпуса воина. Добавляя реконструируемую по приведенным расчетам нижнюю часть панциря, получаем его общую длину – 1,2 м, что выглядит вполне реалистично.

Самые ранние изображения длинных пластинчатых панцирей, дающих прикрытие для таких уязвимых частей тела конного воина, как бедра и ноги, известны на монетах сакских правителей индоиранского пограничья I в. до н. э. – начала I в. н. э. Другое дело, что, будучи достаточно прочным, такой доспех ввиду своей тяжести не был широко распространен, и, видимо, попал в Северное Причерноморье через посредство очередной сарматской миграции из глубин Центральной Азии.

Возвращаясь к нашему граффито, заметим, что оборонительное снаряжение представленного на нем всадника, очевидно, дополнял шлем. И хотя верхняя часть рисунка не сохранилась, можно предположить, что голова илуратского воина была увенчана каркасным шлемом конической формы – наиболее распространенным типом боевых оголовий на Боспоре первых веков н. э. Наглядное представление об их конструкции дают находки из могильника первых вв. н. э. близ хутора Городского в Адыгее (*Сазонов*, 1992; *Сазонов и др.*, 1995. С. 113–137).

Наступательное оружие всадника из Илурата представлено только длинной пикой, а такой элемент вооружения, как длинный рубящий меч, отсутствует, но, по-видимому, автор граффито просто не удостоил своего внимания эту деталь, сконцентрировавшись на общей композиции рисунка.

Важным представляется вопрос о посадке илуратского всадника. Он запечатлен в момент атаки с развернутым левым плечом вперед корпусом и держит пику двумя руками. При этом в левой руке зажаты поводья, а правая согнута почти под прямым углом. Точно так же изображен шахиншах Ормизд II (300/301–307/308 гг.) на рельефе из Накше Рустама (рис. 3), где он наносит удар своему конному противнику копьем, направленным по диагонали над шеей коня, чтобы компенсировать отдачу при столкновении (см.: *Gall*, 1990. Taf. 3–12). М. Юнкельман, проводивший эксперименты с сарматским контосом длиной 4,5 м, пришел к выводу, что для оптимального использования его нужно направлять именно таким образом, держа правой рукой ближе к концу древка, а левой вместе с поводом приблизительно в 1 м от правой (*Симоненко*, 2002. С. 111).

[4] В данном случае за основу взяты размеры панцирной пластины из кургана № 55/14 Калиновского могильника (*Хазанов*, 2008. С. 132. Рис. 34, 13).

Существующее в научной литературе мнение о какой-то особой, «сарматской» посадке, заключавшейся в том, что всадник, держа пику обеими руками справа от корпуса коня, чтобы не вылететь из седла без стремян при встрече с неприятелем, поворачивал свой торс в три четверти левым плечом вперед, а ноги сгибал в коленях (*Блаватский*, 1949. С. 96–99; 1968. С. 44 сл.; *Перевалов*, 1999. С. 65–77), на мой взгляд, абсолютно несостоятельно. На самом деле, не имея стремян, воин в тяжелых доспехах с пикой в обеих руках, каким бы искусным в верховой езде он ни был, после столкновения с противником должен был либо бросить оружие, либо неминуемо оказаться на земле. Конный копейщик мог иметь в бою устойчивую посадку без стремян, только если имел седло с деревянной основой, дававшей упор сзади. Этому требованию соответствовали седла с четырьмя выступами по краям (т. н. «роговые), очевидно, восточного происхождения, которые начинают использоваться в античном мире уже с конца I в. до н. э. Долгое время вопрос о том, была ли у них твердая основа, оставался дискуссионным. Недавно окончательную точку в этом отношении поставила находка металлических обкладок «рогов» седла, в которых сохранились остатки дерева, при раскопках конюшни пригородной виллы в Помпеях[5].

Помимо всего прочего, тяжеловооруженным всадникам нужны были рослые и сильные кони. Ими могли обладать только очень состоятельные люди[6], к которым, безусловно, принадлежал владелец самого крупного из жилых домов, открытых в Илурате. Не исключено, что он командовал конным отрядом в составе гарнизона крепости. О его высоком статусе может говорить и такая деталь, как изображенная на граффито тремя вертикальными линиями стрижка гривы коня «городками». Эта традиция, возникшая в восточноиранском мире, распространяется вместе с аланами по мере их продвижения в западном направлении. Не исключено, что такими гривами отмечались лошади представителей кочевой элиты (*Раев*, 2009. С. 263–264). Росписи склепа Анфестерия и пантикапейских склепов 1872 г. и 1873 г. свидетельствуют о том, что этот обычай бытовал и на Боспоре.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть значение граффито из Илурата для изучения военного дела Боспора первых вв. н. э., поскольку оно

[5] Седло находилось рядом с останками породистого боевого коня с роскошной сбруей (https://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=976; дата обращения: 22.07.2023).

[6] Для сравнения: согласно эдикту Диоклетиана 301 г., стоимость кавалерийской лошади составляла 36000 денариев, что соответствовало 43 ауреусам (235 г золота).

в полной мере отражает реалии времени своего создания и дает достаточно оснований для графической реконструкции вооружения знатного боспорского воина (рис. 4)[7].

Список литературы

Блаватский В. Д. О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96–99.

Горончаровский В. А., Никоноров В. П. Илуратский катафрактарий // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.

Лурье Е. В. Шлемы из могильника у хутора Городской: поиск аналогий // VI международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 260–266.

Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 101–112.

Перевалов С. М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–77.

Раев Б. А. «Стриженые гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 260–271.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I (Текст). СПб., 1914. 537 с.; Т. II (Атлас). СПб., 1913. CXII табл.

Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Адыгея, 1992. С. 244–274.

Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп: Меоты, 1995. С. 113–137.

Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–121.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 294 с.

Шургая И. Г. Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. 1983. Вып. 114. С. 96–100.

Gall H. von. Das Reiterkampfbild in der Iranischen und Iranisch beeinflussten Kunst Parthischer und Sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1990. 108 S., 24 taf.

[7] Для реконструкции оголовья использован каркасный шлем, увенчанный заостренным навершием, из погребения 10 у хутора Городского (*Лурье*, 2013. С. 262).

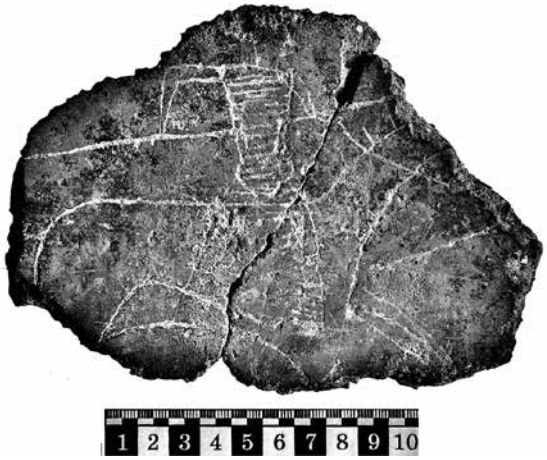


Рис. 1. Граффито из Илурата с изображением катафрактария

Рис. 3. Рельеф шахиншаха Ормизда II (300/301–307/308 гг.)
в Накше Рустаме

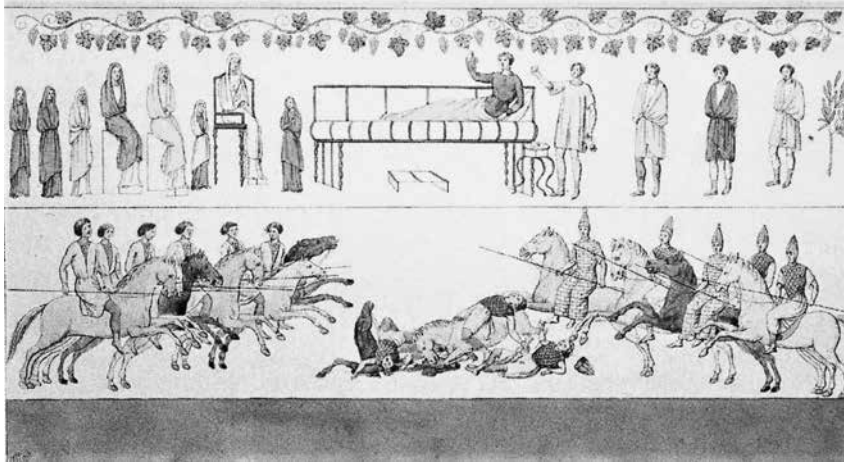


Рис. 2. Фрагмент настенной росписи с батальной сценой из склепа,
открытого А. Б. Ашиком в 1841 г.

Рис. 4. Илуратский катафрактарий. Реконструкция

Н. В. Ефремов
Независимый исследователь, г. Штральзунд (Германия)

А. Б. Колесников
Институт археологии РАН, г. Москва

Е. В. Болонкина
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

Οὐ παντὸς πλεῖν ἐς Κόρινθον[1]. К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С КОРИНФОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЛЕЙМЕНОЙ КЕРАМИКИ)

В своем пассаже о Коринфе Страбон (VIII. 20 (378C)) отмечает: «Гомер (Il. II. 570) называет Коринф «богатым» (Il. II. 570. Ср. Thuk. I. 13, 5; Athen. VI. 103 (272b)) из-за его торговли, так как он расположен на Истме и владеет двумя гаванями, из которых одна ведет прямо в Азию, а другая – в сторону Италии; это облегчает обмен товарами из обеих стран, столь далеко отстоящих друг от друга». В архаическую эпоху полис проводил активную колонизационную деятельность в Западном направлении (*Boardman*, 1980. P. 203, 210, 217 f.; *Salmon*, 1984. P. 209 ff.; *Stickler*, 2016. S. 74; *Жестоканов*, 1996. С. 90–92), соревнуясь там с фокейцами. В восточной Адриатике он основал в частности Левку, Амбракию, Керкиру (Herod. III. 48–53; VIII, 45; Thuk. I, 30, 2; 38, 1–3; II, 80, 3; VIII. 45; Plut. Timol. 15, 1; Ps.-Skyl. 34; Strab. VI. 2, 4 (269); X. 2, 8 (452); *Boardman*, 1980. P. 265 ff.; *Жестоканов*, 1996. С. 90–92), в Северной Эгеиде – Потидею (Nic. Dam. FGrHist 90, F 59,1; *Salmon*, 1994. P. 211 f.). Коринфяне стали первой морской державой в собственном смысле этого слова, активно борясь с пиратством (Thuk. I. 13, 2–5; *Strickler*, 2016. P. 72).

По словам Геродота (II. 167, 2), в Коринфе менее всего презирали ремесленников, и в унисон этому Пиндар (Od. XIII, 17) восхвалял их изобретательскую натуру. В соответствии с античной традицией (Plin. NH. VII. 57 (198)), именно там изобрели гончарный круг, и уже в архаический период художественная керамика этого центра наводняет рынки Средиземноморья, господствуя там вплоть до прим. 600 г. до н. э., когда ее вытеснила аттическая (*Salmon*, 1984. P. 109, 114). Однако едва ли можно брать керамику в качестве критерия при оценке торговой активности (*Cook*, 1959. S. 115).

Особой популярностью пользовались коринфские арибаллы, алабастры, котилы, пиксиды, кофоны, кратеры и др. В архаическую эпоху они экспортировались по всему античному миру, прежде всего в Западное Средиземноморье (*Boardman*, 1980. P. 194, 196, 199, 200–203 ff.; *Salmon*, 1984. P. 101, 106; *Zimmermann Munn*, 2003). В меньшей мере их завозили в Египет, Малую Азию и Причерноморье (*Boardman*, 1980. P. 142, 146, 244–266; *Salmon*, 1984. P. 109; *Борисковская*, 1966. С. 18; *Сидорова*, 1966. С. 233; *Корпусова*, 1987. С. 55–57). При этом арибаллы и алабастры использовались как вотивы (*Kurtz, Boardman*, 1971. P. 209). Из прочих изделий керамических мастерских славились черепица и архитектурные терракоты (*Payne*, 1931. P. 526–562; *Salmon*, 1984. P. 119, no. 22; *Брашинский*, 1966. С. 47–51; 1968. С. 260 сл., рис. 1, *1*; *Зеест*, 1969. С. 43 сл.). Кроме того, активно экспортировалась толстостенная керамика – лутерии и другие формы (*Зеест, Марченко*, 1962. С. 153 сл.; *Лейпунская*, 1987. С. 85–87), глиняные алтарики, грузила, подставки (*Брашинский*, 1968. С. 262 сл., рис. 1, *2*; *Зеест*, 1969. С. 43, прим. 12–13).

Важной отраслью экономики полиса являлось бронзолитейное и медное ремесло (Athen. V. 30 (199e); VI. 29 (236b); IX. 76 (488c); *Payne*, 1931. P. 349 f.): коринфские шлемы (*Snodgrass*, 1964. P. 27 f.), хотя они производились и не только там, вазы, статуэтки, треножники и котлы-каулдроны (*Payne*, 1931. P. 210–230, no. 11; *Vocotopoulou*, 1975. P. 784), гидрии (Athen. XI. 77 (488d)).

Особую славу стяжали себе коринфские медные блюда, в состав которых для придания им особого блеска добавляли золото и серебро (Athen. IV. 2 (128d); V. 30 (199e); Plin. NH. XXIV. 1, 3, 9 (55)). На Кипре они именовались ΙΣΘΜΙΟΝΑ (Athen. XI. 44 (472e)).

Из товаров, не фиксируемых археологически, славились коринфский парфюм (Plut. Timol. 14, 3; *Salmon*, 1984. P. 116, no. 3), ковры (Athen. I. 49 (27d)),

[1] «Не всякому (кораблю) плавать в Коринф». Zenob. Ath. 27; vulg. V. 37 = Strab. VIII. 20 (378C); Aristoph. F. 928 K-A (FrC 10/11. Bagordo): οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐκ Κόρινθον ἔσθ' ὁ πλοῦν.

длинные платья-каласиры (XII. 29 (525d)), плащи с пурпурной каймой (XIII. 45 (582d)). Далее следовали медикаменты (Plin. NH. XXIV. 69 (157)), яблоки (Athen. III. 22 (82b); Plin. NH XXIV. 42 (69)), редька (Athen. II. 48 (56f)).

Вино обладало низким качеством (Alexis, fr. 290 (Edmonds; Kock II. 401) = Athen. I. 52 (30f)) и сбывалось скорее там, где не было другого (*Salmon*, 1984. P. 126, 136). В то же время отмечалось высокое качество вин коринфских колоний – Левки (Athen. I. 52 (29a)) и Керкиры (Athen. I. 59b).

Различают три основных типа коринфских амфор: A, A´, B (*Koehler*, 1981. P. 449–458, pl. 98 f.; 1982. P. 284, 286, pl. 79; *Кёлер*, 1992. С. 265–268, 270–272) (рис. 1, *1*, *3*, *5*, *6*, *9*; 3). Сосуды последнего типа выпускались также на Керкире (тип B светло-желтой глины) (*Кёлер*, 1992. С. 266; *Kourkoumelis*, 1992. P. 42–46; 2019. P. 243–246) (рис. 1, *1*, *6*, *10*), и такой же тип с некоторыми вариациями производился в Великой Греции и на Сицилии, начиная с периода архаики и до конца III в. до н. э., что значительно затрудняет их конкретную локализацию (*Vandermersch*, 1994. P. 60; *Vanhove*, 2006. P. 118). Вплоть до второй половины IV в. до н. э. амфоры типов A и A´ формовались вручную (*Кёлер*, 1992. С. 266, 270).

Находки коринфских амфор известны по всему Северному и Северо-Западному Причерноморью с конца V в. до первой трети III в. до н. э. (*Зеест*, 1960. С. 71, табл. I, *5*; *Капошина*, 1959. С. 128, 132, рис. 29; *Брашинский*, 1970. С. 16 сл.; 1980. С. 29–30, табл. XXII, 7–10; *Лейпунская*, 1981. С. 54–55, рис. 7; 1987. С. 101). В базе амфор ИАКН[2] засвидетельствовано 5 целых или условно целых экземпляра: 2 – Пантикапей, 1 – регион Кубани, 1 – Гераклейский п-ов, 1 – Керкинитида (Ср. *Koehler*, 1981. P. 452, 457) (рис. 1, *5*). Кроме того, поступало какое-то количество импорта с Керкиры и Левки (Ps.-Arist. De mirab. ausc. 104 (839b); *Koehler*, 1981. P. 452; *Кёлер*, 1992. С. 272–274; *Jöhrens*, 1999. S. 296, AS97–100; *Vanhove*, 2006, 118, 120; *Kourkoumelis*, 1992. P. 47, figs. 6–11; 2018, P. 247–252; VRG_Folder_0581, 34[3]; *Στάικου κ.ά.*, 2014. Πιν. 207γ) (рис. 1, *1–2*; *11*). Товарами, перевозимыми в них, были вино и масло (*Koehler*, 1981. P. 449]. При этом тип амфор A предназначался, вероятно, для масла, а тип B – для вина (*Koehler*, 1981. P. 452; *Кёлер*, 1992. С. 277 сл.). Неясно, поступали ли товары Коринфа в Причерноморье напрямую (*Boriskovskaia*, 1967. P. 426–429) или через посредство восточногреческих торговцев (*Salmon*, 1984. P. 144). В пользу первого предположения

[2] Музейный каталог. База «Греческие амфоры с северных берегов Понта VII–II вв. до н.э.». https://ape.sgu.ru/Amphora/amphoraSearchForm

[3] Virginia R. Grace Papers // ASCSA. Archives and Personal Papers (Archaeology). https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid

свидетельствует экспорт зерна из Причерноморья (Herod., VII. 147, 2–3), хотя его основная масса, несомненно, шла с Запада (*Salmon*, 1984. P. 144). В любом случае экспортерами коринфских товаров не обязательно были сами коринфяне (Ibid. P. 101).

Клейма на амфорах и ткацких грузилах (*Merker*, 2006. P. 57–72) известны примерно с середины V и до начала III в. до н. э., с пиком в IV в. до н. э. (*Кёлер*, 1992. С. 271; *Vanhove*, 2006. P. 118). Как правило, это отдельные буквы, монограммы/лигатуры, эмблемы (VRG_Folder_0581, 34; *Adamsheck*, 1979. P. 26, 32–36, pl. 9–10; *Williams*, 1979. P. 135 f., nos. 60–62, pl. 51; *Koehler*, 1981. P. 455, 457, pl. 99i; 1982. P. 287 ff., 290–292, pl. 78; *Кёлер*, 1992. С. 269, 271, 277; *Vanhove*, 2006. P. 118, 120 f., 234; *Merker*, 2006. P. 110, fig. 71, *233*; *Ανδρέου*, 1990. Σ. 54–57). Имена малочисленны и известны только с типом амфор A’ (*Πανάγου*, 2010. B 2, 154).

В нашей коллекции присутствуют следующие варианты клейм Коринфа, Керкиры и Левки[4]:

1) одиночные буквы (рис. 1, *4*, *5*);

2) сокращения имен (?) до двух букв (рис. 1, *1*, *2, 3*);

3) буква и эмблема (рис. 2, *12*);

4) только эмблема (рис. 1, *9*, *10, 11*; 2, *13*);

5) монограмма / лигатура (рис. 1, *6*, *7*, *8*).

Этим, вне всякого сомнения, не исчерпывается материал Коринфа и его колоний в Причерноморье, и дальнейшие исследования, в т. ч. в музейных собраниях, позволят его существенно дополнить.

Список литературы

Борисковская С. П. Расписная керамика архаического Коринфа, ее художественное и историческое значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. 22 с.

Брашинский И. Б. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 47–62.

Брашинский И. Б. Материалы к изучению торговых связей Ольвии // СА. 1968. № 2. С. 260–264.

Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону (по материалам Елизаветовского городища и могильника) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 12–18.

[4] Благодарим А. А. Масленникова и В. С. Ольховского за предоставленную возможность опубликовать клейма (рис. 1, *1* и *5*) из их раскопок.

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.

Жестоканов С. М. Колонизационная политика коринфских тиранов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 1996. Вып. 2. С. 90–94.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М.: изд-во АН СССР, 1960. 178 с., XLI табл. (МИА; № 83).

Зеест И. Б. Архаическая импортная черепица Пантикапея // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 40–44.

Зеест И. Б., Марченко И. Д. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея // МИА. № 103: Пантикапей. М.: изд-во АН СССР, 1962. С. 149–165.

Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. № 69: Некрополи боспорских городов. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 108–153.

Кёлер К. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире: темат. науч. сб. / ред. В. И. Кац, С. Ю. Монахов. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1992. С. 265–283.

Корпусова В. Н. Коринфская керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 53–57.

Лейпунская Н. О. Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наукова думка, 1981. 120 с.

Лейпунская Н. О. Керамика. Лутерии. Амфоры // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 83–102.

Сидорова И. А. Коринфский килик из собрания ГМИИ // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 228–236.

Adamsheck B. Stamped Amphora Handles // Kenchreai. Eastern Port of Corinth. Vol. IV: The Pottery. Leiden: Brill, 1979. XIII, 146 p.

Boardman J. The Greeks overseas. Their Early Colonies and Trade / new and enl. ed. with 319 ill. London: Thames and Hudson, 1980. 288 p.

Boriskovskaya S. P. On trade connections between the Greek cities of the northern Black Sea coast and Corinth in the archaic period // WZ. Rostock. 1967. 16. Jhrg. Heft 7/8. S. 425–429.

Cook R. M. Die Bedeutung der bemalten Keramik für den griechischen Handel // Jahrbuch des DAI. 1959. Bd. 74. S. 114–123.

Jöhrens G. Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Mainz: Ph. von Zabern, 1999. XVII, 334 S., 4 Taf.

Koehler C. G. Corinthian developments in the study of trade in the fifth century // Hesperia. 1981. Vol. 50.4. P. 449–458, pl. 98–99.

Koehler C. G. Amphoras on amphoras // Hesperia. 1982. Vol. 51.3. P. 284–292, pl. 78–79.

Kourkoumélis D. Corcyrean Amphoras // ENAΛΙA ANNUAL 1990. 1992. Vol. II. P. 42–46.

Kourkoumélis D. Les amphores de transport et les timbres amphoriques de Corfou (Corcyre) // Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecs / eds.: N. Badoud, A. Marangou. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2019. P. 243–253.

Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. Ithaca: Cornell University Press, 1971. 384 p.

Merker G. The Greek Tile Works at Corinth: The Site and the Finds. Princeton: ASCSA, 2006. XIV, 185 p. (Hesperia Suppl.; 35).

Payne H. G. G. Necrocorinthia: a Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford: Clarendon Pr., 1931. XII, 363 p., 53 pl.

Salmon J. B. Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B. C. Oxford: Clarendon Press, 1984. XVIII, 466 p., 44 pl.

Snodgrass A. M. Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh: University Press, 1964. VI, 324 p.

Stickler T. Korinth und seine Kolonien: Die Stadt am Isthmus im Mächtegefüge des klassischen Griechenland. Berlin, 2016. 400 S.

Vandermersch Ch. Vins et amphores de grande Grèce et de Sicile. IV^{e}-III^{e} s. avant J.-C. / préf. de P. G. Guzzo. Naples: Publications du Centre Jean Bérard, 1994. 280 p.

Vanhove D. Thorikos. Graffiti, Dipinti, Stamps. Paris; Leuven: Peeters, 2006. XXII, 250 p.

Vocotopoulou I. Le Trésor de vases de bronze de Votonosi // BCH. 1975. N. XCIX. P. 729–788.

Williams C. K. Corinth, 1978: Forum Southwest // Hesperia. 1979. Vol. 48, iss. 2. P. 105–144.

Zimmermann Munn M. L. Corinthian Trade with the Punic West in the Classical Period // Corinth, the Centenary 1896–1996. Princeton: ASCSA, 2003. P. 195–217. (Corinth; vol. XX).

Ανδρέου Ι. Ελληνιστική κεραμική Λευκάδας // Β' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμεική. Αθήνα, 1990. Σ. 54–57.

Πανάγου Τ.-Μ. Η σφραγίση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων: Κέντρα παραγωγής και συνθετική αξιολόγηση. Τ. Α–Γ. Αθήνα, 2010. 930 σ., εικ., πιν., χαρτ., σχημ.

Στάικου Β., Γκιζά Β., Λεονταρίτη Κ. Ελληνιστική κεραμική από τη Λευκάδα. Στρώμα κατάχωσης κτιρίου στον πυρήνα του νότιου νεκροταφείου // Η' Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Αθήνα, 2014. Σ. 623–630.

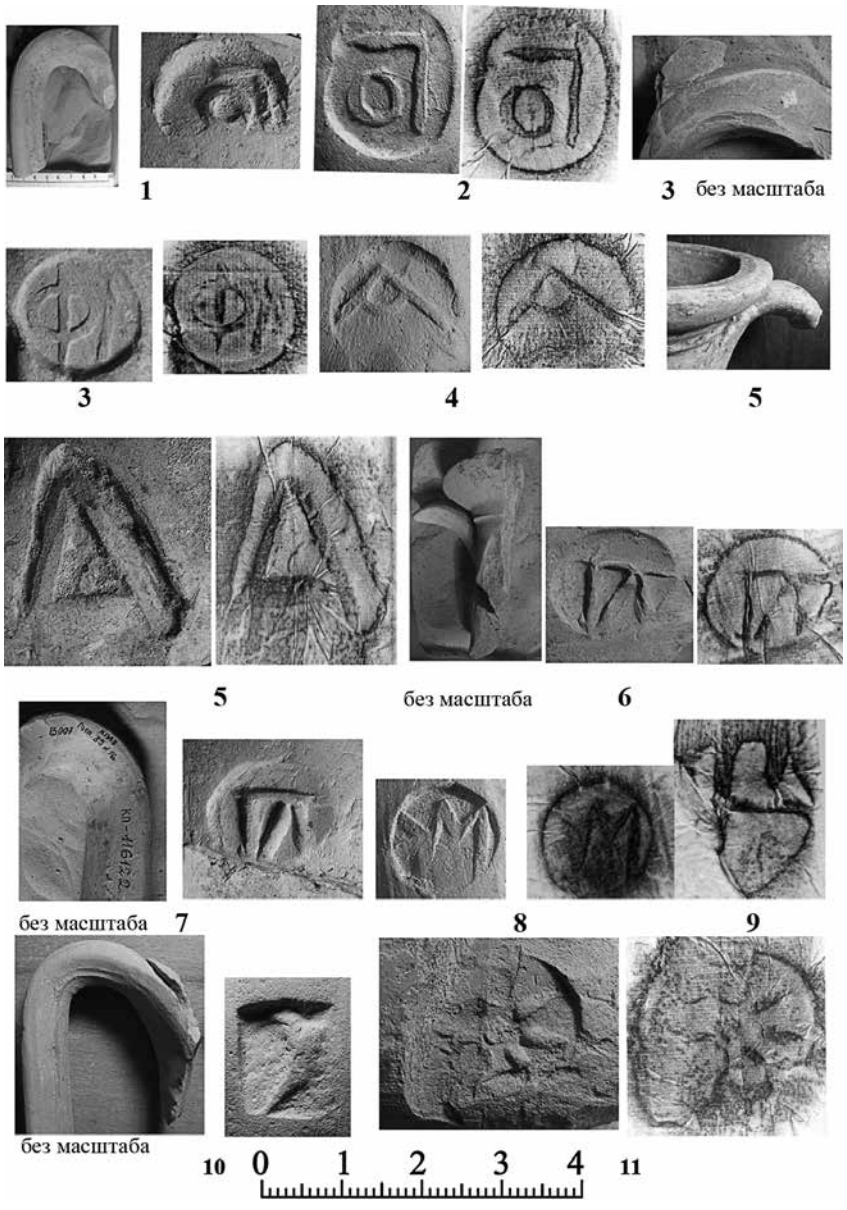


Рис. 1. Керамические клейма Коринфа:
1 – ВКИКМЗ, КП 16039 ККК 125920, ВКАЭ-1988, оп. 336 (Ср. *Jöhrens*, 1999. S. 296, № 4);
2 – ГИАМЗХТ, 15/36882, Херсонес-1972, Театр, Р. 1, слой 13, шт. 37; *3* – ВКИКМЗ, КП 85719 ККК 3679, Пантикапей и окрестности (Ср. *Kourkoumelis*, 2019. P. 250, fig. 22);
4 – ВКИКМЗ, КП 85812 ККК 3372, Пантикапей и окрестности; *5* – ВКИКМЗ, КП 189109, Ак-Бурун-2017, оп. 5; *6* – ВКИКМЗ, КП 116121 ККК 15006, Пантикапей-89, Р. «Госпиталь», № 15;
7 – ВКИКМЗ, КП 116122 ККК 15007, Пантикапей-89, Р. «Госпиталь», № 16;
8 – Фанагория-1977, Р. «Верхний город», пл. IV, шт. 23; *9* – Фанагория-1985, Р. «Южный город», кв. LXIV, шт. 8, яма 17; *10* – ВКИКМЗ, КП 88951 ККК 5516, Пантикапей-1941, оп. 44 (Ср. *Jöhrens*, 1999. S. 259, № 873; *Vanhove*, 2006. P. 120, fig. 405);
11 – ВКИКМЗ, ККК 15232, ЮБАЭ Кыз-аул-1990, п. м., № 68 (Ср. *Kourkoumelis*, 1992. P. 47, fig. 7; 2019. P. 249, fig. 15, p. 252, fig. 29)

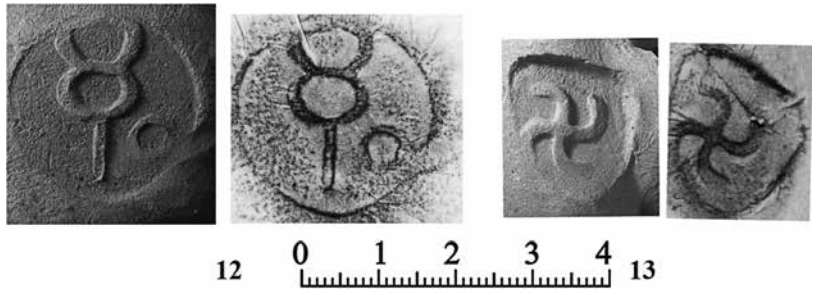


Рис. 2. Керамические клейма Коринфа: *12* – ГИАМЗХТ, 37001/15;
13 – Фанагория-1983, Р. «Южный город», кв. XIX, шт. 10, северная прирезка, объект 335

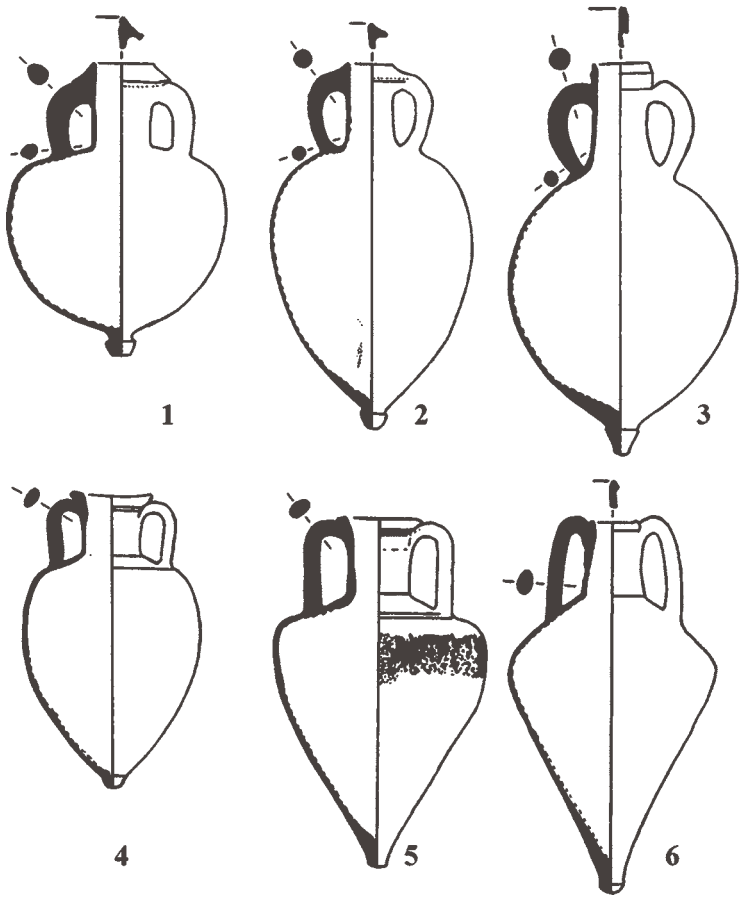


Рис. 3. Коринфские амфоры: тип А (*1* – 3-я четв. IV в.); тип А' (*2* – IV в.?, *3* – сер. III в.); тип В (*4* – сер. IV в.; *5* – 4-я четв. IV в.; *6* – сер. III в.) (по: *Кёлер*, 1992. Табл. 2–4)

Д. В. Журавлев
Государственный исторический музей, г. Москва

Н. В. Быковская
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ НА СВЕТИЛЬНИКАХ ТИПА LOESCHCKE VIII ИЗ СОБРАНИЯ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Самым распространенным типом римских осветительных приборов в Северном Причерноморье были краснолаковые светильники круглой формы. Впервые этот тип был выделен З. Лешке при публикации светильников Виндониссы (*Loeschcke*, 1919). На щитках этих светильников часто присутствуют различные изображения с мифологическими сценами. Ниже мы представляем небольшую подборку аналогичных светильников из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

1 (рис. 1, *1*). Светильник краснолаковый КС-2464 (Пантикапей, раскопки А. Л. Ермолина 2006 г.). Рожок короткий, сердцевидный, с округлым завершением. Плечи гладкие, покатые, отделены от вогнутого щитка двумя неглубокими бороздками. Ручка вертикальная, петлевидная, профилирована по центру глубокой бороздкой, изготовлена отдельно. В центре щитка – рельефное изображение крылатого Эрота (?) с виноградными гроздями, вправо. Глина красно-коричневая, лак красно-коричневый. Размеры: l – 2,2, d – 6,4, h – 2,0 см.

Рожок светильника – тип Loeschcke H, Cn. A1 по Д. Бейли (*Bailey*, 1988. Fig. 160). По форме тулова и рожка лампа напоминает книдские изделия (*Bailey*, 1988. P. 350, Q2834), но те изготавливались без ручек. Скорее, перед нами – причерноморское подражание. Известны изображения идущего Эрота, несущего перед собой некий предмет, например сосуд

(*Вальдгауер*, 1914. Табл. XXXVI, *354*) или раковину (*Bailey*, 1988. P. 12, fig. 15, Q3047). В Одесском музее хранится светильник из Ольвии с изображением Эрота с раковиной в правой руке и ножом – в левой (*Левина*, 1992. С. 33, табл. 4, *26,* № 26). Часто представлялся Эрот и с виноградными гроздьями, но в другой позе (*Thöne*, 2004. Taf. 16. Kat. 109; *Bailey*, 1988. Fig. 18, pl. 105, Q3109). II в. н. э.

2 (рис. 1, *2*). Светильник краснолаковый КС-235 (Тиритака, случайная находка в конце 1940-х – начале 1950-х гг.). Тулово округлое, со слегка вогнутым дном. Рожок короткий, имеет округлое завершение. Плечи покатые, гладкие, отделены от вогнутого щитка валиком. На щитке – рельефное изображение Эрота, обхватившего за шею животное. Ручка вертикальная, петлевидная, с желобком по центру. Глина красно-коричневая, лак красно-бурый, матовый. Размеры: l – 7,6, d – 5,8, h – 2,5 см.

Рожок светильника типа Loeschcke H, Cn. E1 по Д. Бейли (*Bailey*, 1988. Fig. 160). По форме лампа близка книдским светильникам, но имеет ручку. Хотя мы не нашли полностью идентичного сюжета, изображения крылатого Эрота с различными животными часто присутствуют на римских светильниках (*Bailey*, 1988. P. 15, fig. 17, Q1886; Q2282; Q2056 и др.). Например, на щитке кипрского светильника из Берлинских музеев изображен Эрот, обнимающий за шею льва (*Heres*, 1972. P. 22, Taf. 8, *42*); подобные лампы известны и на Кипре (*Oziol*, 1977. Pl. 14, *243–245*). На щитке светильника из Сен-Жерменского музея Эрот представлен с пантерой (*Bémont, Chew*, 2007. P. 59, 438, pl. 13, *D 30–IT 6*). II в. н. э.

3 (рис. 1, *3*). Щиток светильника КС-1264 из Мирмекия (раскопки В. Ф. Гайдукевича, 1958 г.). Рожок округлый, очерчен прямой чертой. Щиток вогнут, отделен от покатых плеч невысоким валиком и двумя врезными бороздками. В центре – изображение стоящего Гарпократа в головном уборе с рогом изобилия в левой руке. Глина светло-коричневая, лак коричневый. Размеры: l – 6,0, d – 5,4, h – 1,3 см.

Рожок светильника обломан, но, вероятно, он близок типу Loeschcke L1. Изображения стоящего Гарпократа с рогом изобилия присутствуют на светильниках египетского (*Bailey*, 1988. P. 24, 224; Q2043; Q2038; Q2082) и книдского (*Bailey*, 1988. P. 24, 338, pl. 78, Q2709) происхождения. Вторая половина II – первая половина III в. н. э.

4 (рис. 1, *4*). Светильник краснолаковый КС-58 поступил в музей в 1947 г. из Ивановского (бывшего Иваново-Вознесенского музея). Тулово округлой формы, с плоским дном, рожок короткий. Щиток заглублен, отделен от плеч едва различимой бороздкой; в центре щитка – рельефное изображение бюста

Сола–Гелиоса. Плечи горизонтальные, гладкие. Глина красно-коричневая, плотная, с мелкими включениями, на поверхности – незначительные остатки лакового (?) покрытия. Размеры: l – 6,5, d – 5,3, h – 1,7 см.

Рожок сильно затерт, но, вероятно, он имел округлую форму, близкую Loeschcke K Eph. A2 (*Bailey*, 1988. Fig. 161). Схожий сюжет есть на листовидном выступе ручки светильника из собрания Британского музея (*Bailey*, 1988. P. 17, fig. 19, Q1565, P. 163, pl. 4). Разнообразные изображения римского солнечного божества Сола–Гелиоса часто присутствуют на щитках античных и позднеантичных светильников (см. напр.: *Bernhard*, 1955. Tabl. LXXXIII, *302*; *Ponsich*, 1961. Pl. XVIII, *227*; *Perlzweig*, 1961. Pl. 37, *2367–2368*; *Bailey*, 1985. Fig. 7, *478*; *Bailey*, 1988. Pl. 102, *3067*; *Rodrígues Martín*, 2002. Lam. XVI, *67–71*; *Karivieri*, 1996. Pl. 47, *12*; *Böttger*, 2002. Taf. 74, *4469*; Lychnus et Lampas, 2006. P. 69; 122, N 180; и т. д.). Формы для их производства открыты в Афинах (*Perlzweig*, 1961. Pl. 45, *2875–2876*). Известна подобная иконография и на светильниках из Пантикапея (*Забелина*, 1992. Табл. VIII, *5*). О развитии этого сюжета подробнее см. (*Bonnet*, 1988. P. 28–29, fig. 4–5). Форма для светильника с подобной иконографией происходит и с территории Дакии (*Benea*, 2008. Pl. 8, *3a, 3b*). II–III вв. н. э.

5 (рис. 1, *5*). Светильник краснолаковый КС-783 из довоенных поступлений. Сохранился фрагмент (6,7 × 6,2 см) верхней части округлого тулова с гладкими покатыми плечами. Они отделены от вогнутого щитка валиком и двумя врезными окружностями. На сохранившейся части щитка – рельефное изображение кентавра в профиль вправо с рогом или факелом в правой вытянутой вперед руке. Глина светло-коричневая, плотная, лак красно-коричневый, с подтеками.

Ближайшая аналогия происходит из Херсонеса (*Вальдгауер*, 1914. С. 51, табл. XXXVI, *341*). Похожее изображение известно на светильниках из Марокко (*Ponsich*, 1961. Pl. VI, *53*), Афин (*Heres*, 1972. Taf. 36, *318*), Мериды (*Rodrígues Martín*, 2002. Lam. XXVII, *138*). Целый ряд изображений представляет кентавра в сходной позе, но с амфорой на плече (см. напр.: *Goethert-Polaschek*, 1985. P. 209, Motiv 54). Изображения кентавров с иной иконографией также известны в римское время (см. напр.: *Heres*, 1972. Taf. 53, *492, 496*; *Bailey*, 1988. P. 38, Q3252). Многочисленны изображения кентавра с лирой в руках и на щитках светильников афинского производства, изготовленных после разгрома 267 г. н. э. (последняя треть III – первая треть IV в. н. э. (*Böttger*, 2002. P. 130–131, Taf. 21). Датировка нашего фрагмента затруднительна в связи с его неполной сохранностью и базируется на датировке эрмитажного херсонесского светильника. II в. н. э.

6 (рис. 1, *6*). Светильник краснолаковый КС-1498 из Китея (раскопки Е. А. Молева, 1987 г.). Тулово округлое; дно плоское, очерчено врезной бороздкой. Рожок короткий, округлый. Плечи покатые, украшенные орнаментом в виде растительной гирлянды, отделены от вогнутого щитка врезными бороздками. На щитке – рельефное изображение головы Медузы (*Молев*, 2010. С. 220, табл. 77, *2*; 78, *3*). Ручка вертикальная, петлевидная, с глубоким желобком по центру. Глина светло-коричневая, плотная, лак красно-коричневый, с подтеками. Размеры: l – 7,8, d – 5,6, h – 2,5 см.

Рожок типа Eph. B1 (*Bailey*, 1988. P. 369, fig. 161). Аналогии известны в Херсонесе (*Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 102–103, N 53; *Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 116, табл. 49, *4*). Почти такой же светильник (но с ручкой, изготовленной в форме) хранится в Британском музее, причем Д. Бейли отмечал его неэфесское производство (*Bailey*, 1988. P. 377, pl. 102, fig. 42; P. 132, Q3060). Его датировка: время Траяна – Антонинов. Поскольку публикуемый светильник, возможно, является имитацией эфесского (?), дата его может быть шире – II в. н. э.

7 (рис. 1, *7*). Фрагмент краснолакового светильника КС-496 из Пантикапея (охранные раскопки В. П. Азаровой, 1957 г.). Сохранился щиток (5,6 × 5,6 см) с рельефным изображением идущей мужской фигуры с факелом в левой руке, правая – поднята вверх. Щиток отделен от плеч рельефной бороздкой, на плечах – нечетко оттиснутые овы. Глина светло-коричневая.

В собрании Государственного Эрмитажа известен близкий светильник, возможно, также происходящий из Керчи. О. Вальдгауер, ссылаясь на определение З. Лешке, трактует это изображение так: «Прометей приносит огонь смертным» (*Вальдгауер*, 1914. С. 51, табл. XXXV, *355*), но это также может быть и танцующий сатир с курильницей в руке (*Bailey*, 1980. P. 19–20). Светильники с такой иконографией найдены в некрополе поселения Артезиан (*Винокуров*, 2014. Рис. 94, *15*), а также известны в Античном собрании Берлинских музеев (*Heres*, 1972. P. 24–25, Taf. 10, Kat. 62), Британском и н. др. музеях (*Bailey*, 1980. P. 19, 162, fig. 17, pl. 11, Q868). Конец I – II в. н. э.

8 (рис. 2, *1*). Светильник краснолаковый КС-346 из раскопок В. В. Шкорпила на некрополе Пантикапея в 1914 г. Тулово округлое, дно плоское. Рожок короткий, сердцевидный, имеет округлое завершение. Плечи гладкие, отделены от вогнутого щитка неглубокими кольцевыми линиями и валиком, украшены нечетко оттиснутыми овами. Ручка вертикальная, петлевидная, профилированная бороздками, выполнена в одной форме со светильником. В центре щитка – изображение головы Силена. Глина коричневая, лак красный. Размеры: l – 7,0, d – 8,1, h – 2,7 см.

Рожок имеет форму Loeschcke H. Изображения Силена и других персонажей дионисийского круга часто встречаются на щитках светильников (см. напр.: *Bailey*, 1988. P. 8–9, fig. 13, pl. 99, Q3027–3028). Возможно, данный имеет эфесское происхождение. Вторая половина I – начало II в. н. э. (эпоха Флавиев – Траяна).

9 (рис. 2, *2*). Светильник краснолаковый КС-2466 (Пантикапей, раскопки А. Л. Ермолина, 2006 г.). Тулово округлое, с покатыми плечами, отделенными от вогнутого щитка рельефным валиком; дно плоское, обрамлено врезной бороздкой. На тулове сохранился «корень» сердцевидного рожка и вертикальной ручки. Плечики декорированы пояском врезных ов. В центре щитка – нечеткое рельефное изображение головы бородатого сатира влево. Глина красно-коричневая, с мелкими кварцевыми и известковыми включениями, лак красный, с подтеками. Размеры: l – 6,0, d – 6,0, h – 2,6 см.

Рожок, очевидно, сердцевидный – тип Loeschcke H или Cn. A2 (*Bailey*, 1988. Fig. 160). Качество оттиска не позволяет точно идентифицировать сюжет. Изображение бородатой головы (сатира?) влево известно на светильниках с территории Марокко (*Ponsich*, 1961. Pl. VI, *47*) и из Карфагена (*Deneauve*, 1969. Pl. XXXIV, *920*). Подобные изображения головы сатира влево были типичны для первых веков н. э. и часто фигурируют на серебряных сосудах; впоследствии их более грубые имитации появляются на краснолаковой керамике. II – первая половина III в. н. э.

10 (рис. 2, *3*). Светильник краснолаковый КС-79 (из довоенных поступлений в музей). Тулово округлое, со слегка вогнутым дном, очерченным сохранившейся местами врезной бороздкой. Рожок короткий, сердцевидный. Плечи покатые, гладкие, отделены от вогнутого щитка валиком и врезными бороздками. На сохранившейся части щитка – фрагмент рельефного изображения мужской фигуры (сатир?) в профиль влево с бурдюком на спине. Глина коричневая, лак коричневый, с подтеками. Размеры: l – 8,2, d – 6,6, h – 2,5 см.

Рожок типа Loeschcke H или Eph. D1, фланкированный с двух сторон оттиснутыми точками (*Bailey*, 1988. P. 369, fig. 161). Схожий светильник происходит из Херсонеса (*Вальдгауер*, 1914. С. 53, табл. XXXVII, *360*). За пределами Северного Причерноморья этот сюжет неизвестен. Кроме того, существует еще целый ряд изображений сатиров с различной ношей (см. напр.: *Leibundgut*, 1977. Taf. 32, *105–107*). Оригинальные светильники эфесского производства с ручкой, изготовленной в форме, датируются эпохой Флавиев – Траяна. Вероятно, публикуемый светильник может быть отнесен к первой половине II в. н. э.

11 (рис. 2, *4*). Светильник КС-237 из коллекции Д. Г. Бурылина, поступил в 1947 г. из Ивановского (бывшего Иваново-Вознесенского музея). Тулово округлое, плечи покатые, гладкие, отделены от вогнутого щитка валиком; дно плоское. На щитке – рельефное изображение сатира, держащего за рога козла, в профиль, вправо. Рожок короткий, округлый, ограниченный прямой линией. Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими светлыми включениями, пережженная, лак коричневый. Размеры: l – 7,5,d – 6,1, h – 2,4 см.

Рожок типа Loeschcke L1. Аналогичный светильник был куплен в Новочеркасске и хранится в собрании Государственного Эрмитажа (*Вальдгауер*, 1914. С. 53, табл. XXXVII, *359*). Еще один экземпляр, происходящий из Южной России, находится в Варшаве (*Bernhard*, 1955. Tabl. LXXVII, *282*); известен также светильник из Эфеса в Британском музее (*Bailey*, 1988. P. 9–10, fig. 13, pl. 103, Q3074). Датировка: II – начало III в. н. э.

Часто на светильниках изображались Пегас и грифон. Причем грифон отличается от Пегаса лишь наличием клюва и формой лап, что не всегда удается различить.

12 (рис. 2, *5*). Раскопки А. Л. Ермолина на ул. К. Маркса в Керчи в 2006 г., фрагмент светильника КС-2487 (6,6 × 5,5 см). Плечи покатые, гладкие, отделены от вогнутого щитка врезными линиями. Рожок короткий, округлый, очерчен прямой линией. В центре щитка – рельефное изображение грифона вправо. Глина красно-коричневая, с мелкими кварцевыми включениями, лак коричневый.

Рожок типа Loeschcke L1 или Eph. B1 (*Bailey*, 1988. P. 369, fig. 161). Изображение бегущего крылатого орлиноголового грифона встречается на щитках римских светильников достаточно часто (*Вальдгауер*, 1914. Табл. XIII, *150*; *Loeschcke*, 1919. Taf. XII, *470*; *Iványi*, 1935. Taf. VII, *1*; XLIV, *12*; *Menzel*, 1954. P. 33–34, Abb. 28, *1–2*, Nr. 133–134; *Leibundgut*, 1977. P. 152–153, Taf. 32–33, Motive 112, 115; *Oziol*, 1977. P. 93, pl. 12, *208–210*; *Rosenthal, Sivan*, 1978. P. 34, No. 125; *di Filippo Balestrazzi*, 1988. Vol. II, 2, tav. 39, *233*; *Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 45–46, табл. 14, *2*). Об иконографии см. (*Bailey*, 1980. P. 41–43, fig. 46; 1988, 41, fig. 52); иконография грифона в античном искусстве (*Delplace*, 1980). Светильники такой формы эфесского производства датируются эпохой Флавиев – Траяна. Датировка нашего экземпляра – II в. н. э.

13 (рис. 2, *6*). Светильник краснолаковый КС-1529 из некрополя поселения Зеленый мыс (раскопки А. А. Масленникова, 1988 г.) (*Масленников*, 2000. Табл. V, *1*). Тулово округлое со слегка вогнутым, очерченным врезной

бороздкой дном. Рожок короткий, сердцевидный, скруглен на конце. Плечи горизонтальные, украшенные оттиснутыми овами, отделены от вогнутого щитка валиком. На щитке – рельефное изображение скачущего Пегаса вправо, в профиль. Оттиск в районе головы нечеткий. Ручка вертикальная, петлевидная, с глубоким желобком по центру. Глина светло-коричневая, плотная, лак красно-коричневый, матовым, с подтеками. Размеры: l – 8,7, d – 6,2, h –2,3 см.

Рожок формы Eph. D1 (*Bailey*, 1988. Fig. 161). Изображения Пегаса широко представлены на щитках римских светильников (*Loeschcke*, 1919. Taf. XII, *469–470*; XIII, *610*; *Menzel*, 1954. P. 40–41, Abb. 32, *14–15*, Nr. 196–197; *Heres*, 1972. Taf. 21, *164*; *Farka*, 1977. Taf. 40, *439*; *Goethert-Polaschek*, 1985. P. 249, Motiv 164; *Rodrígues Martín*, 2002. Fig. XI, 141; и т. д.; *Joly*, 1974. tav. XIII, *376*). Об иконографии Пегаса на щитках светильников: *Bailey*, 1980. P. 41–42, fig. 45; 1988. P. 40, fig. 51 (с литературой). Этот сюжет достаточно часто присутствует и на светильниках Северного Причерноморья (см. напр.: *Вальдгауер*, 1914. С. 53, табл. XXXVII, *365–367*; *Крапивина*, 1993. С. 69, 121–122, рис. 72, *13*; Конь и всадник, 2003. С. 10–11, кат. № 5; *Хршановский*, 2011. С. 392–394, рис. 14, *1*; *Журавлев, Костромичев*, 2017. С. 145, табл. 14, *2*). Оригинальные эфесские светильники аналогичной формы датируются временем правления Флавиев – Траяна; наш может быть отнесен к первой половине II в. н. э.

Список литературы

Вальдгауер О. Ф. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 76 с.

Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007). Симферополь; Керчь: Оранта Арт Бук, 2014. 679 с. (БИ Suppl.; 12).

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р. Х. Лёпера в 1909–1910 гг. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. 183 с.

Забелина В. С. Античные глиняные светильники Пантикапея // Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 298–328. (Сообщения ГМИИ; вып. 10).

Конь и всадник. Взгляд сквозь века: выставка 21 марта – 29 сентября 2003 г. / науч. ред. А. П. Мошинский. М.: Гос. ист. музей, 2003. 64 с.

Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1993. 184 с.

Левина Э. А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н. э.). Одесса, 1992. 110 с.

Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 2000. Т. 3. 136–200.

Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. 316 с. (БИ Suppl.; 6).

Хршановский В. А. Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. 2011. Т. 15. 371–410.

Bailey D. M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. II. Roman Lamps Made in Italy. London: British Museum Publications Ltd., 1980. 458 p.

Bailey D. M. Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Vol. III. P. 2: The lamps. Tripoli: Department of Antiquities, Secretariat of Education, Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, 1985. 200 p., 19 fig., 39 pl. (Libya Antica Suppl.; V).

Bailey D. M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London: British Museum Publications Ltd., 1988. 560 p., 160 pl.

Bémont C., Chew H. Lampes en terre cuite antiques. Musée d'archéologie Nationale de Saint-Germain-en-Laye. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 2007. 580 p.

Benea D. Anonyme Herstellung von Lampen in der römischen Provinz Dakien // Lychnological acts 2. Trade and local production of lamps from the prehistory until the middle age: Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău – Cluj-Napoca, 13th – 18th of May 2006). Cluj-Napoca: Editura Mega, 2008. P. 33–40.

Bernhard M. L. Lampki starożytne. Warszawa: Sztuka, 1955. 384 c., [83] л. ил.

Bonnet J. Lampes céramiques signees. Définition critique d'ateliers du Haut Empire. Paris: Editions de la maison des Sciences de l'Homme, 1988. 224 p. (Documents d'archéologie française; 13).

Böttger B. Die kaiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos. München, 2002. 342 S. (Kerameikos; Bd. XVI).

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1998. 213 p., 56 p. il. (Studia archaeologica; 94).

Deneauve J. Lampes de Carthage. Paris: Editions du CNRS, 1969. 238 pp. 111 pl.

Delplace C. Le Griffon de l'archaïsme à l'époque imperial. Étude iconographique et Essai d'interprétation symbolique. Bruxelles; Rome: Institut historique belge de Rome, 1980. 370 p., 70 p. pl.

di Filippo Balestrazzi E. Lucerne del museo di Aquileia. 2. Lucerne Romane di età repubblicana ed imperiale. Aquileia: Associazione Internazionale per Aquileia, 1988. 786 p.

Farka Ch. Die römischen Lampen vom Magdalensberg. Klagenfurt: Verlag des Landesmuseum für Kärnten, 1977. 336 S., 82 Taf. (Kärntner Museumsschriften; 61).

Goethert-Polaschek K. Katalog der römischen Lampen des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz: Philipp von Zabern, 1985. 338 S. (Trierer Grabungen und Forschungen; 15).

Heres G. Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 112 S. (Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike; 3).

Iványi D. Die Pannonischen Lampen. Eine Typologisch-Chronologische Übersicht. Budapest: Sárkány-Nyomda Részvénytársaság, 1935. 351 p.

Joly E. Lucerne del museo di Sabratha. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1974. 223 p., 60 pl. (Monografie di archeologia libica; 11).

Karivieri A. The Athenian Lamp Industry in Late Antiquity. Helsinki: Tiedekirja, 1996. 328 p. (Papers and monographs of the Finnish Institute at Athens; 5).

Leibundgut A. Die Römischen Lampen in der Schweiz. Bern: Francke Verlag, 1977. 337 S.

Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich: Beer und Cie, 1919. 360 S., 23 Taf.

Lychnus et Lampas. Exhibition Catalogue / eds.: A. Isac, C.-A. Roman. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2006. 148 p.

Menzel H. Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Verl. d. Röm.-German. Zentralmuseums, 1954. 136 p. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum zu Mainz; Katalog 15).

Oziol T. Les Lampes du Musée de Chypre. Paris: de Boccard, 1977. 316 p., 60 pl. (Salamine de Chypre; VII).

Perlzweig J. Lamps of the Roman Period: First to Seventh Century after Christ. Princeton, 1961. 255 p, 54 pl. (The Athenian Agora; vol. VII).

Ponsich M. Les lampes romaines en terre cuite de la Maurétanie Tingitane. Rabat, 1961. 165 p. (Publications du Service des antiquités du Maroc ; fasc. 15).

Rodrígues Martín F. G. Lucernas Romanas del museo Nacional de arte Romano (Mérida). Madrid, 2002. 376 p. (Monografías Emeritenses ; 7).

Rosenthal R., Sivan R. Ancient Lamps in the Schloessinger Collection. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1978. 188 p. (Qedem; 8).

Thöne C. Die Griechischen und Römischen Tonlampen. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2004. 222 S. (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg; Band 5).

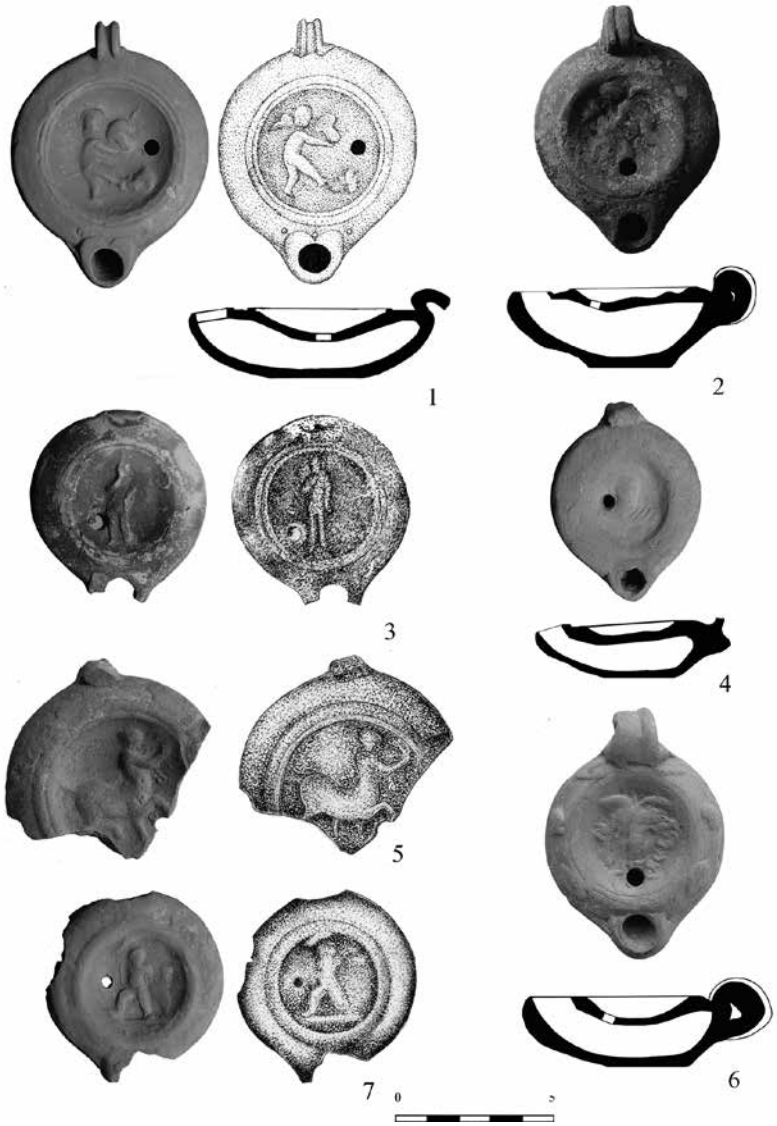


Рис. 1. Светильники и их фрагменты из собрания ВКИКМЗ:
1 – КС-2464; *2* – КС-235; *3* – щиток светильника КС-1264; *4* – КС-1264;
5 – КС-783; *6* – КС-1498; *7* – КС-496

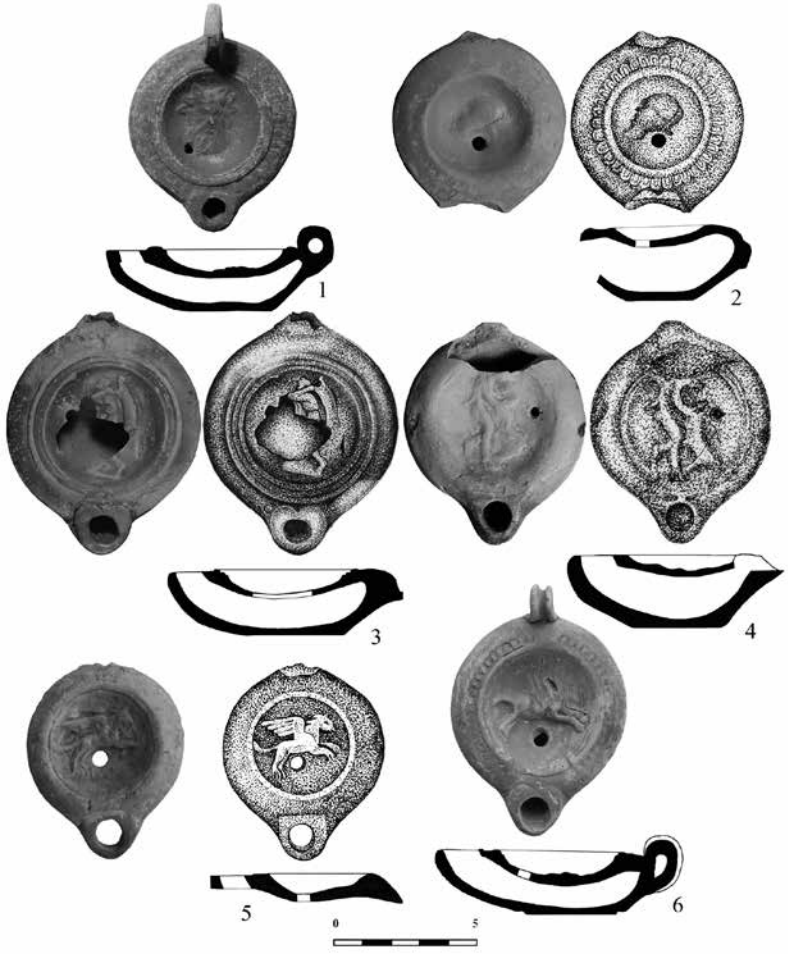


Рис. 2. Светильники и их фрагменты из собрания ВКИКМЗ:
1 – КС-346; *2* – КС-2466; *3* –КС-79; *4* – КС-237; *5* – КС-2487; *6* – КС-1529

Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», г. Симферополь

ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ МЕЛЕК В I–IV ВВ. Н. Э.: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2024 г.[1]

Остатки древних оборонительных сооружений на безымянной возвышенности у с. Некрасово (старое название – Мелек) впервые упомянул российский путешественник и ученый П. С. Паллас (*Паллас*, 1999. С. 112).

По результатам многолетних локальных археологических раскопок и шурфовок, сборов подъемного материала стало очевидно, что здесь представлен еще один крупный населенный пункт эллинистического и римского времени, расположенный в системе укрепленных поселений горного массива Кубалач (*Зайцев*, 2018. С. 210).

В 2024 г. Крымская Предгорная археологическая экспедиция проводила систематические археологические исследования в северо-западной части упомянутого горного массива, в окрестностях сел Пролом и Некрасово Белогорского района Республики Крым. Во время весенних и летних полевых работ были заложены шурфы на перспективных участках городища и поселения Мелек, исследована самая крупная башня цитадели и открыт прилегающий к ней с юго-востока узел обороны. По результатам зондирования и зачисток видимого на поверхности периметра цитадели составлен предварительный план укрепления с нанесением башенных выступов, конфигурации оборонительной стены и места расположения воротного проезда (рис. 1).

Цитадель была пристроена с северо-запада к единственному в этой местности скальному обрыву, на который с северной стороны выходят стены воротного комплекса, а с южной – сложный узел оборонительных

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01266, https://rscf.ru/project/24-28-01266/.

конструкций, состоящий из монументальной каменной башни с единственным внутренним помещением, имевшим выход на территорию цитадели, и участком стены, фланкировавшим скалу и переходящим здесь во вторую линию обороны (рис. 1, *1*). Ворота в крепость были устроены в северной части, их местоположение, помимо прочего, надежно установлено благодаря крупному известняковому блоку с остатками паза, который оформлял один из внешних откосов. Очевидно, что участок стены с воротным проемом был спланирован таким образом, что его прикрывали два фланкирующих выступа-бастиона, один из которых (северо-западный) был усилен башней. Общая протяженность оборонительных сооружений цитадели составляет приблизительно 126 м, внутренняя площадь – 1300 кв. м.

В качестве основной задачи 2024 г. было определено изучение башни-донжона цитадели. В целях обеспечения сохранности ее высоких стен было принято решение сделать акцент на раскопках ее внутреннего помещения, а периметр стен полностью открыть только сверху. Внешние же фасировки стен открывались небольшими участками и только в двух случаях были прослежены на всю сохранившуюся высоту, до материковой скалы. В результате была детально изучена конфигурация и планировка южного сектора обороны цитадели, получены первые данные о строительных периодах и хронологии городища.

Перед началом работ башня-донжон представляла собой высокий навал известнякового камня, поросший деревьями и кустами. В ходе выборки заполнения выяснилось, что внутренняя часть башни была полностью заполнена камнем с незначительной примесью темного и светлого гумусированного суглинка. В верхнем горизонте каменной забивки до отметки −1,2 м от верхней точки стен среди камней встречались многочисленные фрагменты черепицы и гончарных сосудов XVII–XVIII вв. – результат частичной ее выборки на камень в новое время. Начиная с отметки −1,5 м среди камней были многократно зафиксированы крупные куски полуразложившихся и зачастую обгоревших сырцовых кирпичей, отдельные прокаленные, обожженные и растрескавшиеся камни, крупные древесные угли.

Стены башни были сложены из крупных плит мшанкового известняка на глинистом растворе с применением мелких «расшивочных» камней и плиток (рис. 2). Прослежено от 7 до 14 рядов кладки, ширина (толщина) стен башни – 2,5 м. Размеры внутреннего помещения сооружения составили 6,1 × 7,5 м, по внешнему контуру – 10 × 11 м. Как показывает кладка вперевязь, башня была построена одновременно с главной крепостной стеной, достигавшей толщины 3 м. Пол помещения представлял собой утрамбованную подсыпку

из суглинка со щебнем, в восточной части примыкающую к частично стесанной естественной скальной ступени. В северо-восточной стене башни устроен дверной проем шириной около 1,5 м и протяженностью 3 м, с выходом через толщу основной оборонительной стены во внутренний двор цитадели.

Максимальная сохранившаяся высота стен башни-донжона составила 2,85 м, минимальная – около 1 м.

Наблюдения и визуальный анализ показали, что конструкция была задумана как многоэтажное сооружение, очевидно с боевой площадкой наверху. Высота первого, цокольного, этажа составила не менее 3 м.

Среди камней заполнения помещения башни-донжона постоянно фиксировались крупные фрагменты лепных лощеных и нелощеных сосудов, амфор и гончарных сосудов. Полноценных развалов сосудов, за исключением половины лепного горшка, на полу обнаружено не было. Все эти наблюдения позволяют предполагать, что практически все керамические сосуды находились в верхних этажах башни, а их фрагменты распределились в толще каменного завала во время разрушения и пожарной катастрофы.

Судя по фрагментам светлоглиняных амфор с двуствольными ручками и характерных краснолаковых сосудов, башня-донжон погибла в пожаре на рубеже эр или в начале I в. н. э.

Расположение постройки на самом высоком месте, ее размеры, характер и состав керамического комплекса, некоторые другие моменты позволяют предположить, что башня в системе крепостных сооружений цитадели могла выполнять роль продовольственного склада, предназначенного для хранения стратегического запаса провизии: значительная часть керамического материала – это крупные лепные лощеные горшки-корчаги с парными ручками и вместительные лепные лощеные кувшины.

В начале III в. н. э. стены и башни цитадели укрепляются дополнительными внутренним и внешними поясами (рис. 1, *2*). Помимо фрагментов красноглиняных амфор с рифленым туловом, обнаруженных в забутовке новых панцирей, это может быть подтверждено находкой в забутовке основной оборонительной стены электрового боспорского статера Рескупорида III 216–217 гг. н. э. (рис. 3) – драгоценной закладной (?) монеты, помещенной в тело более ранней стены перед началом ее реконструкции. В данном контексте также следует упомянуть локальный слой пожара внутри цитадели (рис. 1, *4*), у места выхода оборонительной стены на обрыв. Помимо развалов выразительных лепных сосудов, с этим горизонтом связан бронзовый фоллис Диоклетиана 305–306 гг. н. э.

Находки в верхнем слое городища многочисленных фрагментов амфор типа Делакеу (C Snp I) и узкогорлых светлоглиняных амфор типа F

позволяют предварительно определить верхнюю хронологическую границу цитадели и всего городища IV в. н. э., не исключая при этом и несколько более позднюю дату. Общая площадь внутри явного внешнего оборонительного контура предварительно определена в 1,7 га.

Обследования и шурфовки некоторых зольников и других мест показали, что выраженная в рельефе укрепленная часть (городище) является только частью обширного поселенческого комплекса.

К северу от крепости, на пологом скалистом склоне, в микрорельефе хорошо заметны остатки больших построек или строительных комплексов, возведенных в регулярной (квартальной ?) системе, отгороженные длинной стеной, которая спускается в западную балку. Признаки плотной застройки в виде развалов камней и террас хорошо прослеживаются также к западу и востоку от городища, на обоих склонах балок и за их пределами. Насколько удалось выяснить, с южной, западной и восточной стороны участки застройки ограничены длинными кладками толщиной не менее 1 м, составляющими в плане относительно правильный прямоугольник площадью ок. 60 га. К северу от этого «прямоугольника» также расположено обширное пространство с явными признаками древнего антропогенного воздействия в виде многочисленных террас, зольников, развалов камней и контуров отдельных построек.

Раскоп, заложенный в Церквищенской балке (рис. 4), на месте размытого участка длинной стены протяженностью около 1 км, показал наличие здесь мощного многометрового культурного слоя в хронологических границах от V–IV вв. до н. э. до римского времени, а сама стена оказалась связана с горизонтом позднеэллинистического периода.

Появление же здесь на рубеже эр хорошо укрепленной крепости обозначило особый статус региона в контексте взаимоотношений Боспора и Крымского Барбарикума.

Список литературы

Зайцев Ю. П. У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований // БФ: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского Гос. Ун-та пром. технологий и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 206–211.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 249 с. (Научное наследство; Т. 27).

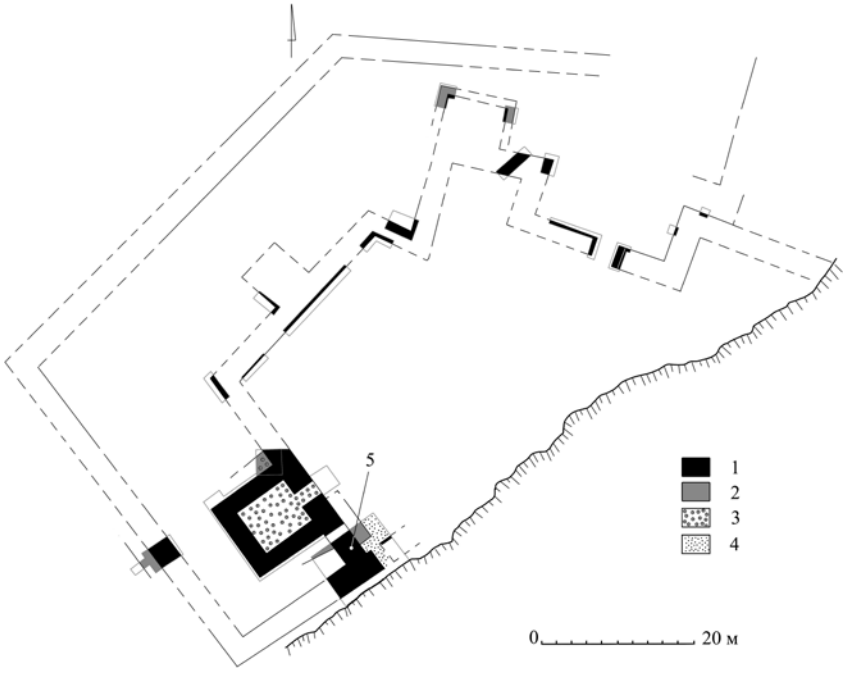


Рис. 1. Обмерный план цитадели городища Мелек:
1 – первый строительный период; *2* – второй строительный период; *3* – слой пожара рубежа эр; *4* – слой пожара IV в. н. э.; *5* – место находки боспорского статера Рескупорида III

Рис. 3. Статер Рескупорида III 216–217 гг. н. э.

Рис. 2. Внутреннее пространство башни-донжона после завершения выборки заполнения

Рис. 4. Раскоп в Церквищенской балке

В. Г. Зубарев, К. О. Маркова
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула

ЛОЩЕНАЯ ПОСУДА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ «БЕЛИНСКОЕ»

Среди находок на позднеантичных сельских поселениях Европейского Боспора важную роль играет керамический материал. В этой связи обратимся к рассмотрению особой группы лощеной керамики из некрополя городища «Белинское», который расположен в Восточном Крыму в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района, в 600 м к востоку от городища. Площадь некрополя 7,8 га. В 2024 г. возобновились работы в его центральной части. Этот участок был подготовлен в 70-е гг. прошлого века под расширение карьера и с севера и юга ограничен его отвалами. *In situ* грунт сохранился к востоку от карьерной площадки (рис. 1).

Объектами исследования стали склепы №№ 24–27. Конструктивно они относятся к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Аналогичные склепы известны в Предгорном Крыму (Могильники Нейзац, Дружное, Инкерман и др.). В первые века н. э. они становятся доминирующими и на некоторых могильниках Восточного Крыма, в частности на Илуратском плато. В. А. Хршановский, опираясь на типологию боспорских склепов Е. А. Савостиной, определяет такие склепы как склепы-катакомбы (*Хршановский*, 2012. С. 526). Для них характерны прямоугольные или трапециевидные в плане входные ямы, не заполненные камнями короткие дромосы, входы в которые закрывались крупными каменными плитами, и прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с коробовым (полуциркульным) сводом. Традиция строительства подобных склепов связана с Северным Кавказом, а их доминирование на некрополе городища «Белинское» начиная с последней четверти III в. н. э. свидетельствует о присутствии в составе населения выходцев с Северного Кавказа, скорее всего

алан. Основными доводами сторонников этой гипотезы являются возможное сходство конструкции склепов данных могильников и аланских Т-образных катакомб Центрального Предкавказья, а также находки серолощеной керамики (*Казарницкий, Строков*, 2022. С. 156). Сами склепы с коротким дромосом, судя по усть-альминскому некрополю, появляются в конце II или в самом начале III в. н. э. (*Храпунов*, 2021. С. 81). Скорее всего, эти изменения были спровоцированы новой миграционной волной с Северного Кавказа. Аланы селились среди численно преобладавших сарматов. Когда в конце III – начале IV в. н. э. началось массовое переселение кавказских алан, они застали в крымских предгорьях своих соплеменников (*Пиоро*, 1990. С. 139; *Айбабин*, 1999. С. 66; *Храпунов*, 2004. С. 138–139). Приблизительно на рубеже III–IV вв., если судить по результатам раскопок других крымских могильников, их количество резко возрастает (*Храпунов*, 2024. С. 183). При этом одни и те же склепы продолжали функционировать на протяжении длительного времени. Помимо склепов некрополя городища «Белинского», известны склепы, где начали хоронить в III и продолжили в начале IV в. н. э. (*Храпунов*, 2021. С. 81).

Отличительной особенностью материала из заполнения склепов №№ 24, 25 и 26 является присутствие большого числа сероглиняной лощеной керамики. Все найденные фрагменты отличаются качественной глиной светло-серого или светло-коричневого цвета с точечными включениями известняка и песка. По мнению М. П. Абрамовой, эти включения были характерны и для северокавказских изделий сарматской эпохи (*Абрамова*, 1993. С. 39). По внешнему и внутреннему краям представленных выше фрагментов имеется качественно сделанное темное лощение. Отметим крупный фрагмент верхней части лощеного горшка с геометрически диагональным орнаментом. Вероятно, истоки традиций, проявившихся в данной керамике, следует искать в пределах единой этнокультурной общности, для которой характерно устойчивое сочетание всех представленных форм.

Таблица 1. Соотношение лепной, гончарной и лощеной керамики (без учета амфор) склепов №№ 24–26.

Лепная	Гончарная		ВСЕГО
	Столово-кухонная и краснолаковая посуда	Сероглиняная лощеная керамика	
%	%	%	%
32,1	41,1	26,8	100

Отдельные соответствия в северокавказской, а также крымской посуде из некрополей римского времени могут свидетельствовать о связях с культурой аланов. Неоднократно высказывались мнения о смешанном (условно алано-германском) составе населения (*Юрочкин, Труфанов*, 2003. С. 200).

Исследование лепной керамики южнобоспорских античных центров и выделение в ней «сармато-аланской» группы подтверждает гипотезу В. П. Власова о появлении и бытовании на Керченском полуострове лепной керамики северокавказского облика в I/II – начале III в. н. э. Он связывает это явление с проникновением сюда сарматских племен, а ее широкое распространение и сохранение традиции изготовления до V–VII вв. н. э., по мнению исследователя, обусловлено переселением в Крым алан во второй половине III в. н. э. (*Власов*, 2007. С. 191). Т. Н. Высотская также относит склепы и лепную керамику к сармато-аланской принадлежности (*Высотская*, 1997. С. 271). Аланская гончарная сероглиняная керамика в Танаисе связана с функционированием во II – первой половине III в. н. э. сухопутного торгового пути, связывавшего Танаис с аланскими протогородами Центрального Предкавказья. Возможно, в его обслуживании в качестве своего рода контрагентов принимали участие степные сарматы (*Гугуев, Науменко*, 2021. С. 549). Учитывая их частую встречаемость на территории городов Европейского Боспора, Н. А. Гаврилюк и Е. А. Молев выделили подобную керамику в группу сармато-аланского круга (*Гаврилюк, Молев*, 2018. Табл. 3).

Отметим венчик и ручку сероглиняного лощеного кубка из склепа № 25 некрополя (рис. 2, *1*). Они отличаются качеством лощения и необычной формой – петлевидные ручки крепятся верхним концом к венчику. Подобные кубки встречаются в склепах IV в. н. э. могильника Совхоз № 10, особенно венчик гончарного чернолощеного кубка (*Высотская*, 1997. Рис. 2, *19*), в склепе № 4 Дружного (*Власов*, 1999. С. 348, рис. 14, *17*). Аналогичные сосуды «с лаковым покрытием серого цвета» найдены в склепе второй–третьей четверти IV в. н. э. у с. Суворово (*Юрочкин, Труфанов*, 2003. Рис. 29).

Обнаруженные фрагменты являются подражанием традициям какой-то этнокультурной общности, либо же эта общность пришла на территорию Крымского полуострова со своей материальной базой.

Особый интерес представляет крупный фрагмент горла гончарного лощеного горшка с геометрически диагональным орнаментом, обнаруженный в погребальной камере склепа № 25 (рис. 2, *5*). Подобный лощеный орнамент в виде косо заштрихованных треугольников, попеременно обращенных вершинами вверх и вниз, мы находим на памятниках центральных районов Северного Кавказа (*Габуев, Малашев*, 2009. Рис. 36, *1*)

и в погребальном инвентаре аланского кургана III–IV вв. в бассейне Сала (*Безуглов, Парусимов*, 2019. Рис. 4, *2*). Однако точной аналогии этому сосуду, как по форме, так и по орнаменту, найти не удалось.

Если серолощеная керамика на некрополе городища «Белинское» впервые обнаружена в склепах 2024 г., то на городище подобные находки фиксировались и ранее. В этой связи отметим фрагмент серолощеного кувшина биконической формы с перегибом в нижней части, явно подражавшего черняховской керамике. На Боспоре эта форма посуды появилась не ранее III в. н. э. Сосуды с мягким перегибом корпуса близки гончарным кружкам или кувшинчикам из сарматских погребений Румынии и Молдавии (*Гудкова*, 1999. С. 339). Э. А. Рикман полагал, что эти изделия изготовляли гончары-профессионалы из числа осевших сарматов или же их приобретали у местного оседлого населения (*Рикман*, 1975. С. 58–59). Э. А. Сымонович видел два истока сложения форм кружек – зарубинецкий и южно-степной, связанный с сармато-аланским миром.

А. И. Айбабин и Э. А. Хайединова предполагают переселение северокавказских алан вместе со всем комплексом материальной культуры, отразившимся в погребальном обряде и инвентаре (*Айбабин, Хайединова*, 2017. С. 58–59). По нашему мнению, они имеют достаточно много схожих черт с посудой этой культуры, отличающейся качественной лощеной поверхностью, чаще всего черного цвета, из глины с мелкозернистыми примесями.

На Белинском городище подобная посуда представлена тремя вариантами. Первый – аналогичен обнаруженным в склепах в 2024 г.: темнолощеная, качественная глина светло-серого и светло-коричневого цвета с точечными включениями известняка, песка и мелкого пироксена (рис. 2). Второй – как правило, лепная посуда, подвергшаяся последующему сглаживанию на т. н. «медленном гончарном круге» в виде поворотного столика. Третий вариант – фрагменты лепных лощеных мисок с полусферическим или усеченно-коническим туловом и резко загнутыми краями, отделенными от тулова четко выраженным ребром. Миски такой профилировки обычно считаются имитацией аналогичных краснолаковых сосудов.

Список литературы

Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: б. и., 1993. 240 с.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

Безуглов С. И., Парусимов И. Н. Аланский курган III–IV вв. в бассейне Сала // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. V. Сб. науч. работ / ред. А. В. Захаров. Ростов-на-Дону: АНИБ, 2019. С. 15–25.

Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III – IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев: б. и., 1999. С. 322–371.

Власов В. П. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н. э. // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 191–202.

Высотская Т. Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 256–273.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н. э. боспорского города Китея // ПИФК. 2018. № 3. С. 60–72.

Гугуев Ю. К., Науменко С. А. Подвал II в. н. э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX) // МАИАСП. 2021. № 13. С. 535–577.

Гудкова А. В. I – IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 4. С. 235–404.

Казарницкий А. А., Строков А. А. К вопросу об аланах в Крыму в эпоху Великого переселения народов // МАИАСП. 2022. № 14. С. 155–182.

Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 204 с.

Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2004. 239 с. (Боспорские исследования; вып. VI).

Храпунов И. Н. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // ПИФК. 2021. Вып. 3 (73). С. 80–91.

Храпунов И. Н. Склепы III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический бюллетень. 2024. Т. 23, № 1. С. 174–204.

Хршановский В. А. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // ДБ. 2012. Т. 16. С. 526–547.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХС. 2003. Вып. XII. С. 199–225.

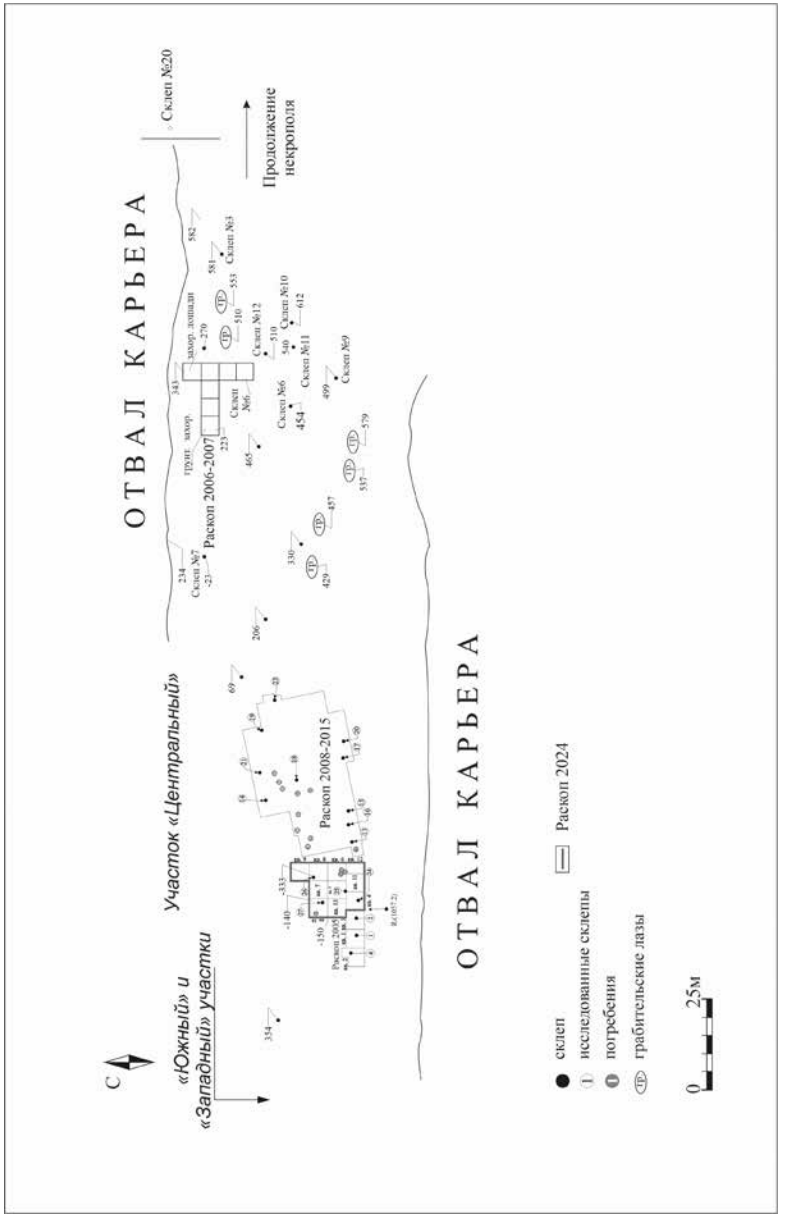


Рис. 1. Некрополь городища «Белинское». Центральный участок. Общий план-схема. Выделен раскоп 2024 г.

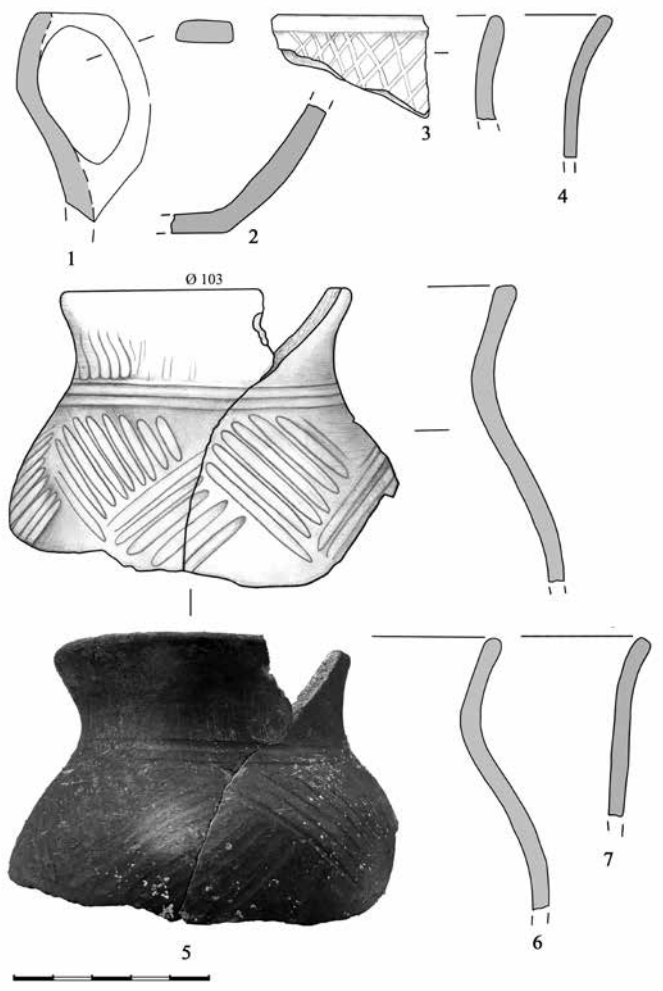


Рис. 2. Лощеная керамика некрополя городища «Белинское», 2024 г.

А. О. Иваник, С. А. Кононова, В. Ю. Кононов
ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Керчь

АНТИЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ МКРН. КАПКАНЫ В КЕРЧИ

Сельские некрополи на археологической карте Керчи в поле зрения исследователей, по вполне понятным причинам, попадают нечасто. К числу редких исключений относится некрополь, исследовавшийся в 2020 и 2023 гг. экспедициями ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» на северной окраине мкрн. Капканы к северу от железной дороги станция Керчь-II – станция Порт-Крым (рис. 1). Он занимает вершину невысокого всхолмления в пределах пологой равнины, с небольшим уклоном к югу. Обнаружен в 1952 г. В. В. Веселовым во время земляных работ, проводившихся на его территории, однако в его «Сводную ведомость» некрополь включен не был. В декабре 2019 г. разведки на территории некрополя провел сотрудник ВКИКМЗ А. М. Михайлов, который ошибочно интерпретировал памятник как поселенческую структуру, приняв зафиксированную им на поверхности стенку упомянутого в докладной записке В. В. Веселова каменного ящика за фрагмент стены постройки. Благодаря этому обстоятельству, в реестр объектов культурного наследия памятник был включен под названием «Поселение «Усадьба Веселова I».

В 2020 г. на северной его окраине был заложен раскоп площадью 1980 кв. м. (рис. 2). Целостной планиграфии в пределах исследованного участка проследить не удалось, поскольку в его границы попал котлован 1952 г. шириной 10–12 м, пересекавший северную часть раскопа по линии юго-запад – северо-восток.

Непотревоженный участок некрополя был зафиксирован к югу от котлована. Всего здесь было обнаружено 7 погребальных комплексов, включая грунтовые могилы, каменные ящики, сложенные из небольших плоских плит,

и один каменный склеп, содержавший не менее 8 захоронений. В пределах этого же участка, рядом с погребениями, зафиксировано 4 погребально-поминальных комплекса – тризн и жертвенников (рис. 3).

Погребение № 1 – грунтовое, с элементами плитовой могилы, было безынвентарным и принадлежало мужчине старше 25 лет, который был уложен в вытянутом положении на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Кости нижних конечностей вытянуты параллельно друг другу по оси туловища. Кости правой руки были вытянуты вдоль туловища, левой – слегка согнуты в локтевом суставе, кисть находилась на кости таза.

В 4,7 м к западу от погребения № 1 и в 2,5 м к юго-западу от него зафиксированы два погребально-поминальных комплекса – объекты №№ 4 и 5. Объект № 4 представляет собой остатки тризны в виде компактного развала фрагментов амфор второй–третьей четверти IV в. до н. э. Объект № 5 представлен двумя известняковыми эсхарами «дисковидной» формы со сквозными отверстиями в центре (рис. 4, *6*). Рядом с ними зафиксированы фрагменты двух гераклейских амфор (одна из них – с клеймом ΟΝΑΣ), датируемых 370-ми гг. до н. э. (рис. 4, *5*), отдельные фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Пепарета и Синопы IV в. до н. э. Комплекс столовой посуды датируется в целом IV–III вв. до н. э. и представлен фрагментами красноглиняного кувшина, тарелки, рыбного блюда, чернолакового арибаллического лекифа с сетчатым орнаментом.

Погребение № 2 – грунтовое, с элементами плитовой могилы. Судя по уцелевшим костям, погребенный (maturus II (45–55 лет)) был уложен в вытянутом положении на спине, головой на восток. Датирует могилу красноглиняный кувшин боспорского производства, аналогии которому обнаружены в погребениях второй половины IV – III в. до н. э. в некрополе на территории Керченского металлургического завода и погребении Нимфейского некрополя, датирующемся III–II вв. до н. э. (рис. 4, *7*) (*Капошина*, 1959. С. 138–140, рис. 42, *3–5*; 44; 47, *2*; *Грач*, 1999. С. 71–72, рис. 31).

С погребением № 2, возможно, был связан ритуально-поминальный комплекс – объект № 2, представлявший собой компактный развал фасосской биконической амфоры, датируемой 320-ми гг. до н. э. (рис. 4, *4*) (*Монахов*, 2003. С. 70, табл. 46, *3*), и крупного фрагмента стенки книдской амфоры.

Погребение № 3 – каменный ящик размерами 1,10 × 0,55 м и высотой 0,46 м. Судя по размерам, в нем мог быть погребен ребенок, но кости отсутствовали. В заполнении ящика найден чернолаковый канфар с S-видным профилем тулова, в верхней части которого светлой глиной или краской

нанесен накладной орнамент в стиле West Slope (*Журавлев*, 2015. С. 194–195; *Егорова*, 2016. С. 260). Мотив орнамента – горизонтальный ряд вертикально расположенных «копьевидных привесок», характерен для мастерских Пергама второй половины III в. до н. э. (*Егорова*, 2020. С. 304–305, рис. 3, 13–14).

С погребением № 3, скорее всего, была связана тризна (объект № 1), представлявшая собой компактный развал двух коричневоглиняных мисок (ср.: *Капошина*, 1959. С. 138–139, рис. 48; 49) и чернолакового пергамского канфара (рис. 4, *1–3*).

Погребение № 4 – грунтовое, перекрыто четырьмя известняковыми камнями. Погребенный (мужчина 40–50 лет) был уложен в вытянутом положении на спине головой на юго-восток. Под черепом найдена цилиндрическая бусина IV–III вв. до н. э. из зеленого пастового стекла.

Погребение № 6 – грунтовое. Судя по сохранившимся костям, погребенный (взрослый индивид) был уложен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. За черепом найден фрагментированный чернолаковый пергамский канфар с S-видным профилем тулова, который позволяет датировать захоронение второй половиной III в. до н. э. (рис. 4, *9*).

Погребение № 7 – грунтовое. На дне ямы расчищены остатки скелета (индивид 20–30 лет) очень плохой сохранности, от которого уцелели лишь фрагменты черепа в южной ее части. Инвентарь представлен компактными развалами розовоглиняного кувшина и лепного одноручного сосуда II – первой половины III в. н. э. (рис. 4, *10–11*).

Погребение № 9 – каменный склеп с внешними размерами 3,6 × 2,2 м, сложенный из прямоугольных обработанных блоков. Среди камней обкладки верхнего уровня его стен найден обол Пантикапея 275–245 гг. до н. э. В склепе на разных уровнях было совершено 7 последовательных захоронений. На уровне 1 погребена женщина 20–30 лет, уложенная в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Инвентарь представлен красноглиняным кувшином (рис. 4, *12*), железным ножом (рис. 4, *13*) (ср.: *Капошина*, 1959. Рис. 52), дихалком Пантикапея 230–220 гг. до н. э., который изначально, возможно, находился в положении «обола Харона» (рис. 4, *14*). На втором уровне погребенный индивид возрастом около 15 лет уложен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Среди находок отметим затертую медную монету, чернолаковый унгвентарий III в. до н. э. (рис. 4, *21*), 2 полихромные стеклянные бусины (рис. 4, *15*), оселок (рис. 4, *16*) и два ножа (рис. 4, *17–18*). Третий уровень частично перекрыт вторым. Погребенный индивид возрастом около 12 лет уложен в вытянутом положении

на спине, головой на северо-восток. На уровне 4 погребенная женщина 25–35 лет уложена в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Далее, на пятом уровне, погребенный индивид возрастом около 12 лет уложен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Инвентарь представлен чернолаковым унгвентарием (рис. 4, *21*) и неатрибутированным тетрахалком или оболом Пантикапея, изначально находившимся в положении «обола Харона». На уровне 6 погребенный индивид 45–55 лет уложен в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Между ребер левой стороны грудной клетки найден фрагментированный железный перстень стремевидной формы (рис. 4, *19*). На последнем (седьмом) уровне погребения 9 кости находились не в анатомическом порядке, а были смещены при совершении более поздних захоронений. Среди костей найдены массивное железное кольцо (рис. 4, *22*), язычок бронзовой пряжки и набор из 5 фрагментированных стеклянных бусин.

Учитывая найденный в склепе погребальный инвентарь, весь комплекс захоронений в склепе следует отнести к III в. до н. э., скорее всего, не ранее второй половины этого столетия. Последнее захоронение, судя по найденной при нем монете (230–220 гг. до н. э.), было совершено в третьей или четвертой четверти III в. до н. э. Со склепом, вне всякого сомнения, связано скопление отдельных костей скелета одного (?) индивида, уложенных компактно друг на друга в небольшую ямку, выкопанную у его юго-западного угла.

В пределах раскопа 2023 г. площадью 53 кв. м, прирезанного с юга к раскопу 2020 г., выявлено 2 погребения и 3 других объекта.

Погребение № 10 совершено в яме прямоугольной в плане формы, вырубленной в скальном материке и ориентированной в направлении запад – восток. На дне расчищен плохо сохранившийся скелет женщины 40–45 лет, уложенной в вытянутом положении на спине головой на восток. Слева от черепа найдена красноглиняная пелика (рис. 4, *23*) (*Капошина*, 1959. С. 135–137, рис. 37–38), справа – чернолаковый арибаллический лекиф с десятилепестковой пальметтой (рис. 4, *24*). С внешней стороны правого бедра обнаружены железные двухчастные скифские удила с загнутыми в кольца окончаниями (рис. 4, *25*) (*Савченко*, 2009. С. 228–231, табл. 1, рис. 1, тип 1). В заполнении могилы найдены фрагменты двух чернолаковых лекифов второй половины IV в. до н. э. и одноручной чаши второй четверти – второй половины IV в. до н. э.

Погребение № 11 совершено в яме, вырубленной в скальном материке, имевшей в плане форму, приближенную к прямоугольнику,

и ориентированной в направлении юго-запад – северо-восток. В могиле совершено два последовательных захоронения. Верхнее принадлежало мужчине 25–35 лет, уложенному в слегка согнутом положении на спине головой на северо-восток. У его левого плеча обнаружены красноглиняный горшочек (рис. 4, *26*) и унгвентарий с красно-оранжевым лакообразным покрытием (рис. 4, *27*) (*Капошина*, 1959. С. 135–137, рис. 39). Нижнее захоронение принадлежало женщине 25–35 лет, уложенной аналогично. Слева от погребенной на уровне локтевого сустава расчищен развал красноглиняного кувшина, справа (у плечевой кости) – красноглиняный унгвентарий (рис. 4, *28*). Погребальный инвентарь позволяет датировать оба захоронения в широких пределах – между второй половиной IV и III в. до н. э.

Между погребениями 10 и 11 у западного борта раскопа выявлен объект № 8, вероятно, представлявший собой каменную обкладку могилы, ориентированной в направлении юго-запад – северо-восток. Поскольку в пределы раскопа она попала лишь своей восточной оконечностью, объект не исследовался и был сразу же законсервирован.

В восточной части раскопа частично исследован объект № 7 – каменная оградка П-образной в плане формы, перекрытая наброской из небольших необработанных камней. В пределах внутреннего пространства оградки размерами 3,20 × 2,52 м признаков «жилого» горизонта выявлено не было. Находки среди камней наброски внутри оградки фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор типа «D» (по Д. Б. Шелову) позволяют отнести ее верхнюю хронологическую границу к концу II – середине III в. н. э.

Объект № 9, выявленный под северо-западным углом оградки, представлял собой вырубленную в скальном материке «яму» размерами 2,36 × 2,68 м, имевшую в плане аморфно-округлую форму. На глубину до 0,27 м она была заполнена рыхлым суглинистым грунтом коричневого цвета. Среди находок из ее заполнения отметим непрофильные фрагменты амфор, красноглиняного рыбного блюда, сетчатого лекифа и цилиндрическую полихромную бусину из пастового стекла (рис. 4, *29*). В совокупности они датируются IV в. до н. э. Поскольку полностью выбрать заполнение «ямы» можно было лишь разобрав часть не исследованной полностью оградки, объекты №№ 7 и 9 были законсервированы с целью их полного и комплексного изучения в будущие сезоны.

Таким образом, в пределах раскопанного в 2020 и 2023 гг. участка некрополя на площади около 450 кв. м было исследовано 9 погребений. Восемь погребений, а также связанные с ними погребально-поминальные комплексы, датируются инвентарем второй четвертью IV – третьей

или четвертой четвертью III в. до н. э. Захоронения совершены в погребальных комплексах разной конструкции. Погребенные уложены в вытянутом положении, в склепе – головой на северо-восток, в остальных погребениях – на северо-восток, восток и юго-восток. Единственное захоронение, которое не вписывается в хронологическую вилку предыдущих 6 погребений, – погребение № 7. Оно предварительно датировано II – первой половиной III в. н. э.

Что касается ближайшей к нему поселенческой структуры, то в 2022 г. работами «Крымского регионального центра археологических исследований» к северу от некрополя был выявлен ВОАН «Комплекс античных усадеб в СНТ “Дельфин” (2 усадьбы) IV–III вв. до н. э.».

Список литературы

Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.

Егорова Т. В. Чернолаковая керамика с росписью в стиле «West Slope» из раскопок Пантикапея // Stratum plus. 2016. № 3. С. 259–276.

Егорова Т. В. Керамика с росписью в стиле West Slope из Танаиса // Археологические вести. 2020. № 29. С. 298–307.

Журавлев Д. В. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2015. Вып. 1. С. 190–216.

Капошина С. И. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1959. № 69: Некрополи боспорских городов / под ред. В. Ф. Гайдукевича. С. 108–153.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.: Киммерида; Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.

Савченко Е. И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–328.

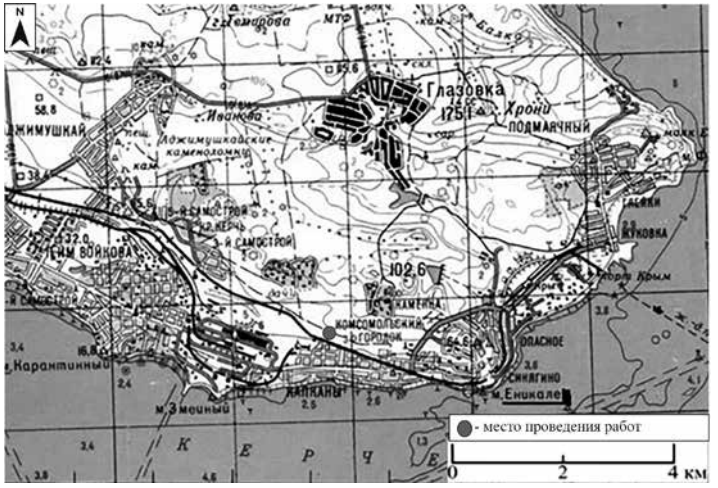


Рис. 1. Поселение и могильник «Усадьба Веселова 1» на фрагменте топографической карты г. Керчь

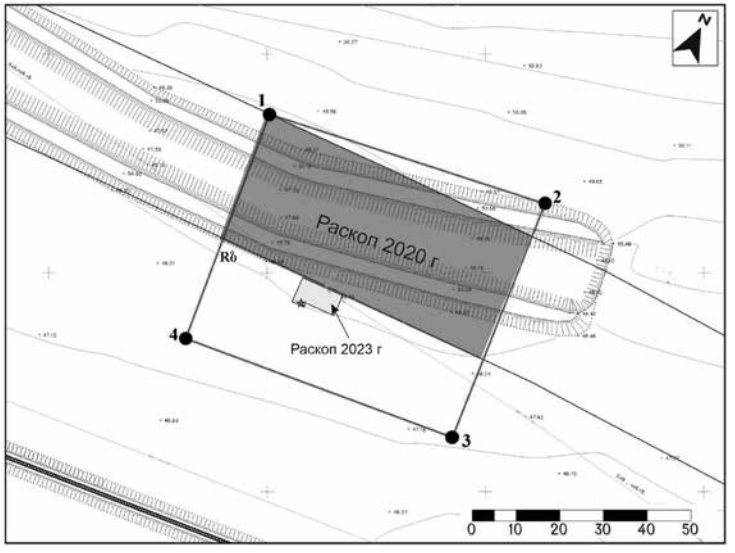


Рис. 2. Топографический план могильника «Усадьба Веселова 1» с раскопами 2020 и 2023 гг.

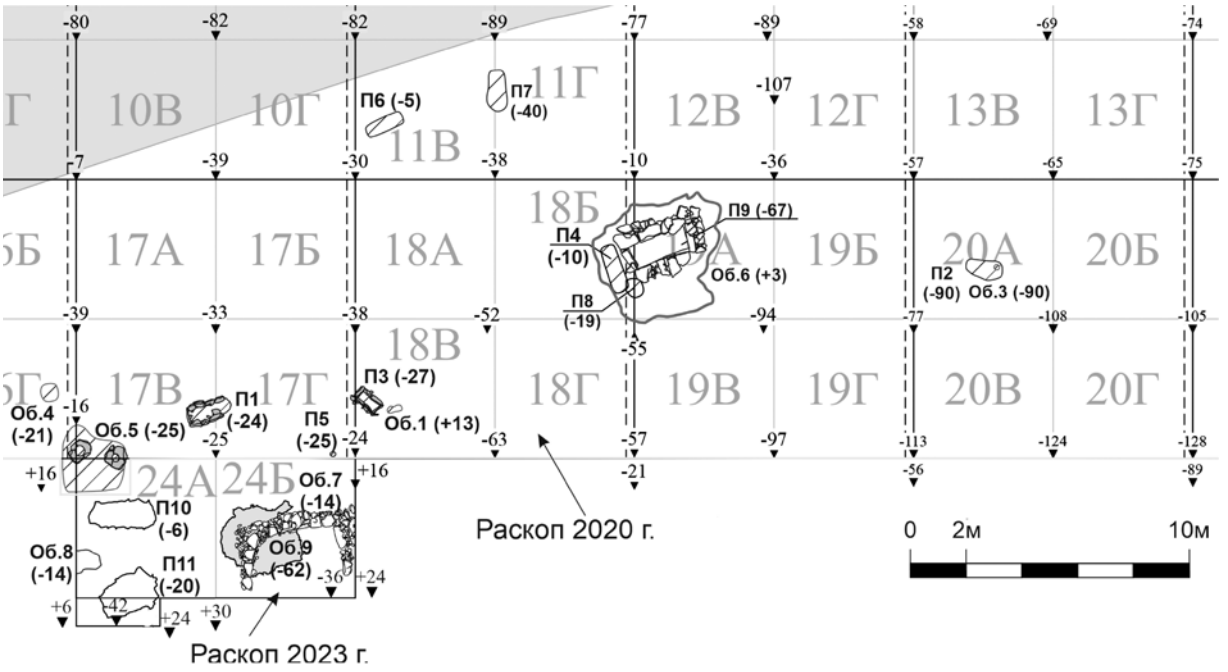


Рис. 3. Общий план исследованной части могильника «Усадьба Веселова 1» с раскопами 2020 и 2023 гг.

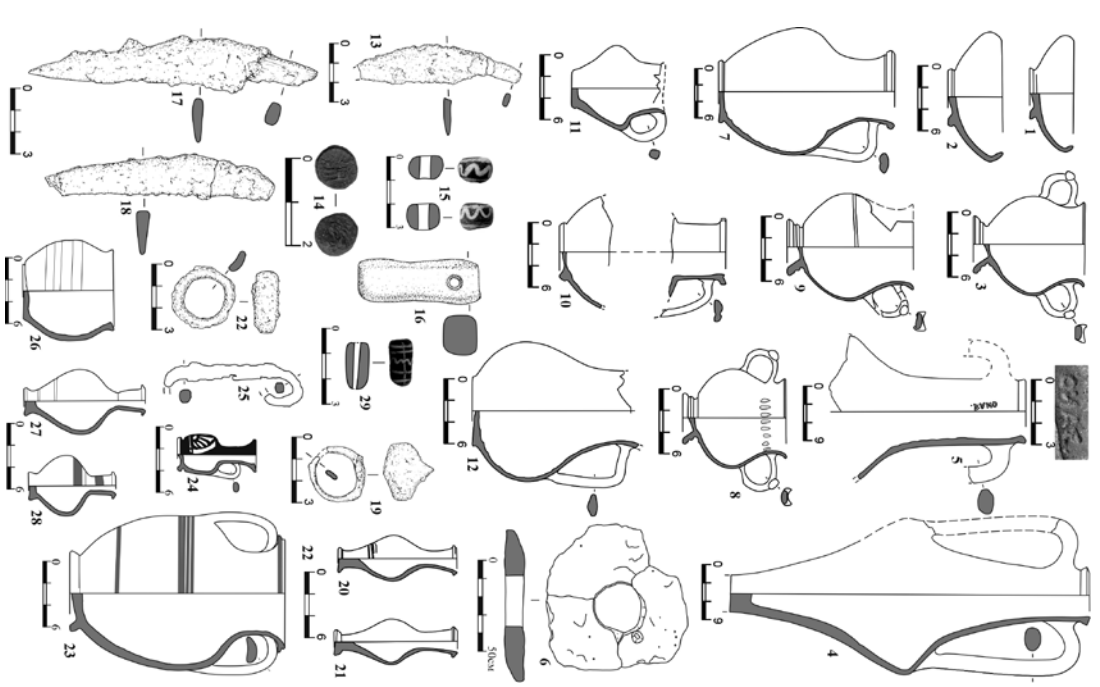


Рис. 4. Погребальный инвентарь:

1–*3* – объект № 1 (тризна); *4* – объект № 2 (тризна); *5*, *6* – объект № 5 (тризна); *7* – погребение № 2; *8* – погребение № 3; *9* – погребение № 6; *10*, *11* – погребение № 7; *12*–*22* – погребение № 9; *23*–*25* – погребение № 10; *26*–*28* – погребение № 11; *29* – объект № 9

Е. А. Карцова
Таманский музейный комплекс, ст. Тамань

МИНИАТЮРНЫЕ РЕЛЬЕФЫ АНТИЧНЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одному из основоположников петербургской школы античного искусствоведения, хранителю древностей Императорского Эрмитажа О. Ф. Вальдгауэру принадлежит мысль, представляющаяся очень верной: «История искусства вообще не может обходить историю художественного ремесла», ибо даже на «предметах обыденной жизни (эллинов. – *Е. К.*) лежит отпечаток глубокой художественности этого народа» (*Вальдгауер*, 1914. С. 2–3). Наряду с предметами нумизматики и сфрагистики, образцами античной терракоты, геммами и интальями, к этой же группе значимых для истории искусства артефактов в полной мере можно отнести и миниатюрные рельефы амфорных клейм.

Миниатюрные рельефы амфорных штампов предлагается рассмотреть в качестве центрального, несущего во многих случаях не только сугубо прикладную, но и художественную нагрузку элемента керамических печатей.

В функциональном отношении оттиски на амфорах, подтверждая качество и оригинальность экспортируемой продукции, схожи с современными фабричными марками (товарными знаками). Помимо собственного рельефного компонента оттиск имел т. н. «легенду» (текст с указанием имени управляющего гончарными мастерскими и иногда гончара). В глазах археологов это обстоятельство делало оттиски ценным хронологическим индикатором соответствующих артефактов. При этом формально-стилистический и образно-содержательный анализ рельефных оттисков вплоть до настоящего времени не осуществлялся или проводился крайне поверхностно.

Мы исходим из тезиса, что амфорные клейма представляют собой сложный памятник, нуждающийся в комплексном изучении. В том числе

в плоскости искусствознания – ведь помимо восприятия оттиска как предмета материального быта и образца эпиграфики, не менее важны его связи с изобразительным искусством и в целом визуальной культурой античного мира. Отмеченные аспекты настоятельно требуют научного осмысления.

Изображения на амфорных печатях были призваны выполнять следующие функции: информативную (передача зрителю невербального послания посредством образа), аттрактивную (направленную на привлечение внимания зрителя), протекционную (филигранно исполненный рисунок слабо поддавался фальсификации, что было важным качеством для печатей должностных лиц), эстетическую (эмоциональное восприятие художественного содержания рельефа на штампе реципиентом).

Складывание данного субжанра прикладного искусства происходит в эпоху эллинизма, когда резко возрастает потребность в художественно оформленных изделиях малых форм (из металла, стекла, глины) и начинается их массовое изготовление.

Изготовление штемпелей производилось одним, реже несколькими резчиками (*Tzochev*, 2016. P. 25–35). Их имена, разумеется, в подавляющем большинстве нам неизвестны.

Поскольку до нас дошло совсем небольшое количество «керамических клише», а это делает изучение образного строя памятников на основе клише практически невозможным, постольку мы прибегаем к анализу оттисков на амфорах, которые позволяют воссоздать стилистические и идейно-сюжетные черты оригинала.

Считаем, что детальный искусствоведческий анализ рельефов античных керамических штампов способствует расширению – в контексте дальнейших исследований художественной культуры эллинизма – круга изобразительных источников.

Основной целью исследования является репрезентация рельефных оттисков в качестве важной составляющей искусства эпохи эллинизма.

Достижению обозначенной цели соответствует решение следующих задач:

1) выявление сопринадлежности произведений миниатюрной пластики как локальным изобразительным традициям, так и всему искусству изучаемого периода в целом, позволяющее лучше понять механизмы художественного взаимодействия, характерные для эллинизма;

2) проведение масштабного поиска аналогий изучаемым произведениям миниатюрной пластики в лице произведений иных жанров и техник античного искусства, позволяющего, во-первых, сделать вывод

о существовании предположительных прототипов/прообразов либо обосновать оригинальность тех или иных художественных решений, а во-вторых – реконструировать процесс творческого переосмысления иножанрового прототипа/прообраза;

3) определение на произведениях миниатюрной пластики (рельефах амфорных клейм), раннее не введенных в научный оборот, меры и форм проявления магистральных художественных тенденций эллинизма (включая анализ отражения сюжетообразующих мифов и исторических событий), придающее большую объемность знанию о пределах бытования этих тенденций;

4) разработка типологии рассматриваемых памятников, отражающей своеобразие пластики изучаемых произведений миниатюрной пластики в качестве относительно автономного художественного явления в общих рамках эллинистического искусства.

Осуществлению поставленных задач содействует использование формально-стилистического, иконографического, культурно-исторического методов исследования, а также базирующегося на сюжетно-тематическом принципе типологического подхода.

Мы предполагаем сосредоточиться на анализе керамических штампов тех городов, которые всегда помещали в поле оттиска рельефную фигуру, включая Родос, Книд, Фасос и Синопу. Образцы Фасоса и Синопы демонстрируют особое богатство сюжетных мотивов. Родос и Книд продолжают линию рельефного повествования на штампах, вариативность не столь широка, как у вышеупомянутых центров, но, тем не менее, каждому из городов присуща индивидуальная специфика.

Синопа представляет разнообразие многофигурных сцен на рельефах амфорных клейм, галерею сюжетов составляют многочисленные батальные мотивы, статуи божеств и героев; эту линию продолжают оттиски Фасоса, добавляя в коллекцию мотивов атрибуты жителей Олимпа и элементы военной экипировки. Образцы Родоса год за годом воспроизводят голову Гелиоса как государственный герб города, а Книд репрезентует на печатях букраний. Общей для рельефов штампов всех центров является их художественная связь с искусством больших и малых форм.

Хотя многие исследователи склонны думать, что сюжетика рельефов керамических клейм продиктована исключительно заимствованиями, несмотря на это, ряд рельефов керамических печатей репрезентует абсолютно оригинальные сцены, отвечающие духу времени и не находящие хоть сколько-нибудь схожих изображений в других сферах искусства. Среди таких сюжетов – патетично вскинутая голова Гелиоса на родосских штампах,

энергичная поза Сатира, подбросившего винный бурдюк (рис. 1), или профильное изображение неизвестного божества с птицей.

Для корректной интерпретации семантики рельефного изображения на керамическом оттиске необходимо освещение современного ему культурно-исторического контекста. Проведенный ранее анализ памятника обозначил ряд художественных черт, типичных для эпохи эллинизма; среди них: увлечение энергичным движением и динамикой, сплетение гибридных форм в образах синкретических божеств, интерес к причудливой физиогномике, жанровизация сюжета (рис. 1–4).

В период эллинизма греческая пластика во многом перенимала восточную эстетику и конструирующую et философию. Фронтальный образ часто выступал как носитель сакрального и трансцендентного (*Schapiro*, 1996. P. 114). Одним из показательных примеров является появление в эллинском искусстве персонажей enface, особенно распространенной такая форма оказывается в греческих городах Малой Азии, где культурный обмен с городами востока был особенно интенсивен. Именно здесь создаются рельефные оттиски сюжетов «Лев», «Серапис», «Дионис-Баал», они исполнены в духе восточной стилистики: рельефы претворяют мифологические и реальные образы в нарядно-декоративные формы.

В эллинистический период синкретизм как метод формотворчества достигает небывалых высот. Иконография некоторых божеств «освобождается» от местной традиции и переосмысляется в соответствии с новой мировой культурой (*Martin*, 1983. P. 138–141). Авторы и прежде запечатлевали фантастических животных (грифонов, сфинксов), но сейчас их все больше интересует формально-пластическая разработка подобных фигур. Появление на одном из оттисков Синопы антропоморфной птицы с орлиной головой и распахнутыми крыльями – яркое тому подтверждение.

Ряд сюжетов на керамических клеймах отражают важную тенденцию эллинистического искусства – Imitatio Alexandri (*Трофимова*, 2012), физиогномическое уподобление олимпийских богов македонскому завоевателю. Анализ образного ряда античных керамических клейм демонстрирует, как под влиянием конкретной исторической личности формируется новая эстетика и изменяется образность Гелиоса, Геракла, Диониса (сюжеты «Дионис с щитом», «Голова Гелиоса», «Голова Геракла», «Голова Льва»). Трактовка образа Диониса на печатях амфорных клейм репрезентирует персонажа в новом ключе: как воина и защитника.

Формальный метод физиогномического уподобления продолжен в нетривиальном образе Сатира, наделенного чертами именитого

философа, из собрания Эрмитажа. Облик демонического существа персонифицируется, образ нравственно-бедного персонажа облагораживают сократовские черты, благодаря чему полностью изменяется восприятие фигуры спутника Диониса.

Физиогномика и причудливость формы вообще интересует эллинистического художника, что подтверждает популярный сюжет «Голова в львиной шкуре», представляющий профильные портреты сатрапов имперских провинций с атрибутами богов и героев. Эти изображения демонстрируют «новую зоркость» (Л. Акимова). В пластических произведениях ведущим становится стремление к натуралистичным формам.

Определяющий сравнительный метод демонстрирует прямую зависимость формально-стилистического языка и образного строя исследуемых артефактов от произведений монументальной общественной, сакральной, погребальной скульптуры, а также рельефов малых форм, украшающих изделия частного характера.

Адаптируя оригинал к миниатюрным рельефам, резчик штампа старается запечатлеть, прежде всего, характер первообраза, автором нивелируются «второстепенные» черты и заостряются те, что помогают зрителю в мгновение узнать протообраз. Вследствие этого качества монументальных произведений, отраженные в малых масштабах амфорных рельефов, бывают видны даже отчетливей (сюжеты «Геракл с рогом изобилия», «Афина-Воительница»). Творчески интерпретируя произведения высокого и декоративно-прикладного искусства, резчики штампов привносили свое видение в прочтение мотива. Иногда базируясь на изобразительном шаблоне, мастера дополняли его яркими деталями и атрибутами (сюжет «Голова Гелиоса в профиль»).

В ходе анализа оттисков было установлено, что сюжеты, распространившиеся на большое количество рельефов, подразделялись на ряд формально-стилистических ветвей. В целом же (предварительно) изобразительная трактовка рассмотренных образцов может быть грубо подразделена на две магистральные и противоположные друг другу линии: первую характеризует ясность силуэтов, образуемая лаконичными объемами форм, вторую – пластическая сложность, обусловленная скрупулезной проработкой мельчайших деталей.

Таким образом, в дальнейшем видится необходимым продолжить искусствоведческое исследование миниатюрной пластики, обладающей выраженной художественной идентичностью, определить ее специфику (композиционную, пластическую, образно-идейную) и тем самым выявить глубинные связи рассматриваемых памятников с искусством современного периода.

Убеждены, что исследовательское внимание к изобразительным, символическим, декоративно-орнаментальным аспектам соответствующих артефактов способно содержательно дополнить современное представление об искусстве греческих и эллинизированных народов конца IV – II в. до н. э.

Список литературы

Вальдгауер О. Ф. Императорский Эрмитаж. Краткое описание собрания античных расписных ваз / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 117 с.

Трофимова А. А. Imitatio Alexandri: портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма. СПб.: изд-во ГЭ, 2012. 320 с.

Martin L. H. Why Cecropian Minerva? Hellenistic Religious Syncretism as System // Numen. International Review for the History of Religious. 1983. Vol. 30, iss. 2. P. 131–145.

Schapiro M. Words, Script and Pictures: Semiotics of Visual Language. New York: George Braziller, 1996. 199 p.

Tzochev Ch. Amphora stamps from Thasos. Princeton: ASCSA, 2016. 244 p. (The Athenian Agora; vol. XXXVII).

Рис. 1. Голова Сатира.
Рельеф амфорного клейма, керамика.
Фасос, II в. до н. э.
Музей афинской агоры (Афины)

Рис. 2. Голова льва.
Рельеф амфорного клейма, керамика.
Синопа, II в. до н. э.
Британский музей (Лондон)

Рис. 3. Геракл с конями Диомеда.
Рельеф амфорного клейма, керамика.
Синопа, III в. до н. э. Музей-заповедник
«Калос-Лимен» (ПГТ Черноморское)

Рис. 4. Неопределенный сюжет.
Бюст Зевса, орел (?).
Фасос, конец IV в. до н. э.
Музей афинской агоры (Афины)

А. К. Каспаров
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ПОСЕЛЕНИЯ АКРА: ПЕРВЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ЗА ПОЧТИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ

Античный полис Акра располагается на берегу Керченского пролива, у села Набережное, у подножия мыса Такиль. Современные исследования этого памятника продолжаются уже более десяти лет. Однако костный материал из этих раскопок никогда не бывал многочисленным. Прежде всего это связано с тем, что до последнего времени раскапывалась та часть поселения, которая в настоящий момент находится под водой (*Вахонеев, Соловьев*, 2018). Работы велись на небольших площадях, поскольку организовать масштабные подводные раскопки, дающие большое количество материалов, в том числе и костных, весьма непросто.

Исследование остатков фауны на Акре ведется с 2016 г. И за прошедшие восемь лет накопился уже достаточно представительный массив данных. Большинство контекстов, из которых поступили костные остатки, удалось датировать с большей или меньшей точностью. В целом материал распадается на две основные группы: это материалы классического и эллинистического времени и материалы времен Рима, то есть первые три века н. э. В целом фаунистический состав этих групп представлен в таблице 1.

Таблица 1.
Фаунистический состав костных материалов из поселения Акра.

ВИДЫ ЖИВОТНЫХ	V–I вв. до н. э.		I–III вв. н. э.	
	N	%	N	%
Заяц-русак *Lepus europaeus*	4	0,4	3	0,3
Кошка домашняя? *Felis cf. domesticus*	1	0,1	6	0,6
Лиса *Vulpes vulpes*	–	–	1	0,1
Благородный олень *Cervus elaphus*	–	–	1	0,1
Лошадь *Equus caballus*	34	3,6	97	10,3
Корова *Bos taurus*	140	14,8	493	52,2
Овца *Ovis aries*	54	5,7	31	3,3
Коза *Capra hircus*	25	2,7	16	1,7
Овца или Коза *Ovis et Capra*	227	24,1	120	12,7
Свинья *Sus scrofa domesticus*	69	7,3	41	4,3
Собака *Canis familiaris*	133	14,1	86	9,1
Дельфин *Phocaena sp.*	12	1,3	23	2,4
Птицы *Aves sp.*	14	1,5	22	2,3
Черепаха *Emydidae sp.*	2	0,2	–	–
Рыбы *Pises*	224	23,8	5	0,5
Краб *Brachyura sp.*	4	0,4	–	–
В С Е Г О	943	100,0	942	100,0

Как видим, количество костных фрагментов, полученных из слоев обоих периодов, практически одинаковое. Это делает результаты сравнения обеих этих коллекций вполне достоверными.

Первое, что бросается в глаза, – это увеличение доли коровы почти вдвое в римских слоях и такое же уменьшение процента остатков мелкого рогатого скота. Само по себе это не удивительно. Увеличение доли остатков

коровы в костных материалах римского времени отмечалось еще В. И. Цалкиным (1960) и многими другими исследователями. Это объясняли разными причинами. Некоторые авторы считали, что в римское время получила распространение двупольная система земледелия – и, стало быть, появились обширные площади полей, находящихся под паром, которые были весьма удобны для выпаса крупного рогатого скота (см. напр.: *Кругликова*, 1975). Встречается мнение, что система земледелия ни при чем, а просто с развитием хозяйства увеличивались площади обрабатываемых полей и потому просто требовалось большее количество быков для распашки.

В случае Акры это вряд ли справедливо, поскольку, по мнению некоторых авторов, она не была особенно большим полисом.

Используя разработанную им формулу для примерного вычисления количества жителей античных поселений, С. Л. Смекалов (2009; 2012) приходит к выводу, что площадь городского центра здесь в античное время составляла лишь 3,5 га, а численность населения колебалась в районе 260 жителей. Всего же на площади города и его небольшой хоры обитало лишь около 440 человек. Точность этих расчетов целиком остается на совести автора, однако сомнительно, чтобы в целом небольшое по численности население стало вести столь активную агротехническую деятельность. Вероятно, все же дело просто в общем подъеме уровня жизни населения с течением времени или смене культурно-хозяйственных традиций.

Кластерный анализ показывает, что процентный состав костных остатков млекопитающих Акры в эллинистическое время очень похож на таковой в греческой колонии Танаис (*Мягкова*, 2000). Сходство это еще усиливается, поскольку и в обоих памятниках отмечено относительно большое количество остатков рыб. На Акре оно составляет 23,8 %, а в Танаисе 37,6 %, тогда как в других поселениях Восточного Крыма этот показатель не превышает 13 %, а в среднем колеблется в районе 4 %.

Фаунистический состав Акры в римское время больше всего схож с таковым на поселении Белинское (*Каспаров*, 2001). Это небольшое, но весьма укрепленное поселение в 30 км от города Керчь и в 4 км от Азовского побережья. Оно исполняло в первых веках н. э. роль некоей пограничной крепости (*Зубарев и др.*, 2022), что, конечно, накладывало некоторый отпечаток на хозяйственный стиль его обитателей. Характерно, что и здесь отмечено резкое увеличение доли остатков крупного рогатого скота при столь же резком уменьшении доли овец и коз. Однако здесь оно произошло чуть позже – сразу после III в. н. э., и это объясняется частичной сменой населения крепости (*Зубарев, Жутенкова*, 2013). Не могло ли нечто

подобное несколько раньше произойти и на Акре? Дело в том, что обычно доля коровы в материалах римского времени превышает таковую в эллинистических слоях примерно вдвое. На Акре же мы видим почти четырехкратное превышение (табл. 1).

К сожалению, очень немногие кости оказались пригодны для измерений. В слоях римского времени найдены две передних метаподии коровы, имеющие длину 189 и 179 мм, что соответствует высотам в холке примерно 115 и 110 см; то есть животные были небольшими. В таких греческих поселениях, как Нимфей или Мирмекий, в эллинистическое время размеры коров в ряде случаев достигали почти 130 см (*Каспаров*, 2017).

В римских слоях в 2024 г. были обнаружены две передних метаподии лошадей. Экстерьерные качества этих лошадей представлены в таблице 2.

Таблица 2. Некоторые экстерьерные характеристики лошадей римского времени из поселения Акра (по передним метаподиям).

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛОШАДЕЙ	Экземпляр № 1	Экземпляр № 2
	Список 15	Список 14
Общая длина метаподии	213 мм	220 мм
Ширина диафиза в средней части	29,5 мм	34,3 мм
Коэффициент тонконогости (по: *Браунер*, 1916)	13,8	15,6
Степень тонконогости (по: *Браунер*, 1916)	Тонконогая	Средненогая
Высота в холке (по: *Витт*, 1952)	132 см	136 см
Категория рослости (по: *Витт*, 1952)	Малорослые	Средние по росту
Конституционный тип (по: *Гайдученко*, 2002)	Захудалая верховая	Универсальная

Лошади, как видим, не очень большого размера, однако экземпляр № 1 относится к категории тонконогих, что, вообще, для того времени большая редкость. Лошади в античном Причерноморье были, как правило, довольно приземистые и коротконогие, скифского типа. Иначе говоря, относились к малорослым, толстоногим и, по классификации Гайдученко (2002), к категории «примитивная мясная», то есть, по современным меркам, годились только в пищу. Не следует забывать, что Л. Л. Гайдученко разрабатывал свои экстерьерные стандарты для современных, селекционно продвинутых, пород лошадей. По стандартам же античного времени особи из Акры, вероятно, котировались довольно высоко и могли иметь высокую цену.

Говоря о мясной диете обитателей Акры, следует воспользоваться подходом Е. Е. Антипиной (2005), которая исходила из того, что нельзя судить о степени преобладании мяса того или иного домашнего животного в рационе древних жителей, основываясь только на численности его костей, поскольку на кости коровы имеется гораздо больше мяса, чем на аналогичной кости, например, овцы. При этом и та, и другая кости будут записаны при подсчете как одна единица. Чтобы это исправить, Е. Е. Антипина использовала кратность веса туши того или иного домашнего животного к весу туши овцы, который был принят за условную единицу. Для коровы это цифра 7, для лошади – 6, а для свиньи – 1,2. Затем процентная доля костей каждого вида умножается на соответствующую величину, и таким образом высчитывается коэффициент мясного потребления для каждого вида, выраженный в условных единицах. После чего вычисляется процентное соотношение между этими коэффициентами, которое и отражает реальную долю мяса каждого домашнего копытного в рационе жителей памятника.

Применив такой подход к костной коллекции Акры, получаем, что в эллинистическое время конина занимала в диете Акры 13 %, говядина – 62,3 %, баранина и козлятина – всего 19 %, а свинина – 5,3 %. В римское время доля конского мяса осталась неизменной – 13,7 %, доля говядины возросла на треть – до 81,2 %, а доля баранины и свинины упала до 3,9 и 1,2 %.

При помощи этой методики определяется также и разработанный Е. Е. Антипиной «коэффициент мясного потребления», величина которого отражает обилие мясного стола вообще. Так вот, в эллинистическое время на Акре этот коэффициент равен 286,5, а в римское время – 532,5 – то есть почти вдвое больше. Таким образом, мы видим, что, судя по структуре фаунистической коллекции, уровень жизни на поселении в римское время заметно повысился.

Список литературы

Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.

Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Об-ва сельского хозяйства Южной России. Т. 86, № 1. Одесса, 1916. С. 49–186.

Вахонеев В. В., Соловьев С. Л. Боспорский город Акра в IV в. до н. э. по материалам подводных исследований // БФ: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского Гос. Ун-та пром. технологий и дизайна, 2018. Ч. 1. С. 245–249.

Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С.163–205.

Гайдученко Л. Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекарганского могильника). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2002. Т. 1. С. 173–195.

Зубарев В. Г., Жутенкова М. О. Фаунистические остатки из раскопок городища «Белинское» (по результатам работ 1996–2012 гг.) // БФ: греки и варвары на Евразийском перекрестке: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 729–733.

Зубарев В. Г., Ярцев С. В., Бутовский А. Ю., Смекало С. Л., Астахов И. А. Городище «Белинское» в восточном Крыму: итоги 25 лет исследования // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы Всерос. науч. конф. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. / ред. А. В. Зайков. Симферополь: Антиква, 2022. С. 66–68.

Каспаров А. К. Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2001. Ч. 2. С. 266–273.

Каспаров А. К. Некоторые замечания о крупном рогатом скоте в сельских поселениях эллинистического времени в Крымском Приазовье // ДБ. 2017. Т. 21. С. 215–227.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Мягкова Ю. Я. Анализ остеологического материала из Танаиса // Донская археология. 2000. Т. 2, № 7. С. 64–70.

Смекалов С. Л. Оценки численности населения Европейского Боспора (Введение в тему) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 348–358.

Смекалов С. Л. Оценка численности населения Европейского Боспора в IV–III вв. до н. э. на основе данных о погребальных сооружениях // ДБ. 2012. Т. 16. С. 360–364.

Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М.: изд-во АН СССР, 1960. С. 7–109. (МИА; № 53).

С. Г. Колтухов
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

«УЧЕНЫЕ СЛОЖНОСТИ» ПРИ АТРИБУЦИИ ТАВРСКИХ ГРОБНИЦ (ОТ ДОЛЬМЕНОВ И КИММЕРИЙЦЕВ К ТАВРАМ И КАМЕННЫМ ЯЩИКАМ ГОРНОГО КРЫМА)

Каменные гробницы Горного Крыма, относящиеся к позднейшей бронзе и раннему железному веку, оставленные племенами тавров, впервые попали в поле зрения российской науки в конце XVIII – начале XIX в., но ассоциировались они с киммерийцами, кельтами и кимврами[1]. Причиной этому была «европейская» образованность, присущая путешественникам и знатокам крымских древностей[2].

Тем не менее путешественник, естествоиспытатель и археолог Ф. Дюбуа де Монпере в соответствии с античными источниками, повествующими об исторической географии древнего Крыма, посчитал, что, параллельно с киммерийцами в Восточном Крыму, в Горном Крыму обитали тавры (*Дюбуа де Монпере*, 2020. С. 107), а следовательно, так называемые «дольмены»[3] Горного Крыма принадлежали таврам[4]. Однако в этнической атрибуции дольменов и их строителей не обошлось без двойственности, и восточную часть этой группы памятников Дюбуа посчитал киммерийской (Там же), но начало изучению погребального обряда варваров Юго-Восточного и Горного Крыма было положено.

[1] Оценки необычны для исследователей нашего времени, вооруженных многочисленными трудами, издававшимися на протяжении более чем двух столетий, но именно с этого начиналось изучение погребального обряда и материальной культуры тавров (*Храпунов*, 2004. С. 8–9; *Паллас*, 1999; *Фабр*, 1848; *Чекалев*, 1867; *Подберезский*, 1872).

[2] Единственный известный автору настоящий (подлинный!) дольмен был обнаружен в кургане, раскопанном И. Н. Храпуновым в нижней части долины р. Альма (*Храпунов*, 1992).

[3] А проще – погребальные сооружения в виде каменных ящиков, образующие отдельные могильники.

[4] Об этом ниже.

Однако рассмотрим ученые мнения в их последовательности. В ряду первых научных описаний Крымского полуострова[5], принадлежащих перу российских ученых, а описаний к концу XVIII – началу XIX в. существовало несколько[6], выдающуюся роль сыграл один из трудов П. С. Палласа, посвященный путешествиям, совершенным им в 1793–1794 гг. по южнорусским наместничествам (*Паллас*, 1999). В этом сочинении особое внимание было уделено обстоятельным характеристикам археолого-архитектурных памятников Крымского полуострова. В частности, впервые был охарактеризован могильник из каменных гробниц, принадлежавший, по мнению автора, некоему древнему и немногочисленному народу[7], находившийся около Судака у с. Токлук[8] близ скалы Паралами-Кая (рис. 1, *1*) или Паранлык-Кая.

Первое в истории описание некрополя тавров было следующим[9]: «В нескольких сотнях шагов от нее на юго-восток на бесплодной равнине, окружающей холм, я нашел замечательное место погребения, вероятно, очень древнее… Прежде всего, видно на прямой линии почти в направлении с O на W по длине тридцати двух шагов около десяти могил, обведенных на поверхности плоскими камнями, вкопанными в землю и как бы разделенных перегородками. Четыре измеренных из этих могил имеют по четыре аршина в каждой стороне, а пять других – только по два аршина и, следовательно, они продолговаты. Расстояния между ними неправильны и разнообразны… По-видимому, некоторые из этих могил имели прежде на южных концах более высокий камень. С юга в расстоянии почти двух саженей примечают также впереди этого ряда еще три одиночные могилы другого ряда, а к восточному краю – плоский холмик, окруженный камнями и два прямоугольника, обставленных по краям на ребро плоскими камнями, у которых – на южных сторонах стоящие более длинные камни… они кажутся делом… древней и немногочисленной народности» (*Паллас*, 1999. С. 105–106).

Раскопки трех гробниц в этом могильнике в 1886 г. произвел В. Д. Смирнов, обнаруживший обломки костей, два бронзовых наконечника стрел, пирамидальные подвески из синего стекла и три желтые легко крошащиеся бусины. Судя по описанию подвесок, находки относились к V–IV вв. до н. э. (*Смирнов*, 1886. С. 293–296).

Спустя несколько десятилетий естествоиспытатель и археолог Дюбуа де Монпере, совершавший в 1831–1834 гг. путешествие по Крыму и Кавказу, побывал в этой же местности. Он нашел некрополь, воспроизвел описание Палласа и, будучи человеком знакомым с балтийскими древностями и трудами археологов, заметил, что «в этом описании сразу же можно признать гробницы, которые я приписал киммерийцам; на севере Европы мы имеем эквивалент подобных сооружений в “стоячих камнях” Бретани, в “каменных ящиках” острова Рюген. Круговая ограда из камней напоминает также гробницы древних литовских героев». Ученый увидел североевропейские параллели и предположил, что могильник принадлежал «киммерийцам» (*Дюбуа де Монпере*, 2020. С. 132–133), тем более что перед этим он посетил Тамань и Керченский полуостров, с их киммерийской топонимикой, посчитав, что «некогда *киммерийцы* обладали могуществом на Боспоре». При описании Узунларского (Аккосова вала) и европейского Киммерика ученый предполагает, что и укрепление, и топоним не что иное, как воспоминание о киммерийцах и об их мощи на Боспоре (Там же. С. 107). А западная граница киммерийских земель в Южном Крыму проходила намного дальше, ориентировочно у горы Кара-Даг и местности Отуз, за ними следовала область тавров, «соседней с киммерийцами расы» (Там же. С. 226). В той же поездке была охарактеризована небольшая группа из пяти гробниц Гаспринского могильника. Каменные усыпальницы (ящики), в полном соответствии с этно-географией Таврики[10], были связаны с обитателями Горного Крыма таврами, хотя и поименованы дольменами[11]. Судя по описанию гробниц, расположенных вверх по склону (рис. 1, *2*), возвышались они одна над другой, нижняя была покрыта массивной плитой. Некрополь был связан с таврской общиной, обитавшей в окрестностях Ай-Тодора, появление у тавров «дольменов» Дюбуа объяснил влиянием восточных соседей – киммерийцев (Там же. С. 217).

Позднее А. Я. Фабр, кратко описавший каменные гробницы у Гаспры – Массандры, отнес их к числу жертвенников (*Фабр*, 1848. С. 45), впрочем, мысль эта поддержки не получила.

Предложение завершить дольменный этап принадлежало Н. И. Репникову. В 1910 г., ссылаясь на свои крымские разведки и раскопки,

[5] Напомним читателю, что история таврского вопроса будет рассмотрена отдельно, так как длительное время она не во всем и не у всех совпадала с археологическим изучением крымских древностей.

[6] Здесь достаточно упомянуть К. И. Габлица, В. Ф. Зуева, Ф. О. Черного (*Курникова*, 2020), а среди записок путешественников XVIII в. следует отметить описание крымских памятников, оставленное военным и дипломатом О. де ля Мотре (Путешествие…, 2006).

[7] Важно обратить внимание на то, что ученый-энциклопедист воздержался от этнокультурной характеристики памятника (*Паллас*, 1999. С. 105–106).

[8] Токлук (ныне Богатовка) – селение между Судаком и Солнечной Долиной.

[9] Исследователь там же отметил, что нечто близкое он видел и в Козской долине у Судака.

[10] От лежащего на востоке Боспора Киммерийского на запад к Таврике.

[11] Таврам, конечно же, родственным «киммерийцам».

он достаточно резко высказался об истории изучения «крымских дольменов», а этнокультурные и хронологические умозаключения некоторых коллег назвал тенденциозными, отменив понятие «крымский дольмен» и признав единственно возможным определением для прямоугольного плитового сооружения тавров – «каменный ящик» (*Репников*, 1910; 1927).

Включить дольмены или каменные ящики в круг мегалитических культур предложил С. А. Семенов-Зусер. Каменные ящики тавров были охарактеризованы в качестве крымских мегалитов (*Семенов-Зусер*, 1931). В более последовательной форме очерк, посвященный таврским мегалитам (могильникам и ящикам), был опубликован позднее (*Семенов-Зусер*, 1940).

Однако в это время уже начался новый этап комплексного изучения древностей тавров, в первую очередь поселений и могильников центральной и юго-западной части крымских предгорий, характеризуемых исследователями в рамках выделенной в 1920 гг. кизил-кобинской культуры (*Бонч-Осмоловский*, 1925. С. 11–12). Г. О. Бонч-Осмоловский и коллеги[12] в эту культуру уже включали мегалитические некрополи Южного и Юго-Западного Крыма.

Список литературы

Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторическая эпоха // Путеводитель по Крыму. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. С. 7–12.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Т. 5, 6. Париж, 1843 / перев. с франц., предисл. и прим. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. 368 с.

Курникова О. М. Исследования Крымского полуострова российскими учеными (конец XVIII в.) // Вестник ИВ РАН. 2020. № 4. С. 201–209.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.

Подберезский А. Киммерийские памятники // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 427–433.

Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. / пер. Н. Н. Хлебко, Н. Ш. Шульгиной; предисл. И. И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.

Репников Н. И. О так называемых «дольменах Крыма» // ИТУАК. 1910. № 44. С. 11–23.

[12] Но не все: разделение на тавров и кизил-кобинцев проявилось позднее, в трудах Х. И. Крис и А. А. Щепинского, хотя и по-разному, однако это отдельная тема.

Репников Н. И. Предполагаемые древности тавров // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (54). С. 137–140.

Семенов-Зусер С. А. К вопросу о мегалитических памятниках // Природа. 1931. № 5. С. 481–507.

Семенов-Зусер С. А. Таврские мегалиты (из материалов Крымской археологической экспедиции АН СССР) // Наукові записки Харківського пед. інст. 1940. Т. V. С. 115–161.

Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОРАО. 1886. Т. 1. С. 273–296.

Фабр А. О памятниках древних народов варварских, древнеобитающих в Новороссийском крае// ЗООИД. 1848. Т. II. С. 36–46.

Храпунов И. Н. Кеми-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 215–220.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь, 2004. 240 с. (Боспорские исследования; вып. 6).

Чекалев Н. Предполагаемые кельтские жертвенники на Южном берегу Крыма // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 516–518.

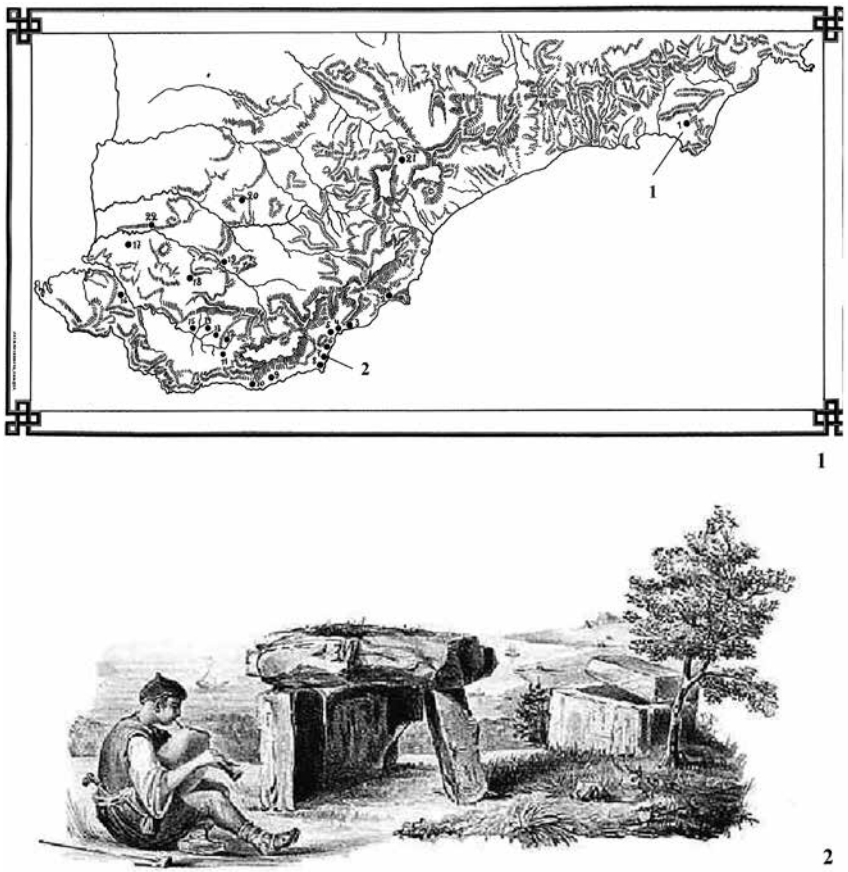


Рис. 1. *1* – могильники Горного Крыма, по Н. И. Репникову (1 – могильник у д. Токлук; 2 – могильник у Гаспры); *2* – дольмены у Гаспры, по Дюбуа де Монпере

Л. Л. Леонов, Д. О. Савельев
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

С. В. Семенова
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов

АНАЛИЗ СЛЕДОВ ОБРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДОК 2022–2023 ГГ.)[1]

В ходе разведок 2022–2023 гг. с использованием естественно-научных методов было исследовано 8 поселений эпохи поздней бронзы в Северо-Западном Крыму (рис. 1). Результаты проведенных исследований частично опубликованы (*Смекалова и др.*, 2023а, б; *Савельев и др.*, 2023; 2024; *Семенова, Леонов*, 2025). При этом среди массового материала доминируют кости животных. Некоторые из них, в том числе костяные изделия, имеют следы обработки и износа рабочих поверхностей. Их анализу и посвящено данное сообщение.

В основу их изучения была положена методика трасологического анализа С. А. Семенова (*Семенов*, 1957). В ходе визуального осмотра 2829 экз. костных остатков было отобрано три предмета, которые были изучены с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9 и электронного микроскопа Andostar ad208s. В результате были выявлены сохранившиеся микро- и макросследы их обработки и использования (рис. 2). Датировка и культурная принадлежность этих находок (эпоха поздней бронзы) были

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00010, https://rscf.ru/project/22-68-00010/.

определены в ходе предшествовавших исследований указанных памятников (Междисциплинарные…, 2020), в том числе – соответствовавшим керамическим материалом.

Удовлетворительная сохранность рассматриваемой коллекции позволила зафиксировать на этих предметах следы воздействия хозяйственной деятельности человека, следы погрызов хищниками, разрубы, порезы и результаты температурного воздействия (табл. 1).

Наиболее часто встречающийся тип таких следов (79,4 %) связан с последствиями кухонной разделки. Второй тип следов искусственного воздействия (13,2 %) обусловлен температурной обработкой. Он зафиксирован в выборках фактически со всех поселений (кроме Тюмень-5), причем на костях как крупных, так и мелких животных. Цвет горения варьирует от буро-черного до палевого и бело-серого. Черный цвет характерен для открытого огня, температурой до 600° по Цельсию (*Cain*, 2005. P. 878; *Grant*, 1982. P. 104). Палевый – обнаружен в 15 случаях, данные кости принадлежали крупным и средним животным. Такой цвет можно получить при обжиге кости в очаге или печи. Несколько костей имели бело-серый цвет обгорания, а на ряде – зафиксированы следы частичной обожженности.

К костным остаткам со следами производства были отнесены фрагменты с различными формами срезов от «раскроя» плоских костей, предназначавшихся для заготовок неких изделий, а также с частичной обработкой поверхности и изменением целостности костей. Данная категория следов была зафиксирована как на определимых, так и на неопределимых костных обломках. Рассмотрим их подробнее.

Костяная игла (рис. 2, *1*). Найдена на поселении Бораш-10. Размеры 3,4 × 0,4 см. Основным сырьем для изготовления такого рода орудий служил диафиз (?) трубчатых костей копытного средних размеров**.** Данная игла имеет конусовидную форму, полученную в результате сплошной обработки поверхности абразивом (?) (рис. 2, *1*: В). Острие – округлого сечения. На конце изделия прослеживается небольшой «негатив» со следами сглаженности (рис. 2, *1*: А). У основания иглы имеется выскобленная головка, возможно предназначенная для крепления нити. Вся поверхность изделия имеет яркую заполировку и продольные линейные следы разной толщины и длины.

Фрагмент гребня-кардЫ (?) (рис. 2, *2*). Был найден на поселении Тарханкут Н8.2. Размеры 3,2 × 0,9 × 0,3 см. Сырьем для этого орудия служила мелкая трубчатая кость копытного. Изделие представлено черенком,

«рукояткой» с округлым шлифованным основанием и четырьмя треугольными по форме выемками. В медиальной части имеется слом, в результате использования (?). Обломанный конец – с острыми краями; вторичной обработки не прослежено. Подобные орудия применялись в целях обработки шерсти и характерны для памятников эпохи бронзы (*Усачук и др.*, 2023. С. 43–53). Линейных следов и заполировки не прослеживается.

Астрагал (рис. 2, *3*). Найден на поселении Тарханкут Н2-1. Размеры 3,2 × 1,9 × 1,4 см. Левый край в медиальной стороне имеет сглаженность, возможно в ходе утилизации. Не совсем ясна функциональная принадлежность изделия, необходим полноценный экспериментально-трасологический анализ.

Итак, основной тип искусственного воздействия, представленный в рассматриваемой коллекции, составляет кухонное дробление. Хорошо прослеживается продольная разрубка трубчатых костей на тонкие длинные фрагменты. Эпифизы их в основном отсечены. Также встречаются диафизы с диагональным разрубом, что также характерно для кухонного дробления. Помимо этого, зафиксированы следы порубов и глубокие следы-зарубы. Следы кухонного характера равномерно распределены по всем пластам каждого из рассмотренных поселений (кроме поселения Тюмень-5, ввиду невозможности определить наличие и тип следов).

Анализ остатков орудий производства и заготовок дает некоторые дополнительные сведения о хозяйственной деятельности обитателей поселения. В частности, есть изделия, которые не вызывают сомнений в функциональной принадлежности и могут свидетельствовать о кожевенном производстве на поселениях Бораш-10 и Тарханкут Н8-2. Однако ввиду плохой сохранности рассматриваемых находок, а также небольших площадей раскопок данные о хозяйстве местного населения эпохи бронзы требуют уточнения и дальнейшего сбора информации. Кроме того, для более точного определения функций орудий одной из первостепенных задач станет формирование эталонной базы данных.

Таблица 1. Следы искусственного воздействия на костных остатках животных поселений эпохи поздней бронзы Северо-Западного Крыма.

Стратиграфический объект	Погрызы	Порубы /зарубы топором	Кухонное дробление, разрубы	Порезы/ надрезы ножом	Следы огня и температуры	Остатки производства, изделия, обработка кости	Всего костей со следами	Общее количество костей в объекте	% со следами
Тарханкут Н2-1	1	18	346	9	90	5	469	735	
%	0,2	3,8	73,8	1,9	19,2	*1,1*	*100*		*63,8*
Тарханкут Н2-2	1	15	196	10	17	2	241	307	
%	0,4	6,2	81,3	4,1	7,1	*0,9*	*100*		*78,5*
Тарханкут Н6	0	12	106	5	8	1	132	251	
%		*9,1*	*80,3*	*3,8*	*6,1*	*0,7*	*100*		*52,6*
Тарханкут Н8-1	0	7	264	7	64	3	345	420	
%		*2,1*	*76,5*	*2,0*	*18,5*	*0,9*	*100*		*82,1*
Тарханкут Н8-2	1	4	138	3	16	2	164	476	
%	0,6	2,4	84,1	1,8	9,7	*1,2*	*100*		*34,5*
Тюмень-7	0	2	48	6	3		59	122	
%		*3,4*	*81,3*	*10,2*	*5,1*		*100*		*48,4*
Бораш-10	2	4	286	6	32	4	334	500	
%	0,6	1,2	85,6	1,8	9,6	*1,2*	*100*		*66,8*
Всего по раскопу	5	*62*	*1384*	*46*	*230*	*16*	*1743*	*2811*	
%	*0,3*	*3,6*	*79,4*	*2,6*	*13,2*	*0,9*	*100*		*62,0*

Список литературы

Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма: коллективная монография / Т. Н. Смекалова, М. Т. Кашуба, С. А. Мульд, Ф. Н. Лисецкий, А. В. Борисов, М. Ю. Соломонова, Н. Н. Каширская, Б. У. Бэван, М. А. Кулькова, А. К. Очередной; науч. ред. Т. Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2020. 204 с.: ил. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XIX).

Савельев Д. О., Смекалова Т. Н., Борисов А. В. Кремневые изделия с поселений эпохи поздней бронзы Тюмень-3 и Тюмень-7 // ПИФК. 2023. Вып. 1. С. 5–18.

Савельев Д. О., Смекалова Т. Н., Борисов А. В. Первые результаты междисциплинарного исследования поселения эпохи бронзы Тюмень-5 в Северо-Западном Крыму. Анализ кремневого материала // Археологические вести. 2024. Вып. 42. С. 110–122.

Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1957. 239 с.

Семенова С. В., Леонов Л. Л. Археозоологические комплексы поселений на Караларском побережье в эпоху средней – поздней бронзы // ПИФК. 2025. Вып. 1. *В печати.*

Смекалова Т. Н., Борисов А. В., Деваев А. С., Савельев Д. О., Леонов Л. Л., Горошников А. А., Гаврилюк А. Н., Фридрихсон С. К., Трубникова Е. Д. Исследование потенциальных экономических зон поселений эпохи поздней бронзы Тюмень-3 и Тюмень-7 в Сакском районе Республики Крым // История и археология Крыма. 2023а. Вып. XVIII. С. 48–57.

Смекалова Т. Н., Тимонина Г. И., Семенова С. В., Горошников А. А., Горошникова З. В., Борисов А. В., Мимоход Р. А., Леонов Л. Л. Результаты археозоологических исследований поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму // МАИЭТ. 2023б. Вып. XXVIII. С. 7–23.

Усачук А. Н., Горошников А. А., Мимоход Р. А. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 36–63.

Cain C. R. Using Burned Animal Bone to Look at Middle Stone Age Occupation and Behavior // Journal of Archaeological Science. 2005. Vol. 32. P. 873–884.

Grant A. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites / eds.: B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. Oxford, 1982. P. 91–108. (BAR. British Series; 109).

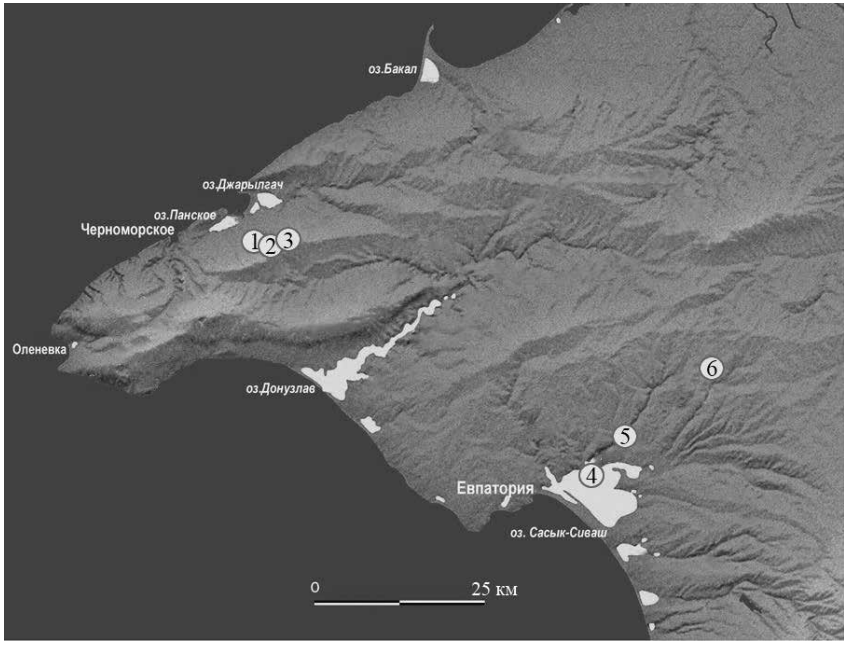


Рис. 1. Карта месторасположения памятников:
1 – Тарханкут Н2/1 и Н2/2; *2* – Тарханкут Н10; *3* – Тарханкут Н8/1 и Н8/2;
4 – Тюмень-5; *5* – Тюмень-7; *6* – Бораш-10

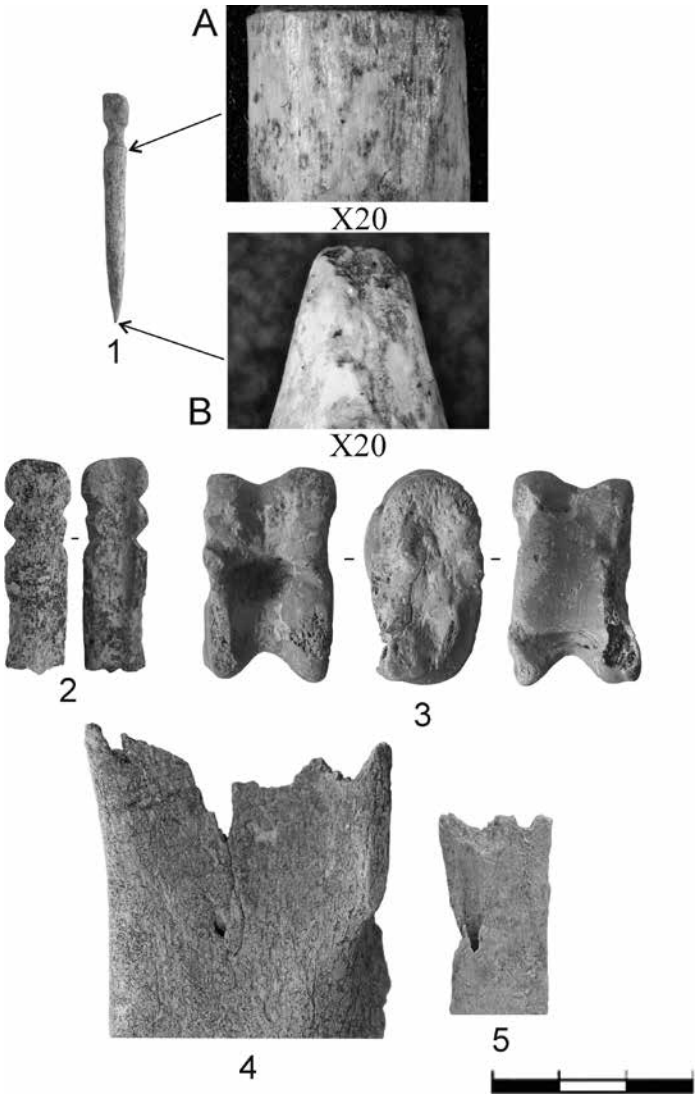


Рис. 2. Изделия из кости (*1–3*) и следы от погрызов животных (*4–5*)

В. В. Майко
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК ХРАМА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ В 1957 Г.

История изучения церкви Иоанна Предтечи достаточно хорошо известна специалистам и не раз становилась предметом специальных штудий. Упоминались работы 1889 г. Н. П. Кондакова по понижению уровня пола церкви (*Макарова*, 1998. С. 385), восстановить полный ход которых сейчас вряд ли возможно, отмечалась шурфовка 1929 г. между восточной и центральной апсидами храма архитектора П. Д. Барановского (*Майко*, 2020. С. 111), еще ожидающая публикации, анализировались раскопки 1934 г. В. Д. Блаватского средневековых объектов (Там же. С. 108), практически полностью введены в научный оборот раскопки 1956 г. М. А. Фронджуло (правда, без какого-либо иллюстративного материала), 1957 г. Е. В. Веймарна (Там же. С. 107–125) и предреставрационные работы Е. И. Лопушинской и Т. И. Макаровой в нартексе храма и центральной апсиде 1976, 1980 гг. (*Макарова*, 1998. С. 383–388).

Однако во всех публикациях этих многочисленных работ остался совершенно не проанализированным массовый археологический материал, и прежде всего – керамический комплекс. О важности его анализа для правильной периодизации этого выдающегося культового сооружения вряд ли стоит говорить. Ликвидировать этот пробел достаточно сложно, полевой документации недостаточно, а сами находки по большей части не сохранились.

Счастливое исключение составляют материалы раскопок 1957 г. Е. В. Веймарна. Отчет об этих раскопках проанализирован и результаты по большей части введены в научный оборот, однако сами археологические находки, ввиду ограниченного объема статьи, не рассматривались (*Майко*, 2020. С. 111). Будучи первоклассным полевым специалистом и очень

скрупулезным исследователем, Е. В. Веймарн в отчете (*Веймарн*, 1957а. Л. 1–20) в цвете, соответствующем цвету того или иного фрагмента, привел весь обнаруженный керамический материал. Не вошедшие в окончательные иллюстративные таблицы отчета находки, в такой же технике зарисовки и с такими же точными привязками к конкретному археологическому контексту, присутствуют в полевой документации и специальном дневнике-описи массового археологического материала (*Веймарн*, 1957б).

Суммируя все это, мы имеем счастливую и, к сожалению, вероятно, единственную возможность полностью проанализировать весь комплекс артефактов, найденных при работе в храме Иоанна Предтечи.

Напомним очень коротко археологические контексты, с которыми связан археологический материал, использованный нами в работе.

В ходе работ 1957 г. было заложено 5 шурфов примерной площадью 40,50 кв. м (рис. 1). При этом максимальная глубина раскопок составила 2,95 м, и доведены они были до уровня горизонтов VI–VII вв. н. э. Во всех шурфах удалось проследить пять строительных периодов. К первому относится кладка, перекрывшая верхний ярус могил прихрамового некрополя. Ко второму – три плитовые могилы, составляющие верхний ярус захоронений. К третьему – также три первоначальные плитовые могилы, часть из которых перекрыла городской водосток. К четвертому периоду относится сам водосток. К пятому – первоначальная кладка крупной постройки, полностью перекрытой храмом.

Отметим, что всего в ходе работ было обнаружено около 500 фрагментов керамики и единичные индивидуальные находки. Керамика представлена и крупными фрагментами сосудов, часто до 1/3 высоты, и мелкими стенками, и профильными частями. Необходимо отметить и сложную стратиграфическую картину, к сожалению, не до конца отраженную в отчете, что связано с методикой раскопок того времени «по штыкам». Точного сопоставления выявленных архитектурно-археологических остатков со стратиграфическими горизонтами и прослойками нет. Помимо этого, сами стратиграфические горизонты, как явствует из описи, были в значительной степени потревожены позднейшими перестройками, особенно 1912 г. Подавляющее большинство находок происходило из шурфа I, находки в шурфах IV и II, в том числе крупные фрагменты, были немногочисленны и разновременны, а в шурфах III и V это были единичные трудноатрибутируемые мелкие фрагменты.

Исходя из этого, попытаемся сгруппировать все находки из шурфов по хронологии и сопоставить с выявленными архитектурно-археологическими объектами.

Наиболее представительную коллекцию составляют фрагменты посуды ранневизантийского времени. Амфоры представлены сложнопрофилированными венчиками и верхней частью сосудов типа V по АДСВ-1971, в т. ч. типа 98а Зеест (рис. 2, *1–4, 6*). Сейчас они датируются в пределах второй четверти VI – VII в. В Херсонесе эти амфоры продолжали оставаться одним из наиболее многочисленных типов вплоть до третьей четверти – конца VII в. Близкая ситуация прослежена и на Боспоре (*Смокотина*, 2020. С. 532).

Такие же многочисленные и фрагменты критских амфор TRC 4/Зеест 99, представленных в нашем комплексе фрагментами венчиков и верхней частью (рис. 2, *13, 14*). Статистические исследования показывают, что эти амфоры были наиболее популярным и широко распространенным типом критских амфор в Боспорском регионе. Важно отметить, что к концу VI в. их доля в комплексах возрастает до 80 % и более (Там же. С. 536). Не исключено, что так продолжается и до середины VII в. Вместе с амфорами типа V по АДСВ-1971 они доминируют среди тарной керамики и в других крымских комплексах.

Отметим и верхнюю часть амфоры типа LR-1 (рис. 2, *12*). Эволюция амфор типа LR 1 с конца IV до середины VII в. связана с изменением диаметра венчика и формы тулова. В настоящее время выделяется два основных и несколько производных вариантов таких амфор. В нашем случае мы можем говорить о варианте LR 1B1.

Встречен и венчик амфоры типа MR 18/LR 2 с воронковидным горлом (рис. 2, *5*). В настоящее время по форме горла и тулова выделяются три варианта таких сосудов. Является ли это хронологическим индикатором ранних и поздних форм, сказать сложно.

Присутствуют и остродонные окончания тулова амфор, вероятнее всего типа 103 Зеест (рис. 2, *8–10*). Согласно современным разработкам, эти амфоры изготавливались со второй половины IV в. и, вероятно, до третьей четверти, а может быть, и до конца VII в., однако их более детальная эволюционная типология пока не разработана (Там же. С. 522).

Столовая и кухонная посуда представлена венчиком миски типа LRC-3G (рис. 2, *16*), сложно профилированным венчиком и нижней частью тонкостенных кухонных горшков (рис. 2, *7, 19*) и разного типа кольцевыми поддонами от краснолаковых сосудов (рис. 2, *11, 17*), атрибутировать которые довольно сложно. К столовой керамике можно отнести и нижнюю часть сероглиняного лощеного биконического кубка (рис. 2, *18*). Индивидуальные находки представлены керамическим грузилом (рис. 2, *15*).

Совокупность всех элементов керамического комплекса позволяет датировать его в рамках первой половины – середины VII в. и связать большую часть находок с последними годами функционирования крупного дома, перекрытого храмом Иоанна Предтечи.

Второй блок находок, значительно меньший по количеству, составляют фрагменты посуды середины VIII – конца IX в. Они представлены несколькими венчиками и фрагментами донышек амфор с МЗР второй половины VIII – первой половины IX в. (рис. 3, *2, 8, 9*). Численно преобладают амфоры причерноморского типа (рис. 3, *1, 3, 4, 7*) и фрагменты высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 3, *5, 6*). Встречены и венчики кухонных гончарных горшков, которые, возможно, относятся к рассматриваемому периоду (рис. 3, *10, 11*). Не исключена, однако, и их более ранняя или, наоборот, более поздняя датировка. Нет никаких сомнений, что данный комплекс находок следует связывать с городским водопроводом, функционировавшим весь хазарский период истории Боспора.

Ввиду организации со второй половины X в. прихрамового некрополя, ставшего впоследствии крупнейшим городским средневековым кладбищем, находок периода середины X – первой половины XV в. в данной коллекции нет.

Выделяется и третий блок находок. Он представлен достаточно многочисленными фрагментами поливных красноглиняных тарелок (рис. 4, *1–7*), в том числе с орнаментом сграффито (рис. 4, *9–14*). Отметим и кольцевой поддон импортной византийской тарелки, вероятно, Elaborate Incised Ware (рис. 4, *8*). Такой набор поливной керамики характерен для первой половины – середины XV в. Вероятнее всего, он связан с кладкой, образующей в шурфе I угол и состоящей из крупных, хорошо обработанных каменных блоков. Напомним, что южный конец этой кладки расположен на цоколе северной стены храма и пристроен непосредственно к позднему закладу порога входа. С этим строительным периодом связана и зафиксированная в шурфе V вымостка, сделанная из тесаных каменных плит и бутового камня.

Таким образом, проанализированный археологический материал в целом подтверждает архитектурно-археологическую периодизацию, предложенную в предыдущих работах. Точное время возникновения дома, перекрытого храмом, установить сложно, но прекращение его функционирования приходится на середину – третью четверть VII в. В середине VIII в. на месте перекрытого слоем нивелировочного грунта первоначального дома возникает городской водопровод и существует до начала X в. В середине X в.

возникает городской некрополь, активно использовавшийся до середины XV в. В первой половине – середине XV в. с внешней стороны храма идут локальные перестройки, цель которых до конца не ясна. Однако именно с ними связаны накопление синхронного культурного слоя и достаточно представительный комплекс находок.

Список литературы

Веймарн Е. В. Отчет об археологических исследованиях, произведенных в церкви Иоанна Предтечи в г. Керчи в 1957 г. (1957а) // НА ИАКр РАН. Инв. кн. 6. Инв. № А-№41/1. Папка 84.

Веймарн Е. В. Предварительный отчет о работах Горно-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1957 г. (1957б) // НА ИАКр РАН. Инв. кн. 6. Инв. № 1265. Папка 1615.

Майко В. В. Археологические исследования храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Владимирский сборник II: материалы междунар. науч. конф. «III Свято-Владимирские чтения». Севастополь, 2020. С. 107–125.

Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.

Смокотина А. В. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III. Археологические комплексы второй половины III – VII вв. / отв. ред. А. И. Айбабин. Симферополь; Керчь, 2020. С. 509–618. (БИ Suppl.)

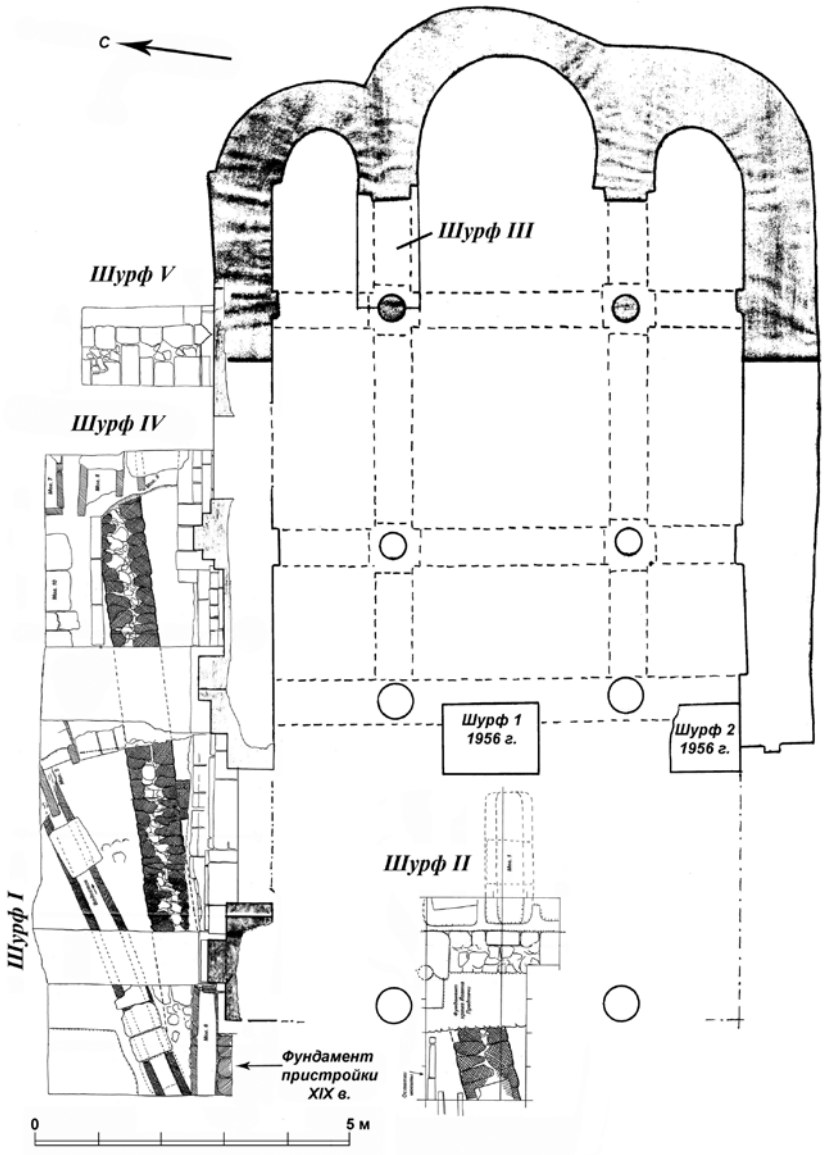


Рис. 1. План храма Иоанна Предтечи с указанием месторасположения шурфов 1956 и 1957 гг. I–IV – шурфы 1967 г.

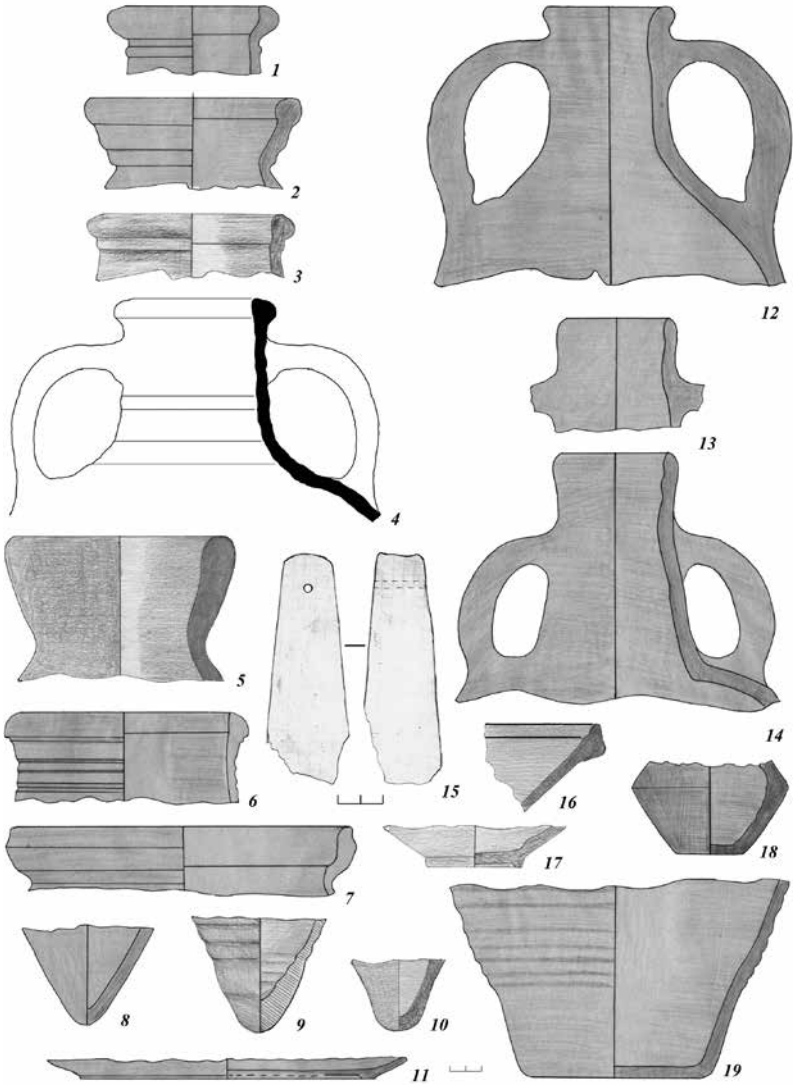


Рис. 2. Археологический материал первой половины VII в. из материалов раскопок храма Иоанна Предтечи 1957 г.:
1–3, 6, 7, 11–13, 15 – шурф I, западная часть; *4* – засыпь шурфа II; *5, 8, 10, 17, 18* – шурф I, восточная часть; *9* – шурф I, юго-восточный угол; *14, 16, 19* – шурф IV

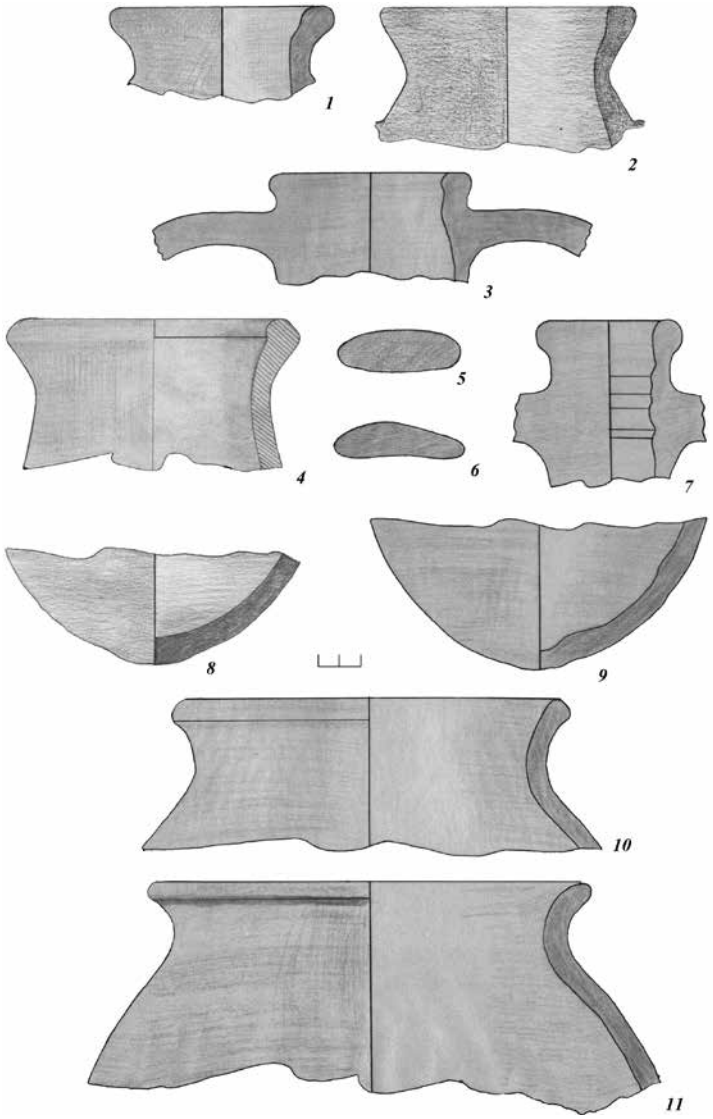


Рис. 3. Археологический материал второй половины VIII – начала X в.
из материалов раскопок храма Иоанна Предтечи 1957 г.:
1–3, 7, 9–11 – шурф I, восточная часть; *4–6* – шурф I, западная часть; *8* – шурф IV

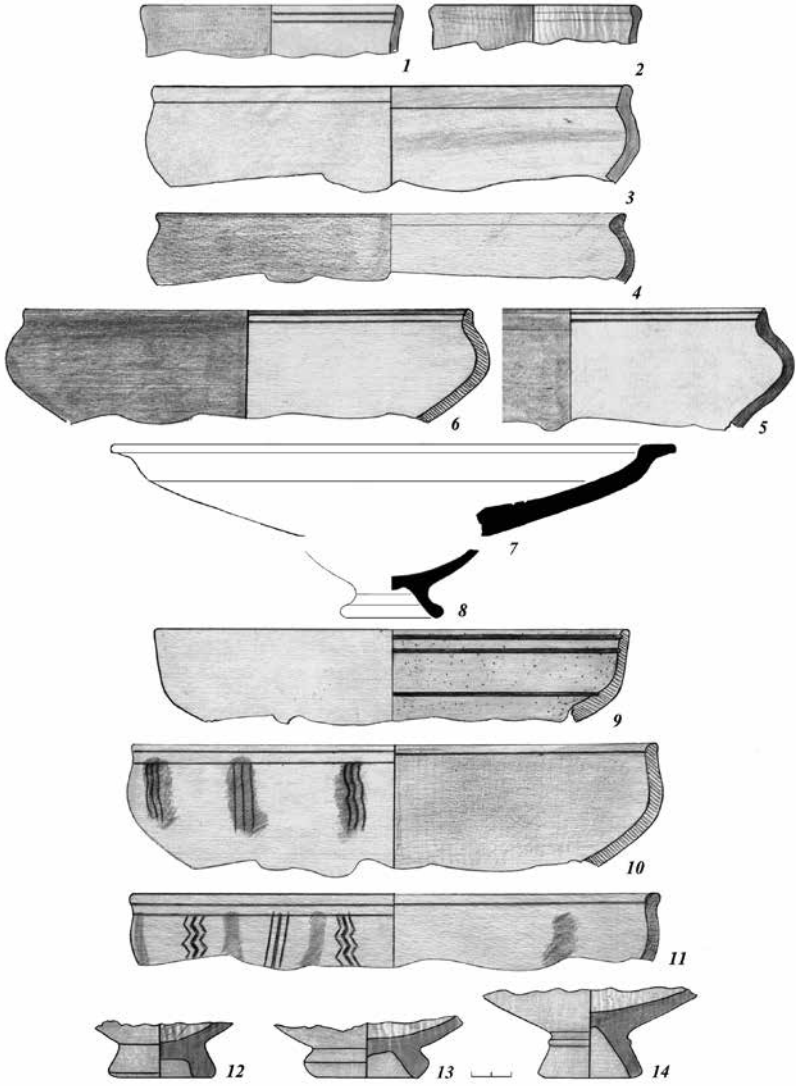


Рис. 4. Археологический материал первой половины – середины XV в.
из материалов раскопок храма Иоанна Предтечи 1957 г.:
1, 2, 4–6, 9–11 – шурф I, западная часть; *3* – шурф I, восточная часть; *7, 8* – шурф II

А. А. Масленников
Институт археологии РАН, г. Москва

ЕЩЕ РАЗ О «БОСПОРЦАХ» ИЛИ «БОСПОРЯНАХ»[1]

Почти полвека тому назад автор, работая над своей кандидатской диссертацией, увлекся мыслью о некоей этнокультурной общности населения Боспорского государства, именовавшейся некоторыми античными авторами «боспорцы» или «боспоряне». (Вам это ничего не напоминает?) Суть ее, если очень кратко, заключалась в том, что к какому-то периоду местной истории изначально разные (разноэтничные) культурные традиции, погребальная практика и религиозные представления обитателей боспорских городов и сельских поселений, да и сами они, так сказать, в физическом плане «снивелировались» настолько, что стало возможным говорить о появлении своего рода койне, что и нашло отражение в упомянутых письменных источниках, видевших все это как бы со стороны. При этом основными составляющими данного явления стали соответствующие «компоненты» эллинского, прежде всего городского, в его боспорском варианте, разумеется, этнокультурного «массива».

Собственно, идея эта не принадлежала самому автору, а появилась вследствие анализа уже немалого археологического материала, который накопился к тому времени в ходе раскопок городских и особенно сельских некрополей, главным образом на территории Керченского полуострова. Разумеется, изыскания и в других областях боспороведения также отчасти способствовали этому же, но погребальный обряд, как бы это ни подвергалось сомнениям и переоценкам, остается все же пока важнейшим показателем, а то и критерием при всех такого рода историко-культурных реконструкциях и гипотетических построениях. Итак, до этого почти что *a priori*

[1] Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН по теме: «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии на перекрестке культур и цивилизаций» (НИОКР № 122011200269-4).

предполагалось, что в боспорских городах в основном жили местные и пришлые греки и, кое-где, – «огречившаяся» в той или иной степени варварская знать, а на хоре – в основном «разного рода и племени» варвары. И вдруг, совершенно неожиданно, выяснилось, что почти по всем общим и частным характеристикам и показателям погребальный обряд городского и сельского населения оказался практически идентичным. Разумеется, речь шла о синхронных памятниках, относившихся к тому же в целом к периоду второго «расцвета» Боспора, то есть рубежу – первым векам н. э. В контексте «впитанного с молоком матери» тезиса о греко-варварском характере и составе населения этого государства такой вывод выглядел не только неожиданным, но и как бы неисторичным и неправомерным. Однако со временем с ним как-то свыклись и как будто бы и не спорили.

Прошло немало лет, и, благодаря успешным и весьма обширным раскопкам некрополей близ некоторых боспорских городов, да и их самих, а также могильников и разного рода поселенческих структур на пространствах хоры, был получен значительный, разнообразный, а где-то и принципиально важный новый материал, позволяющий вернуться к данной тематике. Относительно Азиатского Боспора здесь надо в первую очередь отметить раскопки Фанагории и ее некрополя, чрезвычайно примечательные изыскания в окрестностях ближней хоры Анапы/Горгиппии и, конечно, исследования грандиозного некрополя Волна I. В Восточном Крыму это – успешные раскопки городищ и некрополей «Артезиан» и Белинское, в районе Крымского Приазовья и в ходе работ на трассе Таврида. Все это – многие, многие сотни погребальных комплексов и немало наблюдений и даже открытий, в том числе имеющих отношение и к данной тематике.

Если же обратиться к выводам, то можно свести их к следующим тезисно выраженным положениям:

- греко-варварская этнокультурная (но не государственная?) специфика, вернее – различия Боспора, прежде всего на его сельской территории, отчетливо имели место в период интенсивного освоения и эксплуатации хоры, особенно дальней, то есть во второй четверти IV – первой трети III в. до н. э. Естественно, аналогичным образом дело обстояло и ранее, но не столь «представительно». В наибольшей степени все это очевидно (пока?) для Европейской части государства. Варвары же, подвластные ранним Спартокидам, кроме юго-восточных его окраин (Анапа, п-ов Абрау), в это время в археологическом плане все еще себя почти никак не «обозначили»;

- в городах, как в этот, так и в более ранний периоды, за известным исключением некоторых элитарных и не только гробниц, мы видим практически абсолютное доминирование всего эллинского, в том числе в области обрядовых практик, включая погребальную, да и в плане «физического» этноса тоже;

- следующие полтора-два века местной истории, вплоть до митридатовского, а может быть, даже предмитридатовского времени в рассматриваемом плане во многом остаются для историков и археологов как городской, так и сельской «ориентации» своего рода *tempus incognita*. При этом в Европейской части государства мы, на фоне практически полного исчезновения всех типов памятников предшествовавшего времени, имеем серию хорошо изученных (раскопанных) городищ, явно демонстрирующих свое культурное (в самом широком смысле этого термина) своеобразие, за которым очень даже может стоять и этнический «аспект». Но вот с подтверждением этого тезиса, так сказать, со стороны погребальной практики их обитателей все обстоит по-прежнему словно бы никак. Не лучшим образом можно охарактеризовать в этом отношении и хору Азиатского Боспора;

- от бурной эпохи Митридата и его ближайших преемников мы вправе были ожидать заметных и даже определяющих, археологически фиксируемых этносоциальных и культурных перемен. Однако узость хронологических рамок и иные трудности выявления, сохранности, изучения и датировки соответствующих археологических объектов, а равно и прочие обстоятельства пока не позволяют убедительно подтвердить вышеобозначенный и кажущийся таким естественным в общеисторическом плане тезис о «всеобъемлющем» и массовом греко-варварском симбиозе на Боспоре;

- так или иначе, но, как уже писалось выше, именно с этого времени и вплоть до конца первой трети (а то и несколько позднее) III в. н. э. мы имеем основания говорить о некоей упомянутой «общности» – боспорянах. Причем как в городах, так и на территории дальней хоры (о ближней – практически пока нет информации) определяющим «компонентом» в этом симбиозе оставался провинциально-эллинский – по своему содержанию и во всех его проявлениях, включая основные религиозные представления, культовую практику и погребальную обрядность. Никакого явно сарматского или иного варварского влияния и присутствия сколь-либо явственно и масштабно не наблюдается. (Даже в начале III в. н. э. для неких алан нужен был переводчик.) Правда, все это пока наиболее очевидно опять-таки в отношении Европейской части боспорской хоры;

- наверное, именно в это время термин «боспоряне», «боспорцы» уместно рассматривать не только как территориально-подданнический, но и как этнокультурный, очевидный, как уже отмечалось, для «постороннего взгляда»;

- в немалой степени все это, как процесс, поддерживалось общим культурно-экономическим и военным благополучием и стабильностью всего античного мира в рамках «раннего и зрелого Золотого века» Римской империи;

- периодически имевшие место крупные конфликты и массовые перемещения варварского сопредельного окружения («малое переселение народов») как будто бы никак существенно не отразились на рассматриваемом аспекте характеристики населения Боспора. Скорее всего, наверняка случавшаяся время от времени соответствующая «инфильтрация» относительно быстро и легко «нивелировалась»;

- зато общеимперский крах политической стабильности – кризис системы организации власти, смена гражданства – подданством, военная несостоятельность и т. п. перемены, совпавшие с началом (первой волной?) Великого переселения народов, прервали процесс формирования греко-варварского (точнее – позднеантично-провинциального) этнокультурного «пространства» и на Боспоре;

- помимо практически повсеместного разрушения и, как принято считать, последующей рустификации городских центров, эти «новации» (в отрицательном, разумеется, смысле) изменили состояние и состав населения боспорских городов и сельской территории. Она в ближайшие примерно три столетия сократилась, хотя, как это ни странно, не исчезла вовсе. Более того, многие прежние городища в Приазовье продолжали существовать как будто бы вполне себе благополучно и без существенных изменений. Однако, судя по повсеместному прекращению (условно – после «готских походов») функционирования сельских святилищ античного «типа», качественные перемены в области религиозного сознания и сакральной практики явно имели место. А вот стояла ли за этим и этнокультурная смена – не вполне ясно, хотя и вроде как допустимо. (Все сказанное снова в основном опирается на Восточно-Крымский материал; что «творилось» по другую сторону пролива – автору судить сложнее.);

- при всем этом – все же как будто бы нет оснований говорить о полном крахе всего античного и возвращении к этнокультурному «многообразию» и обособленности, сопровождавшимся территориальным распадом и «разгосударственностью» (впрочем, отчасти и это имело место: серия

полузависимых (?) варварских «государств» на боспорском пограничье; Боспор, как государство, вероятно, сократился до рамок Пантикапея и его округи, да и сама прежняя столица, очевидно, сменила название). Иными словами – к торжеству всего варварского;

- в то же время в погребально-обрядовой практике как городского, так и сельского населения позднеантичного Боспора вновь, особенно на элитарном уровне, заметно усиление варварского (германо-аланского и, может быть, гуннского) компонента. Прежде всего, это выразилось в «вещеведческих новациях», в целом характерных для всей позднеримской Ойкумены. Однако есть и письменные свидетельства более или менее долговременного обитания на пространствах прежней хоры достаточно многочисленных варварских племенных образований;

- в области и сельской, и городской погребальной практики для новаций этого периода наиболее характерны и, кажется, повсеместны (опять-таки в Европейской части Боспора) семейные (?) земляные склепы с нишами-лежанками, что отмечалось уже неоднократно и многими исследователями. Вряд ли за этим стояли только этнические «причины». Не исключено, что (вместе с первыми христианами?) эти гробницы появились на Боспоре как одно из последствий тех же готских походов;

- как именовали себя подданные боспорских правителей IV–VI вв. н. э.? Стали ли некие этниконы/этнонимы при этом господствовавшими или нет? Судить сложно. Думается, правы те исследователи, которые полагают, что так «полюбившийся» нам термин «боспоряне» приобрел в это время скорее локально-территориальный смысл (см. выше), в какой-то степени соответствуя «ромеям» в Византийской империи.

Н. В. Молева
Независимый исследователь, г. Нижний Новгород

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ХТОНИЧЕСКИХ АЛТАРЕЙ ИЗ СВЯТИЛИЩ КИТЕЯ

Алтари с древнейших времен являлись важнейшей составляющей частью каждого святилища или храма античного мира. Все главные религиозные действия совершились на ритуальных площадках перед алтарями.

Внешний вид этих сооружений, как и сам характер церемоний, включая обряд жертвоприношения, соответствовали старинным обычаям предков, строго соблюдались и почти не изменялись на протяжении веков (*Yavis*, 1949. С. 54; *Гиро*, 1994. Гл. VIII. С. 42–43).

Большинство из нескольких десятков алтарей, обнаруженных в китейских святилищах, связаны с церемониями в честь богов подземного мира: возлияниями кровью жертвенных животных, вином, медом, молоком, а также приношениями продуктов питания и различных вотивов. Хтонический характер китейских святилищ является особенностью сакральной жизни городской общины и, вероятно, всех малых городов и сельских поселений Боспора. Этот архаический признак, по мнению А. А. Масленникова, «хтоническая окраска» боспорских святилищ, является их отличительной чертой, тем более что «хтоничность» в той или иной степени была присуща большинству персонажей греческого пантеона. Популярность таких культов имела и экономическую основу, поскольку была связана с представлениями о плодородии почвы и скота, а также с культом предков и сейсмическими колебаниями земли. Все это в полной мере нашло отражение в сакральных практиках на Боспоре (*Масленников*, 2007. С. 528–529).

Хтонические алтари Китея отличаются своим разнообразием. Они сделаны из монолитных камней, бывают большие и маленькие, с просверленными или выдолбленными сквозными отверстиями (*Молева*, 2020. №№ 3, 37, 54, 76, 78). Они изготавливались и использовались в святилищах с IV в.

до н. э. по III в. н. э. Вполне вероятно, что и дисковидные алтари, как и жернова, предназначались для отправления культов хтонических богов (*Масленников*, 2006. С. 73–75; *Русяева*, 2006. С. 60). Мысль о сакральной роли жерновов в отправлениях в честь хтонических богов на Боспоре была высказана И. А. Тульпе и В. А. Хршановским (*Тульпе, Хршановский*, 1994). В Китее такой алтарь (жернов на подставках) был найден *in situ* (*Молева*, 2020. № 76). Случаи нахождения дисковидных алтарей в сакральных комплексах хтонического назначения известны на Боспоре на городищах Артезиан (*Винокуров*, 1998. С. 146, рис. 54; 2002. С. 191; 2018. С. 97) и Белинское (*Зубарев*, 2003. С. 138–143; 2019), в святилищах на Азовском побережье (*Масленников*, 2006. С. 73–75). Такие примеры есть во Фракии (*Балабанов*, 2002. P. 541–547) и в Ольвии (*Русяева*, 2006. С. 60–61). Существует общепризнанное мнение, что круглые и дисковидные алтари применялись именно в культах хтонических божеств (*Dinahet*, 1991. P. 109–110).

В настоящем исследовании будет представлена группа из четырех алтарей, несколько необычных по устройству, но явно хтонических по своему предназначению. Все они были обнаружены на территории сакральных комплексов: два – в Центральном городском святилище («Зольник», раскоп II), по одному – в святилище у западной крепостной стены (раскоп I) и в ритуально-погребальном комплексе в юго-западном предместье Китея. Эти своеобразные алтари представляют собой ботросы, иногда незначительной глубины, на дне которых выложены плоские камни, природные или обработанные, образующие некую конструкцию. Они являют сочетание в одном целом алтарей, сложенных на земле, и хтонических ботросов.

Последние служили самыми древними хтоническими алтарями. К. Явис относит такие «священные ямы» к типу грунтовых жертвенных алтарей и считает их древнейшими, ведущими свое происхождение от минойской культуры (*Yavis*, 1949. P. 56, 92–93). В Китее отправление обрядов жертвоприношений изначально также осуществлялось в ботросы природного происхождения – фависсы со второй половины V в. до н. э. И только позже, по мере заполнения этих ям над ними сформировался зольный холм – святилище (*Молева*, 2015. С. 105). Это произошло ближе к середине IV в. до н. э. Роль фависс в этом святилище стали выполнять ботросы – искусственно вырытые ямы, которых открыто около сотни. В них на протяжении тысячи лет осуществлялись приношения богам подземного мира (*Русяева, Назарчук*, 2006. С. 67–68). Такие ботросы можно подразделить на два вида: а) почти без находок, с рыхлым коричневым или зеленоватым грунтом; б) заполненные золой и предметами различного рода: обломками посуды,

терракот, печиной, костями животных. Настоящими хтоническими алтарями, вероятно, были первые. Они использовались для возлияния богам. Редкие находки в них – это фрагменты амфор и сосудов открытых форм. Вторые, видимо, содержали остатки ритуальных трапез, происходивших после жертвоприношения, которые тоже считались священными, о чем свидетельствуют вотивы, находимые в этих ботросах среди прочего.

Тот факт, что дно таких ботросов маркировалось плоскими природными камнями или дисковидными алтарями, подтверждает сакральное предназначение таких ям (*Молева*, 2020. С. 19, №№ 44, 72). Камни округлых очертаний сами по себе являлись хтоническими алтарями, поскольку были сложены прямо на грунте, что способствовало непосредственному попаданию возлияний под землю. Таких конструкций в святилищах Китея известно семь (Там же. С. 40, кат. №№ 70–76). Расположение на дне ботросов было призвано усилить их хтоническое назначение.

Обратимся к краткой характеристике таких алтарей из Китея. Особый интерес представляет ботрос 71 (*Молев, Молева*, 2022. С. 388, № 18; С. 393, № 18) из окружающего ритуального комплекса с терракотами и четырьмя другими алтарями IV–III вв. до н. э. (Там же. С. 384, кат. № 21). На дне этой специально вырытой под этот алтарь ямы глубиной всего 20 см находилась плита из песчаника, слегка подтесанная и расколотая на три части. Форма ее граненая, хорошо вписывается в окружность ямы. На ее поверхности заметны две концентрические, геометрически правильные окружности (одна в другой) в самом центре. Они природного происхождения и представляют собой железистые конкреции бурого цвета (рис. 1). Вероятно, именно эти окружности послужили причиной сакрального отношения к этой плите и помещения ее в специальный ботрос. Никаких находок в этой яме не было. Очевидно, что это сооружение применялось только для возлияний. Все окружающее этот ботрос пространство было насыщено десятками терракот, чернолаковой керамикой и тремя дисковидными известняковыми алтарями.

Еще одна композиция из плоских алтарных камней была выложена на дне ямы 92 глубиной 1,4 м. Она состояла из трех обработанных плит: центральная, дисковидной формы (d = 0,6 м) с углублением посередине, и две продолговатые, подтесанные изнутри полукругом и обрамляющие диск в центре с обеих сторон (рис. 2). Все эти камни выполнены из плотного известняка; на них – следы работы шпунтом и шлифовки. На внешней поверхности центральной плиты есть круглое углубление с горелым пятном (*Молева*, 2020. С. 100, № 20). Под этим сооружением находилась

небольшая ямка с фрагментами амфор III в. до н. э. (*Молев, Молева*, 2022. С. 390). В заполнении ботроса много золы, фрагментов кружальной и лепной керамики открытых форм, встречались обломки амфор и кости животных. Дата сооружения этого ботроса очевидна: это первая половина III в. до н. э. Изначально он являлся хтоническим алтарем, на котором совершались обряды, связанные с сожжением небольшого количества жертвоприношений и возлияниями. Впоследствии, в течение нескольких десятилетий, эта яма заполнялась остатками ритуальных трапез и золой.

Следующий алтарь происходит из поминально-ритуального комплекса в юго-западном предместье Китея, почти примыкающего к его западной крепостной стене. Алтарь был найден в яме 380 (на дне) и представлял собой большой известняковый диск (d = 0,7 м, толщина плиты = 0,1 м), хорошо обработанный (рис 3). Сам ботрос довольно глубокий (1,7 м), в связи с чем в стенке его была сделана приступка для спуска к алтарю.

Хронологические рамки находок всего комплекса очень широки: от IV в. до н. э. до IV в. н. э. (*Молева, Хршановский*, 2024. С. 336–337, кат. № 1). В районе ямы 380 весь верхний слой отмечен находками IV в. н. э. Сама яма в нижних ее слоях была пустой; сверху – общий для комплекса слой IV в. н. э. Присутствие этого ботроса на поздней ритуальной площадке можно объяснить тем, что при строительстве городской западной крепостной стены во II в. до н. э. святилище IV–II вв. до н. э. было разделено: меньшая его часть осталась в городе, большая – за его пределами и вошла составной частью в погребально-поминальный комплекс (*Молев, Молева*, 2016. С. 149). Вероятно, яма 380 осталась от этого святилища. В первых веках н. э. она была засыпана, и над ней сформировался поздний слой. Что касается дисковидного алтаря, то он аналогичен таким же памятникам, неоднократно находимым в китейских святилищах (*Молева*, 2020. №№ 45–47) и датирующимся IV–III вв. до н. э. К тому же времени, видимо, относится и алтарь из ямы 380, изначально служивший для возлияний, о чем свидетельствует отсутствие в ней находок.

Последний ботрос, дно которого маркировано двумя алтарями, представляет собой яму 98, перекрытую башней «И» (западная крепостная стена) во II в. до н. э. Размеры ямы: глубина = 0,5 м, диаметр = 1,2 м. На дне этого ботроса расположен небольшой алтарь округлой формы из поставленных на ребро плиток известняка. В центре этой конструкции был положен плоский камень на подсыпке из мелкого песка (рис. 4). На дне ботроса были выложены еще три плоских камня (30 × 20 см). Яма была заполнена рыхлым коричневым грунтом без золы и фрагментами амфор Хиоса, Родоса,

Гераклеи, чернолакового канфара, чернолакового светильника, кружальной и лепной посуды открытых форм; там же были найдены несколько костей крупного и мелкого рогатого скота, птицы и рыбы. Материал заполнения ботроса датируется второй половиной IV – III в. до н. э. (*Молева*, 2020. С. 106–107, 110, № 81). Обилие находок свидетельствует о том, что в эту яму, после совершения возлияний на алтарях, сбрасывались остатки ритуальных трапез. Использование этого ботроса, видимо, было недолгим, хотя и неоднократным, учитывая его небольшую глубину. Вероятно, все ритуальные действия производились там на рубеже IV–III вв. до н. э.

Итак, хтонические алтари, найденные в святилищах боспорского города Китея, отличаются значительным разнообразием, которое происходило от различий в отправлениях культов в честь многочисленных богов. Использование таких алтарей – часто встречаемое явление в сакральной жизни городской общины и ее культовых практиках. Это можно объяснить периодичностью и постоянным повторением жертвоприношений в честь хтонических богов, что обеспечивало непрерывность связи между людьми и божественной силой нижнего мира (*Мосс*, 1999. С. 217–222).

Применение хтонических по своей сути и устройству алтарей на днищах ботросов было призвано усилить их хтоническую сущность и ускорить попадание жертв в подземный мир.

Список литературы

Балабанов П. Ритуальные ямы как универсальный элемент общения с богами в Древней Греции и Скифии // Thrace and the Aegean: Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology / ed. A. Fol. Vol. II. Sofia, 2002. P. 541–547.

Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. 152 с.

Винокуров Н. И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // БФ: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб.: изд-во ГЭ, 2002. С. 189–194.

Винокуров Н. И. Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье // XIX Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2018. С. 89–99.

Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М.: Ладомир, 1994. 672 с.

Зубарев В. Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н. э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ. 2003. Т. 6. С. 138–151.

Зубарев В. Г. Предварительные итоги и перспективы археологических раскопок в восточной части городища «Белинское» // XX Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2019. С. 241–249.

Масленников А. А. Античное святилище на Меотиде. М.; Тула: Гриф и К, 2006. 151 с.

Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: Гриф и К, 2007. 561 с.

Молев Е. А., Молева Н. В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2016. 452 с.

Молев Е. А., Молева Н. В. Боспорский город Китей. Ч. III. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского гос. университета, 2022. 453 с.

Молева Н. В. Деметра в Китейском святилище конца V – IV вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 105–109.

Молева Н. В. Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского гос. университета, 2020. 128 с.

Молева Н. В., Хршановский В. А. Алтари из юго-западного предместья Китея // ДБ. 2024. Т. 29. С. 336–350.

Мосс М. О функции и природе жертвоприношения // Метафизические исследования. Вып. 10. Религия. СПб., 1999. С. 215–229.

Русяева А. С. Строительные остатки алтарей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2006. С. 53–74. (МАИЭТ Suppl; вып. 2).

Русяева А. С., Назарчук В. И. Строительные остатки алтарей. IV.4. Ботросы // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2006. С. 67–74. (МАИЭТ Suppl; вып. 2).

Тульпе И. А., Хршановский В. А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994. С. 108–109.

Dinahet M.-Th. Autels monolithes et monolithoïdes de Délos // L'espace sacrificiel dans les civilisations méditerranéennes de l'Antiquité, Actes du colloque tenu à la Maison de l'Orient. Paris: de Boccard, 1991. P. 109–120.

Yavis C. G. Greek Altars: Origins and Typology. An Archaeological Study in the History of Religion. Saint Louis: University Press, 1949. 266 p. + 54 figs.

Рис. 1. Алтарь из сакрального комплекса IV в. до н. э.
в Центральном городском святилище (ботрос 71)

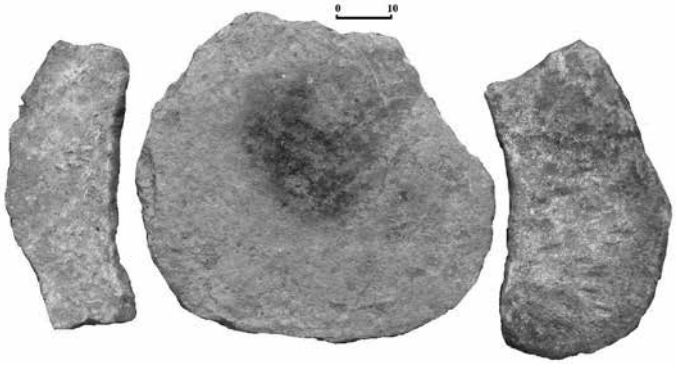


Рис. 2. Алтарные плиты со дна ботроса 92 III в. до н. э.
в Центральном городском святилище

Рис. 3. Дисковидный алтарь III в. до н. э. на дне ботроса 380 в ритуальном комплексе юго-западного предместья Китея

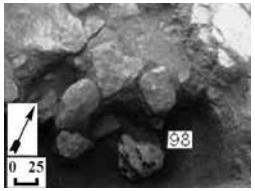


Рис. 4. Алтарь из вертикально поставленных камней в ботросе 98 в святилище у западной крепостной стены 2-й половины IV – 1-й половины III в. до н. э.

С. Ю. Монахов
Саратовский государственный университет, г. Саратов

ВКУСОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ, В СИНДИКЕ И В МИРЕ МЕОТОВ В IV В. ДО Н. Э.[1]

Как известно, амфоры были основным средством для транспортировки ряда важнейших товаров, и потому они массово представлены как на греческих, так и на варварских памятниках, что обеспечивает уникальные возможности для получения эксклюзивной информации по целому ряду вопросов в области античной экономики (*Lawall, Tzochev*, 2020: P. 127; *Монахов и др.*, 2022б. С. 9 сл.). Прежде всего это распределение продукции, анализ пиков роста и спада импорта, наконец, специфика предпочтений. Это дает дополнительные показатели для характеристики экономического развития как отдельных центров потребления, так и целых регионов.

Здесь возможно применение различных методик анализа амфорного материала. Например, это может быть реконструкция динамики торговых связей отдельных производственных центров по материалам керамической эпиграфики (*Кац*, 2007. С. 351–378) или статистическая интерпретация данных по профильным фрагментам тарных сосудов (*Монахов*, 2016; *Monakhov, Kuznetsova*, 2017; *Чистов*, 2018). В отдельных случаях с этой целью могут использоваться и выборки по целым сосудам (см. напр.: *Монахов и др.*, 2022а; 2022б).

В данной заметке мы обратимся как раз к последней методике. Для этого у нас есть хорошая источниковая база в виде двух опубликованных томов с анализом амфорного собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00446, https://rscf.ru/project/24-18-00446/.

Коллекция этого музея по объему суммарно превышает общее число амфор из коллекций ранее изданных томов по четырем музеям вместе взятым (Херсонесского, Керченского, Эрмитажа и ГМИИ) и включает 673 тарных сосуда из раскопок как минимум 30 археологических памятников (*Монахов и др.*, 2021; 2022б).

Основная масса краснодарской выборки амфор (больше 85 %) относится к периоду с рубежа V–IV вв. до начала III в. до н. э., именно они стали предметом нашего внимания. Фактически половина всего амфорного хранения Краснодара (324 экз. и 101 комплекс) приходится на материалы из раскопок **Прикубанского меотского некрополя** у хут. Прикубанский в Красноармейском районе Краснодарского края. Исследования данного памятника дали не только огромное количество образцов самих тарных сосудов, но и предоставили исключительное количество хорошо датированных комплексов, включающих или несколько тарных амфор (69 комплексов), или, наряду с амфорами, импортную чернолаковую керамику (32 комплекса). Весь набор амфор Прикубанского некрополя хронологически укладывается в пределы IV столетия, буквально единичные клейменые экземпляры заходят в самое начало III в. Самые представительные группы керамической тары – это амфоры *Менды* (75 экз.), *Гераклеи Понтийской* (60 экз.), *Фасоса* (59 экз.), *Синопы* (35 экз.), *Икоса* (26 экз.), *Коса* (19 экз.), *Книда* (18 экз.), единичными образцами представлены сосуды некоторых неопределенных средиземноморских центров (рис. 1). Поразительно, но факт, в Прикубанке нет ни одной амфоры *Пепарета* и *Хиоса*, и это на фоне того, что практически во всех северопричерноморских комплексах IV в. хиосская и пепаретская тара широко представлена (*Монахов*, 1999; 2003).

Истины ради следует сказать, что тара основных экспортеров продукции представлена в выборке из Прикубанки неравномерно. В. И. Кац после выхода нашей монографии отметил, что практически все *фасосские* клейменые сосуды относятся к 350-м годам, на третью четверть века приходится лишь 4 экземпляра (*Монахов и др.*, 2021. С. 119, 124, Th.29, Th.40), а *гераклейские* в своей массе относятся к началу 340-х гг. до н. э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 246, 249, HP.39, HP.46). Кроме того, наблюдается разрыв и в поступлении *синопской* тары, которая очень хорошо представлена в период до появления практики систематического клеймения в этом центре, далее следует некий разрыв, и клейменые синопские сосуды вновь появляются только в последней четверти IV в. до н. э. (*Кузнецова*, 2021. С. 171 сл.; *Монахов и др.*, 2021. С. 258–275; *Monakhov, Kuznetsova*, 2022. P. 273 ff.). В третьей четверти IV в. до н. э. сходит на нет поступление *мендейского*

вина – самый поздний сосуд из данной выборки датируется 330-ми годами (*Монахов и др.*, 2021. С. 171, Md.71). Уменьшается после середины столетия и количество амфор *Книда*. Очевидно, имеет место наличие нескольких периодов спада в поступлении импортной продукции конкретных центров, а может быть, имеют место вкусовые предпочтения потребителей – синдов и меотов (*Монахов и др.*, 2021. С. 13).

При этом прослеживается не только тенденция сокращения импорта для перечисленных центров. Например, амфор *Икоса* третьей четверти столетия в полтора раза больше, чем для первой половины IV в. В это же время увеличивается импорт *косской* продукции. В целом же, с учетом сосудов всех центров, чья тара представлена в Прикубанском некрополе, мы можем говорить практически **о двукратном сокращении импорта в керамической таре** на Прикубанское городище после середины IV столетия, с тенденцией дальнейшего спада к началу III в. до н. э. (*Monakhov, Kuznetsova*, 2017; *Кошеленко и др.*, 2010. С. 273–278; *Завойкин*, 2021. С. 67).

Мы имеем дело со специфической выборкой, что не может не накладывать свой отпечаток на репрезентативность выводов. Заметим, что из 387 исследованных меотских захоронений из этого некрополя амфоры содержались в 234 (или 60,5 %), 191 сосуд из этого числа происходит из узко датированных комплексов. При этом подавляющее число погребений (**71** !) с тарными амфорами датируется первой половиной IV в. до н. э., еще **12** – серединой столетия. На вторую половину столетия приходится всего **17** захоронений (17 %). Примерно ту же картину мы наблюдаем и в погребениях, которые содержат из импорта лишь чернолаковые сосуды (как правило, фрагментированные). Из 13 таких комплексов 8 относятся к первой половине IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2010. С. 322–354). При этом основная часть погребений и с амфорами, и с чернолаковой керамикой приходится на конец первой – вторую четверть столетия. На наш взгляд, очевидно, что подобный расклад может служить существенным аргументом в пользу вышеизложенного утверждения о значительном росте торговли именно в этот хронологический отрезок. Постепенное увеличение числа импортных изделий в погребальном инвентаре явно свидетельствует о росте благосостояния местного населения, которое было крайне заинтересовано в расширении торговли с Боспорским царством. Исходя из материалов античного импорта в Прикубанском некрополе можно говорить о том, что **в начале третьей четверти IV в. до н. э. намечается некоторый спад торговой активности** между меотским миром и Боспорским царством.

Во **второй том** по Краснодарской коллекции амфор вошли сосуды из раскопок нескольких десятков поселений и могильников городищ у хутора Ленина, а также у станиц Старокорсунская, Елизаветинская, Марьянская, Пашковская, Воронежская, хуторов Лебеди, Двубратский, хут. Зеленский в районе Славянска-на-Кубани, города Усть-Лабинска, курганного некрополя у городища Фурожан, некрополей в черте г. Краснодара и др. Всего в этот том вошло **349** амфор, самые крупные коллекции происходят из меотских могильников у ст. **Старокорсунской** (более 90 экз.) и у хут. **Ленина** – 65 экз. Все эти памятники находятся на территории, занятой *меотскими* племенами. Суммарная картина распределения продукции по меотским памятникам в целом очень схожа с той, что мы видим по материалам Прикубанского некрополя (рис. 2). К числу же *синдских* памятников следует отнести городища и некрополи Семибратнего, курган группы «Фурожан-3» и у хут. Головацкий, а к числу *греческих* поселений и некрополей: у ст-цы Тамань, поселки Виноградный, Таманский и Приморский.

Материал из второго тома также датируется в основном IV – началом III в. до н. э. По центрам производства амфоры этого времени распределяются следующим образом: неустановленные центры – 43 экз., Гераклея – 42, Синопа – 32, Книд – 31, Менда – 29, Фасос – 26, Икос – 18, Эрифры – 17, Кос –16, Хиос – 5, Херсонес – 3, тип «Муригиоль», Коринф, Колхида и Пепарет – по 1 экземпляру.

За рамками этой выборки остаются либо более ранние образцы тары VI–V вв. до н. э. («протофасосские» – 7 экз., Хиос – 9 экз., тип «с раздутым горлом» – 2 экз., Клазомены, Теос, Лесбос – по 1 экз.) (*Чурекова*, 2021. С. 339 сл.), или более поздние – III–II вв. до н. э. («прикубанская» серия – 27 экз., Родос и его «круг» – 32). Подчеркну, что хиосские сосуды, происхождение которых удалось установить, найдены на синдских памятниках, за исключением одной амфоры из могильника городища № 2 хут. Ленина (*Монахов и др.*, 2022б. С. 80, Ch.14).

Что касается греческих поселений и некрополей, то сразу нужно отметить, что амфоры *Хиоса* хорошо известны в материалах раскопок крупнейших и неплохо изученных городищ Патрея, Фанагории, Гермонассы. Так, в Патрее довольно много хиосских амфор архаического и раннеклассического времени VI–V вв. до н. э. (*Абрамов*, 2020. С. 31, 34, 38, 39, рис. 19, 23, 30–32). Точно так же огромное количество хиосских амфор VI–V вв. до н. э. обнаружено в Фанагории (*Завойкин*, 2013. С. 133 сл.; 2019. Рис. 4, 5, 7, 8; *Кузнецова*, 2014; *Монахов*, 2019. С. 49 сл.). Достаточно обильны они и на греческих сельских поселениях, например, на греческом поселении

Старотиторовское-6 на Тамани, известны они, пусть и в небольшом количестве, в греческих некрополях Артющенко-2 и Волна-1 (амфоры V в. до н. э.: *Кашаев*, 2019. Рис. 5, *7*; *Цокур и др.*, 2022. С. 18, 56, илл. 17, 106; *Монахов и др.*, 2022б. С. 74–80).

При этом в памятниках **меотской** группы за все годы раскопок была найдена только одна (!) амфора *Хиоса* в погребении № 24/1980 года некрополя городища № 2 у хут. Ленина. Она относится к типу «конических амфор на колпачковой ножке» и датируется последней четвертью IV – рубежом IV–III вв. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 23, табл. 13). К сожалению, этот сосуд хоть и был сдан в свое время на хранение, но в коллекции не сохранился (*Монахов и др.*, 2022б. С. 80, Ch.14).

Наконец, точно такая же ситуация прослеживается на Азиатском Боспоре с амфорами такого центра, как *Пепарет*. Единственная на весь Прикубанский регион амфора Пепарета была обнаружена в могильнике селища «Пашковское-3» в 2021 г. (*Монахов и др.*, 2022б. С. 111, Pp.1). В весьма представительных материалах некрополей Атющенко-2 и Волна-1 пепаретских амфор нет, хотя в культурных отложениях греческих полисов они, хоть и не обильно, но встречаются (*Завойкин, Чашук*, 2020. С. 217, рис. 4, *3*).

Что же у нас получается? Хиосские и пепаретские вина, которые по своим характеристикам считались элитными, пользовались широким спросом на греческом рынке, причем как в крупных полисах, так и на сельских поселениях, о чем свидетельствуют материалы из культурного слоя и из некрополей. А в варварском синдском и меотском мирах эти сорта вина такой популярностью не пользовались, о чем свидетельствуют материалы как варварских некрополей, так и поселений. Можно было бы предположить, что элитные хиосские и пепаретские вина были слишком дороги, однако не менее элитные фасосские и мендейские вина завозились на варварскую периферию в огромном объеме, о чем свидетельствуют материалы керамической тары (рис. 1). Видимо, здесь играли свою роль вкусовые предпочтения «варваров».

Список литературы

Абрамов А. П. Греческие амфоры 6–5 вв. до н. э. в Северном Причерноморье. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. 248 с.: ил.

Завойкин А. А. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. 2013. Т. 17. С. 133–152.

Завойкин А. А. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ. 2019. Т. 24. С. 232–252.

Завойкин А. А. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // Hyranis. 2021. Т. 3. С. 58–71.

Завойкин А. А., Чашук М. С. Подвал на акрополе Фанагории // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 213–231.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Т. XVIII. 2007. 480 с.

Кашаев С. В. Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг. // Археологические вести. 2019. № 25. С. 101–112.

Кошеленко Г. А., Малышев А. А., Улитин В. В. Торговля // Античное наследие Кубани. Т. II. М.: Наука, 2010. С. 257–289.

Кузнецова Е. В. Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 3. С. 187–194.

Кузнецова Е. В. Особенности работы с амфорным материалом Прикубанского некрополя // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф., Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева, Е. С. Лесной. Севастополь: ГИАМЗХТ, 2021. С. 171–175.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 322–356.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. 1999. 679 с.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.: Киммерида; Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.

Монахов С. Ю. Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 3. С. 309–343.

Монахов С. Ю. Комплекс амфор 1948–1949 гг. на холме «Г» в Фанагории: полный контекст // Вестник Танаиса. Т. 2, вып. 5. / ред. С. М. Ильяшенко. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 49–59.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Коллекция амфор Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына: общий обзор // Нижневолжский археологический вестник. 2022а. Т. 21, № 2 / ред. М. А. Балабанова. С. 142–157.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов: Ипполит, 2021. 324 с.: ил.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022б. 304 с.: ил.

Чистов Д. Е. Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI–V вв. до н. э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.) // БИ. 2018. Вып. XXXVI. С. 19–36.

Чурекова Н. Б. Амфоры архаического и раннеклассического времени в собрании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф., Севастополь, 20–24 сентября 2021 г. / ред. А. В. Зайков и др. Севастополь: Антиква, 2021. С. 339–345.

Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2022. 400 с.

Lawall M., Tzochev C. New research on Aegean & Pontic transport amphorae of the ninth to first century BC, 2010–2020 // Archaeological Reports. 2020. Vol. 66 (2019–2020). P. 117–144.

Monakhov S. Ju., Kuznetsova E. V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period. // The Northern Black Sea in Antiquity / ed. V. Kozlovskaya. Cambridge University Press, 2017. P. 59–99, 294–298, 318–360.

Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V. Sinopean Amphorae of the first half of the 4th century BC from the Prikubanskiy Maeotian necropolis // Pontica. 2022. Iss. 55, Ad. IX. P. 273–300.

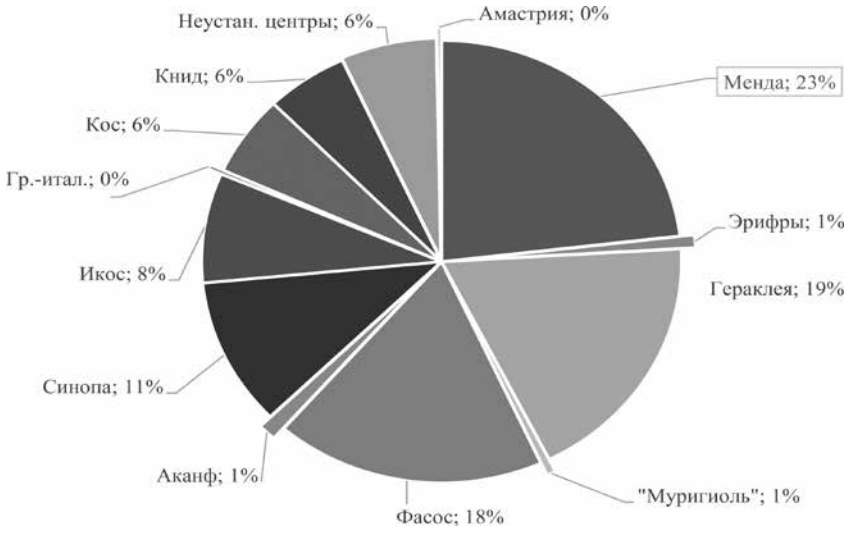


Рис. 1. Состав импорта в Прикубанском некрополе

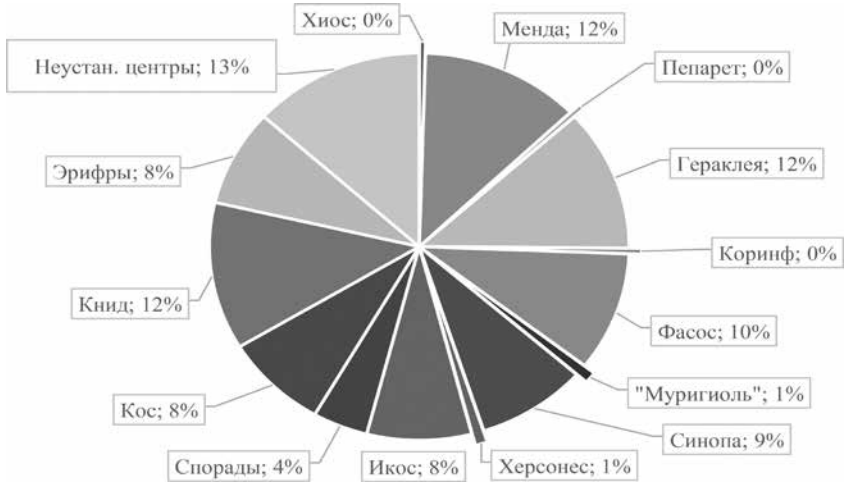


Рис. 2. Состав импорта на меотских памятниках Прикубанья (кроме Прикубанского некрополя)

Е. В. Неделькин
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь

О НАХОДКЕ КЕРАМИЧЕСКОГО ВЕСОВОГО ДИРХЕМА В ОСМАНСКОЙ КРЕПОСТИ ИНКЕРМАН (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

В 2019 г. Инкерманской археологической экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» были предприняты разведочные археологические исследования в средневековой крепости Каламита-Инкерман. Она расположена на правом берегу р. Черной, у ее впадения в Севастопольскую (Большую) бухту на юго-западной части плато Монастырской скалы, являющейся отрогом Мекензиевых гор. Памятник представляет собой сложный многослойный архитектурно-археологический комплекс, историю которого можно разделить на четыре основных этапа: ранневизантийский (вторая половина VI – VII в.); «фемный» (середина IX – XI в.); феодоритский (конец первой четверти – третья четверть XV в.); османский (1475–1771 гг.).

Указанные работы проводились внутри крепостной ограды Каламиты. В шурфе № 5, заложенном в восточной части городища, выявлены культурные напластования, которые условно можно разделить на три горизонта, перекрытых дерновым слоем. Третий – наиболее поздний – соотносится со временем вхождения города Ин-Кирман в состав Мангубского уезда (*каза*) османской провинции Кефе. Формирование второго культурного горизонта связано с освоением внутрикрепостной территории в период княжества Феодоро. Первый горизонт представляет собой переотложенные слои ранневизантийского и средневизантийского времени, что связано, вероятнее всего, со строительной активностью феодоритов, которые в конце первой четверти XV в. возвели на месте раннесредневекового укрепления новую крепость.

Собственно культурный горизонт турецкого времени представлен слоем рыхлого серо-коричневого грунта, насыщенного щебнем, мелким и средним бутовым камнем, комками оранжево-красной глины. Его мощность – от 0,22 до 0,41 м.

В керамическом комплексе из данного слоя выделяются единичные фрагменты продукции, производившейся в мастерских Изника[1]. К ней принадлежат два обломка, вероятно, одного небольшого фаянсового сосуда закрытого типа (рис. 1, *1*), относящегося к группе «Изник I», предложенной А. Лейном. В нее автор включил изделия с росписью в стиле «Abraham of Kütahya» и датировал их 1490–1525 гг. (*Lane*, 1957. P. 254–264). Следует отметить, что при орнаментации рассматриваемого сосуда, помимо синей, также использовалась бирюзовая краска. Некоторые исследователи выделяют серию сосудов с подобным декором в качестве отдельного этапа (1500–1520 гг.) группы «Изник I» (*Akar*, 1988. P. VIII).

На втором изделии остановимся подробнее. Оно представляет собой фрагмент керамического кольца (рис. 1, *2*). Его реконструируемый наружный диаметр составляет 11,0 см, внутренний – 4,4 см. Толщина стенки в сохранившейся части предмета 1,17 см, ширина от 3,3 до 3,37 см. Изделие имеет плотный, с присутствием умеренного количества мелких пор черепок светло-бежевого оттенка без видимых примесей. Поверхности кольца декорированы растительно-цветочным орнаментом посредством росписи синей (кобальтовой) краской поверх белой ангобной подгрунтовки. При этом одна из его сторон расписана в технике «резерва». В декоре одновременно использовались два оттенка синего цвета: более светлый теплый – для основного рисунка, темный – для контура и самостоятельных линий. Кроющая глазурь прозрачная, бесцветная, свинцовая, была нанесена тонким слоем по всему изделию. На поверхности поливы фиксируется слабовыраженный редкий цек.

Данный предмет, насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту, относится к широкой хронологической группе продукции изникского производства, расписанной в стиле «Blue-and-White» и датирующейся 1475–1510 гг. В нее, по результатам современных исследований, проведенных

[1] Изникские сосуды и изделия иного назначения изготавливались из пластичной силикатной формовочной массы белого цвета, иногда с бежевым или розоватым оттенком, называемой кварц-фриттой или выделяемой в качестве одной из разновидностей кашина. Изделия покрывались прозрачной бесцветной свинцовой глазурью. Этот факт дал повод некоторым исследователям называть их «полуфаянсами», в противовес сосудам, покрывавшимся непрозрачной бесцветной или полупрозрачной поливой и традиционно именуемым «фаянсами».

после классификации А. Лейна, была включена группа изделий «Abraham of Kütahya» (*Akar*, 1988. P. VIII; *Altun et al.*, 1991. S. 11; *Aslanapa*, 1965. S. 26; *Hayes*, 1992. P. 244–245; *Lane*, 1957. P. 254–264; *Öney*, 1993. S. 293).

Теперь рассмотрим вопрос, связанный с функциональным назначением данной группы артефактов. Н. Атасой и Дж. Рэби высказали ряд предположений относительно подобных изделий. Одна из версий заключается в том, что их могли использовать, как подставки под сосуды, вторая – по форме они напоминают металлические гири для весов, третья – мастера экспериментировали с красками и глазурью на этих кольцах или изготавливали образцы для заказчиков. При этом авторы отмечали отсутствие какой-либо конкретной информации об их назначении (*Atasoy, Raby*, 1989. P. 47, 55, fig. 49).

Однако наиболее обоснованной на данный момент представляется гипотеза, выдвинутая В. Б. Демирсар Арлы, изложившей результаты исследования этой группы артефактов в специальной работе. Были проанализированы изделия, обнаруженные в большинстве своем при раскопках различных археологических комплексов на территории Изника (рис. 2, *a–f*) (*Demirsar Arlı*, 2014. P. 1011–1012, resim 3–8). Также ею приведен аналогичный предмет, найденный при реставрационных работах в комплексе Ильяс-бей (Балат, район Дидим, провинция Айдын, Турция) (*Gök Gürhan*, 2011. S. 312, şek. 11), и экземпляр, выставленный на продажу на аукционе Sotheby's в Лондоне 24.04.2012 (рис. 2, *g*) (Turkophilia révélée, 2011. P. 39). В результате исследовательница предложила интерпретировать такие керамические кольца как средство измерения веса. В качестве аналогий она приводит металлические образцы, именуемые дирхем (*dirhem*) / дирхам (*dirham*), атрибуция которых как гирек не вызывает сомнения (*Demirsar Arlı*, 2014. P. 1007–1014).

В данной ситуации необходимо обратиться к системе мер и весов в Османской империи. Одним из наиболее ранних трудов, содержащих подробное описание системы единиц измерения, является «Risale-i Kenaniye», составленный Юсуфом б. Мехмедом. Он датируется XVI в. и хранится в настоящее время в библиотеке «Сулеймания» (Стамбул). Автор включил дирхемы в раздел, где сгруппированы малые единицы измерения веса. Туда же были отнесены мискаль/мискал (*miskal*) и карат (*karat*) / кират (*kirat*), которые кратны дирхему (*Kürkman*, 2003. S. 54).

Значения дирхема и мискаля, использовавшихся в качестве основных единиц измерения веса в исламском мире, исчисляются в каратах. Было принято, что 1 шариатский дирхем приравнивался к 14 каратам,

1 мискаль – к 20 каратам, из чего следовал вывод о том, что 1 мискаль равен 1,5 дирхемам (*Sahillioğlu*, 1994. S. 369). Ценность дирхема, использовавшегося в мусульманском мире, менялась в зависимости от хронологического периода, географического положения и вида измеряемого товара. Считается, что до XVII в. османский дирхем был эквивалентен 3,072 г, а позднее – 3,207 г (*Bleibtreu*, 1835. S. 116; *Taşkın*, 2005. S. 27–30). Существует также мнение, что средний вес 1 дирхема составлял 3,14875 г (*Kürkman*, 2003. S. 62).

Наиболее распространенная форма металлического весового дирхема – диск или кольцо. Они изготавливались номиналами 12,5, 25, 50, 100, 200 и 400 дирхемов. Н. Пайл, проводившая исследование кольцевых гирь, отмечала, что их диаметры варьируются от 6,25 до 14,4 см, а вес составляет от 30 до 1290 г (*Pyle*, 1978). Г. Кюркман несколько корректирует диапазон данных параметров, отмечая, что диаметр дирхемов колеблется от 4,7 до 16 см, а вес – от 36,59 до 1248 г (*Kürkman*, 2003. S. 72).

В. Б. Демирсар Арлы указывает, что исследованные керамические кольца имеют наружный диаметр от 10 до 13 см, а внутренний – от 3,6 до 5,5 см. Их толщина варьируется от 1,1 до 1,4 см. За рамки вышеприведенных параметров выходит только один экземпляр. Он значительно меньше по размеру: наружный диаметр – 5,2 см, внутренний – 2,5 см, при этом толщина его стенки 1,2 см. По итогам предпринятых расчетов автор делает вывод, что известные образцы керамических кольцевых гирь в большинстве своем имели номинал в 100 дирхемов, при этом существуют экземпляры номиналом в 150 и 200 дирхемов (*Demirsar Arlı*, 2014. P. 1011).

Изготовление керамических гирь требовало большего технического мастерства по сравнению с металлическими образцами подобной формы. Несомненным недостатком была их хрупкость. Однако особенности материалов, из которых они производились, исключали вмешательства в готовые изделия с целью обвешивания. В. Б. Демирсар Арлы полагает, что они изготавливались в ограниченном объеме и использовались в качестве специальных гирь в относительно деликатных сферах, таких как продажа специй, приправ и пряностей, фармация, ювелирное дело (Ibid. P. 1014).

Обнаружение керамического весового дирхема в турецкой крепости Инкерман расширяет географию находок подобных артефактов в пределах бывших земель Оттоманской Порты – и в то же время свидетельствует об использовании керамических гирь, вероятнее всего, наряду с другими средствами измерения веса, изготавливавшимися из иных материалов.

Список литературы

Akar A. Treasury of Turkish Designs: 670 Motifs from Iznik Pottery. New York: Dover Publications, 1988. XV, 111 p.

Altun A., Carswell J., Öney G. İznik Çini ve Seramikleri. Sadberk Hanım Müzesi Türk Çini ve Seramikleri. İstanbul: Sadberk Hanım Müzesi, 1991. 144 s.

Aslanapa O. Türkische Fliesen und Keramik in Anatolien. Istanbul: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1965. 92 s.

Atasoy N., Raby J. Iznik: The Pottery of Ottoman Turkey. London: Alexandria Press, 1989. 384 p.

Bleibtreu L. C. Handbuch der Contor-Wissenschaft. Karlsruhe: Druck und Verlag von Christian Theodor Groos, 1835. XX, 908 s.

Demirsar Arlı V. B. Osmanlı seramik sanatında bir formun isimlendirilmesi // New Trends in Ottoman Studies: Papers presented at the 20th CIÉPO Symposium (Rethymno, 27 June – 1 July 2012) / ed.-in-chief M. Sariyannis. Rethymno: University of Crete, Department of History and Archaeology; Foundation for Research and Technology-Hellas, Institute for Mediterranean Studies, 2014. P. 1007–1020.

Gök Gürhan S. 2007 ve 2008 Yıllarında Balat İlyas Bey Külliyesi'nde Yapılan Kazı ve Temizlik Çalışmalarında Ortaya Çıkarılan Seramikler // Balat İlyas Bey Külliyesi / eds.: M. Baha Tanman, L. Kayhan Elbirlik. İstanbul: Soktaş, 2011. S. 301–333.

Hayes J. W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. II. The Pottery. Princeton: Princeton University Press, 1992. XIII, 455 p.

Kürkman G. Anadolu Ağırlık ve Ölçüleri. İstanbul: Suna-İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, 2003. 439 s.

Lane A. The Ottoman Pottery of Isnik // Ars Orientalis. 1957. Vol. 2. P. 247–281.

Öney G. Türk Çini ve Seramik Sanatı // Başlangıcından Bugüne Türk Sanatı / ed. M. Önder. Ankara: Türkiye iş Bankası Kültür Yayınları, 1993. S. 281–310.

Sahillioğlu H. Dirhem // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul: TDV Yayınları, 1994. Cilt 9. S. 368–371.

Pyle N. S. Anatolian Ring Weights // Journal of Turkish Studies. 1978. Vol. 2. P. 97–106.

Taşkın Ü. Osmanlı Devleti'nde Kullanılan Ölçü ve Tartı Birimleri. Yüksek Lisans Tezi. Elazığ: Fırat Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2005. 186 s.

Turkophilia révélée. L'Art Ottoman Dans Les Collections Privées / ed. F. Hitzel. Paris: Impression, 2011. 100 p.

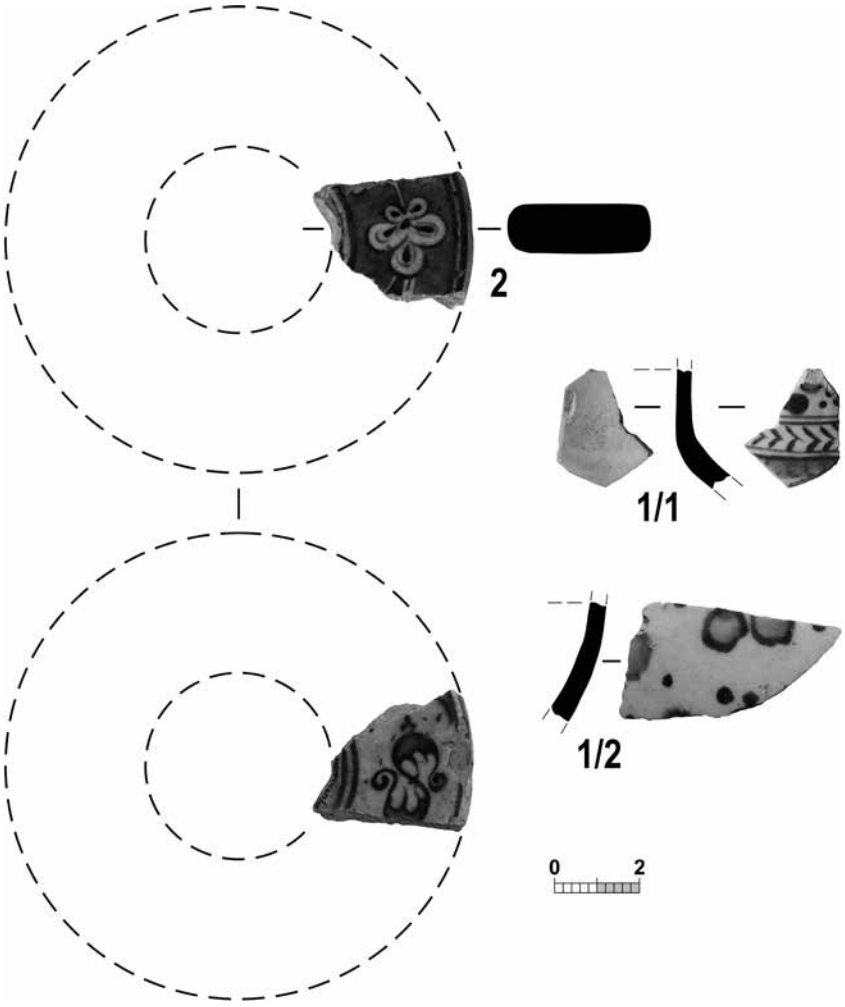


Рис. 1. Крепость Каламита-Инкерман, находки 2019 г.:
1 – фрагменты сосуда закрытого типа группы «Изник I»;
2 – фрагмент керамического весового дирхема с росписью в стиле «Blue-and-White»

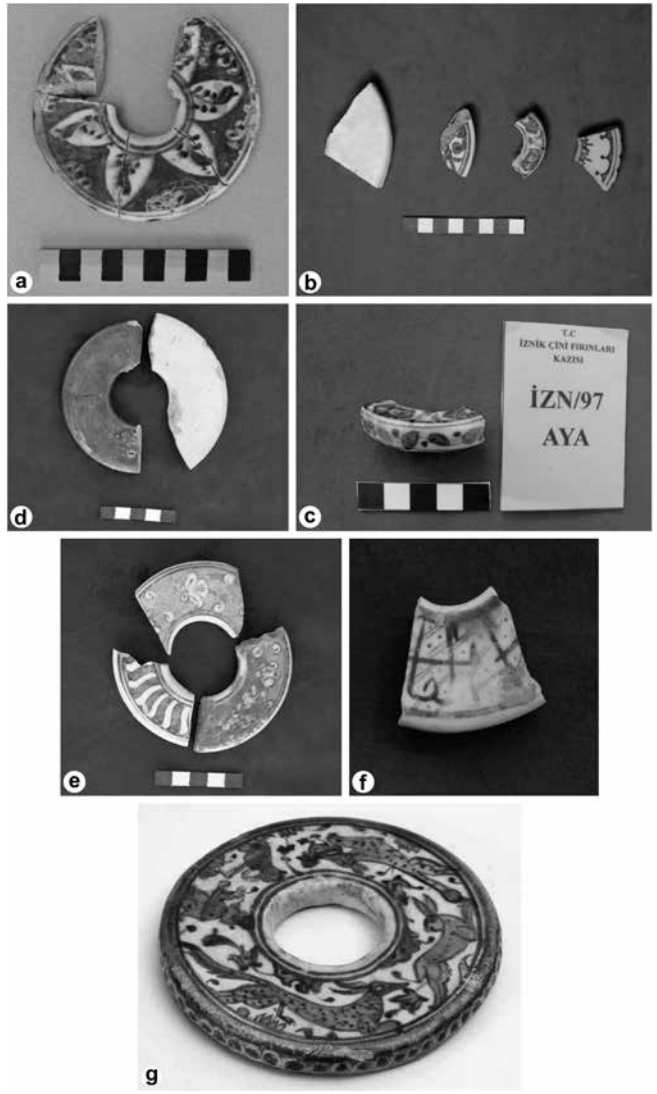


Рис. 2. *a–f* – кольцевые керамические дирхемы, обнаруженные при раскопках различных археологических комплексов на территории Изника (по: *Demirsar Arlı*, 2014. Resim 3–8); *g* – керамический кольцевой дирхем, выставленный на продажу аукционным домом Sotheby's (по: Turkophilia révélée, 2011. P. 39)

Н. Г. Новиченкова
Ялтинский историко-литературный музей, г. Ялта

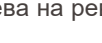
ТЕТРАДРАХМЫ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА ИЗ СВЯТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Находки тетрадрахм Митридата VI Евпатора в Северном Причерноморье относятся к числу единичных. Каждая подобная находка, выявленная в четком стратиграфическом контексте, служит весомым источником, отражающим события военно-политической истории Понтийского царства, государств и военно-племенных образований Северного Причерноморья. В данном контексте важным является, по прошествии времени с момента раскопок, обращение к отдельной и более подробной публикации данных археологических источников для уточнения датировок тетрадрахм с Гурзуфского Седла, указания их стратиграфических данных, определения исторического контекста.

Ввиду ряда факторов, таких как природная изолированность святилища у перевала Гурзуфское Седло, его неразграбленность, в условиях горной труднодоступной местности при проведении исследований и подробной полевой фиксации[1] были получены материалы, отражающие хронологический отрезок периода Митридатовых войн, что позволяет говорить о роли создателей оригинальной ритуальной культуры на Главной гряде Крымских гор в данных событиях. Святилище располагалось на древнем пути, проходившем по плоскогорьям Главной гряды Крымских гор, который был открыт одновременно со святилищем в 1981 г. В. И. Новиченковым и автором и обследован нами от восточной окраины Бабуган-Яйлы (район Алушты) до спуска в Байдарскую долину (*Новиченкова*, 2015б. С. 141–145). Возникнув в древности как охотничья и скотопрогонная тропа, он со временем был обустроен и превратился в дорогу, которая имела для населения Таврики жизненно важное значение, обеспечивая его хозяйственные и военные нужды (*Novičenkova, Novičenkov*, 1991. S. 165; *Новиченкова*, 1994а. С. 81).

Святилище у перевала Гурзуфское Седло – единственный исследованный памятник Главной гряды Крыма античной эпохи с хорошо сохранившимся культурным слоем как эпохи эллинизма[2], так и рубежа нашей эры, в котором выявлена большая группа престижных предметов эллинистического времени (*Новиченкова М. В., Новиченкова Н. Г.*, 2011. С. 368–369; *Novičenkova*, 2013. S. 261).

Обе тетрадрахмы из раскопок святилища великолепной сохранности. Первая монета (рис. 1) (*Novičenkova*, 2013. S. 269, Kat. IV, 10; *Новиченкова*, 2015б. С. 50, рис. 82)[3] была найдена в 1984 г. в слое темно-серой глины с золой и костями северной части квадрата 10И[4], датируемом рубежом эр, – в одном из слоев сакрального центра нового ритуального комплекса римского времени, в том числе с рядом других эллинистических предметов святилища[5].

Тетрадрахма из слоя рубежа н. э. представляет на аверсе идеализированный портрет Митридата вправо с развевающимися волосами и прядями надо лбом в стиле анастолэ / *ἀναστολή*, в узкой орнаментированной диадеме; на реверсе, в обрамляющем кант венке из листьев плюща и розетт, в центре поля монеты пасущийся олень влево – символ Артемиды, в верхнем поле ΒΑΣΙΛΕΩΣ, в нижнем – ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ, в поле слева звезда и полумесяц – династический знак правителей Понта[6], справа – ΕΚΣ – обозначение года династической эры по вифинскому (боспорскому) календарю (*Price*, 1968. P. 1) – 225 г., 73/72 гг. до н. э. (*Reinach*, 1888. P. 200). Слева на реверсе тетрадрахмы монограмма Митридата  (Ibid. Pl. XII,

[1] Раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло проводились в 1981–1993 гг. археологической экспедицией Ялтинского историко-литературного музея под руководством автора.

[2] Слои более позднего ритуального комплекса раннего римского времени, рубежа н. э., тоже имеют уникальную сохранность.

[3] Ялтинский историко-литературный музей, инв. № КП 30953.

[4] Квадрат 10И144, номер по коллекционной описи 153. К сопутствующим тетрадрахме находкам из данного квадрата относятся бронзовая поясная пряжка в виде фигурки сатира или Пана IV–III вв. до н. э. (*Новиченкова*, 2015б. С. 207, рис. 277), фрагменты листков фольги золотого венка, фрагмент в виде ромба золотого браслета из спаянных гофрированных трубочек, серебряный амулет-подвеска в виде птичьей головки, бронзовые пронизи, железные лезвия ножей, бронзовые бляхи конной сбруи, детали бронзовых сосудов, фрагмент зеркала из белого металла, бронзовое замковое устройство, обломок точильного бруска.

[5] Подобное обстоятельство связывается с повторным использованием ценных вотивов в обрядах жертвоприношения (*Новиченкова*, 2015б. С. 126).

[6] Звезда и полумесяц могут нести вероятное происхождение от понтийского культа богини Ма (*Price*, 1968. P. 3).

№ 26)[7]; монета не имеет обозначения месяца чекана. Исследователи отмечали, что выпуск тетрадрахм годов ЕКΣ и предыдущего – ΔКΣ (74–72 гг. до н. э.) – времени начала Третьей Митридатовой войны, с данной монограммой и без указания месяца чекана может относиться к военным выпускам чеканки Пария (Ibid. P. 200; *Price*, 1968. P. 2).

Вторая тетрадрахма[8] была обнаружена в 1985 г. при исследовании квадрата 10М (10М265)[9] в слое светлой глины с редкими костями в северо-восточной части святилища (рис. 2). Данный слой датируется эллинистическим временем и имеет то же происхождение, что и слой светлой глины с непережженными костями (*Новиченкова*, 1994а. С. 64, рис. 4), являясь периферийным участком последнего, менее насыщенным остеологическим и иным материалом.

Данная тетрадрахма слегка овальной формы. На лицевой стороне – идеализированный портрет Митридата вправо в диадеме-повязке. На оборотной стороне в окаймляющем венке из листьев плюща и розетт в центре поля изображение пасущегося оленя влево. Слева – звезда и полумесяц. В верхнем поле ΒΑΣΙΛΕΩΣ, в нижнем – ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ, там же – ΑΛΣ, год чекана монеты династической эры по вифинскому (боспорскому) календарю – 231 г., соответствующий 67/66 г. до н. э. (*Reinach*, 1888. P. 200; *Price*, 1968. P. 4). Справа монограмма , относящаяся к числу официальных монограмм Митридата Евпатора (*Reinach*, 1888. Pl. XII, № 23)[10], монета без указания месяца чеканки.

Обе тетрадрахмы из святилища представляют тип плющевого венка, олень, и датируются периодом Третьей Митридатовой войны.

Аппиан так описывал приготовления Митридата к войне, датируемые 75 г. до н. э.: «Митридат занимается подготовкой к войне, заготовкой леса, постройкой кораблей, изготовлением оружия, распределив 2 000 000 медимнов зерна вдоль побережья. Кроме своих прежних сил, он имел в качестве

[7] Сходная монограмма относилась к монограммам царей Каппадокии (*Reinach*, 1888. Pl. IV, № 47).

[8] Ялтинский историко-литературный музей, инв. № КП 37956.

[9] Вместе с тетрадрахмой обнаружены накладные бронзовые пластины, трубка-тубус для хранения медицинских инструментов с сохранившимися остатками дерева внутри, черешковые наконечники стрел, фрагменты стеклянных литых и мозаичных сосудов и светлоглиняных амфор.

[10] Тетрадрахма с обозначением того же года ЕКΣ, что и с Гурзуфского Седла, без указания типа монограммы, по Т. Рейнаху, происходит из коллекции графа Уварова (*Reinach*, 1888. P. 200, ref.: Cat. Ouvarof, n. 516, Berlin). Аналогичная тетрадрахме с Гурзуфского Седла ΑΛΣ монета с идентичной монограммой представлена в работе Т. Рейнаха, без указания места находки (Ibid. P. 201, pl. XI, 7).

союзников халибов, армян, скифов, тавров, ахейцев, гениохов, левкосирийцев... из Азии, ...сарматские племена, фракийцев, бастарнов – около 140 000 пехоты и 16 000 конницы» (App. Mith.10.69).

Находки других тетрадрахм Митридата Евпатора в Северном Причерноморье происходят из памятников античной культуры, в том числе городов. Тетрадрахма 95 г. до н. э. из Фанагории найдена с другими монетами Понта и Боспора на полу царской резиденции Митридата (*Абрамзон, Кузнецов*, 2010. С. 72, рис. 2, *1*). В окрестностях Сочи обнаружена тетрадрахма 85 г. до н. э. (*Розов*, 2014. С. 274–275, рис. 1–2). Еще одна тетрадрахма 72 г. до н. э. происходит из Пантикапея (Древности…, 1854. Табл. LXXXV, 20; *Reinach*, 1892. P. 129, no. 20, pl. LXXXV, 20). На хоре Херсонеса в 2013 г. случайно найден клад монет Митридатовского времени, включавший 79 тетрадрахм Понта (*Абрамзон*, 2023). Известны тетрадрахмы из Закавказья (*Зограф*, 1945. С. 64–65, № 78).

На данный момент святилище у перевала Гурзуфское Седло – единственный варварский памятник Северного Причерноморья, отмеченный находками тетрадрахм Митридата Евпатора. Найдены здесь и другие эллинистические монеты – Каппадокии, Вифинии, Понта, в том числе тетрахалки Митридата Евпатора, четыре статера Лисимаховского типа[11] (*Новиченкова*, 1994б. С. 54; *Novičenkova*, 2013. S. 268, kat. IV.9; *Новиченкова*, 2024. С. 65), кистофоры Пергама 85–76 гг. до н. э. и Эфеса 69/68 гг. до н. э., а также семь римских республиканских монет II – первой половины I в. до н. э. Из них пять монет относятся ко времени Митридатовых войн: начального этапа Первой Митридатовой войны 89–85 гг. до н. э. – денарий Люция Титурия Сабина 89 г. и квинарий Гнея Корнелия Лентула Клодиана 88 г. до н. э. (*Новиченкова Н. Г., Новиченкова М. В.*, 2017. С. 254, табл. 1–*3, 4*), Второй Митридатовой войны 83–81 гг. до н. э. – денарии Квинта Антония Бальба 83–82 гг. и походного военного чекана Луция Корнелия Суллы 82 г. до н. э. (Там же. С. 253, табл. 1–*5, 6*), времени Третьей Митридатовой войны 74–63 гг. до н.э. – денарий Марка Плетория Цестиана 69 г. до н. э. (Там же. С. 254, табл. 1–*8*).

С рубежа II–I вв. до н. э. племена Горного Крыма тавры были вовлечены в драматические события, участвуя на стороне Митридата Евпатора в войнах против римлян в Малой Азии (App. Mith. 15.67). Предметы были, очевидно, пожертвованы в святилище возвратившимися домой воинами

[11] Материал по монетам Понта из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло готовится к публикации.

(*Novicenkova*, 2013; *Novičenkova*, 2013. S. 262) наряду с римским овальным щитом скутум (*Новиченкова*, 2015а), бронзовой с покрытием из белого металла лунулой от сигнума (*Новиченкова*, 2014), деталями шлемов Монтефортино[12] (*Новиченкова*, 2015б. С. 75, рис. 117–*12*)**,** бронзовыми деталями оковки ложа (*Новиченкова Н. Г., Новиченкова М. В.*, 2011) и другими престижными предметами – бронзовыми латенскими сосудами, стеклянной посудой эллинистического времени (*Новиченкова-Лукичева*, 2022; 2023).

Бронзовые детали оковки клине и часть оковки скутума сосредотачивались среди камней жертвенника, сложенного из необработанных камней, и возле него (*Новиченкова*, 1994а. С. 66, рис. 8; 2015б. С. 84–85, рис. 160–164). Так как одна из указанных тетрадрахм была найдена в непосредственной близости от жертвенника, в не потревоженном последующими культовыми церемониями культурном слое, надо полагать, что обе тетрадрахмы связаны с принесенным в святилище римским трофейным оружием, в том числе скутумом и с захваченным у римлян штандартом – сигнумом.

С момента вторжения Митридата в Азию в 209 г. (89–88 гг. до н. э.) меняется стиль изображения Митридата на тетрадрахмах с реалистичного на идеалистичный, на реверсе фигура Пегаса (происхождение от царей Персии) заменяется на фигуру оленя (символ Понта, освобождения Азии и культа Артемиды Эфесской). Изменения в стиле изображения портрета Митридата с 89/88 гг. до н. э., по мнению исследователей, могут быть связаны с его персонификацией как Диониса[13] (*Price*, 1968. P. 3). Данные изменения в чеканке кистофоров Митридата нашли отражение в тетрадрахмах из святилища у перевала Гурзуфское Седло.

Использование в обряде тетрадрахм практически без следов износа, с прекрасными портретными изображениями Митридата, наряду с найденной в святилище выразительной терракотовой маской Диониса

[12] Обнаружение на Гурзуфском Седле пяти хронологических групп римского военного снаряжения (*Novicenkova*, 2013) наряду с римскими и боспорскими монетами, импортными сосудами из стекла и металла, другими ценностями свидетельствует о том, что престижные предметы, в том числе трофейное оружие, регулярно поступали в горное святилище в течение полутора столетий. Пожертвование в святилище различных эллинистических предметов времени Митридатовых войн не могло быть связано с единовременным актом – проходом отряда понтийцев с зарплатой-жалованием по военному пути из Боспора в Херсонес, так же как неправомерно было бы относить поступление одномоментно всех находок римского военного снаряжения с Гурзуфского Седла в связи с одним событием, отраженным в сообщении Тацита о нападении варваров на римские военные корабли на заключительном этапе римско-боспорской войны 45–49 гг. (Tac. Ann. XII. 15).

[13] О Митридате-Дионисе: описывая события около 92 г. до н. э., Аппиан уже называет Митридата «…Митридат, прозванный Дионисом, а также Евпатор...» (App. Mith. 10). Другие античные авторы о Митридате VI как Дионисе (*Reinach*, 1890. P. 49, n. 3).

(*Новиченкова*, 2022), возможно, свидетельствует как о проявлении почитания царя Понта союзниками Митридата – участниками данного ритуала, поддерживающими его амбициозную идею создания Черноморской державы как союза государств и военно-племенных образований, противостоящих оккупационной политике Рима, так и непосредственно почитания его как обожествленного образа Митридата Диониса (*Price*, 1968. P. 1–12). Ритуальная маска, найденная в святилище у перевала Гурзуфское Седло, изготовленная в Беотии или Малой Азии для использования в обрядах дионисийского культа, датируется эллинистическим временем. Возможно, она была принесена и пожертвована в варварское святилище в митридатовский период и повторно использована его устроителями как вотив на рубеже нашей эры (*Новиченкова*, 2022. С. 356–357).

В заключение следует отметить, что актуальной является публикация всех монет Понта из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло, что позволит определить соотношение количества монет Понта и Рима, поступивших в святилище, для каждого из этапов Митридатовых войн.

Список литературы

Абрамзон М. Г. Клад тетрадрахм Митридатовского времени из Херсонеса // ВДИ. 2023. № 83/3. С. 606–619.

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 2010. № 1. С. 59–85.

Древности Боспора Киммерийского. Т. 3. СПб., 1854. [1] с., 92 л. ил., карт.

Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа. Т. I. Л.: ГЭ, 1945. С. 29–86.

Новиченкова-Лукичева К. В. О группе элитных сосудов из оникс-стекла: стеклянные ритоны в ленточной технике периода позднего эллинизма из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Поиск длиною в жизнь: К 90-летию Юлии Леонидовны Щаповой. М.: ИНФРА-М, 2022. С. 156–164. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 214. Сер. II: Исторические исследования; 145).

Новиченкова-Лукичева К. В. Стеклянные сосуды эллинистического времени из Горного Крыма (по материалам исследований святилища у перевала Гурзуфское Седло) // Археологические исследования в Южнобережном и Горном Крыму: Материалы Второго археологического семинара, Ялта, 28–30 октября 2022 г. / ред.-сост.: Н. Г. Новиченкова, К. В. Новиченкова-Лукичева. Ялта: Визави, 2023. С. 76–90.

Новиченкова М. В. Деталь римского военного штандарта из святилища у перевала Гурзуфское Седло // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 435–441.

Новиченкова М. В. Детали овального щита Scutum позднереспубликанского времени из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Археологія и давня історія України. 2015а. № 1 (14). С. 49–53.

Новиченкова М. В., Новиченкова Н. Г. Комплексы предметов из металла эпохи эллинизма из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло и из Артюховского кургана // БФ: население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 367–372.

Новиченкова Н. Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994а. С. 59–86.

Новиченкова Н. Г. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // Боспорский сборник. Вып. 4. М., 1994б. С. 53–57.

Новиченкова Н. Г. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015б. 216 с.

Новиченкова Н. Г. Терракотовая маска с изображением Диониса из святилища у перевала Гурзуфское Седло // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Саратов: Амирит, 2022. С. 354–361.

Новиченкова Н. Г. Монеты эллинистического времени из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Севастополь, 3–8 июня 2024 г.). Т. 2 / отв. ред. Ю. А. Пронина; ред.-сост. Н.В. Гинькут. М.: ИВ РАН. 2024. С. 65–67.

Новиченкова Н. Г., Новиченкова М. В. Римские республиканские монеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Античный мир и археология: межвузовский сб. науч. статей. Вып. 18 / отв. ред. С. Ю. Монахов. Саратов, 2017. С. 252–275.

Розов В. Н. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // ДБ. 2014. Т. 18. С. 272–307.

Novicenkova M. V. About the finds of Items of Late Republican and Early Imperial Military Equipment from the sanctuary Gurzuf Saddle Pass in the Mountain Crimea // Abstracts of the XVIIIth Roman Military Equipment Conference “Imitation and Inspiration”. Copenhagen, 2013. P. 29–30.

Novičenkova N. Das Heiligtum am Pass Gurzufskoe Sedlo // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn: LVR-LandesMuseum Bonn, 2013. S. 260–275.

Novičenkova N., Novičenkov V. Das Heiligtum auf dem pas Gurzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Archaologie der Ukraine. Shleswig, 1991. S. 165–169.

Price M. J. Mithridates VI Eupator, Dionysus, and the coinages of the Black Sea // The Numismatic Chronicle. Seventh Series. 1968. Vol. 8. P. 1–12.

Reinach T. Numismatique Ancienne. Trois Royaumes de l’Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. Paris: Rollin&Feuardent, 1888. 266 p.

Reinach T. Mithridate Eupator, Roi de Pont. Paris: Libraire de Firmin-Didot et Cie, 1890. 494 p.

Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854): rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus. Paris: Libraire de Firmin-Didot et Cie, 1892. XVI, 213 p.

Рис. 1. Тетрадрахма из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло, 1984 г.
Квадрат 10И144. Понт. Митридат VI Евпатор. 73/72 г. до н. э.
Ялтинский историко-литературный музей, инв. № 30953

Рис. 2. Тетрадрахма из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло, 1985 г.
Квадрат 10М265. Понт. Митридат VI Евпатор. 67/66 г. до н. э.
Ялтинский историко-литературный музей, инв. № 37956

А. М. Новичихин
Анапский археологический музей, г. Анапа

ГЛАДИУС ТИПА «МАЙНЦ» ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ГОРГИППИИ[1]

В 1987 г. отрядом Анапского археологического музея осуществлялись охранные раскопки участка некрополя Горгиппии в зоне реконструкции летнего кинотеатра «Победа» на территории городского парка г. Анапа[2]. Исследованный участок располагался в северо-западной части некрополя, в 100 м от восточной границы городища Горгиппии. Согласно реконструируемой топографии городища и некрополя Горгиппии, этот участок примыкал к древней дороге, выходящей из восточных ворот античного города, и находился в пределах видимости с городских крепостных стен.

При раскопках котлована под сцену в южной его части было открыто погребение 35, совершенное в прямоугольной могильной яме размерами 2,6 × 0,56 м, впущенной в материковую скалу на 0,85 м и ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Костяк погребенного лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки вдоль туловища, кисти – на бедрах. Погребенного сопровождал следующий инвентарь: вокруг черепа – семь шариков из золотой фольги; между челюстями слева – золотая индикация; у локтя левой руки – железный нож; на тазу – медная пряжка; под тазом слева – медная фибула; вдоль бедра правой ноги между костяком и стенкой могилы – короткий железный меч; между голенью левой ноги и стенкой могилы – двуручный краснолаковый кувшин; у стопы левой ноги – стеклянный бальзамарий и медные детали шкатулки.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдики в позднем эллинизме в свете новых археологических данных: мультидисциплинарное исследование» по гранту Российского научного фонда № 23-18-00088.
[2] Руководитель Н. Д. Нестеренко.

Датировка погребения на основании находки в нем медной фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника (*Амброз*, 1966. С. 46, табл. V, *13*) определяется в пределах I в. н. э. Происходящий из погребения стеклянный бальзамарий со сферическим туловом отнесен к группе, датируемой временем от середины I до середины II в. н. э. (*Алексеева, Сорокина*, 2007. С. 62–63, табл. 41, *11*). Индикация из погребения представляет собой оттиск на золотой фольге анонимного боспорского обола первой половины I в. до н.э. (*Анохин*, 1986. С. 146, табл. 8, *212*) и отражает распространенный в горгиппийской погребальной практике обычай изготовления индикации на основе более ранней монеты (*Новичихин*, 2009. С. 117, рис. 4, *3*; *Новичихин, Галут*, 2013. Рис. на с. 53). Таким образом, комплекс погребения 35 может быть датирован в пределах второй половины I в. н. э.

Меч[3] из погребения 35 обоюдоострый, с выделенным под прямым углом череном рукояти (рис. 1, *1, 2*). Клинок прямой, линзовидный в сечении, равномерно сужающийся к острию в последней четверти. В средней части внешние стороны клинка слегка вогнуты. В настоящее время острие клинка утрачено, судя по фото (рис. 1, *3*) из отчета о раскопках (*Нестеренко*, 1987. С. 23, рис. 268), на момент находки меч имел полную длину. Черен рукояти прямой, слегка сужающийся кверху, подвальный в сечении с выраженным продольным ребром с обеих сторон. На черене отчетливо сохранились отпечатки деревянной рукояти, состоявшей из трех элементов – перекрестия, ручки и навершия. Сохранившаяся длина меча – 51,5 см, изначально она могла достигать 57–59 см. Сохранившаяся длина клинка – 40 см (изначально 46–58 см). Максимальная ширина клинка в верхней части – 6,4 см, на суженном участке – 5,6 см.

Меч из раскопок Горгиппии относится к мечам-гладиусам варианта «Фулхем» типа «Майнц» – основной разновидности римского клинкового оружия раннего императорского периода (*Miks*, 2007. P. 60–61, tab. 3, vort. C, taf. 14, taf. 15; 2015. P. 956, fig. 165, *4*). Отсутствие в погребении металлических деталей оформления ножен указывает на то, что гладиус был либо помещен в могилу без ножен, либо вложен в другой футляр, не имевший металлической фурнитуры. Отчетливый отпечаток характерной для римских мечей, в том числе и для гладиусов варианта «Фулхем» типа «Майнц» (*Miks*, 2007. P. 155, abb. 19, taf. 15, A 600, A 455; 2015. Fig. 166), трехсоставной (перекрестие, ручка, навершие) деревянной рукояти указывает на то, что горгиппийский экземпляр сохранил оригинальную римскую рукоять.

[3] Хранится в Анапском археологическом музее, № ПМ 4504/73.

Это четвертая находка хорошо сохранившего форму гладиуса типа «Майнц» в северопричерноморском регионе.

Один такой меч происходит из раскопок погибшей в огне цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму: судя по наиболее поздним монетам, обнаруженным в слое пожарища, это произошло около 44–45 гг. н.э. – на начальном этапе римско-боспорского конфликта, известного по описанию Тацита (Tac. Ann. XII, 12–21). Рядом с мечом обнаружены обгоревшие человеческие останки. Длина артезианского экземпляра около 60 см, ширина клинка у основания – 7 см, ширина клинка в средней части – 5,5 см (*Винокуров*, 2009; 2010, С. 52–54, рис. 8).

Второй меч типа «Майнц» происходит из раскопок святилища Эклизи-Бурун в горном Крыму. Длина этого меча, указанная в первой публикации, – 56,9 см, впоследствии была уточнена – 60,6 см (*Lysenko, Masyakin*, 2012, P. 22; *Lysenko*, 2013. P. 279, 283, kat. V, *9*; *Труфанов, Масякин*, 2019. С. 139, рис. 6, *2*; *Лысенко, Масякин*, 2023а. С. 66–68, рис. 1, *1*; 2023б. С. 181, рис. 2, *1*).

Третий экземпляр римского гладиуса, сопровождавшийся бронзовым перекрестием и деталями ножен (скобами для крепления ремней подвеса и бутеролью), входил в состав инвентаря, датированного второй половиной I – первой половиной II в. н. э., погребения 4 могильника Мысхако близ Новороссийска (Мысхакский…, 2020. С. 28–31, рис. 23, *4*; 25, *5–9*; 140, *1, 2*). Меч ритуально деформирован, восстанавливаемая длина – ок. 50 см. А. А. Малышев отнес его к гладиусам «помпейского типа» (*Малышев*, 2020. С. 158), однако заметный на рисунке прогиб в средней части клинка и характерное перекрестие в форме овальной пластины с прорезью дают основания считать, что в некрополе Мысхако представлен римский меч типа «Майнц».

О распространении гладиусов типа «Майнц» в Северном Причерноморье, прежде всего на Кубани и в Крыму, свидетельствуют находки их деталей: бронзового перекрестия в могильнике у ст. Тенгинской (*Беглова, Эрлих*, 1998. С. 173–176), деталей ножен из кургана у ст. Тифлисской (*Масякин*, 2008), перекрестий и деталей ножен в горных святилищах Гурзуфское седло (*Новиченкова*, 1998. С. 52, рис. 1, *2–9*; 2002. С. 81, рис. 35, *1, 2, 4–9*; 2015. С. 69, рис. 117, *1, 2, 4–9*; 133) и Эклизи-Бурун (*Lysenko, Masyakin*, 2012, P. 22; *Лысенко, Масякин*, 2023а. С. 68–70, рис. 1, *2*; 2023б. С. 181, рис. 2, *2, 3*), деталей ножен в Усть-Альминском некрополе, где в одном из погребений (склеп 1200) они обнаружены вместе с остатками железного клинка меча (*Труфанов, Масякин*, 2019. С. 136–143. Рис. 3–5; 6, *1, 6*; 7, *1*; 8, *1*).

Необходимо затронуть и две другие находки на некрополе Горгиппии мечей, которые были отнесены к категории римских гладиусов. Один из них обнаружен в 2002 г. в погребении конца I – начала II в. н. э. Клинок, сохранившийся в длину на 28,7 см (нижняя часть меча утрачена; по мнению авторов публикации, длина клинка была не менее 40–55 см), плавно переходит в штырь рукояти длиной 13,8 см. В верхней части клинка сохранились бронзовые ленточные обоймы с кольцами для крепления ремней подвеса. Несмотря на то, что нижняя, самая важная для атрибуции часть клинка утрачена, В. А. Горончаровский считает возможным атрибутировать горгиппийскую находку 2002 г. как гладиус «помпейского типа» второй половины I в. н. э. (*Горончаровский, Тихонова*, 2005а. С. 143-144, рис. 1, *1*; 2005б. С. 121, рис. 1, *1*; *Виноградов, Горончаровский*, 2008. С. 180–181, рис. 83, *1*). В. В. Дорошко не разделяет такой атрибуции и рассматривает горгиппийскую находку как «подражание римскому гладиусу» (*Дорошко*, 2009. С. 74). К. Микс, знакомый с мечом из раскопок некрополя Горгиппии 2002 г. по опубликованному В. А. Горончаровским рисунку, также считает, что данный экземпляр не является гладиусом: для римских мечей этого типа не характерно плавное (градиентное) выделение стержня рукояти, к тому же ленточные обоймы ножен у римских мечей заметно шире. По его мнению, горгиппийскую находку следует атрибутировать как меч с имитацией римской системы крепления ножен[4].

Еще одна горгиппийская находка, определяемая как римский гладиус, – меч длиной ок. 50 см с резной костяной рукоятью, происходящий из датированного I–II вв. н. э. погребения, открытого на некрополе Горгиппии в 1954 г. (*Кругликова*, 1982. С. 120–121, рис. 3, *1*). В. А. Горончаровский отмечает близость этого меча римскому гладиусу, без уточнения типа, и обращает особое внимание на оформление рукояти, с рельефным трехчастным навершием, напоминающим навершия мечей божеств в образе военачальников на рельефе I в. н. э. из Пальмиры. Ножны мечей пальмирских божеств снабжены ленточными обоймами с кольцами и, по мнению исследователя, подвешены к поясу по римскому образцу (*Горончаровский, Тихонова*, 2005а. С. 145, рис. 1, *2*; 2005б. С. 121–122, рис. 1, *2*; 2; *Виноградов, Горончаровский*, 2008. С. 181, рис. 83, *2*). В то же время В. В. Дорошко, несмотря на отсутствие характерного сужения клинка, атрибутирует меч с костяной рукояткой из Горгиппии как гладиус типа «Майнц» варианта Haltern-Camulodunum

[4] Письмо Кристиана Микса автору от 15.01.2020. Автор признателен научному сотруднику Центрального римско-германского музея (Römisch-Germanisches Zentralmuseum) в Майнце доктору Кристиану Миксу (d-r Christian Miks) за ценные консультации по римскому оружию.

(*Дорошко*, 2009. С. 73). По мнению К. Микса, рукояти с подобным оформлением навершия восходят к восточной эллинистической традиции, свидетельством чему, в числе прочих, служит упомянутый рельеф из Пальмиры. Форма клинка горгиппийского экземпляра не соответствует гладиусу, хотя рукояти с такими навершиями изредка использовались для мечей этого типа римскими офицерами и солдатами, служившими в восточных провинциях, на что указывает находка из Эль-Файума в Египте (*Davoli, Miks*, 2015).

Таким образом, меч из раскопок 1987 г. на сегодняшний день является единственной достоверной находкой римского гладиуса в Горгиппии. Появление на Боспоре римского оружия и распространение его среди местного воинства в середине – второй половине I в. н. э. связано с событиями т. н. римско-боспорской войны 45–49 гг., одним их эпизодов которой, по свидетельству Тацита (Tac. Ann. XII, 16), стало вооружение боспорской армии римским оружием.

Список литературы

Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М.: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ; вып. Д1-30).

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с.

Беглова Е. А., Эрлих В. Р. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // РА. 1998. № 2. С. 173–176.

Виноградов Ю. Г., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 332 с.

Винокуров Н. И. Боспоро-римская война и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // Para bellum. 2009. № 31. С. 9–16.

Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Восточном Крыму в 2009 г. // ДБ. 2010. Т. 14. С. 46–65.

Горончаровский В. А., Тихонова Т. С. Короткие мечи I–II вв. н. э. из раскопок некрополя Горгиппии // БФ: проблема соотношения письменных и археологических источников: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2005а. С. 142–146.

Горончаровский В. А., Тихонова Т. С. Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиппии // ХС. Вып. XIV. Севастополь: Максим, 2005б. С. 121–124.

Дорошко В. В. Военная политика Рима в Северо-Западном Причерноморье и Юго-Западной Таврике в I – середине III в. н. э.: дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 2009. 339 с.

Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар: Краснод. кн. изд-во, 1982. С. 117–149.

Лысенко А. В., Масякин В. В. Римские гладиус и бутероль ножен меча позднереспубликанского–раннеавгустовского времени из святилища Эклизи-Бурун // Археологические исследования в Южнобережном и Горном Крыму: материалы Второго археологического семинара. Ялта, 2023а. С. 64–75.

Лысенко А. В., Масякин В. В. Римское военное снаряжение времени Римско-боспорской войны из святилища Эклизи-Бурун в Горном Крыму // БФ: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. СПб.: Чистый лист, 2023б. С. 180–186.

Малышев А. А. Погребальный инвентарь Мысхакского некрополя // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 143–172. (Некрополи Черноморья; V).

Масякин В. В. Детали римского меча из «Золотого кладбища» (курган № 20 у станицы Тифлисской) // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 188–191.

Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг.. М.: МАКС Пресс, 2020. 220 с. (Некрополи Черноморья; V)

Нестеренко Н. Д. Отчет об охранных раскопках Анапского археологического музея в 1987 г. // НА ААМ, А1-36.

Новиченкова Н. Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–65.

Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. Ялта: РИО КГГИ, 2002. 215 с.

Новиченкова Н. Г. Горный Крым во II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 216 с.

Новичихин А. М. Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // ВДИ. 2009. № 1. С. 110–118.

Новичихин А. М, Галут О. В. Золото Горгиппии: научно-популярный альбом-каталог. Краснодар: Платонов И., 2013. 96 с.

Труфанов А. А., Масякин В. В. Римский меч из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // Stratum plus. 2019. № 4. С. 133–145.

Davoli P., Miks C. A New “Roman” Sword from Soknopaiou Nesos (El-Fayyum, Egypt) // ISAW. 2015. Papers 9. URL: http://dlib.nyu.edu/awdl/isaw/isaw-papers/9/

Lysenko A. Das Heiligtum Eklizí-Burún der römischer Zeit // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. Bonn, 2013. S. 276–283.

Lysenko A. V., Masyakin V. V. Roman imports in the Mountain Crimea from the Eklizi Burun sanctuary in the Age of Augustus // The Romans at the Black Sea During the Time of Augustus: Abstracts of the Conference. Tulcea, 2012. P. 22–23.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Rahden, 2007. 522 p.

Miks C. Sword, gladius // The Encyclopedia of the Roman Army. Chichester, 2015. P. 948–970.

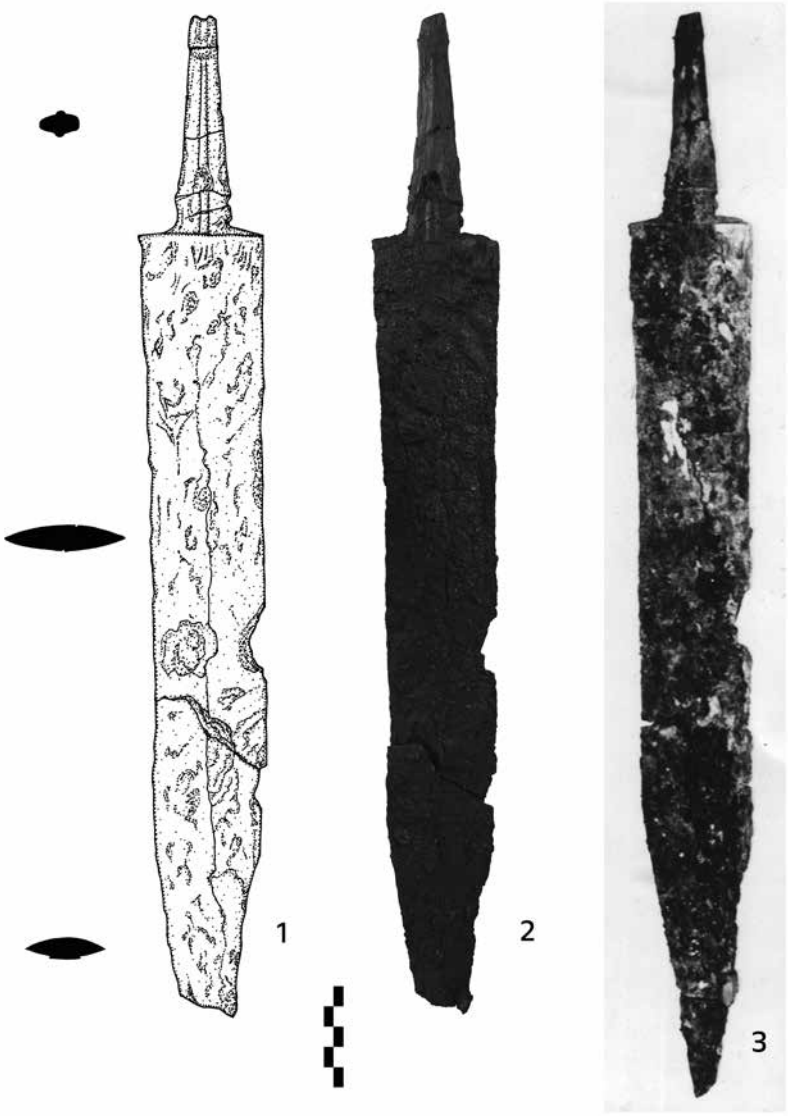


Рис. 1. Меч-гладиус из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г.:
1 – рисунок; *2* – фото; *3* – фото, сделанное вскоре после находки (из отчета Н. Д. Нестеренко). *1, 2* – современное состояние

И. В. Рукавишникова
Институт археологии РАН, г. Москва

Д. В. Бейлин
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВАРВАРСКОГО МОГИЛЬНИКА БАТЫРСКИЙ 1 ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ НОВОРОССИЙСКА

Боспорское царство всегда тесно взаимодействовало с варварскими племенами как на подконтрольных территориях, так и на своих рубежах, в том числе и на юго-восточной окраине его азиатской части. В разные периоды своей истории отношения с варварскими сообществами фиксируются исследователями по эпиграфическим памятникам, свидетельствам материальной культуры и месторасположению памятников. Ценнейшую информацию о контактах и взаимодействии варварских сообществ с элементами греческой цивилизации дают нам материалы раскопок некрополей. Среди предметов погребального обряда, фиксируемых в комплексах некрополей периферии боспорской ойкумены, находятся как боспорская станковая керамика (тарная и столовая), монеты, так и предметы украшений, в том числе снабженные средиземноморскими и причерноморскими мифологическими образами. Погребения и могильники варварского населения Азиатского Боспора часто содержат предметы вооружения, но также известны и памятники, где таковые являются редкостью (*Шишлов и др.*, 2013; 2021; *Малышев, Новичихин*, 2022). Косвенно отсутствие предметов вооружения связано с земледелием как основным вектором хозяйственно-экономической направленности населения, а могильники с воинскими погребениями, видимо, оставлены группами населения, ориентированными либо всецело на воинское ремесло, либо на сезонное или временное несение воинской службы (профессиональное ополчение из среды земледельцев).

В 2023 г. был исследован участок древнего могильника последней трети IV – начала III в. до н. э., расположенного на одной из террас восточного склона одного из перевалов близ современного поселка Верхнебаканский.

Погребальные комплексы располагались в центральной части древней надпойменной террасы небольшого мыса, обрамленного двумя относительно молодыми балками, открывающимися в балку Щель Глубокая, обозначенную на топографических картах (рис. 1).

Участок могильника сильно пострадал в результате крупномасштабных земляных работ, связанных с террасированием склонов и высадкой хвойных и лиственных деревьев, проводившихся чуть более полувека назад. Исследованные погребальные комплексы представляют собой прямоугольные в плане могильные ямы, сооруженные в материковом суглинке и подстилающем его глинисто-щебнистом слое делювия, сформированного на плотных трещиноватых коржах мощных пластов осадочных пород мелового периода (мергеля). Борта могильных ям укреплены плоскими плитами мергеля или песчаника, поставленными на длинное узкое ребро. В некоторых погребениях облицовка бортов носит скорее декоративный характер. Реже борта укреплялись кладкой из колотых и подтесанных камней, уложенных на широкую грань толщиной в один ряд. Практически все могилы имеют следы деформации, которые наиболее отчетливо отразились на их бортах.

На территории исследованного участка могильника выявлено 22 погребения. Одно из них является погребением лошади (погребение № 11) с уздечным набором, состоящим из железных удил с псалиями и налобной круглой бронзовой бляхой. Это погребение неразрывно связано с парным захоронением мужчины и женщины (погребение № 19). Конструкция их плитовой могилы резко отличается от всех исследованных своей основательностью. Длинные борта могилы сложены из массивных плит песчаника и мергеля. Погребение оказалось ограбленным. Однако *in situ* сохранились некоторые кости скелета и несколько вещей погребального инвентаря. Слева от погребенного, вдоль стенки могилы было уложено копье, железный наконечник которого сохранился в районе костей голеностопного сустава. Сохранились два женских бронзовых перстня и один массивный железный перстень, явно принадлежащий погребенному мужчине.

Несмотря на ограбление могильника в древности, сохранились не только кости скелетов в анатомическом порядке, но и многие личные вещи погребенных и прочий погребальный инвентарь. Найденные

фрагменты амфорных клейм в тризновых комплексах и в погребениях позволили датировать их в промежутке последней трети IV – первой половины III в. до н. э. (*Трейстер и др.*, 2024).

Практически полностью сохранилось погребение № 10, которое содержало останки как минимум пяти мужчин и женщин, в том числе и подзахороненных (Там же. С. 276). Весьма интересен и показателен их погребальный инвентарь. В изголовье одного из погребенных мужчин, шея которого была украшена серебряной витой гривной, расчищены два железных наконечника копий, уложенных справа от него остриями вверх, а третий наконечник копья находился в противоположной стороне острием вниз. В ногах, вероятно, этого же индивида находился железный стригель. Слева от скелета мужчины находился скелет женщины, возле черепа которой и чуть ниже его располагались две серебряные височные подвески. Помимо этого, среди погребального инвентаря обнаружено несколько железных ножей и бронзовых перстней. Щиток одного из перстней украшен изображением двухколонного портика храма, выполненного пуансоном.

Среди всех погребальных комплексов своим инвентарем выделяется и погребение № 15, которое оказалось непотревоженным (Там же. С. 275). В ногах погребенной женщины размещалась гераклейская амфора и чернолаковая миска. На пальцы обеих рук были надеты пять бронзовых перстней, щитки которых украшены рельефными изображениями. Найден и один железный перстень. Запястье правой руки погребенной украшал бронзовый браслет. Слева и справа под черепом располагались плохо сохранившиеся бронзовые височные кольца.

В непосредственной близости от могильных ям погребений зафиксированы развалы амфор и простой столовой посуды (кувшины и миски). Вероятней всего, это остатки поминальных комплексов – тризн.

Подавляющее количество транспортных сосудов (амфор) принадлежит продукции гончарных мастерских Гераклеи Понтийской. Меньшая часть найденных амфор, зафиксированных в виде развалов, является продукцией Синопы и Фасоса (?). Единичные фрагменты транспортных сосудов принадлежат амфорам Родоса.

В двух могилах у изголовья погребенных *in situ* зафиксированы миски, справа от которых располагался железный наконечник дротика (погребение 18 – мужчины и женщины, а также погребение 22 – подростка), миска присутствует и в погребении 17 (рис. 2), где наконечник копья найден в ногах. Ориентировка погребенных в северо-западный сектор. В других комплексах могильника наконечники копий зафиксированы в ногах погребенных

индивидов мужского пола направленными острием вниз. Лишь в склепе № 10 с коллективным погребением зафиксировано положение наконечников копий и в изголовье, и в ногах (ориентировка в юго-восточный сектор). Однако, учитывая то обстоятельство, что в этом погребении зафиксированы два принадлежащих мужчинам скелета, относить комплекс метательного вооружения только одному – преждевременно.

Наконечники стрел обнаружены в трех погребениях. В погребении 5 (ограбленное) найдено два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел, а в погребении 17 оказалось четыре бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника стрел. Особого внимания заслуживает сохранившийся в погребении 6 (колчанный) набор стрел, вернее их наконечников, который состоит из восьми бронзовых трехлопастных втульчатых, десяти костяных пулевидных (конических) втульчатых и одного трехлопастного втульчатого.

Примечательно и индивидуальное погребение ребенка в каменном ящике с весьма «взрослым» погребальным инвентарем – свинцовым жетоном (медальоном), железным четырехгранным наконечником дротика в районе изголовья и грудной клетки погребенного, а также развалом гераклейской амфоры и красноглиняной миски, расположенных в его ногах.

Поверх некоторых погребений уложены отдельные части туш лошадей. Части трех разных лошадей перекрывают каменную наброску над погребением № 6. Отдельно захороненная взнузданная лошадь характеризуется как немолодая, вьючная, ходящая под седлом.

Среди предметов обряда у взрослых погребенных индивидов найдены бронзовые с гравировками на щитках и железные перстни, а также серебряные украшения (спиралевидные подвески, гривна, лунницы). Перстни украшены изображениями, связанными с греческими религиозными сооружениями, мифологическими персонажами, богами, героями, собаками, птицами (рис. 3–4). В случае с женскими погребениями, вероятней всего, бронзовые перстни с рельефными изображениями на щитках являются предметом украшения и апотропеи. В мужских же погребениях перстни с сюжетными щитками стоит рассматривать как некий оберег или же как предмет воинского отличия или награды.

Подводя краткие итоги нашего полевого исследования, можно сделать несколько предварительных выводов относительно группы местного населения, оставившей этот могильник.

1. Мужская часть населения несла воинскую службу либо на постоянной основе, как воинское подразделение, либо как «профессиональное»

ополчение, мобилизуясь в случае крайней необходимости. Присутствие же в погребальных комплексах предметов вооружения – лишь яркое свидетельство тому. А захоронения лошадей в индивидуальных могилах и поверх других воинских погребений дают основания уверенно говорить о том, что погребенные несли воинскую службу в седле.

2. Могильник функционировал на протяжении как минимум 30–50 лет, о чем свидетельствуют как предметы погребального инвентаря, так и следы повторного использования погребальных сооружений (либо использование семейных склепов для многократных или групповых захоронений), что, в свою очередь, подтверждает тезис о довольно длительном пребывании этой группы на близлежащей территории.

3. В могильнике зафиксированы одиночные погребения мужчин и женщин, парные и коллективные. Погребенные, вероятно, представляют собой группу полноправных членов местного сообщества, включавшую в себя воинов и их женщин.

4. Главы этого сообщества были захоронены на этом же участке в весьма представительных по своей конструкции погребальных сооружениях (погребение № 10 и погребение № 19) и с представителями своих семей.

Список литературы

Малышев А. А., Новичихин А. М. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Hypanis. 2022. Т. 4. С. 162–185.

Трейстер М. Ю., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска // МАИАСП. 2024. Вып. 16. С. 234–287.

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в 2005–2006 гг. // Биоразнообразие государственного природного заповедника «Утриш»: науч. труды. Т. 1 (2012) / ред. А. Г. Крохмаль. Анапа: Гос. заповедник «Утриш», 2013. С. 294–330.

Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Исследования могильника раннего железного века «Лобанова Щель» (по итогам раскопок 2007 и 2009 гг.) // Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана: науч. труды. Т. 5 / ред. О. Н. Быхалова. Анапа: Гос. заповедник «Утриш», 2021. С. 285–295.

Рис. 1. Вид с запада на исследованный участок могильника Батырский 1

Рис. 2. Вид с юго-запада на погребение 17

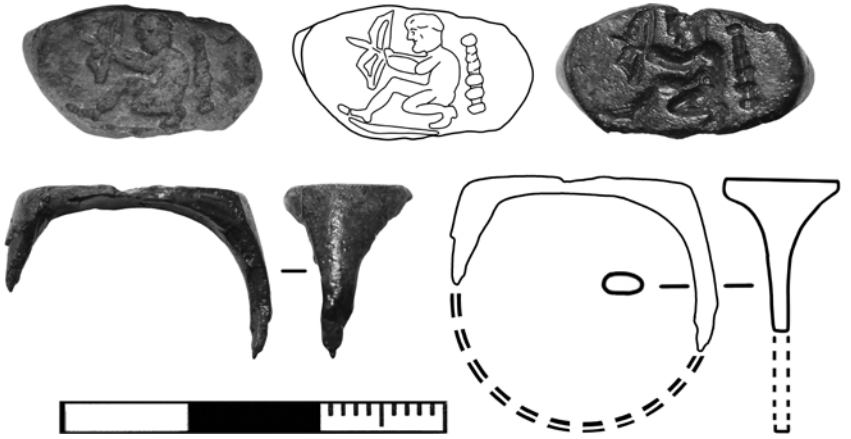


Рис. 3. Перстень бронзовый из погребения 7

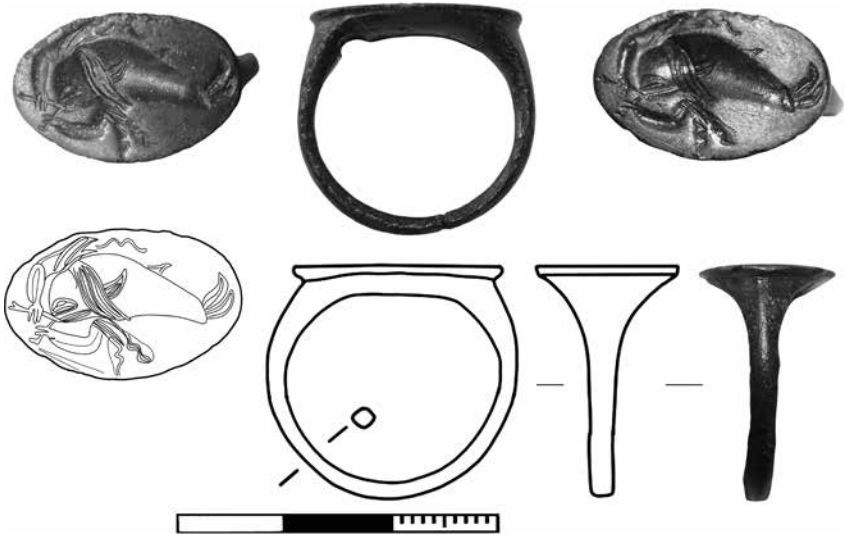


Рис. 4. Перстень бронзовый из погребения 14

Е. А. Савостина
Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова, г. Москва

Н. И. Винокуров
Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Н. Л. Кучеревская
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь

СТАТУЯ ХРАМА КРЕПОСТИ АРТЕЗИАН: РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА, ТЕХНИКА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В 2023 г. на южном теменосе городища Артезиан обнаружены детали монументального храма дорического ордера. Согласно посвятительной надписи на архитраве, храм был возведен Фарнаком (предполагается, во времена его царствования, 63–51/50 гг. до н. э.) в честь Зевса Генарха и Сотера, в знак одержанной большой победы (*Винокуров, Яйленко*, 2024). История храма отражена в архитектурных остатках двух строительных периодов – надпись относится ко второму. Со временем комплекс, в который входил и монументальный алтарь, перестал существовать, все было разобрано и стало забутовкой многочисленных глубоких ям на том же участке теменоса. В одной из них (яма 779) в 2023 г. была найдена голова крупной статуи бородатого мужчины (рис. 1) – довольно сильно оббитая, но все же весьма выразительная[1]. В другой (яма 785) – детали с изображением складок одеяния; наконец, в 2024 г. (яма 836) – часть торса, фрагмент левой руки (плечо), многочисленные неясные пока осколки и палец левой кисти руки[2].

Голова статуи, выполненная из белого мелкозернистого мрамора с тонкими серыми прожилками, представляет мужчину средних лет, с пышной прической и бородой. Верхняя поверхность головы срезана с понижающимся к затылку наклоном, имеет плоскую, слегка рифленую поверхность и подготовлена для крепления завершающего конструктивного элемента (систематично расположены углубления, вероятно, контактные направляющие насадки). Пластически показанные волнистые волосы, обрамляющие лицо, у корней надо лбом удерживаются широкой повязкой, ее продолжение скрыто под локонами и дальше не прослеживается. Скульптурно исполнена лишь передняя часть прически, причем правая сторона ее, как и бороды, более пышная, объемная и проработана тщательнее, чем левая, на которой выявлены следы пигмента[3]. Оборот трактован суммарно, сохраняя общую форму головы и нижнюю границу полудлинных волос. Возможно, он подготовлен под покрытие стуком (формованная из глины накладка), следов крепления головного убора не установлено.

Борода и пряди волос высечены с помощью различных инструментов, но большую роль здесь играет бурав: сколы показали многочисленные «ходы» этого орудия скульптора. По правой стороне по границе волос отчетливо заметен прием «бегущего сверла» (“running drill”), впервые примененный Скопасом во фризе Галикарнасского мавзолея (*Stewart*, 1990. P. 182). Эта техника обеспечивает более выраженный углубленный контур обрамления лица, усиливая светотеневые контрасты изображения.

Лицо статуи с крупными чертами имеет гладкую поверхность (со следами пигмента на лбу)[4] и моделировано весьма своеобразно: объемные щеки и особенно мышцы лба подчеркнуто напряжены, однако не так, чтобы сдвинулись брови («мышца гордеца»): мастер пошел другим путем и сосредоточился на лобных буграх – за их мимику отвечает затылочно-лобная мышца («мышца внимания»). Выпуклости лба контрастируют с острыми и линеарными краями надбровных дуг. Поверхность от бровей к верхнему веку (надглазье) довольно плоская и служит фоном изображения глаз – больших, слегка округлых, показанных с графически очерченной дужкой (отмечены следы пигмента), а также рельефным выпуклым

[1] Поступила в Лапидарий Керченского историко-археологического музея, инв. КЛ-3161, выс. фрагмента ок. 29,1, шир. 21 × 19 см. Сохранилась с частью шеи, нижний скол без следов крепления. Нос, часть бороды, левая и верхняя части прически утрачены, мелкие сколы по поверхности, на радужке правого глаза. Сохранились небольшие следы красочного слоя (волосы, лоб, глаз).

[2] Скульптура как вид изобразительного искусства, произведения которого имеют объемную форму, читается «от себя», а не «от зрителя».

[3] Желтая темная охра в углублении локонов. Красный пигмент в пряди бороды.

[4] Охра желтая, более светлая.

зрачком – очевидно, для придания особой выразительности взгляду[5] (рис. 2). Немаловажно, что в чертах лица наблюдается явная асимметрия, наиболее понятная по наклону линии бровей, что говорит об ориентации изображения на определенную точку обзора. Наряду с упомянутыми отличиями в трактовке левой и правой сторон это позволяет судить о легком повороте и наклоне головы статуи влево.

Исследование получило новый импульс благодаря находке в 2024 г. фрагмента мраморного торса (яма 836). На верхней части фрагмента статуи сохранилась рабочая поверхность, срезанная под сильным наклоном от лицевой плоскости к спине (угол не менее 30 градусов). Посреди нее вырезан прямоугольный паз[6] для соединения с верхней частью фигуры.

Верхняя часть торса была обнажена – сохранился только живот, нижняя задрапирована плащом (рис. 3). Скрученная часть ткани плаща проходит на бедрах справа налево, под пупком, свободный конец с грузиком-утяжелителем спускается слева волнистой фалдой на фоне плоскостной ткани плаща, показанной складками более схематичными и упрощенными. Путем подбора нескольких фрагментов таких «складок» на одном участке изваяния удалось как бы продолжить длину плаща и восстановить сохранившуюся высоту всего фрагмента до 70 см.

Необходимо отметить, что пластическая трактовка торса явно разделена на лицевую и оборотную стороны. Лицевая часть моделирована как круглая скульптура, но оборот не имеет изображения и обработан шпунтом со следами двух разных инструментов. Очевидно, что статуя стояла спиной близко к фону и не предназначалась для кругового обзора. Для фиксации ее положения был сделан металлический штырь в защитной свинцовой обкладке. На обороте сохранился также прямоугольный вырез гнезда для присоединения еще одной, нижней части статуи.

За время нахождения в засыпи ямы фрагмент покрылся кальцитовой коркой; тем не менее его материал может быть определен как идентичный мрамору головы. Во всех ямах при многообразии каменных отесов пока не было встречено фрагментов другой скульптуры. Это дает основания говорить о принадлежности торса той же статуе, что и голова мужчины. К такому выводу склоняет и еще один элемент, а именно манера изображения пупка: он тоже имеет выпуклую середину, равно тому как глаз персонажа имеет выпуклый зрачок.

[5] Подобный прием нам не встречался, но был замечен Н. А. Налимовой в музеях Восточной Турции.

[6] Верхний паз: 8 × 5,5, гл. 6 см; штырь в обкладке диам. 1 см; гнездо на обороте: сохр. 9,5 × 9, гл. 5 см.

Уточнению реконструируемого облика статуи стоящего мужчины поспособствовали еще два значимых фрагмента: часть обнаженной левой руки (плечо) с рельефной проработкой сосудов[7] и кисть левой руки с большим пальцем, лежащим поверх собранной ткани. Таким образом, можно полагать, что найденные фрагменты принадлежат крупной (ростовой) статуе стоящего бородатого мужчины. Голова его слегка наклонена и повернута влево. Торс обнажен, нижняя часть фигуры задрапирована плащом, конец которого спускается у левого бедра. Кисть левой руки мужчины лежала на скрученном плаще (большой палец на «скатке»), соответственно, рука была согнута в локте и от плеча до локтя обнажена. Статуя устанавливалась близко к фону (стене?) и была составлена из нескольких частей, включая конструкцию головы. Ее общий вид дополнялся полихромной росписью[8].

Подобная постановка фигуры известна в античной скульптуре с эпохи классики, но особенно популярной она стала в эллинистический и римский периоды как основа изображения мужских персонажей средних лет, представленных в греческом одеянии, с пышной прической и бородой. Несмотря на находку фрагментов вблизи остатков храма, имеющего посвящение, мы должны были обсудить все возможные варианты идентификации образа из-за особенностей конструкции статуи и редко встречаемого элемента в убранстве представленного персонажа. Так, срезанная часть головы могла дополняться фрагментом с изображением корзины как у Сераписа, а налобная повязка известна лишь в изображении Асклепия (LIMC II, op. 350 ‘Asklepios’). Постановка фигуры, поворот головы, положение левой руки находят аналогии в небольшом изваянии с о. Аморгос конца II в. до н. э., также отождествляемом с Сераписом (LIMC VII, 673, op. 62 ‘Sarapis’). Однако, как правило, упомянутые персонажи помимо плаща имеют и хитон, отчетливы также отличия в эмоциональном характере образа.

Наиболее полно все черты, свойственные скульптуре из Артезиана, воплотились в большой статуе Посейдона с о. Мелос, 125–100 гг. до н. э. (рис. 4). Бог изображен стоящим в характерном контрапосте, опираясь на правую ногу и слегка повернув голову влево. Торс его обнажен, драпирующий низ фигуры плащ скручен на бедрах, слева его конец перехватывается и спускается крупными складками. Часть плаща перекинута на левое плечо. В правой руке Посейдон держит трезубец, левой ладонью опирается на скрученный плащ (*Kaltsas*, 2002. P. 290, kat. 611). Примерно так же,

[7] Рука сохр. 13 см.

[8] См. ниже раздел «Лабораторные исследования».

как мы описали выше, должна быть построена храмовая статуя из Артезиана. Можно говорить, что с конца эллинизма это была своего рода «политеистическая формула» в скульптуре, и для идентификации образа конкретного божества – Посейдона – был добавлен дельфин, символ зоны его ответственности. Среди фрагментов, найденных на городище, пока не выявлены детали фигурки орла, указывающего стихию бога, но по мощи и характеру воплощенного образа, по деталям реконструированной скульптуры, единственной среди находок на городище, и, наконец, по посвящению можно утверждать, что статуя в храме крепости Артезиан представляла Зевса – главного бога Олимпийцев.

Стиль скульптуры, материал и археологический контекст позволяют отнести ее к работе малоазийских мастерских I в. до н. э., ко времени Митридата и Фарнака, не вполне проясненному не только в историческом, но и в художественном плане. Уникальность и значимость находки, помимо непосредственной связи ее с храмовым комплексом, усиливается необычными приемами, которые применял мастер в своей работе. В этом смысле новая статуя близка серии скульптур, недавно выявленной среди разрозненных пантикапейских находок XIX в. (*Савостина*, 2024). Связанные не только со временем, но и с именем Митридата Евпатора, они не принадлежат к известным центрам типа пергамского или родосского, хотя приверженность мастеров художественным принципам эллинистического классицизма и происхождение из Малой Азии несомненны. С третьей четверти II в. до н. э. начинается интенсивное знакомство с классической скульптурой, появляется теоретическая концепция смешения старых «образцовых» и новых форм. Этот феномен трактуют не только как «возвращение к прошлому», но и как его продолжение (*Niemeier*, 2011. S. 327). Пергам стал безусловным первопроходцем в этом процессе, но были и другие центры и мастерские.

В последнее время исследователи обсуждают положение о том, что модель развития скульптуры, предполагавшая линии непрерывного развития, оказалась недостаточной для объяснения сложностей греческого скульптурного производства (*Dillon*, 2017. P. 232). Со всей очевидностью данный тезис могут не только подтвердить, но и дополнить как пантикапейские произведения «малоазийского классицизма», так и новый памятник из Артезиана. Более того, они демонстрируют определенную совокупность, связанную с историческими условиями – с правлением на Боспоре понтийских царей, а также выявляют культурные и эстетические предпочтения последних, повлекшие выбор малоазийских мастерских.

Что касается храмовой статуи из Артезиана, то кто ярче, чем Зевс, воплощение силы, справедливости и законности, мог олицетворять победу – независимо от того, была ли она одержана над скифами (как предполагается) или над другим противником, – во всех ее смыслах и значениях.

Лабораторные исследования[9]

1. Исследование под USB-микроскопом Levenhuk DTX 90 (увеличение 300x) подтвердило наличие остатков красочного слоя: коричневато-желтого цвета – на волосах над правой височной зоной и поверхности правой щеки, черного – на обработанной чистовой оттёской тыльной части головы.

2. Был проведен микрохимический анализ с целью идентификации коричневато-желтого пигмента, в составе которого выявлен Fe^3 путем добавления к пробе на предметном стекле 3 мкл раствора азотной кислоты (1:2), соляной кислоты (1:2) и, после выпаривания до частичного растворения, – 5 мкл 10 % раствора роданида калия. Характерное красное окрашивание подтвердило предположение об использовании в качестве краски охры. Для окрашивания участков поверхности в черный цвет традиционно применяется сажа газовая.

Связующее вещество, предположительно органического происхождения, идентифицировано также методом микрохимического анализа как животный клей либо яичная темпера, поскольку при обнаружении обоих этих клеев воздействием на пробу раствора АБ2 (красителя амидочерного 10Б, растворенного в растворе 1Н уксусной кислоты и ацетата натрия, с добавлением глицерина) представляет одинаковый результат в виде связывания кислых остатков молекулы красителя с основными аминогруппами белка, дающего окрашивание пробы в темно-синий цвет.

[9] Методики идентификации пигментов и органических материалов любезно предоставлены к. х. н., ведущим научным сотрудником Отдела научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа К. Б. Калининой в рамках семинара-практикума, посвященного предреставрационным лабораторным исследованиям по программе «Эрмитажная школа реставрации» в 2019 г.

Список литературы

Винокуров Н. И., Яйленко В. П. Храм Зевса Генарха с посвятительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2024. Вып. 4. С. 231–271.

Савостина Е. А. Голова женской статуи из собрания Эрмитажа: мастера и традиции эллинистического классицизма в Пантикапее // Памятники культуры. Новые открытия. М.: РАН, 2024. С. 174–186.

Dillon S. Approaches to the Study of Greek Sculpture // The Diversity of Classical Archaeology / eds.: A. Lichtenberger, R. Raja. Turnhout: Brepols, 2017. Vol. 1. P. 223–234.

Kaltsas N. Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Athens: Kapon Editions, 2002. 376 p.

Niemeier J.-P. Pergamon und der hellenistische Klassizismus // Pergamon: Panorama der antiken Metropole: Begleitbuch zur Ausstellung / hg. von R. Grüßinger, V. Kästner und A. Scholl, Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin. (Ausstellung der Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin im Pergamonmuseum, Museumsinsel Berlin 30.9.2011–30.9.2012). Berlin: Michael Imhof Verlag, 2011. S. 327–333.

Stewart A. Greek Sculpture: An Exploration. New Haven: Yale University Press, 1990. Vol. I. Text. 380 p.

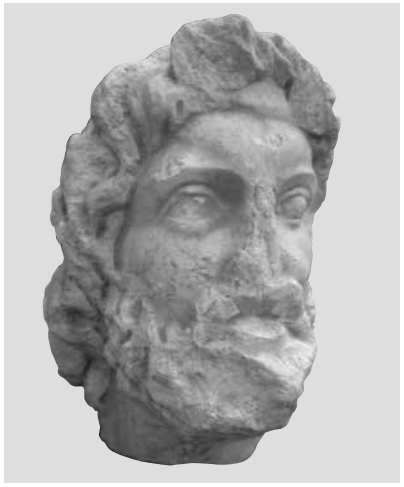


Рис. 1. Голова статуи из Артезиана. Мрамор, I в. до н. э. Лапидарий ВКИКМЗ, Керчь (фото авторов)

Рис. 2. Голова статуи из Артезиана. Деталь

Рис. 3. Торс статуи из Артезиана. Деталь

Рис. 4. Статуя Посейдона с о. Мелос. Мрамор, конец II в. до н. э. Национальный археологический музей, Афины (фото из открытых источников)

С. Л. Смекалов, А. А. Внуков, К. О. Маркова
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула

МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЯ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ВОСТОЧНЕЕ УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ[1]

Места захоронений любого исторического периода представляют значительный интерес для археологов. В этой работе авторы проводят сопоставление расположений погребальных объектов, на территории Керченского полуострова восточнее Узунларского вала для периода от бронзы до наших дней – всего времени, когда с той или иной точностью возможна датировка захоронений.

Первый тип погребальных памятников, который, вероятно, наиболее изучен, это курганные могильники (рис. 1). Восточнее Узунларского вала на т. н. карте-«верстовке», М 1: 42000, конца XIX – начала XX в. (Карта…, 1900) обозначено около 2300 курганов. Естественно, некоторая часть (но, как мы полагаем, незначительная) – это курганообразные возвышенности на местах бывших построек (оборонительные башни и. т. п.), однако основная часть – погребальные сооружения. По оценкам одного из авторов, сравнение карт и результатов разведок на местности показывает, что курганов на местности в среднем в два раза больше, чем на картах Генерального штаба, М 1: 25000 (Генеральный…, 1959) и «верстовке» (*Смекалов*, 2012. С. 369; *Смекалов и др.*, 2007). Таким образом, количество курганов весьма велико, чего нельзя сказать о степени их изученности. Исследований отдельных курганных групп на Керченском полуострова немало. Однако обобщающих работ по раскопкам курганов, где не выделялся бы отдельный

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00135, https://rscf.ru/project/25-28-00135/.

временной период, как, например, в работе (*Тощев*, 2007), а было приведено суммирование результатов разных исследователей, в том числе за последнее десятилетие (хотя бы количественное), по-видимому, нет. Мнение авторов подтверждают и личные консультации с одним из ведущих специалистов по курганам Крыма С. Г. Колтуховым и одним из наиболее активных «разведчиков» Керченского полуострова в настоящее время Д. В. Бейлиным. Это очевидная тема для большой научной работы.

Независимо от времени первичного захоронения, а многие курганы относятся к эпохе бронзы, во многих обследованных курганах имеются впускные погребения более позднего времени.

Как расположены курганы относительно известных древних поселений? Мы провели сравнение расстояний от курганов на карте-«верстовке» восточнее Узунларского вала с памятниками, имеющимися у авторов в базе данных (*Смекалов*, 2024). Для сопоставления были отобраны 208 поселений (рис. 1) с точно известными координатами (про «отбор» памятников более подробно см.: *Зубарев, Смекалов*, 2023. С. 394). Анализ статистики расстояний мы проводили для пунктов, отстоящих не более 1000 м от курганов или некрополей. Расстояние 1000 м, по субъективному мнению авторов, является разумной границей удаления мест захоронений от небольших сельских поселений. Проведено также сопоставление расстояний между поселениями и случайно распределенными точками, количество которых примерно соответствует количеству курганов. Хотя поселения разнородны по времени, однако для большинства начальная датировка – не позднее IV–III вв. до н. э., т. е. их обитатели могли использовать для подхоронений и курганы эпохи бронзы и более поздние. В таком случае и ближайшие курганы должны быть недалеки от поселений. Средние (363–438 м) и медианные (282–416 м) расстояния от поселений до курганных или грунтовых могильников либо случайных точек достаточно близки (см. табл. 1). Однако гистограммы распределения расстояний показывают, что значительная часть поселений расположена в пределах 173 м от курганов – т. е. у «ближайших» курганов (рис. 2, *а*; гистограммы строились по интервалам, автоматически выбираемым программой Excel). Расстояние от поселений до случайных точек (мы приводим один пример гистограммы для случайных точек) примерно соответствует нормальному распределению «по Гауссу». Максимальное число точек приходится на интервал в 240–355 м (рис. 2, *б*). Таким образом, величина 173 м «до курганов» и больший интервал 240–355 м до «случайных точек» подтверждают «тяготение» мест захоронений к курганам.

Рассмотрим другие виды древних погребальных сооружений, которые не отображены на топографических картах. Это каменные ящики, склепы и грунтовые могилы. Вопрос о каменных ящиках в восточном Крыму достаточно детально рассмотрен А. А. Масленниковым еще давно (*Масленников*, 1995). Он же обобщил результаты исследований некрополей на Караларском побережье (*Масленников*, 2000). Некрополи боспорских городов изучались в диссертации (*Сударев*, 2005). Склепам посвящены диссертация и некоторые работы еще одного автора (*Савостина*, 1984; 2014). Примеров опубликованных исследований отдельных погребальных комплексов или отдельных типов некрополей на Керченском полуострове и за последнее десятилетие можно привести много (работы Д. В. Бейлина, Е. А. Зинько, В. Г. Зубарева, И. В. Рукавишниковой, В. А. Хршановского и др.). Однако обобщающих работ, как отмечено выше, нет.

В результате для описания «некурганных» могильников авторы опираются лишь на имеющуюся у них базу данных – конечно, неполную. Так же, как и для предыдущих рассуждений, мы оставили для рассмотрения только могильники, координаты которых точно известны. Для определения расстояний между поселениями и курганами нами применен формальный подход, т. к. количество поселений слишком велико, чтобы проводить «ручную» фильтрацию точек. Количество известных грунтовых некрополей существенно меньше, чем известных поселений. Это связано с тем, что факт существования «поселения» проще выявить по результатам разведок на основании подъемного материала, а для выявления некрополей, невидимых на дневной поверхности, уже необходимо проведение шурфовок. Поэтому для грунтовых некрополей уже можно было провести «ручную» фильтрацию, т. е. не принимать для расчета расстояний отдельные скопления захоронений, явно не связанные с окрестными поселениями. На гистограмме (рис. 2, *в*) приведено распределение расстояний от грунтовых некрополей до ближайших поселений. Наибольшее количество некрополей находятся в интервале 204 до 394 м от предполагаемых центров поселений, что, вероятно, соответствует нахождению некрополя близ границы поселения.

Следующий набор памятников, который мы рассматриваем, это кладбища, обозначенные на «верстовке». Здесь восточнее Узунларского вала обозначено 48 кладбищ – 1 лютеранское, 24 магометанских и 23 православных. Большинство кладбищ примыкает к застройке, обозначенной на «верстовке». Каких-либо совпадений с положением античных некрополей нет, как и совпадений в целом расположения античных поселений с поселениями

XIX в., что уже отмечалось авторами (*Зубарев, Смекалов*, 2023. С. 396). На карте масштаба 1: 25000 50-х гг. XX в. отмечено 22 кладбища. На космических снимках в местах расположения кладбищ на «верстовке» видны 16 из 48 кладбищ, т. е. они либо действующие, либо, по крайней мере, находящиеся в той или иной степени сохранности.

Значительный интерес представляют также реестры кладбищ Керчи и Ленинского района, где представлены сведения о современных кладбищах, действующих и закрытых. Кладбища г. Керчь (8 кладбищ), представленные в (Постановление…, 2022), за исключением вновь отводимых территорий, расположены там же, где и кладбища XIX в. Детальный анализ соответствия положений стоящих на учете кладбищ (Реестр…, 2022) по всему Ленинскому району Крыма на момент подготовки этой публикации еще не проведен, однако предварительное рассмотрение показывает, что многие из 86 кладбищ района уже существовали в XIX в.

В заключение можно отметить следующее. Рассуждения о статистическом изучении расстояний, приводимые авторами, конечно, весьма спорны, но, тем не менее, такой подход тоже может принести результаты для понимания территориального устройства Восточного Крыма как в античное, так и в новое время. Необходимо проведение работ по обобщению результатов уже выполненных исследований курганов и некрополей Восточного Крыма, в том числе и памятников XIX в.

Таблица 1.
Средние и медианные расстояния между поселениями, курганами, некрополями и случайными точками.

	Среднее расстояние, м	Медианное расстояние, м
Между поселениями и курганами	363	282
Между поселениями и случайными точками, 1-й набор случайных точек	418	394
Между поселениями и случайными точками, 2-й набор случайных точек	438	416
Между поселениями и грунтовыми некрополями	391	382

Список литературы

Генеральный штаб Советской армии. УССР Крымская обл. Масштаб 1: 25000. Издание 1959 г.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. Сельская территория Боспора: какие населенные пункты на картах XVIII–XIX вв. совпадают с местами расположения античных поселений? // БФ: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 392–397.

Карта Таврической губернии. Масштаб 1: 42000. Петроград: Военно- Топографический отдел, 1917–1920 (переиздание).

Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). М., 1995. 124 с. (Боспорский сборник; т. 8).

Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 2000. Т. 3. С. 136–200.

Постановление администрации города Керчи Республики Крым 24 ноября 2022 г. № 2454/1-пэ «Об утверждении Реестра кладбищ муниципального образования городской округ Керчь Республики Крым»

Реестр кладбищ и мест захоронений на них // Правительство Республики Крым. Ленинский район. Дата публикации: 18 ноября 2022 г. URL: https://lenino.rk.gov.ru/documents/a3e727bb-33d6-4f2a-832d-94b6a60f1683

Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.

Савостина Е. А. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Погребальная культура Боспорского царства: материалы Круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 18–23.

Смекалов С. Л. Оценка численности населения Европейского Боспора в IV–III вв. до н. э. на основе данных о погребальных сооружениях // ДБ. 2012. Т. 16. С. 366–370.

Смекалов С. Л. Археологическая карта Крыма. URL: https://www.archmap.ru. (Последнее обновление 28.03.2024).

Смекалов С. Л., Ермолин А. Л., Колтухов С. Г., Ланцов С. Б., Лентовский В. В. Обследование курганных могильников на местности и по топографическим картам // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб.: изд-во ГЭ, 2007. С. 71–77.

Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник: дис. … канд. ист. наук. 2005.

Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный университет, 2007. 307 с.

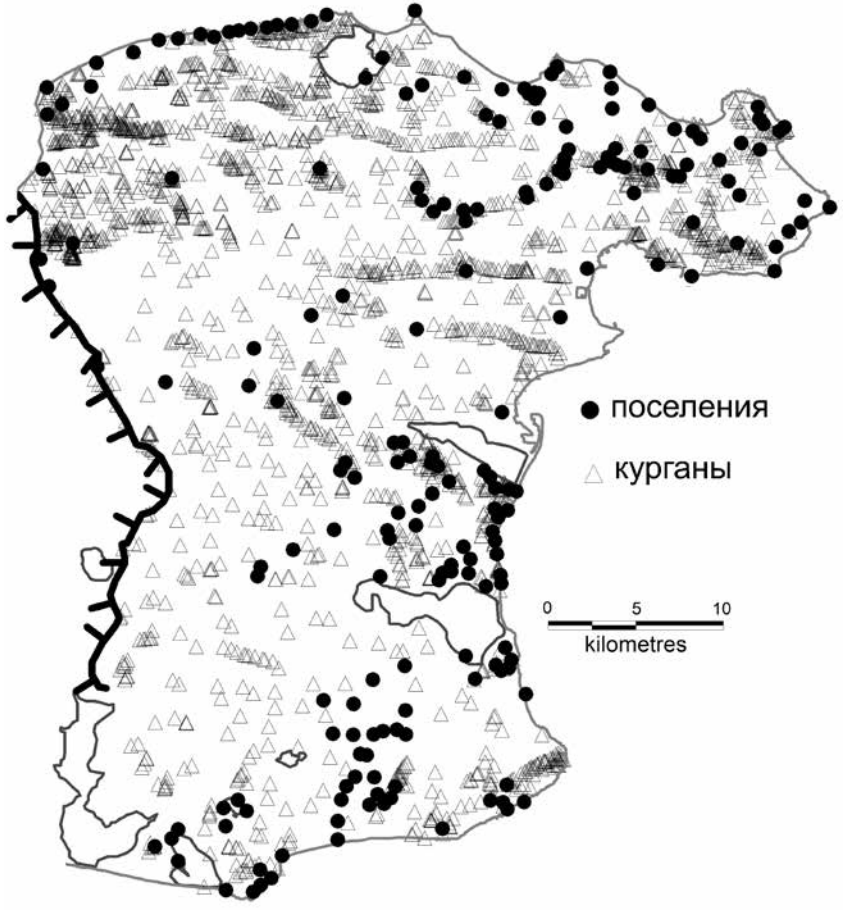


Рис. 1. Курганы Крыма, отмеченные на «верстовке», и древние поселения восточнее Узунларского вала

Рис. 2. Распределение расстояний между известными памятниками, курганами, грунтовыми некрополями и случайными точками

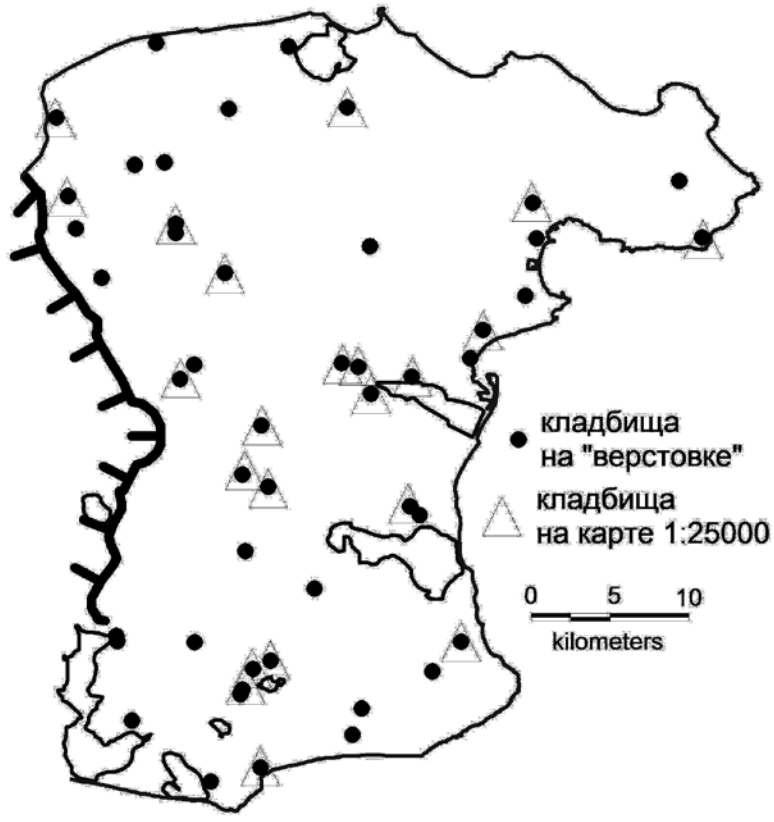


Рис. 3. Положение кладбищ на карте-«верстовке» и карте 1: 25000

Т. Н. Смекалова, А. С. Деваев,
С. К. Фридрихсон, А. Н. Гаврилюк, Р. С. Кецко
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

МАГНИТНАЯ СЪЕМКА ДВУХ НОВЫХ СОСЕДНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ – БАБЧИК ЗАПАДНЫЙ 3 И 4

В 2024 г. были проведены комплексные междисциплинарные археологические разведки на левом (северо-западном) берегу Бабчикской балки в Крымском Приазовье (рис. 1). Внимание к этому району было привлечено еще В. В. Веселовым, открывшим здесь в 1970-е годы эллинистическое поселение, названное им Малый Бабчик (*Веселов*, 2005. С. 35, № 110). Бабчикская балка длиной около 8,5 км является самой крупной и обводненной среди всех, сходящихся к оз. Чокрак (Ленинский район, АР Крым). Она берет начало севернее поселка Багерово, огибает гору Арарат и подходит к юго-восточному краю озера. В верховье балка имеет довольно крутые склоны. В низовье, где склоны более пологие, находятся Четвертый, Пятый и, самый большой, Шестой Багеровские ставки (пруды). На восточном, правом берегу Бабчикской балки находится крепость I в. до н. э. Бабчик Восточный, в настоящее время изучаемая Восточно-Крымской экспедицией ИА РАН (рис. 1: *6*).

Левобережье балки занимает наклонное плато, по возвышенному краю которого следует так называемый Чокракский Вал, или Вал Бескровного, состоящий в основном из каменно-земляного вала и предваряющего его с северо-запада рва. Плато испещрено четкими следами «длинных полей» — следов использования плуга с боковым отвалом (*Смекалова*, 2013. С. 153–193), а также, вероятно, и других типов межевания. В его верхней (западной) части встречаются гробницы в виде грубых каменных ящиков с кольцевыми оградками. Отмечено и несколько заметных курганных

насыпей. Бóльшая (восточная) часть плато представляет собой несколько полого спускающихся к балке долин, окруженных небольшими поднятиями, иногда с выходом мшанковых останцов. Здесь в ходе разведок были определены 5 локальных участков (рис. 1, *1-5*), на которых и были проведены междисциплинарные исследования.

Для выявления и изучения археологических объектов применялась трехступенчатая естественно-научно-археологическая методика, сочетающая анализ космических и аэрофотоснимков, пешие разведки со сбором подъемного материала, магнитную и геодезическую съемки[1].

Сначала на космических снимках (особенно весенних) и архивных аэрофотоснимках 1970-х гг. проявились следы пахотных полей в виде чередования валиков (по краю) и ровиков (посредине полей), идущих по линии падения склона. Также были локализованы пятна более густой растительности, которые могли соответствовать культурному слою поселений.

На втором этапе проводились пешие разведки по выбранным маршрутам со сбором подъемного материала и выбором наиболее перспективных участков для магнитной съемки. Именно этот метод, благодаря значительному контрасту физических свойств (немагнитных известняковых стен на фоне сильномагнитного грунта культурного слоя), позволяет выявлять наличие и планировку как отдельных объектов, так и всего поселения. Параллельно проводилась высокоточная геодезическая съемка с помощью дифференциального GPS-приемника Trimble R8.

На самой северо-северо-восточной оконечности плато располагалось «убежище» площадью 0,22 га, обрывистые северный и восточный края которого были укреплены с западной и южной стороны очень грубой каменной стеной шириной около 2 м (рис. 1, *1*). Культурный слой здесь практически отсутствовал. Вероятно, это пространство служило своего рода убежищем для древнего населения. Данный объект получил название «Бабчик Западный 1».

В 500 м к югу от него располагались округлые каменные загоны для скота (рис. 1, *2*). Было выявлено не менее трех таких конструкций: два из них диаметрами 30 м и один – 20 м. Шурф, заложенный посредине наибольшего из них, также не выявил культурного слоя и находок. Эту часть плато мы назвали «Бабчик Западный 2».

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00088, https://rscf.ru/project/23-18-00088/.

Еще в 400–600 м южнее (объект Бабчик Западный 3) располагалось собственно античное поселение, датирующееся, судя по подъемному материалу, IV–III вв. до н. э. (рис. 1, *3*). Оно представляет собой отстоящие на 50–70 м друг от друга небольшие постройки-усадьбы. Магнитная съемка, проведенная на трех таких участках, показала, что «дома» имеют прямоугольную планировку, размеры примерно 20 × 20 м, состоят из трех-четырех помещений, располагавшихся в ряд, и примыкающего к ним двора, окруженного каменной оградой. Внутри помещений имеются очаги, о чем свидетельствуют локальные положительные аномалии. Это поселение очень сильно повреждено деятельностью «черных копателей»; в грабительских ямах обнажился культурный слой, насыщенный фрагментами амфор, гончарной и лепной керамики. Подъемный материал в подавляющем большинстве представлен обломками амфор IV–III вв. до н. э., однако встречается и более ранний материал, например стенка красноглиняной лесбосской амфоры не позднее середины V в. до н. э. Также повсеместно встречаются обломки сосудов предположительно средневекового времени.

Примерно в километре от этого поселения на обширной и открытой к югу долине (Бабчик Западный 4), среди следов пахотных полей, хорошо видимых на космическом снимке, располагалось еще одно поселение, синхронное только что описанному (рис. 1, *4*) и состоявшее из каменных построек и групп зерновых ям. Один из отдельно стоящих «домов» примыкал к границе поля (рис. 2, *б*: А). Здесь были проведены магнитная съемка и шурфовка. Судя по полученным результатам, данное поселение можно отнести к группе т. н. варварских селищ, широко распространенных по всему степному Крыму в указанное время (*Кругликова*, 1975; *Масленников*, 1998; *Смекалова, Кутайсов*, 2017. С. 135–221).

Основная часть этого поселения находилась ниже по склону Бабчикской балки (рис. 2, *а*). Здесь также была проведена магнитная съемка, выявившая четкие локальные положительные аномалии от ряда зерновых ям (см. «В» на рис. 2, *б*). Возможно, для них специально выбирался район с геологическим строением слоистых известняков, прослоенных мягкими и водоупорными мергелями и глинами.

По соседству с ямами находилась собственно жилая территория, обозначенная на рис. 2, *б* литерой «Б». Здесь на карте магнитного поля фиксируются невнятные отрицательные аномалии от развалов стен каменных наземных построек.

Обследование территории Бабчик Западный 5 (рис. 1, *5*) показало наличие целого ряда курганообразных всхолмлений. Магнитная съемка

2023 г. наиболее выделяющейся в рельефе возвышенности, находящейся на кромке холмистой гряды, не выявила искусственных строений, хотя она и находится на одной линии с Валом Бескровного.

Результат проведенных разведок позволяет предположить, что вся эта территория являлась потенциальной ресурсной зоной античного и «варварского» сельских поселений. Подобная картина наблюдается в Северо-Западном Крыму, где херсонесские усадьбы сосуществуют с селищами местных земледельцев. Именно последние и являлись главными производителями зерна, а греческие усадьбы занимались в основном организацией производства сельскохозяйственной продукции и ее распределением и реализацией.

Список литературы

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М.: ИА РАН, 2005. 264 с. (ДБ; Suppl. II).

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 302 с.

Смекалова Т. Н. Следы землепользования и землеустроения в Северо-Западном Крыму // Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Симферополь: Феникс, 2013. С. 153–193. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. VIII, ч. 2).

Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма: поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья; т. 2).

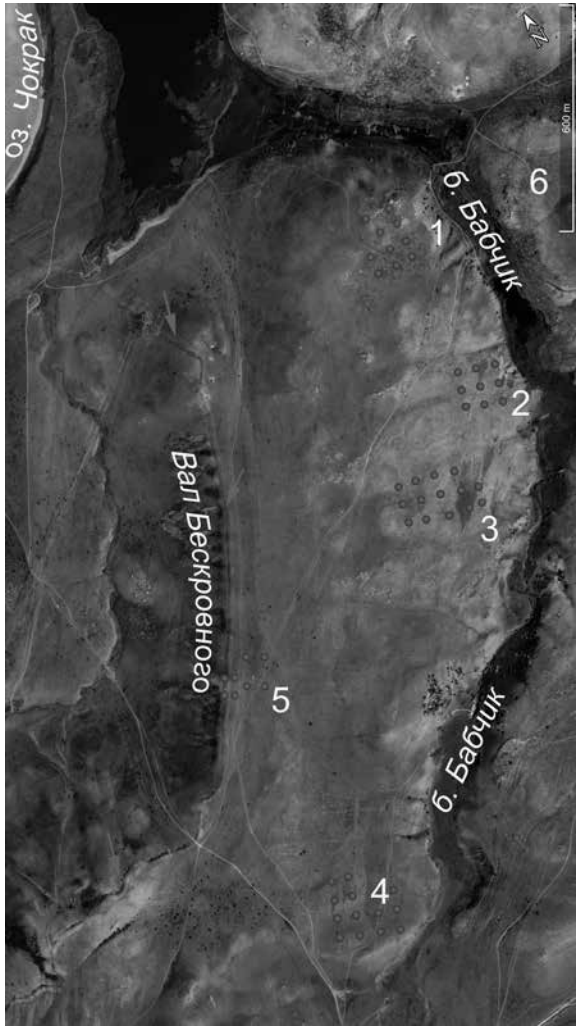


Рис. 1. Территория западного берега Бабчикской балки в ее нижнем течении, впадающей в Чокракское озеро в Крымском Приазовье (спутниковый снимок в Google Earth). Результаты наблюдений в ходе археологических разведок:
1 – убежище Бабчик Западный 1; *2* – группа круглых загонов для скота Бабчик Западный 2; *3* – античное поселение Бабчик Западный 3; *4* – варварское поселение Бабчик Западный 4; *5* – группа каменных курганов Бабчик Западный 5; *6* – крепость I в. до н. э. Бабчик Восточный

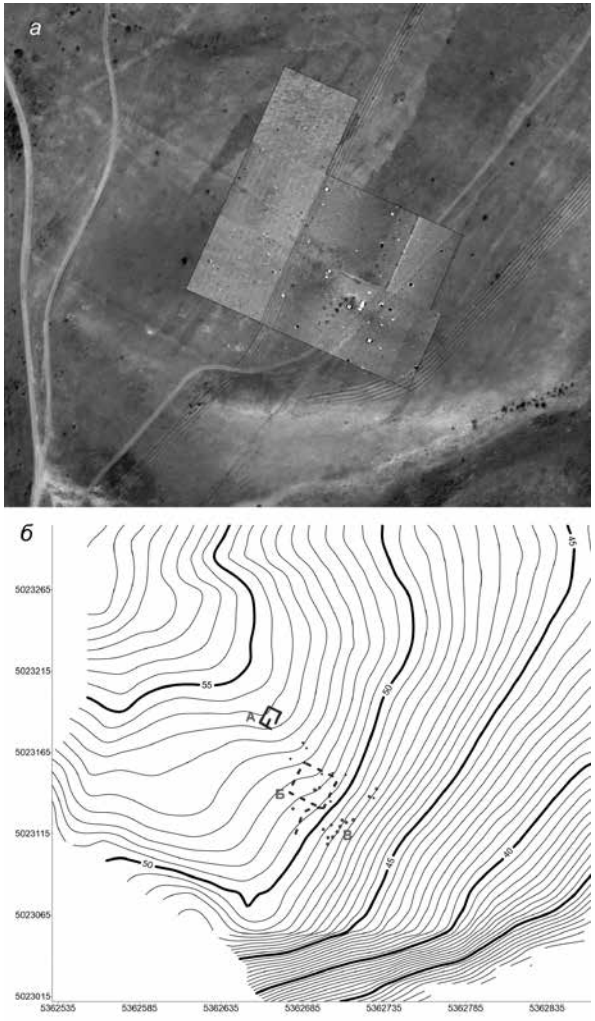


Рис. 2. Варварское поселение Бабчик Западный 4:
а – магнитная карта (темным цветом показаны положительные, светлым – отрицательные аномалии); *б* – результат интерпретации магнитной карты, показанный на фоне топографической съемки:
А – отдельно стоящий «хутор»; Б – поселение; В – группа зерновых ям

О. Ю. Соколова
Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ ЯМЫ № 25 (РАСКОПКИ 2007 Г. НА ГОРОДИЩЕ НИМФЕЙ)

С 2004 по 2011 г. Нимфейской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа проводились исследования на юго-западном раскопе участка «М», который был заложен с целью определения размеров оборонительной башни, открытой в 2003 г. Общая площадь юго-западного раскопа составила 275 кв. м (11 квадратов 5,0 × 5,0 м). Раскоп расположен на склоне плато, что обусловило перепад уровня дневной поверхности 1,4 м в направлении север – юг и 1,64 м в направлении запад – восток (*Соколова*, 2008. С. 11). В результате раскопок на участке были выявлены фрагменты вымосток и кладки пяти стен, которые датируются первыми веками н. э., а также два котлована и 37 хозяйственных ям, датируемых преимущественно I–II вв. н. э. (*Марков*, 2024). Особый интерес привлекают находки из заполнения ямы № 25.

Яма № 25 имеет цилиндрическую форму, слегка расширяясь ко дну. Диаметр устья ямы 2,4 м, диаметр на уровне дна – 2,55 м, глубина – 2,34 м. Следует отметить, что яма впущена в слой материковой глины на 2 м.

Заполнение ямы представляло собой слои суглинка разного цвета. На глубине от 0,16 м до 1,4 м от края ямы в слое темно-серого рыхлого суглинка встречалась камка.

Материал из заполнения ямы мешаный, с преобладанием эллинистического. Среди находок – фрагменты хиосских (пухлогорлых и с колпачковыми ножками), лесбосских, фасосских, гераклейских (в том числе обломок горла с плохо читаемым клеймом), синопских, южнопонтийских амфор и амфор неизвестных центров. Многочисленны фрагменты чернолаковых сосудов, в том числе аттических чаш, датирующихся концом V в. до н. э., со штампованным орнаментом, буролаковых и краснолаковых

эллинистических сосудов, тарелок, красноглиняных и сероглиняных чаш, кувшинов, кухонных кастрюль и лепных горшков. Можно отметить также фрагмент терракотовой статуэтки – часть плеча и груди стоящей женской фигуры, фрагмент железного замка и бронзовую пластину (*Соколова*, 2008. С. 15–17).

Особое внимание обращает на себя находка в этой яме 30 архитектурных деталей – целых и во фрагментах, а также нескольких десятков небольших осколков, которые залегали на глубине от 1 м от края ямы и до дна (рис. 1). Небольшие фрагменты архитектурных деталей были также найдены в слое неподалеку от ямы.

Среди деталей привлекают особое внимание две плиты с рельефным растительным орнаментом (рис. 2–3). При внимательном рассмотрении элементов орнамента можно отметить, что в их изготовлении принимало участие как минимум два камнереза, стилистическая манера которых различается по трактовке деталей (*Савостина, Соколова*, 2019. С. 38, 45–46). Обе плиты относились к так называемому непрерывному ионическому фризу, в котором одна служила рядовым блоком, другая – угловым (Там же. С. 41). Размеры рядового блока – 108 × 52 × 28 см[1]. Его боковые стороны обработаны в технике анафирозис. Размеры углового блока – 99 × 51,5 × 25 см[2]. На верхней и нижней гранях блоков сохранились пазы для крепежных соединений, которые использовались при монтаже частей здания (Там же. С. 42–43). Следует отметить наличие следов предварительной разметки местоположения отдельных элементов в виде углублений, оставленных буравом, а также следы остатков красочного слоя, свидетельствующие о том, что фон фриза был голубым, а в окраске цветов присутствовал красный цвет (Там же. С. 42–43).

Основой растительного орнамента фриза является волнообразный стебель с отростками в виде пальметт, розетт, цветов.

В орнаменте использованы значительно модифицированные изображения частей растений, которые не произрастают в Крыму[3]. Форма веерного типа – пальметта – является, вероятно, производным листа веерной пальмы *Хамеропс приземистый* или *Европейская веерная пальма* (*Chamaerops humilis*), единственной веерной пальмы флоры Европы. Стебель украшают листья *аканта мягкого* (*Acanthus mollis*), форма которых положена в основу

[1] Хранится в фондах ВКИКМЗ. КЛ-2410.
[2] Хранится в фондах ВКИКМЗ. КЛ-2411.
[3] Благодарю д. б. н. А. В. Ену, к. б. н. И. В. Соколову, И. В. Таранова за консультации по определению растительного орнамента фриза.

орнамента коринфских капителей. Закрученные стебли с листьями обычно называют «завитками аканта», но у аканта никаких завитков нет. Цветки, смотрящие наверх, – возможно, из рода травянистых растений семейства тыквенных (*Cucurbitaceae*). Прототипом многочисленных розеток обычно считают розу. Но это может быть и *ладанник (Cístus),* за сходство цветков которого с цветками шиповника его иногда называют «скальной розой» и «каменным розаном», встречающийся в основном в Средиземноморье. Цветок с раскрытой сердцевинкой, расположенный на рядовом блоке справа, скорее всего, *Дракункулюс обыкновенный (Dracunculus vulgaris)* – многолетнее травянистое растение семейства *Ароидные (Araceae*), которое распространено в Южной Европе – Болгарии, Греции, Албании, Италии, Франции (на Корсике), Турции.

В IV в. до н. э. растительный орнамент получил широкое распространение во всех видах греческого искусства – в архитектурном декоре, вазописи, торевтике. Полной аналогии орнаменту на нимфейских деталях пока не выявлено, но, опираясь на имеющиеся аналогии его отдельным элементам, данные блоки можно датировать второй половиной IV в. до н. э. (Там же. С. 49–51).

Среди находок из ямы № 25 следует также отметить набор деталей фронтона от небольшого сооружения, часть которых представлена в обломках (рис. 4)[4]. Фронтон должен был состоять из 7 деталей, но в заполнении ямы найдено только 5 элементов. Ориентируясь на размеры имеющихся в нашем распоряжении деталей, можно предположить, что общая длина фронтона составляла 2,8 м. На верхних гранях деталей сохранились пазы для Т-образных крепежных соединений. На нижней грани некоторых деталей прослеживаются следы красной краски в качестве разметки. На вершине и по углам фронтона оформлены горизонтальные площадки, которые могли использоваться для установки акротериев.

Следует отметить наличие среди находок из заполнения ямы № 25 фрагментов плит с лентой рельефного ионийского киматия[5]. Овы киматия округло-яйцевидной формы, чаши ов и разделяющие их стрелки имеют четкие острые грани. Бусины жемчужника крупные, округлой формы. Следует отметить, что почти у всех плит прослеживается нарушение ритма жемчужника. Датировать эти фрагменты можно IV–III вв. до н. э. (ср. *Буйских*, 2009. С. 95–81).

[4] Хранятся в фондах ВКИКМЗ. КЛ-2422-2429.
[5] Хранятся в фондах ВКИКМЗ. КЛ-2412-2421.

Многочисленные мелкие обломки, найденные в заполнении ямы № 25 и в слое вокруг нее, частично подбираются к вышеописанным архитектурным деталям, что в дальнейшем, по завершении реставрационных работ, позволит экспонировать данный комплекс на экспозиции в Керченском лапидарии.

Список литературы

Буйских А. В. Античная архитектура. Киев: Мистецтво, 2009. 224 с.: ил. (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция; т. IV, кн. 1).

Марков К. В. Юго-западный раскоп участка «М» городища Нимфей (итоги исследований 2004–2011 гг.) // Нимфей и его соседи: культурные процессы и взаимодействие: к 95-летию со дня рождения Н. Л. Грач и 85-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа: программа и тезисы докладов. СПб.: изд-во ГЭ, 2024. С. 24–25.

Савостина Е. А., Соколова О. Ю. Фрагменты ионического фриза из Нимфея: особенности композиции и исполнения декора // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 10. С. 38–53.

Соколова О. Ю. Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2007 год. СПб., 2008 // Архив Отдела Античного мира ГЭ.

Рис. 1. Нимфей, 2007 г. Яма № 25 в процессе расчистки
(фото С. В. Покровского)

Рис. 2. Нимфей, 2007 г. Плита фриза с растительным орнаментом. ВКИКМЗ. Н.07.424
(фото С. В. Покровского)

Рис. 3. Нимфей, 2007 г. Плита фриза с растительным орнаментом. ВКИКМЗ. Н.07.425
(фото С. В. Покровского)

Рис. 4. Нимфей, 2007 г. Предварительная реконструкция фронтона
(фото С. В. Покровского)

Н. И. Сударев, А. В. Иванов
Институт археологии РАН, г. Москва

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НЕКРОПОЛЯ ВИНОГРАДНЫЙ 7 НА ТАМАНИ

Некрополь Виноградный 7 расположен в 3,8 км к северо-востоку от одноименного поселка на Тамани. Связанное с ним поселение находилось у одной из самых важных развязок нескольких древних дорог (*Сударев*, 2017; *Гарбузов, Сударев*, 2022). Во время наших раскопок в 2015–2016 гг. тут обнаружено 571 погребение и 161 различный объект, из которых значительная часть – разрушенные погребения: в первую очередь – детские в сосудах. Всего же за все годы работ на данном памятнике исследовано не менее 742 погребений V–I вв. до н. э.

Основным способом обращения с телами умерших в этом некрополе была ингумация. Положение костяка в могиле: «вытянуто на спине», «скорченно на спине» и «скорченно на боку» (*Сударев*, 2010. С. 442). Наиболее распространена первая поза. Выделяется группа (37) захоронений «на спине, ноги влево/вправо». У 12 погребенных ноги были завалены вправо. В абсолютном большинстве эти погребения абсолютно или почти безынвентарные[1] (1 унгвентарий, простая сережка или нож). Во всех случаях, когда пол этих погребений было можно установить, – это женщины. Абсолютное большинство из них сопровождаются детскими погребениями в сосудах. При этом таковые могли находиться как в той же могильной яме, поверх костей погребенной (провалились при обрушении перекрытия?), так и в непосредственной близости от них. При этом, как правило, колени погребенной были направлены в сторону сосуда с младенцем (рис. 1, *1*). Прежде нами уже

[1] Исключение одно – погребение 101/2016, где среди инвентаря встречен довольно большой набор сопроводительного инвентаря, в том числе лекана, пелика, унгвентарий, набор бус, перстень и т.д.

отмечалась связь погребений в положении «скорченно» с детскими погребениями в амфорах (*Сударев*, 2004). Однако настолько прямо эту взаимосвязь в некрополях Боспора удалось проследить впервые. Ранее нечто аналогичное отмечалась для некрополя Абдер (*Scarlatidou*, 1986. P. 101, fig. 8; *Σκαρλατίδου*, 2010. Σ. 201, 206, 207, 220), где они называются «погребения матери и ребенка» (*Scarlatidou*, 1986. P. 101). Представляется, что ситуация не столь прямолинейная. Ведь рассматриваемые погребения в некрополе Виноградный 7 встречены на участках с младенческими захоронениями; более того, в отдельных случаях они сопровождались не единственным, а несколькими погребениями в сосудах. А в одном случае – даже тремя младенческими захоронениями: двумя в синопских амфорах III в. до н. э. и одним в лепной корчаге. Еще два таких погребения выявлены рядом. Один раз такое погребение было совершено в подбойной могиле, заложенной сырцовым кирпичом. Объем погребальной камеры оказался достаточен для того, чтобы разместить умершую и инвентарь, но сделано это «скорченно на спине с ногами влево» и без инвентаря[2]. Рядом, в ногах располагалось три детских захоронения в амфорах, причем одна была «запечатана» обработанными камнями, в том числе частью надгробия. Вблизи этого комплекса находилось аналогичное погребение, сопровождавшееся тремя детскими захоронениями в амфорах, одна из которых также была «запечатана» головой антропоморфного надгробия (рис. 1, *2*). Обряд «запечатывания» фрагментами различных деталей погребальной архитектуры захоронений с «опасным покойником» – дети в младенческом возрасте, по представлению греков, несомненно, принадлежали к этой особой категории умерших – особенно распространяется на Боспоре, начиная с первых веков до н. э. (*Сударев, Иванов*, 2023. С. 139). Исследования на территории некрополя Виноградный 7 позволяют удревнить эту традицию как минимум до III в. до н. э.

Еще одной формой погребальной конструкции для упокоения матери и ребенка являются погребения 65, 68/2016 (рис. 1, *3*). В них находились

[2] Это очень важный момент, так как, по мнению многих исследователей погребальных обрядов, важнейшим критерием для определения статуса погребения является не «богатство» погребального инвентаря, а местоположение погребения на некрополе и количество труда, затраченное на создание погребального сооружения. Данное погребение выделяется тем, что для его совершения использована не простая могильная яма, а подбойная могила, заложенная сырцовой стенкой, что предполагает значительные трудозатраты. Обращает на себя внимание и большой размер погребальной камеры – он явно превышает стандартные размеры таких сооружений. Кроме того, интересно и месторасположение данного сооружения – оно расположено вплотную к древней дороге, ведущей из Фанагории в сторону Цокур-Лимана.

женщины, лежавшие на спине или боку с ногами повернутыми коленями влево. В ногах одной, левее, то есть там, где обычно у подобных погребенных находилась амфора с младенцем, находилась небольшая могильная яма с инвентарем. Судя по размерам костного тлена, погребенный ребенок явно не вышел еще из младенческого возраста. Его сопровождали три арибаллических лекифа, а захоронение женщины – типичным женским инвентарем: лекифами, зеркалом, перстнем и пряслицем. Датировка: третья четверть IV в. до н. э. (*Цокур и др.*, 2022. С. 92).

На некрополе было исследовано два семейных участка. Первый располагался в центральной части некрополя. На небольшой территории выявлено пять погребений в подбойных могилах. Все они женские. Два – с представительным инвентарем, однако только вокруг одного из них в положении «на боку» группируются семь младенческих захоронений, из них два в лепных корчагах, два в туловах амфор, одно в могиле с подбоем и два в простой могильной яме (одно «запечатано» головой антропоморфа). Еще в двух погребениях встречены фрагменты лепных сосудиков. Также в двух младенческих погребениях отмечен обряд «запечатывания» младенцев фрагментами надгробий. Весь участок функционировал с конца IV – начала III в. до н. э. в течение столетия. Не исключено, что расположенный вплотную к этому участку, входом в его сторону, семейный грунтовый склеп, использовавшийся в тот же период, также являлся частью этого участка. Такой же участок можно отметить и на западе некрополя, где вокруг двух погребений в положении «скорченно на спине, ноги влево» группируется не менее семи погребений младенцев в амфорах. Этот участок относится к III – первой половине II в. до н. э. Еще один семейный комплекс, где рядом находились мужское погребение в подбое, женское безынвентарное, совершенное в положении «скорченно на спине, ноги влево», в ногах женщины – младенческое захоронение в тулове синопской амфоры, датируется III в. до н. э. Вероятно, перед нами семейная пара: муж, жена (или наложница), умершая при родах, и их младенец.

Стандартизация рассматриваемой позы умершей говорит о преднамеренном, а не случайном, как считалось ранее, положении ног вбок. Обычное отсутствие инвентаря у этих женщин может говорить как об их социальном статусе (в том числе и о статусе женщины в греческом обществе вообще), так и о том, что так погребались женщины, умершие при родах. Известно, что женщина во время месячных и после родов, а также акушерки, принимавшие роды, в греческом обществе считались «нечистыми» и не могли

посещать святилища, не пройдя обряда очищения[3]. Это же касалось и умерших при родах или сразу после них женщин, не прошедших данного обряда. Не исключено, что именно с этим может быть связано отсутствие инвентаря в таких погребениях.

Наиболее раннее из известных на данном некрополе погребений женщины и младенца датируется по амфоре Менды пифоидного типа варианта I-A-2 знаменской серии (*Монахов*, 2003. С. 95, табл. 59, *3–5*) второй четвертью V в. до н. э. Наряду с захоронениями в хиосских пухлогорлых амфорах оно дает нам время начала функционирования античного некрополя Виноградный 7. Наиболее поздние погребения женщин и младенцев датируются здесь II в. до н. э., когда некрополь практически перестает функционировать. Следует отметить, что подобные захоронения не встречаются в синхронном некрополе Фанагории (*Сударев, Иванов*, 2023), не известны они в настоящее время и в некрополе Волна 1[4]. Таким образом, описанный выше обряд является одной из ярких особенностей погребальной практики населения Азиатского Боспора, хоронившего своих покойных в некрополе Виноградный 7.

Список литературы

Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Древние дороги Таманского полуострова // Древности Тамани / ред. В. Д. Кузнецов. Тамань: Платонов И., 2022. С. 46–51.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.: Киммерида; Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.

Петракова А. Е., Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Погребения с фиалами из некрополя Волна 1 // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь; Керчь: СолоРич, 2023. С. 276–285.

Сударев Н. И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н. э. // ДБ. 2004. Т. 7. С. 332–343.

[3] Отметим, что в греческом мире широко известны алтарики, небольшие приношения и проч., расположенные вне территории святилищ, но у входа, рядом с дорогой к святилищам и т.д. Эти приношения связывают именно с теми категориями граждан, которым до обряда очищения вход на территорию святилищ был запрещен (*Сударев, Иванов*, 2023; *Cavalier et al.*, 2023. P. 7–14).

[4] В некрополе Волна 1 отмечены женские погребения с младенческими, однако там уже с V в. до н. э. вырабатывается для них особый обряд, значительно отличающийся от представленного в Виноградном 7 (*Петракова и др.*, 2023. С. 281–282).

Сударев Н. И. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II / ред., сост.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 418–472.

Сударев Н. И. «Торговля: пути – товары – отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 525–535.

Сударев Н. И., Иванов А. В. Некоторые итоги исследования юго-восточного некрополя Фанагории // XI Анфимовские чтения. Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар; М.: Традиция, 2023. С. 134–160.

Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2022. 400 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 30).

Cavalier L., Bernier M., Caminneci V., Cayre E., Fournié E., Giuliano D., Ivantchik A., Sudarev N. Le sanctuaire des divinités chthoniennes à Akragas. Rapport sur la mission de fouilles 2021// Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. Roma, 2023. P. 1–22.

Skarlatidou E. The archaic cemetery of Abdera // Thracia Pontica III = Тракия Понтика III. София, 1986. P. 99–108.

Σκαρλατίδου Ε. Το αρχαϊκό νεκροταφείο των Αβδήρων. Θεσσαλονίκη: Αρχαιολογικού Ινστιτούτου Μακεδονικών και Θρακικών Σπουδών, 2010. 397 σ.

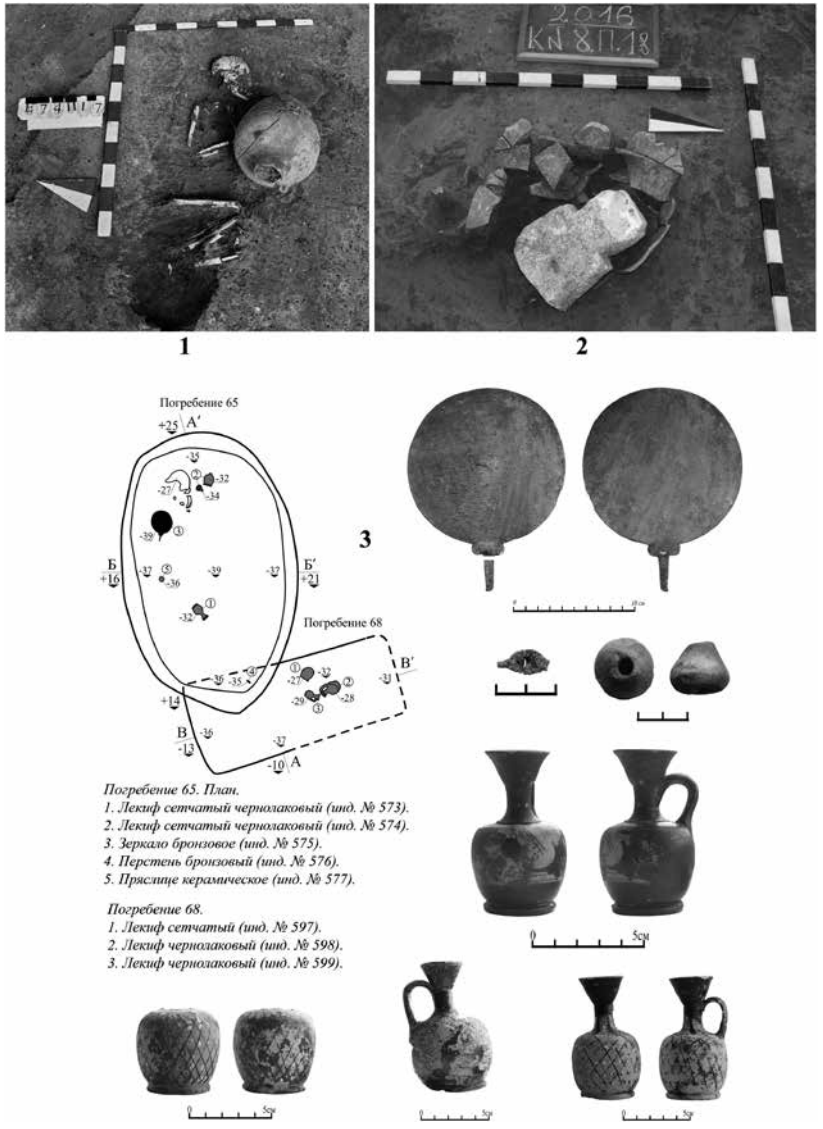


Рис. 1. Некрополь Виноградный 7:
1 – погребение 17/2015; *2* – погребение 18, курган 8/2016;
3 – погребения 65, 68/2016 и инвентарь погребений

Н. И. Сударев
Институт археологии РАН, г. Москва

С. В. Кашаев
Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ПОДБОЙНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В НЕКРОПОЛЯХ ВИНОГРАДНЫЙ 7 И АРТЮЩЕНКО 2[1]

Данная работа посвящена захоронениям в подбойных могилах в некрополях Виноградный 7 и Артющенко 2 (Таманский п-ов), их конструктивным особенностям и датировкам.

Поселение и некрополь Виноградный 7 расположены в 4,8 км к северо-западу от ст-цы Вышестеблиевской, в 3,8 км к северо-востоку от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от поселка Приморский. Поселение находилось у одного из самых важных пересечений нескольких древних дорог (*Сударев*, 2017; *Гарбузов, Сударев*, 2022). Во время раскопок 2015–2016 гг. в первом из них было раскопано 571 погребение и 161 объект, из которых значительная часть – разрушенные детские захоронения в сосудах. Всего же за годы работ здесь было исследовано не менее 744 погребений V–I вв. до н. э.

Грунтовый некрополь Артющенко-2 расположен в южной части Таманского полуострова. В ходе раскопок 2003–2024 гг. на нем исследована площадь около 6200 кв. м. и раскопано 246 погребений (*Кашаев*, 2009. С. 188; 2019. С. 230). Наиболее ранние датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э., самые поздние относятся ко II в. до н. э.

[1] Сударев Н. И. Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центрально-азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 1220112002694).
Кашаев С. В. Работа выполнена в рамках темы: «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

Обратимся к т. н. подбойным могилам, или «катакомбам типа I/1» по типологии Ольховского (*Ольховский*, 1991. Табл. II). Данный тип погребальных сооружений в целом не слишком характерен для Боспора (*Сударев*, 2010. С. 436) и в разных некрополях представлен неравномерно. Их устройство довольно однотипно. В большинстве случаев вырывалась яма в форме стандартной могилы, равная по длине последующему подбою; в ее длинной (продольной) стенке (чаще одной, но иногда и двух) вырывался подбой, сужающийся к противоположной от входа стороне. Покойник – как правило, один – помещался в подбой таким образом, что вход оказывался с его левой (реже – правой) стороны. Подбой закрывался закладом из сырцовых кирпичей, соленов, каменных плит или оставался без заклада.

В некрополе Виноградный 7 было выявлено 63 таких погребения, из них в 2015–2016 гг. – 48. Хронологически они распределяются следующим образом: к IV в. до н. э. относится одно погребение, III в. до н. э. – 5, III–II вв. до н. э. – 18, II в. до н. э. – 10, II–I вв. до н. э. – 12, I в. до н. э. – одно. Широко в рамках III–I вв. до н. э. датируются 12 захоронений; не датируются (отнесены к IV–I вв. до н. э. условно) – 4. В настоящее время это самая большая выборка погребений данного типа эллинистического времени на Боспоре.

Самым ранним является погребение 47/2016. Размеры могильной ямы – около 1,5 × 0,9 м, и она вытянута по линии запад – восток. Подбой от входной ямы отделен закладом из сырцовых кирпичей. Дно его находится на одном уровне с дном входной ямы. Костяк не сохранился, предположительно, захоронение принадлежало ребенку. Инвентарь располагался в западной части и состоял из чернолакового арибаллического лекифа с изображением пальметты и двух красноглиняных унгвентариев (оба покрыты светлым ангобом, на одном сохранились полосы белой краски на горле и тулове). Там же найдены: простая красноглиняная солонка, небольшой красноглиняный сосудик-кружка, две бусины и фрагментированная сероглиняная ойнохоя с каннелированным туловом и прочерченным растительным орнаментом. В заполнении обнаружены также гагатовые и пастовые бусы и бисер и фрагмент бронзового детского перстенька.

Уточнить датировку помогают арибаллический лекиф и ойнохоя. Такие лекифы типичны для погребений IV в. до н. э. (*Цокур и др.*, 2022а. С. 119; *Chechulina*, 2024. P. 124; *Gex*, 1993. P. 61; *Stolba, Rogov*, 2012. P. 262). Они имеют довольно широкую датировку – от начала IV в. до н. э. до его конца и даже до начала III в. до н. э. (*Robinson*, 1950. P. 150; *Иванов*, 1963. С. 104–116, *Дамянов*, 2023. С. 73). В отечественной и зарубежной

литературе предпринимались попытки дать более узкую датировку данной формы сосудов (*Иванов*, 1963. С. 104–116; *Козуб*, 1974. С. 70, 99; *Рогов*, 1994. С. 45; *Буравчук*, 2007; *Robinson*, 1950. P. 146–150; *Hermary et al.*, 2010. P. 186–187; *Stolba, Rogov*, 2012. P. 263; *Κωτίτσα*, 2007. Σ. 48–49; *Λιλιμπάκη-Ακαμάτη, Ακαμάτης*, 2014. Σ. 191–193), однако их нельзя назвать полностью удавшимися, так как авторы основывались либо на форме, которая вообще довольно консервативна, либо на различиях в изображении пальметты. В настоящее время наиболее удачной является типология Зои Котицы (*Κωτίτσα*, 2019), которая учла более 200 лекифов с пальметтами из некрополя Пидны. Привлекались также и материалы других некрополей, поселений и таких комплексов, как кораблекрушения. Совместив данные о формах сосудов и проанализировав декор, она отнесла лекифы из некрополя Пидны к 16 аттическим мастерским периода со второй четверти до конца IV – начала III в. до н. э. Сосуд из погребения 47/2016 относится по ее типологии к произведениям афинской мастерской Π9, которая работала в течение почти всей второй половины IV в. до н. э. (*Κωτίτσα*, 2019. Σ. 220–221). Самый ранний лекиф этой мастерской происходит из некрополя Керамика и датируется 340-ми годами (*Kovacsovics*, 1990. S. 114, № 110, 2, Taf. 49: 5). Наиболее поздние сосуды – из некрополей Пидны и Пелы, они датируются последней четвертью – концом IV в. до н. э. (*Κωτίτσα*, 2019. Σ. 221; *Λιλιμπάκη-Ακαμάτη, Ακαμάτης*, 2014. Σ. 90, № 92/33:311, εικ. 351–352). По мнению исследовательницы, наибольшая активность данной мастерской приходится на 330–310 гг. до н. э. Видимо, этим временем следует датировать и рассматриваемый лекиф. Аналогичные сосудики известны и в соседнем некрополе Волна 1, например в погребении 133 последней четверти IV в. до н. э., а также грунтовом склепе 631 330-х годов IV – начала III в. до н. э. (*Цокур и др.*, 2022б. С. 24–25; *Сударев и др.*, 2024. С. 427–428).

Ойнохоя сероглиняная с лаковым покрытием плохого качества (инд. № 476). Тулово каннелированное, по нему и горлу прочерчен растительный орнамент (лавр или мирт и розетки). Эта ойнохоя, вероятно, относится к апулийским сосудам стиля Гнатии (*Alexandropoulou*, 2002. P. 3–6). Близкий орнамент присутствует на сосудах последней четверти IV в. до н. э. с юга Италии и Сицилии (Ibid. P. 55–56, 74–75) и позже не встречается. По форме и орнаменту на горле данный сосуд близок ойнохое из раскопок колодца J 5:1 афинской агоры (*Rotroff*, 1997. № 473). Уровень, где он был найден, относится к последней четверти IV в. до н. э. (Ibid. P. 458). По мнению С. Ротрофф, эта ойнохоя принадлежит стилю апулийской Гнатии и датируется 330–300 гг. до н. э. (Ibid. P. 294).

Мы специально остановились на наиболее раннем из захоронений в подбое, так как это имеет принципиальное значение для последующего изучения происхождения данного типа погребальных сооружений в некрополях хоры Фанагории и других городов Боспора. Начиная с III в. до н. э. их количество здесь заметно возрастает, достигая пика во II в. до н. э. и сокращаясь к I в. до н. э.

На некрополе Артющенко 2 в разные годы было обнаружено 12 подбойных могил. Они тоже концентрируются на одном из его участков (восточном) и, как представляется, относятся к позднейшей группе, отличаясь бедностью инвентаря. Их суммарная датировка III–II вв. до н. э. Однако более тщательное рассмотрение соответствующего материала позволило несколько откорректировать эту хронологию. Так, в погребении 153 был встречен унгвентарий, который датируется IV в. до н. э. Данный экземпляр относится к лекифоидным бальзамариям (Forma A) серии 23.11 по типологии Андреа Камилли, а по форме ножки – к близкой серии 13.3. Обе серии датируются в пределах IV в. до н. э., но первая – второй половиной этого столетия (*Camilli*, 1999. P. 56, 66, Tav. 3, 10). Уточнить датировку помогают близкие по размерам, форме ножки и тулова унгвентарии из хорошо датированных комплексов некрополя Волна 1 (погребения 74/2015, 361/2018) (*Цокур и др.*, 2022а. С. 100, *Сударев и др.*, 2024. С. 428) и Виноградный 7 (погребения 23/2015, 2/2016 и 60/2016). Три из четырех комплексов датируются по монетам и инвентарю 330–315 гг. до н. э. (*Абрамзон, Сударев*, 2017. № 254; *Анохин*, 1986. № 112) или последней четвертью столетия (*Сударев и др.*, 2024. С. 427–429). К этому времени и следует отнести данное погребение.

Погребения 76, 171, 186 и 194 датируются III в. до н. э., причем в 76 встречен унгвентарий аналогичный сосудам из некрополя Асины 325–275 гг. до н. э. (см. выше). Погребение 171 также, возможно относится к рубежу IV и III вв. до н. э., а 186 и 194 датируются по монетам «около 294–284 гг. до н. э.» (*Анохин*, 1986. № 132). Остальные захоронения безынвентарные, или же инвентарь настолько скуден, что всякие уточнения невозможны.

Таким образом, мы видим, что и на данных некрополях подбойные сооружения появляются в пределах последней четверти (а точнее – в последние 15 лет) IV в. до н. э. В целом они отличаются сравнительно небогатым инвентарем. Следует отметить, что на всех вышеперечисленных некрополях вблизи от погребений мы имеем либо следы тризны, либо специально выделенные участки для совершения ритуальных действий (*Сударев, Иванов*, 2023. С. 135–139).

Отличительной особенностью подбоев является большое количество погребений с монетами, причем они встречены уже в самых ранних захоронениях. В целом такая практика на Боспоре не являлась обязательной. Она массово появляется только с IV в. до н. э., и процентное подобных захоронений в разных центрах и некрополях довольно сильно отличается (*Сударев, Болдырев*, 2009. С. 435–439). По-видимому, присутствие монет в могиле в какой-то степени было все-таки элементом обряда, более присущего эллинам, нежели варварам.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что традиция погребения в подбойных захоронениях появилась в рассматриваемых некрополях практически одновременно с другими городскими кладбищами Боспора (Пантикапей, Фанагория, Кепы, Волна 1): в последней трети/четверти IV в. до н. э. Позже она фиксируется, но в незначительном количестве, на некрополях у пос. Пересыпь и в Горгиппии. Этот тип могил появляется в уже сложившемся виде и, вероятнее всего, из полисов Западного и Северо-Западного Причерноморья. Погребения в основном небогаты, но при этом очень частой находкой являются монеты, а в непосредственной близости наличествуют погребально-поминальные участки (тризны, алтарики, эсхары и т. д.). На всех некрополях есть места, где подбойные могилы представлены в большем количестве. Мы можем предполагать, что это связано с воззрениями некоторой части жителей этих городов на посмертное существование.

Список литературы

Абрамзон М. Г., Сударев Н. И. Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.) // ПИФК. 2017. Вып. 3 (57). С. 371–391.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Буравчук О. Е. Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор: сб. ст. / гл. ред.: А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк. М.; Киев; Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 36–59.

Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Древние дороги Таманского полуострова // Древности Тамани / ред. В. Д. Кузнецов. Тамань: Платонов И., 2022. С. 46–51.

Дамянов М. Чернофирнисова керамика от некропола на Аполония Понтика: типологическо и хронологическо изследване (по материали от обредните огнища, около 400–250 г. пр. Хр.). София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2023. 296 с. (Разкопки и проучвания; кн. XLIX).

Иванов Т. Антична керамика от некропола на Аполония // Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947–1949 г. / ред. И. Венедиков. София, 1963. С. 65–273.

Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 188–267.

Кашаев С. В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–254.

Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Киев: Наукова думка, 1974. 184 с.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Рогов Е. Я. Арибаллические лекифы IV в. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: тез. докл. VII междунар. науч. конф. (17–21 мая 1994 г.). Ростов-на-Дону: изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. С. 43–46.

Сударев Н. И. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II / отв. ред.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 418–472.

Сударев Н. И. «Торговля: пути – товары – отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 525–535.

Сударев Н. И., Болдырев С. И. Обол Харона в Северном Причерноморье // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 435–439.

Сударев Н. И., Иванов А. В. Некоторые итоги исследования юго-восточного некрополя Фанагории // XI Анфимовские чтения. Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар; М.: Традиция, 2023. С. 134–160.

Сударев Н. И., Шведчикова Т. Ю., Мимоход Р. А., Сапрыкина И. А. Предварительные результаты комплексного анализа коллективного погребения 631 античного некрополя Волна 1 // КСИА. 2024. Вып. 276. С. 420–439.

Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: в 2 ч. М.: ИА РАН, 2022а. 399 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 30, ч. 1).

Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове: в 2 ч. М.: ИА РАН, 2022б. 367 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 30, ч. 2).

Alexandropoulou A. Gnathia- und Westabhangkeramik: eine vergleichende Betrachtung. Münster: Scriptorium, 2002. 233 s., 50 abb., 9 taf.

Camilli A. Ampullae: balsamari ceramici di età ellenistica e romana. Roma: F. Ili Palombi. 1999. 150 p.

Chechulina I. From Athens to Olbia Pontica: the artistry of Black-Glazed ware. Kyiv: Institute of Archaeology of the NAS of Ukraine, 2024. 356 p.

Gex K. Rotfigurige und weissgrundige Keramik // Eretria: Ausgrabungen und Forschungen. Bd. IX. Lausanne: Editions Payot. 1993. 249 p.

Hermary A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.-C.). Fouilles franco-bulgares (2002–2004). Paris: Centre Camille Jullian; Édition Errance, éditeur du groupe Actes Sud, 2010. 430 p. (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine; 5).

Kovacsovics W. K. Die Eckterrasse an der Graberstrasse des Kerameikos // Kerameikos XIV. Berlin; New York: De Gruyter, 1990. 177 p.

Robinson D. M. Vases found in 1934 and 1938 // Excavations at Olynthus. V. XIII, Baltimore: The Johns Hopkin's Press, 1950. 748 p.

Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: ASCSA, 1997. 612 p. (The Athenian Agora; vol. XXIX).

Stolba V. F., Rogov E. Red-Figure, Black-Glaze and related Fineware Pottery // Panskoye I. Vol. 2. The Necropolis. Aarhus: Aarhus University press, 2012. P. 260–295.

Κωτίτσα Ζ. Αιγίνιο Πιερίας. Κεραμική από το νεκροταφείο στη θέση "Μελίσσια". Θεσσαλονίκη: Σφακιανάκη Κορνηλία, 2007. 265 σ.

Κωτίτσα Ζ. Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη / επ. Ν. Ακαμάτης, Α. Βουβουλής, Α. Λαφτσίδης, Ν. Πουλακάκης. Θεσσαλονίκη, 2019. Σ. 209–223.

Λιλιμπάκη-Ακαμάτη Μ., Ακαμάτης Νικ. Ανατολικό νεκροταφείο Πέλλας. Ανασκαφικές περίοδοι 1991–2007. Θεσσαλονίκη, 2014. 480 σ.

А. А. Супренков
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ГРЕКАХ И ВАРВАРАХ НА ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИЯХ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В VI–III ВВ. ДО Н. Э. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

Традиционное разделение греческих апойкий на «аграрные» или «торговые» поселения в последние десятилетия все чаще подвергается переосмыслению. Сложно не согласиться с мнением, что Великая греческая колонизация основывалась на сложном переплетении факторов, среди которых были и политические, и экономические, и ментальные[2]. Очевидно, что для тех или иных греческих колоний сельское хозяйство или торговля имели большее или меньшее значение, но, помимо вышеуказанных полярных типов новообразований, встречалось и множество переходных форм. Что же касается периферий античного мира, то, как правило, в определенных процессах, сопутствующих развитию греческих обществ, существенную роль играло местное, варварское окружение. Внутреннее же устройство удаленных колоний зачастую начинало сильно отличаться от традиционных полисных принципов организации и в городе, и на сельской территории, формировавшихся в центральных регионах, как правило, по двоичной системе полис-хора. Рассмотрим примеры греко-варварского взаимодействия, организации сельской территории и трансформаций внутреннего уклада периферийных греческих государств на примере двух областей на западной и восточной окраинах Средиземноморья.

[1] Работа выполнена в рамках реализации НИР № FNZF-2024-0009 «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация».

[2] Для сокращения объема текста тезисов мы решили отказаться от подробного списка литературы. Историографию по колониям «Запада» см. *Супренков*, 2011; 2013; 2020; 2023.

Западное Средиземноморье – одно из направлений фокейской колонизации, а крупнейшей фокейской колонией в этом районе стала Массалия, город, основанный в начале VI в. до н. э. на берегу Лионского залива в южной Галлии. Как известно, фокейские греки прибыли в регион, в общем-то уже освоенный местными племенами, хотя сам город, судя по всему, был заложен на свободном участке. Письменные источники доносят до нас сведения о том, что земли под основание города были переданы колонистам галльским царем Нанном (Athen. XIII, 575, 36; Just. XLIII, 3, 4). Археологически местное население рубежа VII–VI вв. до н. э. характеризуется переходом к раннему железному веку. Галльская народность, упомянутая в письменных источниках как *лигуры* (Herod. IV, 9), уже имела опыт обменов со средиземноморскими торговцами – на поселениях конца VII в. встречается, в частности, этрусская продукция – амфоры и буккеро неро. С момента основания греческой колонии лигурийские поселения реструктуризируются, появляются укрепленные городища – оппидумы (рис. 1) и меняется характер археологического материала. Наряду с этрусской продукцией, преобладающей ранее среди импортных вещей, появляются греческие и финикийские амфоры, а также греческая керамика из Коринфа, Лаконии и Ионии.

В VI в. до н. э. фокейская колония стремительно развивается. Внешнеполитические события на средиземноморской арене, среди которых взятие Фокеи Гарпагом (Herod. I, 164), отбытие части фокеян на запад и последующее морское сражение при Алалии, противопоставившее фокейских греков карфагенянам и этрускам (Herod. I, 165–166), привели к установлению новых зон влияний в западном Средиземноморье: этруски возвращают себе контроль над Корсикой, Карфаген – над Сардинией, фокейцы из Алалии интегрируются в орбиту Великой Греции, а фокейцы из Массалии приобретают торговое преимущество в северо-западном Средиземноморье. Изначально укрепленный греческий город увеличивается и в течение VI столетия начинает производить амфоры и чеканить монету. Керамическая продукция Массалии теперь преобладает как в городе, так и в окрестностях. Со временем величина объема массалийского импорта позволила исследователям говорить о торговой гегемонии Массалии, установившейся в эллинистический период.

Развитие греческой колонии не могло не вызвать противодействия местного населения. Древние авторы сообщают нам о каком-то конфликте уже при приемнике Нанна – Комане, в котором, судя по всему, греки одержали победу. Следующий конфликт имел место уже в начале IV в. до н. э.

(Just. XLIII, 4, 5). Археологически греко-галльские конфликты могут подтверждаться следами разрушений на лигурийских оппидумах в разные периоды.

Кульминацией политического развития Массалии принято считать основание нескольких морских колоний, перечисленных Страбоном (Strabo IV, 1, 5). Эти поселения могли играть роль военных гарнизонов, контролирующих область торговых интересов Массалии, распространявшихся от Иберии до Италии. В III в. до н. э. греческий полис в качестве римского союзника участвует в общесредиземноморских событиях, связанных со Второй Пунической войной. Впоследствии при помощи этого союзничества Массалии удается усилить свое влияние на *хинтерлянд* и увеличить размеры сельской территории.

Характеризуя сельскую территории Массалии, авторы говорят о ней как о «земле, пригодной для виноградарства, но бедной хлебом и о предпочтении массалиотов морским занятиям» (Strabo IV, 1, 5). На основании этих текстов ранее в историографии существовало мнение о фокейских колониях северо-запада как о городах, для которых наличие хоры было несущественным. На сегодняшний момент наличие сельской территории у Массалии не вызывает сомнений. Этот факт находит отражение в наличии древнего кадастра и следов виноградников в нескольких километрах от центра Марселя. Однако, по-видимому, особенностью хоры Массалии является отсутствие крупных усадеб и других сельских поселений и, напротив, близость к городу укрепленных лигурийских городищ, которые попеременно существовали с VI в. до н. э. вплоть до эллинистической эпохи. Подобная ситуация ставит под сомнение возможность принадлежности всех земель в долине Массалии грекам напрямую. Возможно, сельскохозяйственная деятельность в окрестностях города осуществлялась на основании каких-то договоренностей между греками и лигурийской знатью, характер которых на сегодняшний день не ясен.

В завершение укажем на аристократический характер политического устройства Массалии, о котором сообщают древние авторы (Arist. V, 6, 2–3; Strabo IV, 1, 5) и что находит археологическое подтверждение на примере городских некрополей. Сопоставить вышеизложенные факты мы попытаемся в заключении.

Вторая фокейская колония на западе – небольшой город Эмпорион в Каталонии на побережье залива Росас. Отличительной особенностью истории Эмпориона является указанное в письменных источниках обстоятельство, что он был «двойным городом» со смешением греческой и варварской общин (Strabo III, 4, 8). Археологически этот факт, в общем-то

уникальный для античных городов-государств, может подтверждаться градостроительными трансформациями, которые прослеживаются в южной части Неаполиса[3], а также погребениями городских некрополей. Зачастую на основании этих признаков исследователи вообще говорят об Эмпорионе как о греко-варварском городе, но следует принимать во внимание, что это все-таки греческий полис – *Graecum oppidum* (Tit. Liv. XXXIV, 9, 2).

Эмпорион был заложен на освоенной территории и в непосредственной близости от иберийских поселений, что свидетельствует об изначальном приоритете торговой деятельности. *Индикеты*, на землях которых возник греческий эмпорий, относились к народам иберийской культуры. На рубеже VII–VI вв. до н. э. они находились на стадии перехода к раннему железному веку и имели опыт торговых обменов с предшественниками греков в регионе – финикийцами. В период появления фокейских греков на северо-востоке Испании имеет место реорганизация иберийских неукрепленных деревень, а также появление поселений на возвышенностях, ставших впоследствии оппидумами. Здесь мы видим похожую ситуацию с обстоятельствами раннего развития Массалии, но при еще более тесном участии автохтонного населения.

Палеаполис, основанный, по общепринятой точке зрения, в первой четверти VI в. до н. э., был небольшим поселением, выполнявшим, судя по всему, в начальный период собственно эмпориальные функции. В середине – третьей четверти столетия в греческом городке имеет место демографический подъем. Это сопровождается основанием Неаполиса на рубеже VI–V вв. до н. э. и отходом от влияния Массалии, которое было очевидно для более раннего периода. Параллельно в городе и окрестностях наблюдается увеличение числа аттического импорта. Судя по всему, Эмпорион становится непосредственным торговым партнером Афин. Предметом этой торговли со стороны иберийского полуострова, по-видимому, в основном была сельскохозяйственная продукция, о чем говорят письменные источники (Strabo III, IV, 8) и что подтверждается большим числом зерновых ям в окрестностях иберийских поселений. Следует указать на то обстоятельство, что наряду с ростом греческого импорта сохраняет свой масштаб и торговый оборот между Пиренейским полуостровом и Карфагеном. Эмпорион становится, таким образом, точкой пересечения разнообразных торговых путей.

[3] Принятое в историографии название греческого города, возникшего на материке некоторое время спустя после основания первого эмпория на острове – Палеаполиса.

Торговая независимость Эмпориона укрепляется с началом чеканки монеты. Кульминацией же политического развития колонии, по-видимому, можно считать основание в IV в. до н. э. Родоса – небольшого городка на севере залива Росас, хотя вопрос о его точной датировке и происхождении – тема отдельной дискуссии.

Таким образом, в V–IV вв. до н. э. фокейский эмпорий на крайнем западе становится небольшим, но самостоятельным городом, имеющим определенное торговое и политическое значение на дальнем западе Средиземноморья.

Ключевой же чертой развития Эмпориона, как было сказано выше, являлось значение автохтонного элемента в его социокультурной среде и тесные контакты с иберийским сообществом. Иберийские оппидумы, иногда превышающие по размерам греческий город, являлись центрами определенных сельскохозяйственных территорий. Что же касается собственно *хоры* Эмпориона, то есть территории, непосредственно принадлежащей городу, то вопрос о ней до сих пор дискуссионный, хотя в окрестностях города были исследованы следы кадастра, возможно, ионийского происхождения. Не исключено, что основными собственниками плодородных земель Ампурдана были представители иберийской аристократии, а непосредственным производителем – зависимое иберийское население. Своему же успеху Эмпорион обязан торговлей, реализуемой на основании каких-то договоренностей с испанской знатью.

В III в. до н. э. военные действия, связанные со Второй Пунической войной, непосредственно не затронули греческий город. Эпоха потрясений начинается здесь с прибытием Катона в 195 г. до н. э., когда разрушается часть иберийских оппидумов и приходит в запустение Родос. Позднее рядом с греческим городом возникает римский, а некоторое время спустя полис становится *municipium Emporiae*.

Что касается социально-политического устройства Эмпориона, то письменные источники не сообщают об этом. Археологически можно констатировать, что в IV в. до н. э., на пике рассвета колонии, жилые дома Эмпориона не превосходили по величине и удобствам дома на иберийских поселениях. Судя по всему, жизнь в греческом городе отличалась простотой, а социально-политическое устройство было ближе к демократическому, чем в Массалии.

Обратимся теперь к хорошо знакомому нам Северному Причерноморью, взяв за сравнительный пример восточно-крымский регион – европейскую часть территории Боспорского царства. Приведем самые общие

положения, необходимые для создания сопоставительной модели с рассмотренными колониями северо-запада.

Согласно общепринятому мнению, греческая колонизация берегов Керченского пролива была в большей степени аграрной и направленной на освоение новых земель. Собственно говоря, этот замысел был реализован в полной мере – в эллинистическую эпоху Боспор превратился в крупную территориальную державу. В Восточном Крыму принадлежность обширных земельных территорий боспорянам подтверждается наличием хорошо изученных многочисленных греческих сельских поселений, в том числе и укрепленных усадеб – центров определенных сельскохозяйственных областей. Границей же греческой сельской территории на западе мог служить Узунларский вал, о чем мы говорили ранее. В этом аспекте развития колониального процесса мы видим определенную «контраналогию» с западными полисами, отдавшими предпочтение «морским занятиям».

Как сообщают письменные источники, земли под строительство Пантикапея были переданы грекам скифским царем Агаэтом. Здесь наличествует вроде бы прямая аналогия с Массалией, по крайней мере, на уровне литературной традиции. Спустя некоторое время после возникновения греческих городов на берегах пролива имел место период дестабилизации, что можно сравнить с конфликтом между Массалией и приемником Нанна. В обоих случаях этот период успешно преодолевается и на вторую половину V–IV вв. приходится период интенсивного развития колоний. В случае с Массалией это создание морских гарнизонов, на Боспоре же после объединения полисов имеет место рост сельской территории. Вполне закономерно в IV в. до н. э. и на западе, и на востоке эти процессы встречают противодействие со стороны автохтонных обществ, о чем свидетельствуют письменные источники (Just. XLIII, 4, 5; Dem. XXIV, 8). По-видимому, в обоих случаях эти конфликты завершаются мирным путем. В III в. до н. э. оба региона входят в эпоху перемен, которые вызваны в большей степени внешним воздействием на западе и внутренним кризисом на Боспоре.

Город Эмпорион в данном случае как бы выпадает из нашего сравнительного ряда. Греческий полис, судя по всему, существует под постоянным протекторатом иберийской аристократии, хотя характер греко-варварских взаимоотношений мог быть и неоднозначным (Tit. Liv. XXXIV, 9, 1–13). Аналогии между Эмпорионом и Боспором прослеживаются в большей степени в области сравнении организации торговли – товарный обмен с Аттикой как ее экономическая основа. Но мы видим разницу в механизмах организации производства зерновых – этого важнейшего

экспортного ресурса. Если на Боспоре, согласно литературной традиции, «хозяином всего хлеба» мог быть монарх (Dem. XX, 30–32), то Эмпорион выступал в большей степени в роли торгового посредника между Аттикой и иберийскими элитами.

Здесь мы касаемся очень сложного исторического вопроса о социально-политическом устройстве рассматриваемых колоний. Исходя из имеющихся сведений и очень предположительно мы видим вроде бы три разных модели общественной организации. Это «демократический» Эмпорион, зависящий и в политическом, и в экономическом плане от индикетов и не обладающий значительными земельными ресурсами. Массалия, придерживающаяся устойчивой аристократической формы правления, владеющая как земельными территориями, так и морскими субколониями, но также, скорее всего, связанная в экономическом плане с лигурийскими элитами. И Боспор, пришедший к авторитарной форме правления, обладающий значительным земельным фондом и связанный со скифским царством какими-то договоренностями, скорее всего уже равноправного характера в эллинистическую эпоху. Отметим, что все три модели существенно отличаются от традиционной «эллинской» общественной организации и в какой-то степени отображают общий кризис полисной системы на периферии.

Список литературы

Супренков А. А. Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира // ПИФК. 2011. Вып. 4. С. 337–358.

Супренков А. А. Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н. э.: по данным археологии // РА. 2013. № 4. С. 45–57.

Супренков А. А. Эмпорион и Боспор. Две окраины эллинской Ойкумены. Общее и различное // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского Гос. Ун-та пром. технологий и дизайна, 2020. Ч. 2. С. 5–11.

Супренков А. А. Массалия и Боспор. Особенности становления территориальных держав в разных исторических условиях // БФ: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 73–83.

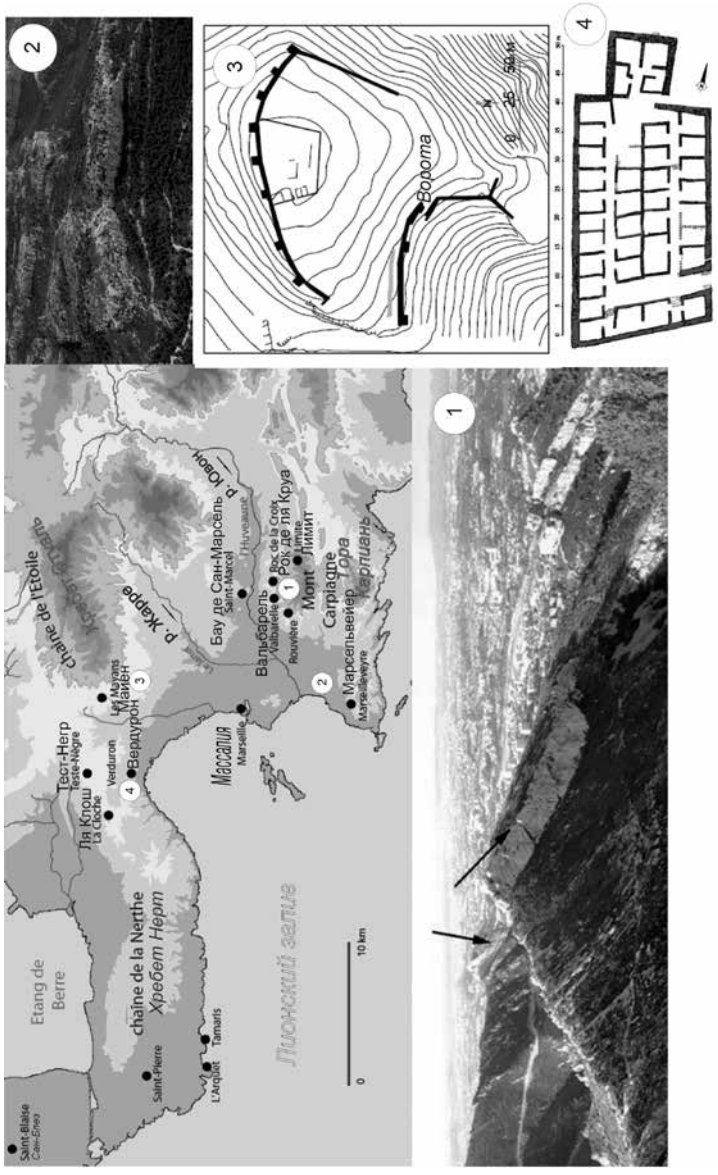


Рис. 1. Массалия и лигурийские поселения и оппидумы в VI–III вв. до н. э.: *1* – поселение Рок де ла Круа (конец VII – середина VI в. до н. э.), вид с юго-востока (справа), поселение Вальбарель, вид с юго-востока (слева); *2* – Марсельвейер (середина VI – начало V в. до н. э.), вид с севера; *3* – Майен (последняя четверть VI – начало V в. до н. э.), план; *4* – Вердурон (начало IV – рубеж III–II вв. до н. э.), план построек

А. Е. Терещенко
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург

ЕЩЕ ОДНА РАЗНОВИДНОСТЬ БОСПОРСКИХ ГРИФОНОВ (ИСТОКИ ОБРАЗА)[1]

На сегодняшний день в боспорской монетной типологии и на украшениях из погребального инвентаря скифских курганов зафиксировано три типа и две разновидности образов грифонов.

1. Рогатый львиноголовый грифон с крыльями. Фигура этого монстра стала центральным элементом реверсного рисунка пантикапейских золотых статеров (рис. 1, *1*), выпускавшихся с 378 до 310 г. до н. э. (*Терещенко*, 2013. С. 111, 125).

Также этот образ был использован при создании некоторых артефактов скифской погребальной культуры, в частности на нашивных бляшках[2]. В качестве примера можно привести бляшки из кургана «Татьянина могила» (ок. сер. IV в. до н. э., *Мурзін и др.*, 1993. С. 100) и *Восточной могилы* Бердянского кургана (375–365 гг. до н. э., *Болтрик и др.*, 1994. С. 154). Причем если бляшки из «Татьяниной могилы» практически полностью копируют реверсный рисунок пантикапейских статеров (рис. 1, *2*), то экземпляры из Бердянского кургана имеют вполне оригинальные черты (*Фиалко*, 2014. С. 73, рис. 4, *4*. См. рис. 1, *3*).

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Я сознательно ограничиваюсь именно нашивными бляшками, поскольку, в отличие от других вещей с изображениями из погребального инвентаря, они являются в определенном смысле продукцией «массового производства», что может свидетельствовать о глубине и качестве укоренения их сюжетов в религиозно-мифологическом мировоззрении скифской элиты. Подробнее о находках предметов с изображением львиноголового грифона см. напр. *Полидович,* 2015. С. 119–121.

2. Крылатый лев (рис. 1, *4*). Согласно классификации А. Р. Канторовича, крылатые кошачьи хищники также относятся к таксону грифона, из-за совмещения частей тел хищного зверя и птицы (*Канторович*, 2015. С. 120). В пантикапейской чеканке этот образ использовался лишь при оформлении реверса гект, входящих в первую серию золотой чеканки Пантикапея: 378–372/371 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2013. С. 111). Не был он широко распространен и в скифском искусстве. Наиболее показательными являются нашивные бляшки из кургана № 17 Нимфейского могильника (послед. четв. V в. до н. э., *Силантьева*, 1959. С. 78. См. рис. 1, *5*) и 4-го Семибратнего кургана (450–430 гг. до н. э., *Горончаровский*, 2013. С. 161. См. рис. 1, *6*). По А. Р. Канторовичу, это «нимфейско-майкопский тип», существовавший со 2-й четверти V по начало IV в. до н. э. (*Канторович*, 2022. Т. 1. С. 297).

3. Копытный орлиноголовый грифон с крыльями и зубчатым гребнем на шее (рис. 1, *7*). Эта разновидность присутствует только на серебряных оболах, датируемых 330–327 гг. до н. э. (*Терещенко, Шауб*, 2017. С. 153).

Также этот образ можно видеть на скифских нашивных бляшках из кургана № 22 комплекса Красноперекопских курганов (около 350 г. до н. э., *Полин*, 2014. С. 526. См. рис. 1, *8*), кургана Желтокаменка (ок. 340–315 гг. до н. э., *Алексеев*, 2003. С. 277. См. рис. 1, *9*), кургана Малый Огуз (350–340 гг. до н. э., *Полин*, 2014. С. 476. См. рис. 1, *10*).

Сразу замечу, что других изображений орлиноголового грифона в подобной трактовке нигде, кроме территории Северного Причерноморья, не обнаружено.

4. Крылатый орлиноголовый грифон с львиным телом и зубчатым гребнем на шее (рис. 2, *1*). Встречается исключительно на бронзовых тетрахалках, выпускавшихся в 327–319 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2013. С. 124), и серебряных пентоболах конца III в. до н. э. (ок. 215 – ок. 210 г. до н. э., *Мельников*, 2018. № 134; *Терещенко*, 2022. С. 75. Табл. I, *2*).

Это самый распространенный, можно сказать даже – «канонический» образ, берущий начало в восточногреческой архаической традиции и встречающийся повсеместно по всей ойкумене. В конце V – IV в. до н. э. он становится очень популярным на западных территориях расселения скифских племен (*Полидович*, 2015. С. 103 и далее).

5. Львиноголовый рогатый грифон с крыльями и зубчатым гребнем на шее (такой гребень характерен исключительно для орлиноголовых экземпляров).

Изображение подобного существа также присутствует лишь на одном типе боспорских монет – золотых гемистатерах (рис. 2, *2*), датируемых 319–310 гг. до н. э. (*Терещенко*, 2013. С. 125).

Наибольшее сходство с монетным изображением обнаруживается в фигурной бляшке-аппликации из «Северного» кургана Елизаветинской курганной группы (ОАК, 1913. С. 214, рис. 245; *Галанина*, 2003. С. 91, табл. I, *15*; *Галанина, Алексеев*, 2010. С. 189, рис. 44. См. рис. 2, *3*). Само же погребение в «Северном» кургане датируется периодом не ранее конца IV в. до н. э. (*Галанина*, 2003. С. 94), хотя указанная бляшка, скорее всего, изготовлена раньше.

Однако существует еще один вид совершенно уникального грифона – грифоно-бык. Это крылатое чудовище с львиным туловищем и головой быка изображено на золотых пластинах головного убора. Эти предметы были обнаружены в Красноперекопском кургане № 22 и кургане № 6 у с. Водославовка, относящихся ко второй – третьей четверти IV в. до н. э. (*Daragan, Polin*, 2022. P. 62, 100. См. рис. 2, *4*)[3]. Также необходимо упомянуть случайную находку в пойме р. Трубеж (левый приток Днепра) бронзовой матрицы для производства аппликаций с изображением подобного монстра (*Бессонова и др.*, 2016. С. 189. Вклейка рис. 2. См. рис. 2, *5*). Публикаторы определили время ее изготовления первой половиной IV в. до н. э. (может быть, первая четверть столетия) (*Бессонова и др.*, 2016. С. 201).

Каким образом могло возникнуть столь химерическое создание? Нет ни малейшего сомнения, что данное существо имеет непосредственное отношение к культу Диониса, ставшего наиболее популярным божеством на Боспоре именно в IV в. до н. э. (*Шауб*, 2007. С. 345; 2023. С. 705–709). Возможно, желание снабдить Диониса, так сказать, личным монстром, поскольку «классических» орлино- и львиноголовых грифонов мифотворческая фантазия греков связывала в первую очередь именно с Аполлоном (*Виноградов, Шауб*, 2005. С. 221; *Терещенко, Шауб*, 2017. С. 156), вызвало появление этого образа. Хотелось бы обратить внимание на то, что грифоно-бык имеет черты, указывающие на способности его патрона. В частности, возможность обращения в быка:

> *Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»! …*
> *В пышном плюще, **быколикий**, «эвой» восклицающий, бурный*
> (*Orph. H.* XXX, 1–5, пер. О. В. Смыки)

[3] Фрагмент, вырезанный из аналогичной пластины, был обнаружен в кургане № 2/1970 у с. Большая Белозерка. К сожалению, обрезаны оказались и головы грифонов (*Болтрик, Шелехань*, 2020. С. 93, рис. 11, *1–4*; *Daragan, Polin*, 2022. P. 62).

О Дионис ***быколикий****, блаженный, в огне порожденный*
(*Ov. Met.* XLV, 1–5, пер. О. В. Смыки)

Или во льва, как в эпизоде с морскими разбойниками:

Внезапно во льва превратился их пленник.
Страшный безмерно, он громко рычал
(*Hom. H.* VII, 45–50, пер. В. В. Вересаева)

Тем не менее это, скорее всего, случайное совпадение, поскольку для создания образа грифона-быка резчику было достаточно всего лишь изобразить бычью голову, при этом общий рисунок тела оставался прежним, не требуя никаких изменений уже существовавших канонов.

Как бы то ни было, данный тип не слишком прижился в скифской культурной традиции. Об этом свидетельствует как мизерное количество найденных пластинок с изображением этого чудовища, так и то, что все они были изготовлены в одной мастерской с использованием одной и той же матрицы (*Daragan, Polin*, 2022. P. 62). То есть это был кратковременный заказ, не получивший продолжения. Что же касается матрицы, найденной в пойме р. Трубеж, то отсутствие следов изношенности позволяет считать, что использовалась она по прямому назначению очень мало, если вообще использовалась. Тем более что никаких аппликаций с данным рисунком до сих пор обнаружено не было.

С другой стороны, в «Толстой могиле» было найдено более двух десятков бляшек с изображением крылатого монстра с львиным телом и головой быка, повернутой в фас (*Мозолевський*, 1979. С. 131, рис. 113, *8*; 133, рис. 115. См. рис. 2, *6*). Само погребение датируется серединой – началом третьей четверти IV в. до н. э. (Там же. С. 229), или «не позднее 350 г. до н. э.» (*Полин*, 2014. С. 279).

Здесь необходимо сделать следующее замечание. В перечне находок у Б. М. Мозолевского эти артефакты значатся как «*бляшки с изображением рогатого* ***львиноголового*** *грифона*», однако далее указано, что монстр имеет **бычью** голову (*Мозолевський*, 1979. С. 131). К сожалению, не слишком качественное исполнение самих артефактов, неважное качество фотографий и путаница в описании у Б. М. Мозолевского привели к тому, что некоторые исследователи стали считать это изображение именно львиноголовым грифоном – повторением боспорского монетного типа (*Онайко*, 1982. С. 254; *Фиалко*, 2014. С. 62; *Полин*, 2016. С. 68).

Некоторый итог по определению указанных бляшек был подведен С. С. Бессоновой и ее соавторами. Считая данный персонаж своеобразной фигурой крылатого быка, исследователи, тем не менее, предположили, что он «является искаженной копией ахеменидского грифона на боспорских монетах» (*Бессонова и др.*, 2016. С. 192). На мой взгляд, это заявление совершенно не соответствует действительности, поскольку ничего, кроме «геральдической» позы, их не объединяет. Наиболее показателен в данном случае характер изображения рогов. На статерах и на бляшках с львиноголовыми монстрами рога у них идут вразлет, как у козлов, в то время как у существ на бляшках из «Толстой могилы» рога лирообразной формы, которая присуща более крупным травоядным животным (ср. рис. 1, *1–3* и рис. 2, *4–5*). Таким образом, ни о каком «искажении при копировании» не может идти и речи, резчик твердо знал, что он хочет воспроизвести, и работал по мере своего таланта.

Насколько можно судить, данные бляшки были изготовлены, скорее всего, скифскими ремесленниками, и, вероятно, по мотивам рисунка с вышеуказанных пластин. Однако какое смысловое значение могли мастера вкладывать в этот образ?

Вот что, например, писалось по поводу «копытного» грифона: он «сочетает в себе признаки хищника и травоядного (его жертвы), что соответствует духу дионисийской религии <…> Одновременно копытный грифон соответствует характерному для скифского искусства принципу соединения в одном образе черт противоположных по своей сути живых существ, что напоминает китайскую концепцию инь-ян» (*Терещенко, Шауб*, 2017. С. 154). В таком случае, облик грифоно-быка мог стать еще одной иллюстрацией визуального оформления этой концепции.

Впрочем, как уже говорилось, этот монстр не получил широкого распространения в скифском искусстве, оставшись лишь кратким эпизодом. Все это дает основания считать появление типа грифоно-быка инициативой исключительно греческих торевтов, проживавших на Боспоре.

Список литературы

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: изд-во ГЭ, 2003. 416 с.

Бессонова С. С., Зимовец Р. В., Скорый С. А. Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме р. Трубеж // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України. 2016. Вип. 2 (19). С. 189–205.

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н. Бердянский курган // РА. № 3. 1994. С. 140–156.

Болтрик Ю. В., Шелехань О. В. Скіфські кургани між Чмиревою та Гаймановою могилами // Археологія і давня історія України. 2020. Вип. 1 (34). С. 80–113.

Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12. С. 219–223.

Галанина Л. К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // Археологический сборник. Вып. 36. СПб.: изд-во ГЭ, 2003. С. 89–99.

Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани. 2010. Т. 3. С. 170–196.

Горончаровский В. А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 161–173.

Канторович А. Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 113–218.

Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: в 2 т. М.: изд-во Московского университета, 2022. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 359 с.

Мельников О. Н. Датировка основных типов Боспора, времени от Евмела до Перисада III (дополнение к статье «Функциональное отклонение монетной системы Боспора III в. до н. э.»). 2018. URL: https://coins.ucoz.ru/load/melnikov_o_n_datirovka_osnovnykh_tipov_monet_bospora_vremeni_ot_evmela_do_perisada_iii/5-1-0-257

Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.

Мурзін В. Ю., Полін С. В., Ролэ Р. Скіфський курган Тетянина Могила // Археологія. 1993. № 2. С. 85–101.

ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1913. 289 с.

Онайко Н. А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Поднепровья // СА. № 4. 1982. С. 248–260.

Полидович Ю. Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецький археологічний збірник. № 19. Донецьк: изд-во ДонНУ, 2015. С. 85–142.

Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: изд. Олег Филюк, 2014. 776 с.

Полин С. В. О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек // IV Международный Нумизматический Симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь, 2016. С. 68–73.

Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107. (МИА; № 69).

Терещенко А. Е. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 2. С. 102–127.

Терещенко А. Е. Заметки о сюжетах одной группы пантикапейского серебра конца III в. до н. э. // ПИФК. 2022. Вып. 4. С. 70–76.

Терещенко А. Е., Шауб И. Ю. Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес: вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2017. № 9. С. 153–168.

Фиалко Е. Е. Золотой декор костюмов из Бердянского кургана // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 54–76.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб И. Ю. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // МАИАСП. 2023. № 15. С. 701–735.

Daragan M., Polin S. Golden Jewellery of the Vodoslavka Scythian Burial-Ground of the Second and Third Quarters of the 4th Century BC // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2022. Vol. 28, iss. 1. P. 23–109.

Рис. 1. *1* – Пантикапей. Статер, золото. 378–372/371 гг. до н. э.; *2* – нашивная бляшка. Золото. Курган Татьянина могила. Ок. сер. IV в. до н. э.; *3* – нашивная бляшка. Золото. Бердянский курган; *4* – Пантикапей. Гекта, золото. 378–372/371 гг. до н. э.; *5* – нашивная бляшка. Золото. Курган № 17, Нимфейский некрополь. 475–425 гг. до н. э.; *6* – накладная бляшка. Золото. 4-й Семибратний курган. 450–430 гг. до н. э.; *7* – Пантикапей. Обол, серебро. 330–327 гг. до н. э.; *8* – золотая нашивная бляшка. Красноперекопские курганы, курган 22. IV в. до н. э.; *9* – золотая нашивная бляшка. Скифский царский курган Желтокаменка (окрестности села Чкалово Никопольского р-на, Днепровская обл.). IV в. до н. э.; *10* – золотая нашивная бляшка. Курган Малый Огуз. 350–340 гг. до н. э.

Рис. 2. *1* – Пантикапей. Тетрахалк, бронза. 327–319 гг. до н. э.; *2* – Пантикапей. Гемистатер, золото. 319–310 гг. до н. э.; *3* – бляшка-аппликация. Золото. Елизаветинские курганы. IV в. до н. э.; *4* – золотая пластина от головного убора. Курган № 6 у с. Водославовка. Вторая – третья четв. IV в. до н. э.; *5* – бронзовая матрица для производства аппликаций из драгоценных металлов. Случайная находка в пойме р. Трубеж (левый приток Днепра). Первая половина IV в. до н. э. (м. б., первая четверть столетия); *6* – нашивная бляшка. Золото. Курган Толстая могила. Ок. сер. IV в. до н. э.

В. П. Толстиков
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, г. Москва

АМФОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ № 54 НА СЕВЕРНОМ СКЛОНЕ АКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В период между 2015 и 2024 гг. из амфорной конструкции № 54 было расчищено, зафиксировано, пронивелировано, нанесено на план, извлечено и передано в Лапидарий ВКИКМЗ около 800 тарных амфор. Всего было исследовано от двух до тринадцати ярусов этих сосудов. Установлено, что на данном участке северного склона холма Первого кресла Митридата ширина амфорной конструкции по оси восток – запад составляла 17 м. Уровни заложения амфор были неравномерны: например, на участке в южной части квадрата 85 и в северной части квадрата 89 выявлено до 13 ярусов амфор, то есть здесь глубина заложения достигала 4,4 м. На других участках амфоры были уложены в два-три яруса.

Совершенно очевидно, что глубина заложения зависела от особенностей рельефа склона, существовавшего к моменту сооружения этой уникальной конструкции. Поскольку ее исследование еще очень далеко от завершения, можно полагать, что сооружение было осуществлено между 380-ми и 360-ми годами до н. э. Эта датировка основывается на предварительном анализе типов амфор и имеющихся на них клейм[1].

Принимая во внимание указанную специфику топографии на участке северного склона холма акрополя Пантикапея, можно предположить, что к моменту начала реализации этой инженерной программы, предусматривавшей централизованный сбор и использование огромного количества тарных амфор, значительная территория склона, прекрасно

[1] Изучением амфорного материала из конструкции № 54 занимается к. и. н. Георгий Альбертович Ломтадзе. Определения клейм выполнены к. и. н. Анной Витальевной Ковальчук, которой я выражаю свою искреннюю благодарность.

обозреваемая снизу – из города, представляла собой довольно печальное зрелище. На его поверхности, изрытой котлованами выборки камня из построек V в. до н. э., возвышались остатки полуразрушенных укреплений – свидетельства драматических событий первой половины этого столетия (*Толстиков*, 2023). Данные раскопок последних лет указывают на то, что около середины V в. эти руины послужили местом сброса слоев, содержавших многочисленные осколки сосудов с посвящениями богам, вотивных рельефных табличек-пинак и терракот с расчищаемой под новое строительство территории теменоса, и прежде всего – для восстановления главного храма, периптера Аполлона Врача (Там же). В силу сказанного, возможность благоустройства и укрепления данного участка северного склона Акрополя появилась лишь где-то в первой трети IV в. до н. э., в период правления Левкона I (389/388–349/348 гг. до н. э.). То есть в таком случае с 480–475 гг. по 380–360-е гг. до н. э. – не менее 100 лет (!) – склон оставался в неприглядном состоянии.

Список литературы

Толстиков В. П. Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н. э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией? // ПИФК. 2023. Вып. 3 (81). С. 9–36.

Рис. 1. Раскоп Новый Верхний Митридатский (НВМ).
Расчистка одного из ярусов амфорной конструкции № 54.
Вид с северо-запада. Фото автора

Е. В. Фокеева
Институт археологии РАН, г. Москва

ГЕРМА ГЕРАКЛА: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКА[1]

В лапидарном собрании Керченского музея хранится фрагмент[2] мраморной гермы Геракла, облаченного в львиную шкуру (рис. 1). Памятник неоднократно был опубликован (*Соколов*, 1999. С. 257–158; *Матковская*, 2004. С. 73; *Кучеревская*, 2016. С. 17), но его стилистические особенности подробно не рассматривались.

Герма была найдена в окрестностях Керчи, обстоятельства и время находки неизвестны (*Кучеревская*, 2016. С. 17). Датировка представляет большие трудности в связи с состоянием сохранности памятника: утрачены голова, верхняя часть шеи, нижняя часть столба – вероятно, более половины. Поскольку герма обычно воспроизводит пропорции человеческого тела в несколько сокращенном виде, можно предположить, что ее исходная высота могла составлять от полутора до двух метров. Герма выполнена из мелкозернистого мрамора с розовато-желтой патиной. На поверхности со всех сторон имеются сколы и потертости, известковые отложения. Спереди лапы львиной шкуры завязаны тугим «геракловым узлом». На задней поверхности сохранилась нижняя часть изображения львиной гривы и гребня вдоль спины. Заметно, что края львиной шкуры, сейчас сколотые, на несколько сантиметров выступали за линию боковой грани столба и, очевидно, просматривались спереди: таким образом, львиная шкура окутывала герму. На боковых поверхностях сохранились прямоугольные углубления для выступов-рук и контуры этих утраченных деталей в месте их прилегания

[1] Работа выполнена по плановой теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).
[2] Инвентарный номер КЛ-147, размеры 0,85 × 0,33 × 0,25 м.

к столбу. Четырехгранный столб имеет прямоугольное сечение, одинаковое на всем протяжении сохранившегося фрагмента.

Высказывалось предположение, что скульптура может быть подлинником греческой работы IV в. до н. э., Г. И. Соколов сравнивал ее с произведениями поздней классики (*Соколов*, 1999. С. 157; *Матковская*, 2004. С. 73).

Изображения Геракла в виде герм действительно известны с IV в. до н. э. Г. И. Соколов сравнивает герму КЛ-147 также с известняковой гермой (*Максимова, Наливкина*, 1955. С. 317, рис. 30), происходящей из раскопа Думберга в Пантикапее. Сейчас этот памятник находится в Эрмитаже. Эту герму-полуфигуру относят ко II в. до н. э. по комплексу, где она была найдена. Композиционная схема гермы восходит к распространенному эллинистическому типу статуи Геракла с палицей в правой руке и рогом изобилия в левой. Узел, который удерживает шкуру на плечах героя, завязан свободно. Складки и детали львиных лап уплощенные и подчеркнуты линейным рисунком. Герма из Пантикапея, вероятно, была выполнена местным мастером, отдававшим предпочтение декоративному богатству деталей, а не пластической выразительности форм.

Маловероятно, что эта скульптура связана с мраморной гермой Геракла, которая представляет собой фронтальное погрудное изображение, переходящее в четырехугольный столб. Похожую композицию имеет герма из музея Мессены (инв. № 4209), которую в III в. до н. э. посвятил Гераклу Филлиад, сын Неона (*Themelis*, 2019. P. 547–548). Высота сохранившегося фрагмента – 85 см. Герма была найдена в портике гимнасия Мессены и датирована по надписи. Герма выполнена из цельного камня (известняка) вместе с боковыми выступами, поверхность столба и боковых выступов оставлена незашлифованной, хорошо видны следы троянки. P. Themelis отмечает, что архаистические черты памятника могут быть обусловлены и консерватизмом, свойственным гермам как типу скульптуры, и традициями местных мастеров.

Еще один похожий вариант гермы Геракла в львиной шкуре, более тонко проработанный, со сложной архаической прической с уложенными надо лбом локонами, изображен рядом с обнаженным юношей на надгробной стеле (*Pfuhl, Möbius*, 1977–1979. № 138. Taf. 32) с острова Родос II в. до н. э.

Таким образом, сама по себе разновидность гермы Геракла не позволяет уточнить ее дату или место производства: эти скульптуры появились в эпоху эллинизма, и их могли воспроизводить в римское время.

Судя по положению шеи, голова мраморной гермы КЛ-147 была изображена анфас, без поворота или наклона. Геракл мог быть показан в образе юноши или мужа: в скульптуре и вазописи встречаются обе версии. Голова Немейского льва покрывала голову героя наподобие шлема. Шкура льва на плечах уложена симметрично, а лапы, завязанные спереди узлом, собираются в складки, края шкуры заворачиваются вверх. Возле львиного плеча насечки вдоль краев имитируют более длинную шерсть. Спереди столб и поверхности, изображающие открытые участки тела, тщательно обработаны. Лапы льва имеют мягкую объемную моделировку, рельефно показаны пальцы и когти (возможно, уцелели только основания загнутых когтей, как в случае со статуей Геракла (инв. № 03.12.14) 68–98 гг. н. э. из музея Метрополитен, 14 (LIMC 753, no. 465, pl. 476)). Обе львиные лапы обращены наружу тыльной стороной. Узел туго затянут, но при этом расположен не строго горизонтально. Подобный рисунок узла встречается уже в эпоху архаики (в пример можно привести фрагмент статуэтки из музея Акрополя (инв. № 638), 520–510 гг. до н. э.) и часто использовался как в эллинистическом, так и в римском искусстве. В эпоху эллинизма получили распространение изображения правителей с атрибутом Геракла – шкурой Немейского льва, и, например, таким же образом завязана шкура на плечах Митридата VI Евпатора в образе Геракла (статуэтка I в. до н. э. – I в. н. э., найденная при раскопках поселения Мысхако; Новороссийский исторический музей, инв. № НМ-8812/1,2) (*Сапрыкин*, 2009. С. 299, рис. 103).

На оборотной стороне гермы в области шеи и плеч сохранились завитки рельефной львиной гривы, расположенные ровными рядами друг над другом и показанные в виде плоских чуть изогнутых прядей, иногда меняющих направление без строгой симметрии: похожий рисунок, но более объемный, имеет грива статуи льва, поставленной в память о битве при Херонее (338 г. до н. э.).

Ниже плеч гермы грива переходит в расположенный посередине невысокий гребень из встречно направленных длинных шерстинок: таким образом, шкура сзади была показана ровно свешивающейся вниз, а ее края, очевидно, выступали за грань столба и просматривались спереди. Сохранились незашлифованные следы скарпели по всей задней поверхности: вероятно, таким образом показана короткая шерсть (можно сравнить со статуей льва из Британского музея (инв. № 1857,1220.240), принадлежавшей комплексу Галикарнасского Мавзолея.

Можно предположить, что особенности изображения шкуры Немейского льва отражают тенденции, свойственные античной анималистической

скульптуре. Существует предположение, что до середины IV в. до н. э. жители Аттики не имели возможности увидеть львов, которые встречались только в горах на севере и в Македонии. Поэтому скульпторы брали за основу для идеализированных изображений этих зверей элементы анатомии и пластики знакомых хищников, собак и кошек. Появление реализма в эллинистическом искусстве было связано как с изменившимися эстетическими предпочтениями, так и с тем, что с середины второй половины IV в. до н. э. в Афинах периодически можно было наблюдать в неволе львов, привезенных для игр (*Vermeule*, 1972. P. 49–50; *Bliquez*, 1975. P. 381). Тем более такое наблюдение было доступно римским скульпторам.

Еще одним источником образцов служило искусство Ближнего Востока, где сложились свои традиции изображения львов с более тяжелыми и реалистичными пропорциями, выраженной мускулатурой и рисунком гривы, напоминающим орнамент. В середине IV в. до н. э. были созданы статуи львов, украшавшие Мавзолей в Галикарнасе: их отличает сочетание естественных пропорций с декоративным рисунком гривы в виде расположенных рядами заостренных прядей. Короткая шерсть на спине льва показана в виде мелких насечек. Гривы львов, украшающих углы крышки Сидонского саркофага («Саркофаг Александра») второй половины IV в. до н. э. (*Smith*, 1991. P. 191–192, fig. 226), тоже трактованы в духе орнамента, хотя гораздо ближе к натуре. На рельефе того же саркофага шлем Александра Великого в сцене сражения выполнен в виде львиной головы, чья грива из состоит из объемных завитков, расположенных рядами. В дальнейшем архаистический орнаментальный стиль продолжал существовать, как видно на примере мраморного льва (Эрмитаж, инв. № П.1894-9; ОАК, 1896. С. 5–6; *Максимова, Наливкина*, 1955. С. 305, 307, рис. 16; *Савостина*, 2012. С. 285), найденного К. Е. Думбергом при раскопках на склоне горы Митридат в 1894 г. Этот памятник считается римским и, возможно, происходит из Малой Азии.

В эллинистическом и римском искусстве существовала тенденция, противоположная описанной выше декоративной интерпретации: стремление добиться живописного эффекта высоким рельефом, часто с применением бурава для создания глубоких четких теней. Это хорошо видно на примере римских копий эллинистических статуй, относящихся к типам Геракла Фарнезе или Геракла Лэнсдауна: завитки шерсти львиной гривы мельче, объемнее и расположены без четкой системы.

Во II в. до н. э. в пергамском искусстве классицизирующая тенденция существует наряду с декоративной. Скульптурная группа из Пергама

представляет Митридата Евпатора в образе Геракла, освобождающего Прометея, и относится к концу II – I в. до н. э. (*Савостина*, 2012. С. 194). На разных участках сложно задрапированной шкуры переданы разные фактуры короткой и длинной шерсти. Крупные пряди шерсти гривы рельефны, имеют ярусное расположение и ритм, но не образуют строгого орнамента. Аналогичным образом выполнена грива льва (Берлинские музеи, инв. AvP VII 165), найденного в Пергаме и датированного 160 г. до н. э. Интересно, что и человеческие волнистые волосы в скульптуре этого времени могли быть показаны в виде подобных декоративных рядов прядей (голова юноши второй половины II в. до н. э., Берлинские музеи, инв. AvP VII 136).

Мастер гермы Геракла прибегает к архаистической трактовке гривы в виде низкорельефного орнамента (архаизация в принципе характерна для герм как типа скульптуры начиная с V в. до н. э.). Большое внимание уделено объемным деталям львиной шкуры. Необычно ее расположение: это не деталь статуи, переосмысленной в виде гермы, а «обманка», имитация драпировки, надетой на уже готовую герму. Этот иллюзионистический мотив ближе скорее эллинистическому искусству, а мягкость моделировки и внимание к передаче фактуры различных поверхностей сближает герму с памятниками эпохи позднего эллинизма.

Список литературы

Кучеревская Н. Л. Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция. Каталог. Керчь: ВКИКМЗ, 2016. 132 с.

Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры. М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 297–325.

Матковская Т. А. Герма Геракла // Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I. Киев: Мистецтво, 2004. 255 с.

ОАК за 1894 год. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1896. 170 с.

Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Киев: АДЕФ-Украина, 2012. 392 с.

Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.

Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: изд-во Московского энергетического института, 1999. 532 с.

Bliquez L. J. Lions and Greek Sculptors // The Classical World. 1975. Vol. 68, No. 6. P. 381–384.

LIMC. Vol. IV: Eros–Herakles. Zürich: Artemis Verlag, 1988.

Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz: P. von Zabern, 1977. Bd. I. 278 S.

Smith R. R. R. Hellenistic sculpture. London: Thames and Hudson, 1991. 287 p.

Themelis P. The Sculpture of Messene: Handbook of Greek Sculpture // ed. by O. Palagia. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 536–576.

Vermeule C. Greek Funerary Animals, 450–300 B. C. // American Journal of Archaeology. 1972. Vol. 76, No. 1. P. 49–59.

Рис. 1. Герма Геракла (инв. КЛ-147). Мрамор.
Лапидарий Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, Керчь

З. В. Ханутина
Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург

В. А. Хршановский
Институт археологии РАН, г. Москва

СКЛЕПЫ-КАТАКОМБЫ НА КИТЕЙСКОМ НЕКРОПОЛЕ (РАСКОПКИ 1989–2022 гг.)

В типологии боспорских склепов, разработанной Е. А. Савостиной, к последней, самой поздней группе были отнесены склепы-катакомбы с пещеровидными камерами, целиком вырубленные в скальном массиве. В первые века н. э., при сохранении склепов с полуциркульными сводами, они становятся доминирующими (*Савостина*, 1984. С. 6, 11).

На Илуратском плато такие склепы (№№ 3–7, 9, 10, 12, 13, 19, 21, 26, 36, 37, 215, 216, 218, 222) составляют почти половину (18 из 39) (*Хршановский*, 2012). На Китейской равнине их тоже оказалось немало – больше 70. Именно с шести таких склепов у подножия кряжа Джурга-Оба, раскопанных в 1927 г. экспедицией Ю. Ю. Марти, началось исследование Китея. Некоторые из них (с росписями) Ю. Ю. Марти датировал II–III вв. н. э. (*Марти*, 1934. С. 63). Позже В. Ф. Гайдукевич сдвинул их верхнюю границу до III в. н. э. (*Гайдукевич*, 1959. С. 223–238), а в начале 2000-х гг., после вторичного исследования, А. Л. Ермолин «омолодил» их до последней четверти III – первой половины IV в. н. э. (*Ермолин, Юрочкин*, 2002. С. 87).

За время работы Китейской археологической экспедиции на некрополе Китея (1989–2022) было найдено 6 склепов-катакомб (№№ 142, 145, 186, 261, 313, 360). Все они, за единичным исключением, доследовались после грабителей. В 2001 г. к юго-востоку от склепов, исследованных Ю. Ю. Марти, был заложен раскоп XXXVII, в котором были открыты три вырубных склепа №№ 312–314. Один из них – № 313 – представлял собой классический склеп-катакомбу. Вырубленный в скальном массиве

открытый дромос с юго-востока подводил к пещеровидной камере, выбранной в известняке. Дромос имел в плане прямоугольную форму со скругленными углами (1,6 × 0,8–1 м), немного расширяясь к входу в камеру. В южной стенке дромоса, во всю его ширину, были вырублены три ступени, подводящие к входному проему. Глубина дромоса – 1,6 м. Дромос от камеры отделял порог-ступенька. За подквадратным входным проемом (1,1–1 × 0,9–1,2 м) в камеру вели еще две ступеньки.

Камера (2,9–3,1 × 3,6 м) имела в плане округлую форму, вытянутую перпендикулярно входу, по оси юго-запад – северо-восток. Свод камеры – полусфера с наибольшей высотой 2 м. В грабительских отвалах из склепа-катакомбы № 313 были обнаружены костные останки не менее 4 взрослых людей, а также овцы или козы (все антропологические определения были сделаны В. И. Хартановичем, отдел антропологии МАЭ РАН, палеозоологические – А. К. Каспаровым, лаборатория археологической технологии ИИМК РАН).

На основании найденного материала (профильных фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор, краснолаковой чашки и миски) склеп-катакомба № 313 может датироваться II–III вв. н. э. (*Хршановский*, 2003. С. 170. Рис. 4).

Небезынтересно, что в непосредственной близости от склепа-катакомбы № 313 были доследованы синхронные склепы №№ 314 и 315, также вырубленные в скальном массиве, но перекрытые полуциркульными сводами (*Хршановский*, 2003. С. 171–175; 2002), что наглядно демонстрирует их сосуществование во времени.

Остальные склепы-катакомбы были открыты и исследованы на Центральном участке Китейского некрополя, к северо-востоку от городища. На его северной окраине – склепы-катакомбы №№ 142 (раскоп XXVI) и 360 (раскоп XLIII). Вырубленный в скальном массиве склеп № 142 имел короткий подквадратный дромос (1 × 1,2 м), с востока подводивший к камере, немного вытянутой с востока на запад (2,6–2,7 × 2–2,1 м). Из дромоса в камеру вели две ступеньки. Свод камеры рухнул или был проломлен еще в древности.

В грунте заполнения камеры находились костные останки не менее трех человек: мужчины 40–50 лет, женщины (?) 50–60 лет и ребенка 3–6 лет.

Среди датирующих находок из грунта заполнения камеры и грабительского отвала оказались вещи, относящиеся как к эллинистическому времени (фрагменты горла гераклейской амфоры с клеймом, краснофигурного

сосуда с пальметтой, расписного сосуда с сетчатым орнаментом, коррозированная монета с надчеканкой), так и к римскому (многочисленные обломки узкогорлых светлоглиняных амфор, в том числе стенка с тамгообразным знаком, и фрагменты краснолаковых сосудов). На этом основании можно предположить, что склеп был сооружен в IV в. до н. э., а затем вторично использовался в римское время.

В раскопе XLIII, на северной окраине Центрального участка, был найден и исследован склеп-катакомба № 360 (рис. 1). Дромос вытянутой прямоугольной формы (1,3 × 0,85–1,1 м, расширяется книзу) с северо-запада, понижаясь, подводил к камере. В скальном полу были вырублены четыре ступени. Входной проем (0,9 × 0,7 м) закрывала стоящая *in situ* закладная плита – блок известняка подквадратной формы со стороной 0,85–0,9 м, толщиной 0,15–0,2 м. Со стороны дромоса ее подпирал контрфорс – еще одна известняковая плита подпрямоугольной формы.

Свод над камерой катакомбы был проломлен, катакомба ограблена. Выбранная в скальном массиве камера имела подквадратную в плане форму (2,3–2,5 × 2–2,1 м), углы камеры закруглены. По отношению к входному проему камера была смещена к востоку и вытянута по оси северо-восток – юго-запад. Дромос от камеры отделял порог-ступенька. Высота камеры от пола до современной дневной поверхности – 1,75–1,9 м. Книзу камера расширяется от 1,2–2 м до 2,3–2,5 м.

Найденные в ходе раскопок костные останки принадлежали не менее чем 8 субъектам: ребенку, подростку 14–16 лет, юноше до 25 лет, мужчине 30–40 лет, женщинам 20–25 лет (признаки лобно-теменной деформации), 30–35 и 45–50 лет и пожилому человеку старше 60 лет. На некоторых костях имелись следы обожжения и прижизненных сросшихся переломов.

По материалу, найденному в ходе раскопок катакомбы № 360 (фрагментам амфор, краснолаковых, красноглиняных и лепных сосудов, открытому лепному светильнику на высокой ножке, стеклянным бусинам и обломкам стеклянных сосудов), катакомба может датироваться второй половиной III – IV в. н. э. (*Хршановский*, 2010. С. 164–168. Рис. 2–12, табл. 1).

К северо-востоку от дромоса катакомбы № 360 была выявлена площадка со следами тризны, в которой помимо материала, синхронного находкам из катакомбы (возможно, неслучайно), присутствовало значительное количество асинхронного материала конца V – IV в. до н. э. (фрагменты хиосских, фасосских и гераклейских амфор, чернолакового болсала, стенки краснофигурного кратера, чернолаковых ручек) (*Хршановский*, 2010. С. 168–169. Табл. 1, *7–8*).

Склеп-катакомба № 261 находился в раскопе XXXII, примерно в середине Центрального участка Китейского некрополя (рис. 2). В отличие от предыдущих склепов №№ 313 и 360, он был вырублен не в скальном массиве, а в материковой глине между пластами известняка, и облицован известняковыми блоками. Длинный дромос (5 × 1,3–1,4 м), плавно понижаясь, с юго-запада подводил к камере. Перепад высоты составлял 1,66 м. В верхней части дромоса (к западу от стоящей *in situ* закладной плиты) стенки были вырублены в пласте известняка. В восточной части (между закладной плитой и входом в камеру) они были облицованы гораздо более тщательно обработанными и подогнанными друг к другу блоками. Это может свидетельствовать о достройке западной части дромоса и установке закладной плиты (0,9–0,95 × 0,7 м, толщиной 0,13–0,15 м) на новом месте (в 2 м от входа в камеру) при вторичном использовании склепа. Плиту подпирал стоящий под углом контрфорс треугольной формы, прижатый сверху другим камнем. Отваленный за юго-восточную стенку кусок подрубленной скалы мог служить частью плиты перекрытия вновь созданной камеры.

Из дромоса в камеру вел входной проем (1,05–1,1 × 0,75–1 м, расширяется книзу). Внутри камеры за входным проемом имелась ступенька из блока известняка высотой 0,25 м, отделяющая камеру от дромоса. Камера склепа, вырубленная в материковой глине под мощным (до 1,3 м) пластом известняка, имела подквадратную форму (3,4 × 3 м, высота 1,7–2 м) и была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Стены были облицованы блоками известняка, пол вымощен пятью рядами известняковых плит.

В грунте заполнения дромоса и камеры склепа (грабительском отвале) были найдены костные останки, принадлежавшие не менее чем 12 взрослым и не менее чем 8 детям. Трудно предположить, что такой склеп сооружался для коллективных захоронений. Скорее всего, в большинстве своем они относятся к его вторичному использованию.

Кроме останков людей, в грунте заполнения дромоса и камеры находились многочисленные кости животных: лошади (взрослой и жеребенка), овцы или козы (трех взрослых особей), собаки (взрослой и полувзрослой), лисы (полувзрослая особь), зайца-русака (взрослая особь и молодая особь), птицы, рыбы.

Среди невыразительных фрагментов керамической тары, краснолаковой и красноглиняной посуды, лепных горшков, обломков стеклянных сосудов и бронзовых изделий хронологическим ориентиром может служить лишь фрагмент края краснолакового «рыбного блюда», характерного для конца II – III в. н. э. Находкой, маркирующей верхнюю границу использования

склепа, является статер Фофорса (300/301 г. н. э.). О возможном высоком статусе одного из погребенных свидетельствует найденный обрывок золотой фольги (от погребального венка?).

Таким образом, время сооружения склепа можно условно отнести к концу II – III в. н. э., а его перестройку и вторичное использование – к IV в. н. э. или еще более позднему времени.

Склеп № 145 (раскоп XXVII) находился на западной границе Центрального участка некрополя. В отличие от всех остальных, у него оказались две погребальные камеры (рис. 3). Первая в 1994 г. подверглась опустошительному разграблению. Вторая, расположенная симметрично, западнее первой, осталась незамеченной и была исследована в следующем, 1995 г. Эта камера была вырублена с юго-западной стороны вертикального входа (дромоса) на глубине 2,3–3,2 м от современной дневной поверхности. В плане дромос имел прямоугольную форму (2 × 1,1 м) и вытянут по оси юго-запад – северо-восток. Закладная плита, закрывавшая вход во вторую камеру, имела округлую форму (диаметр 0,85–0,9 м, толщина 0,1–0,2 м) и была завалена необработанными камнями.

Пол в камере (материковая глина) был углублен на 0,15–0,2 м ниже уровня пола дромоса. Разделяющий их порог выложен четырьмя плоскими камнями, на которых стояла закладная плита. Как и в первой камере катакомбы № 145, перекрытием над входным проемом и камерой служил подтесанный пласт известняка. В плане камера имела почти правильную подквадратную форму (2,5 × 2,7 м) со скругленными (или осыпавшимися) углами. Стены и пол были вырублены в плотной материковой глине. Высота камеры уменьшалась от 1,2 м в восточной части (у входа) до 0,6 м – в западной, так как здесь снижался образующий свод пласт известняка.

Пол камеры по всей площади был засыпан слоем морского песка и ракушек, мощностью до 0,15 м. Такая же подсыпка имелась и в дромосе.

Обвалившиеся пласты известнякового свода частично разрушили находившиеся в камере захоронения. Однако, по сохранившимся пятнам древесного тлена и сильно коррозированным фрагментам железных гвоздей, расположению костного тлена и вещевого материала (костяки не сохранились), можно утверждать, что они были совершены в трех гробах, стоявших вдоль северной, южной и западной стен.

Помимо мелких и невыразительных фрагментов человеческих костей, в камере были обнаружены кости коровы и неопределимых мелких животных.

Найденный богатый погребальный инвентарь: краснолаковое блюдо, лепной кувшинчик, стеклянные кувшины, несколько бусин, бронзовые

двучленные прогнутые подвязные фибула, пряжки, браслет, зеркала, медные монеты Фофорса (рубежа III–IV вв. н. э.) и Рискупорида VI (после 321 г. н. э.), серьги с полиэдрическими бусинами, две серебряные фибулы-цикады и две серебряные двупластинчатые фибулы – вписывается в первую половину – середину V в. н. э. Кроме этого, в самом юго-восточном углу был обнаружен пекторальный набор из 66 золотых пронизей и две парные золотые трехлепестковые серьги с сердоликовыми вставками (в одной из серег центральная вставка была заменена эррозировавшейся от времени стеклянной вставкой) (рис. 4) (*Ханутина, Хршановский*, 2009). Пекторальное украшение из склепа-катакомбы № 145 относится к золотым ожерельям типа Гранада-Альбайсин – престижным украшениям интернациональной варварской «княжеской» культуры, которые датируются концом IV – началом/первой половиной V в. и, как считает А. В. Мастыкова, «с известной долей вероятности… являются хронологическим индикатором гуннского времени» (*Мастыкова*, 2024. С. 210).

Последний из склепов-катакомб, № 186 (раскоп XXIX), найденный на Центральном участке Китейского некрополя, не исследовался из-за угрозы обвала свода.

В отличие от 6 склепов-катакомб, локализованных в скальном подножье Джурга-Обы, и 40 (?), группирующихся в 150 м южнее на пахотном поле и вырезанных в мягком мергеле (*Ермолин*, 2009. С. 72. Рис. 1; С. 73. Рис. 2; С. 75. Рис. 4), на Китейском некрополе их, разбросанных по разным участкам, открыто сравнительно немного. Но и они, вместе со всеми остальными, свидетельствуют о широком распространении погребальных сооружений такого типа на Европейском Боспоре в III–V вв. н. э.

Список литературы

Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1959. С. 154–238. (МИА; № 69).

Ермолин А. Л. Кроваво-золотой стиль «клуазоне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга Оба) // БФ: искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 70–77.

Ермолин А. Л., Юрочкин В. Ю. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси: сб. материалов междунар. конф. / отв. ред. В. Ю. Юрочкин. Симферополь: Магистр, 2002. С. 85–96.

Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 57–89.

Мастыкова А. В. Золотые ожерелья гуннского времени типа Гранада-Альбайсин в Северном Причерноморье // КСИА. 2024. Вып. 274. С. 196–216.

Савостина Е. А. Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.

Ханутина З. В., Хршановский В. А. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // БФ: искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 58–69.

Хршановский В. А. Вырубной склеп с полуциркульным сводом на некрополе Китея // БФ: погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2002. Ч. 1. С. 139–145.

Хршановский В. А. Некоторые итоги раскопок некрополя Китея в 2001 году // Из истории античного общества: межвузовский сб. науч. тр. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 162–176.

Хршановский В. А. Катакомба № 360 Китейского некрополя // Из истории античного общества: сб. науч. тр. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 164–177.

Хршановский В. А. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // ДБ. 2012. Т. 16. С. 526–547.

Рис. 1. Склеп-катакомба № 360. Вид с запада

Рис. 2. Склеп-катакомба № 261. Вид с юго-запада

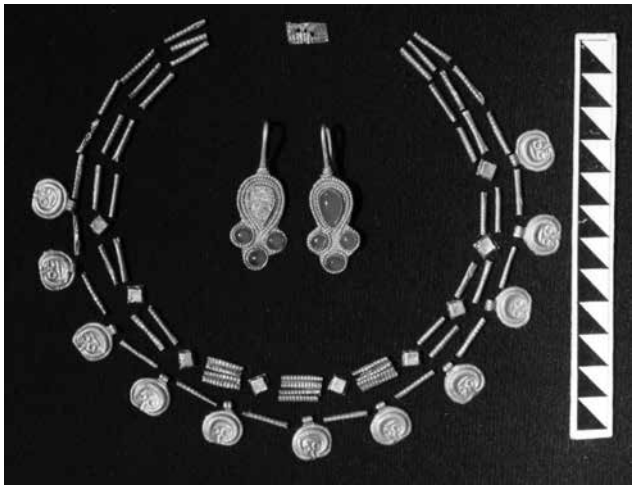


Рис. 4. Золотое ожерелье типа Гранада-Альбайсин и две золотые серьги со вставками из второй камеры склепа-катакомбы № 145. Первая половина V в. н. э.

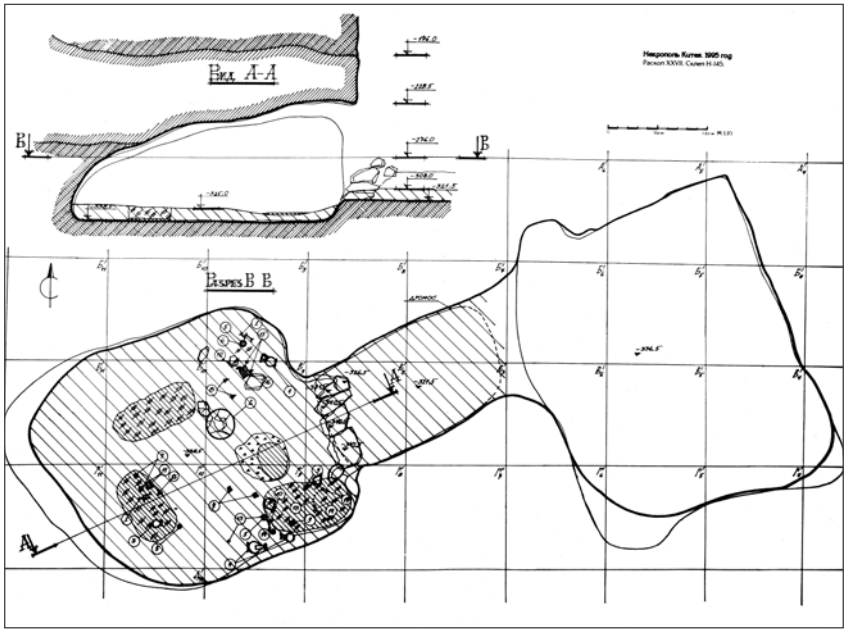


Рис. 3. Двухкамерный склеп-катакомба № 145. План и разрез.
Камера 2. Находки: *1* – кости человека; *2* – блюдо краснолаковое; *3* – кувшинчик лепной; *4* – кувшин стеклянный; *5* – зеркало бронзовое; *6* – браслет бронзовый; *7* – пряжка бронзовая; *8* – фибула-брошь в виде цикады (серебро); *9* – фибула двупластинчатая (серебро); *10* – фибула двучленная прогнутая подвязная (бронза); *11* – подвеска спиралевидная бронзовая; *12* – фрагмент горла стеклянного бальзамария; *13* – монета медная; *14* – бусины стеклянные; *15* – серьги (бронза); *16* – фрагмент плетеной ткани; *17* – серьга с фигурным щитком (золото, янтарь); *18* – подвески и пронизи (золото)

Н. Б. Чурекова
Институт археологии и культурного наследия СГУ, г. Саратов

КОМПЛЕКСЫ С АМФОРАМИ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ 3 У СТАНИЦЫ ТАМАНЬ[1]

Поселение 3 находится на берегу Таманского залива, на высокой террасе к востоку от станицы Тамань (рис. 1). Оно фигурирует в литературе под несколькими названиями: «седьмой километр», «Тамань 3» и «Поселение 3», последнее является его официальным наименованием. Известен памятник довольно давно, а вот регулярно исследоваться начал лишь с 2013 г. отрядом Саратовского госуниверситета (*Кузнецова, Чурекова*, 2022. С. 239–241). Однако комплексы позднеархаического и раннеклассического времени были открыты только в 2018–2024 гг. на северо-западном участке памятника. По большей части в их состав входили лишь небольшие фрагменты амфор, столовой и кухонной керамики, среди которых тоже есть очень интересные находки. Но все же несколько хозяйственных объектов, о которых пойдет речь далее, содержали довольно крупные фрагменты амфор или даже целые сосуды.

Итак, наиболее интересной в плане находок представляется яма № 4 2019 г. Эта грушевидная в разрезе яма сверху была перекрыта развалом сырцового блока. Амфоры представлены исключительно продукцией Лесбоса (рис. 2, *1, 2*). Верхняя часть амфоры с валикообразным венцом, под которым высокий уступ, и коротким слегка расширяющимся книзу горлом морфологически близка амфоре из ямы № 137 некрополя Кеп (*Монахов и др.*, 2020. С. 115, LG.2), но имеет красный цвет глины. Близкие красноглиняные сосуды отличаются меньшей высотой уступа под венцом и в совокупности датируются серединой – третьей четвертью VI в. до н. э.

[1] Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FSRR-2023-0006.

(*Монахов*, 2003. С. 260, табл. 30, *1, 2*; *Dupont*, 2005. С. 52, № 40; *Sezgin*, 2012. Kles2.01, 2.07). Верхняя часть второй лесбосской амфоры из ямы № 4 имеет разный цвет глины: на поверхности она темно-серая, внутри черепка – красная. У нее массивный валикообразный венец, короткое, сужающееся книзу горло с четким переходом к плечам; уступ под венцом отсутствует. Наиболее близкий экземпляр происходит из раскопок Б. В. Фармаковского некрополя Ольвии и датируется серединой – третьей четвертью VI в. до н. э. (*Монахов и др.*, 2019. С. 101, LG.3).

Помимо тарных амфор, из ямы № 4 происходят столовая амфора, возможно клазоменского производства последней четверти VI в. до н. э. (*Uzun*, 2018. P. 327, fig. 5) (рис. 3, *1*), и фрагмент сероглиняной хозяйственной леканы с черным покрытием, возможно производства Эолии (рис. 3, *2*). Остальная ионийская расписная керамика датируется в основном второй четвертью – серединой VI в. до н. э.

Аналогичный комплекс с лесбосской красноглиняной и столовой ионийской амфорами происходит из погребения № 100 у хут. Рассвет в окрестностях г. Анапы. С. Ю. Монахов датировал лесбосскую амфору последней четвертью VI в. до н. э., а столовую – на 20–30 лет раньше, отметив, что подобная ситуация типична, когда расписная керамика старше тарных сосудов (*Монахов*, 1999. С. 81–82, табл. 20). В нашем же случае лесбосские тарные сосуды синхронны расписной столовой амфоре. По контексту находок яма № 4 датируется второй половиной VI в. до н. э.

Еще один комплекс – яма № 8, которая была выявлена в результате раскопок 2022 г. на том же участке памятника. В отличие от других ям на этом участке, данная не была перекрыта камнями сверху. Крупные камни были зафиксированы уже в самом заполнении. Яма по форме напоминает предыдущую. Амфорный материал немногочисленный, и среди целых форм нет относящихся к позднеархаическому и раннеклассическому времени, но упомянуть об этом комплексе все же стоит. Из фрагментированных сосудов здесь обнаружена поздняя, редкая для памятника, косская амфора варианта V-B (рис. 2, *15*), датирующаяся концом II – первой третью I в. до н. э. (*Монахов*, 2014. С. 214, рис. 12: *56, 57*; *Кузнецова, Шелепов*, 2024. С. 312). В верхней части тулова находится граффито, возможно монограмма с «альфой» и какими-то еще буквами.

Материал в заполнении относится к широкому хронологическому промежутку, наиболее ранние по времени – фрагменты амфор Клазомен второй половины VI в. до н. э. и Хиоса «раннего пухлогорлого» варианта с окрашенным венцом последней четверти VI в. до н. э. Еще более ранним временем

датируются часть венца миски с меандром производства Северной Ионии второй четверти VI в. до н. э. (*Буйских*, 2013. С. 70, кат. 3.268–3.273) и два фрагмента венцов ионийских полосатых киликов 580–540 гг. до н. э. (Там же. С. 98, 102, кат. 5.19, 5.59). Находок в яме очень много – это и два фрагментированных красноглиняных унгвентария последней четверти III – I в. до н. э. (*Rotroff*, 2006. P. 157, cat. 487, 492, 497), и целый ряд разнообразных горшков и горшочков. Но уникальных находок было две. Во-первых, фрагментированная терракотовая герма с изображением Диониса-Гермеса/Гадеса или Бородатого Диониса (рис. 3, *3*), возможно датирующаяся II в. до н. э. (Терракотовые статуэтки, 1974. С. 30–31, табл. 35, *1, 3*); впрочем, нам представляется, что иконография гермы относится к более раннему времени, вероятно – классическому периоду. Во-вторых, фрагмент мрамора, по всей видимости, являющийся частью небольшой статуи; вероятно, он был во вторичном использовании, так как края его заглажены. Следует отметить, что это первая подобная находка на памятнике.

Комплекс может датироваться очень широко, от второй четверти VI в. до н. э. до рубежа II–I вв. до н. э.

Следующий комплекс – яма № 12 2023 г. В форме эллипсовидная, близкая к кругу, в разрезе подпрямоугольная. Небольшая по размерам, она содержала очень мало материала, среди которого были обнаружены две нижние части хиосских амфор «развитого пухлогорлого» варианта с овоидным туловом и остроребернoй ножкой с глубокой грибовидной выемкой (рис. 2, *3, 4*). Этот вариант датируется второй четвертью V в. до н. э. и известен по большому числу аналогий (*Монахов*, 2003. С. 17, табл. 5, 6; *Монахов и др.*, 2016. С. 61–65, Ch.5; 2019: С. 80, Ch.19, Ch.20; 2020: С. 90–91, Ch.6, Ch.7; 2022: С. 74, Ch.2; 2023: С. 40, Ch.1). Комплекс может датироваться второй четвертью V в. до н. э.

И, наконец, еще один комплекс, о котором пойдет речь, был исследован в 2024 г. на новом участке памятника, также в северо-западной его части. Яма № 15, как и подавляющее большинство ям на памятнике, по форме была слегка эллипсовидная, близкая к кругу, в разрезе грушевидная. Наполненность материалом очень высокая, в особенности крупными фрагментами амфор. Из характерных для хозяйственных комплексов данного поселения черт следует отметить присутствие большого количества камней разного размера, в основном окатанной гальки. Но также был зафиксирован кусок крупного необработанного мрамора. Среди материалов комплекса была сделана находка граффито на стенке амфоры с надписью [ΔΗ]ΜΟΣΘΕΝΗΣ (рис. 3, *4*).

Самые ранние амфорные материалы, третьей четверти – середины VI в. до н. э., представляют собой отдельные фрагменты профильных частей. Целые же и фрагментированные сосуды относятся уже к V в. до н. э. Так, целым сосудом представлена продукция неизвестного центра, которая условно называется типом «с раздутым горлом» (рис. 2, *5*). Аналогии этим амфорам хорошо известны (*Монахов*, 2003. С. 282, табл. 53, 54, *1–3*; *Монахов и др.*, 2020. С. 150, An. 1; 2023: 56, Th-c.1, Th-c.2) и датируются третьей четвертью V в. до н. э. Интересен в этой связи комплекс здания № 24 1985 г. из Керкинитиды, где представлено сразу три таких сосуда вместе с амфорами Хиоса «развитого пухлогорлого» варианта и Фасоса «пифоидного» типа (*Монахов*, 1999. С. 87–89, табл. 23; *Монахов и др.*, 2024. С. 44), датирующийся 450–440-ми гг.

Продукция Хиоса представлена сразу несколькими типами и вариантами, начиная с типа «с воронковидным горлом» (фрагмент венца), всеми вариантами «пухлогорлого» типа, в том числе нижними частями и развалами амфор (рис. 2, *9, 12, 13*), верхними и нижней частью сосудов «прямогорлого» типа (рис. 2, *10, 11, 14*), а также целым сосудом без ножки и ручек «позднего пухлогорлого» варианта (рис. 2, *6*), четко датирующимися по аналогиям сосудов из комплексов третьей четвертью V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 236, табл. 6, 8).

Ко второй – третьей четверти V в. до н. э. относится верхняя часть амфоры Самоса (рис. 2, *7*), прямые аналогии которой пока не найдены. По морфологическим характеристикам сосуд схож с амфорами, которые С. Ю. Монахов изначально связывал с производством Самоса (*Монахов*, 1999. С. 151, табл. 53, *1*), а позднее отнес к производству Милета типа II-C «с высоким горлом» (*Монахов*, 2003. С. 251, табл. 21, *2, 3*). Характер глины (светло-коричневая, плотная с большим количеством золотистой слюды) скорее говорит в пользу самосского происхождения сосудов. Очень близкий экземпляр происходит из ольвийской ямы-ботроса 1979 г. и датируется рубежом третьей и последней четвертей V в. до н. э. (*Монахов*, 1999. С. 153). В целом состав материала ботроса очень схож с находками из рассматриваемой ямы № 15, хотя содержит и предметы более позднего времени (*Монахов*, 1999. С. 148–153, табл. 52). Таким образом, предлагаемая нами датировка самосского сосуда третьей четвертью V в. до н. э. представляется правильной.

К фасосской таре из ямы № 15 принадлежат два фрагмента нижних частей амфор «фанагорийского» варианта «протобиконической» серии (рис. 2, *8*), которые хорошо датируются по комплексу Нимфейского склада 1978 г. серединой – третьей четвертью V в. до н. э. (*Монахов*, 1999. С. 125–130, табл. 40, 41; *Монахов и др.*, 2019. С. 38–41).

В целом материалы ямы охватывают довольно большой хронологический пласт, но наиболее вероятная дата засыпки комплекса – третья четверть V в. до н. э.

Разумеется, на сегодняшний день амфор из комплексов позднеархаического и раннеклассического времени мало, но и раскопанная часть поселения не так велика. К тому же в общей статистике памятника эти периоды занимают достойное место. Среди керамических материалов памятника есть и очень интересные экземпляры. В целом пополнение коллекции амфор и ввод их в научный оборот очень важны для дальнейших работ в области типологии и хронологии керамической тары.

Список литературы

Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній Світ, 2013. 246 с.

Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Античное сельское поселение «Тамань 3»: предварительные итоги исследований 2015–2021 гг. // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Саратов: Амирит, 2022. С. 238–251.

Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А. Минералого-петрографическое исследование формовочной массы книдских амфор // МАИАСП. 2024. № 16. С. 303–334.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1999. 679 с.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.: Киммерида; Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.

Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 3. С. 195–222.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Ланцов С. Б., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев г. Евпатория и пос. Черноморское. Саратов: Амирит, 2024. 252 с.: ил.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Новиченкова Н. Г. Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Саратов: Амирит, 2023. 112 с.: ил.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Амирит, 2020. 218 с., ил.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: каталог. Саратов; Керчь: Новый проект, 2016. 221 с.: ил.

Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.: ил.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022. 304 с.: ил.

Терракотовые статуэтки / отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1974 (САИ; вып. Г1-11).

Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage Collection // Борисфен–Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1 / ред. С. Л. Соловьев. СПб.: изд-во ГЭ, 2005. С. 41–70.

Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. The Plane Wares. Princeton: ASCSA, 2006. 482 p. (The Athenian Agora; vol. XXXIII).

Sezgin Y. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar. Ege Yayinlari. Istanbul: Ege Yayınları, 2012. 344 s.

Uzun K. Clazomenian Wave-Line Pottery // Archaic and classical Western Anatolia: new perspectives in ceramic studies / eds.: R. G. Gürtekin-Demir, H. Cevizoğlu, Y. Polat, G. Polat. Leuven; Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2018. P. 315–344. (Colloquia Antiqua; 19).

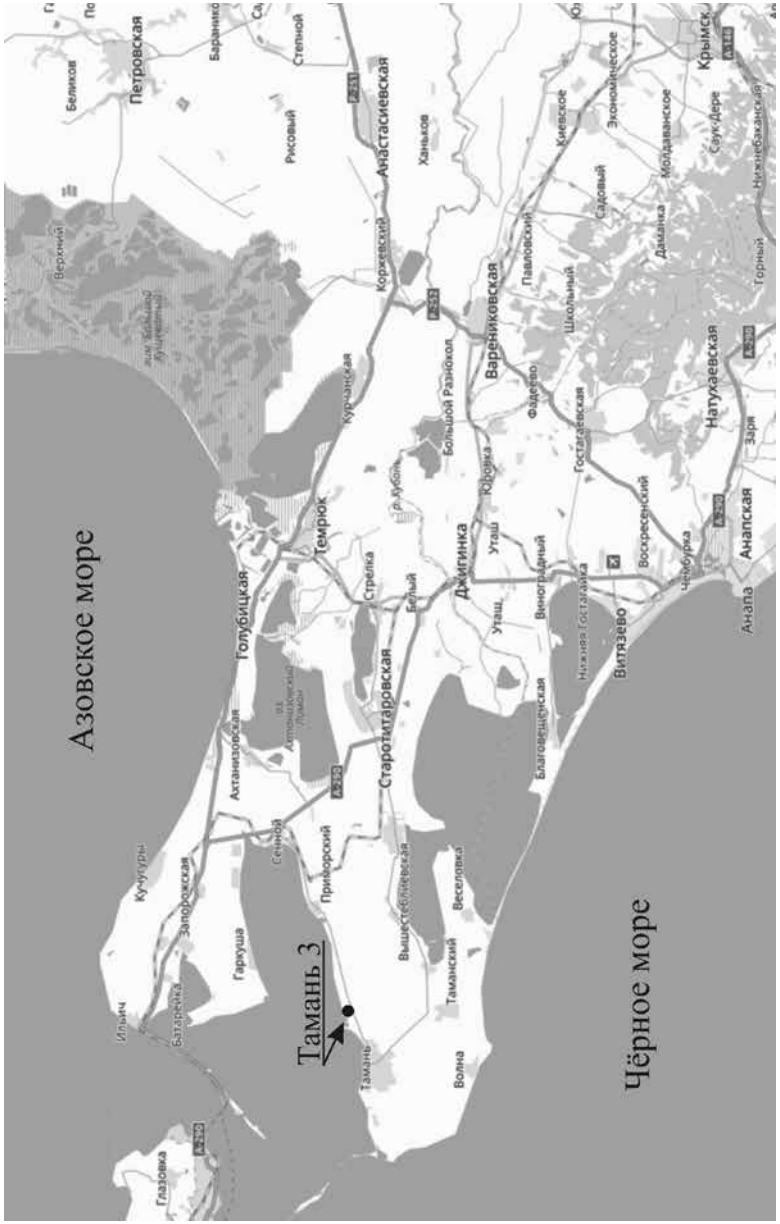


Рис. 1. Поселение Тамань 3 на карте Таманского полуострова

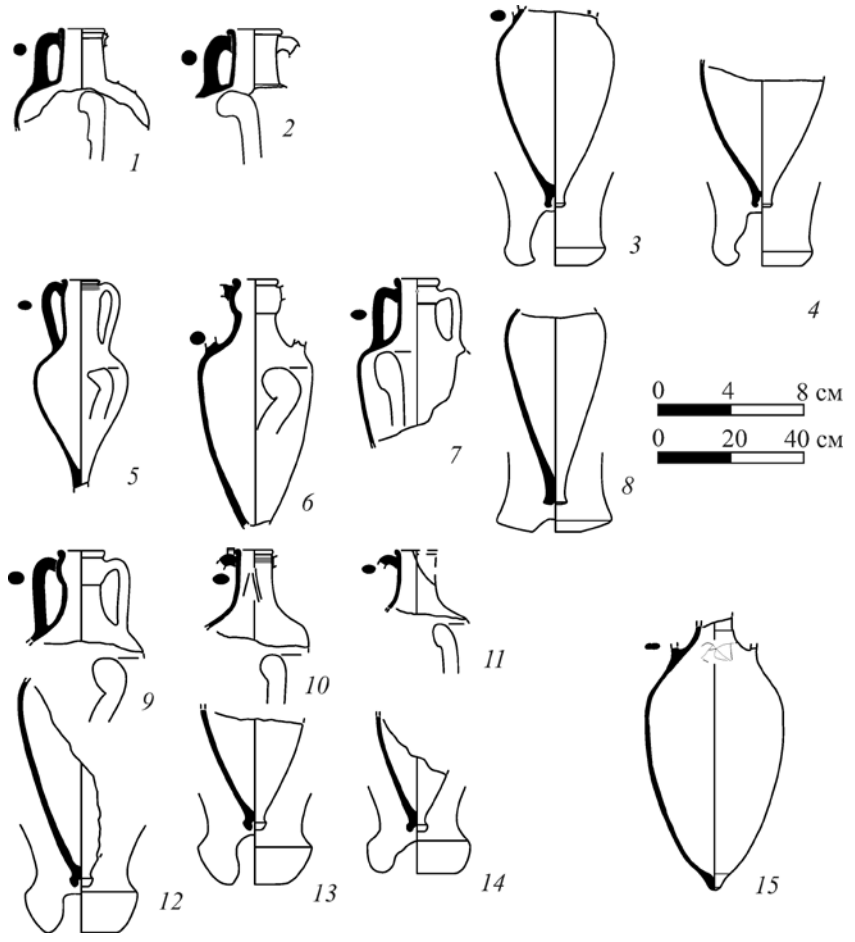


Рис. 2. Поселение 3. Амфоры из комплексов:
1, 2 – из ямы № 4/2018 г.; *3, 4* – из ямы № 12/2023 г.;
5–14 – из ямы № 15/2024 г.; *15* – из ямы №8/2022 г.

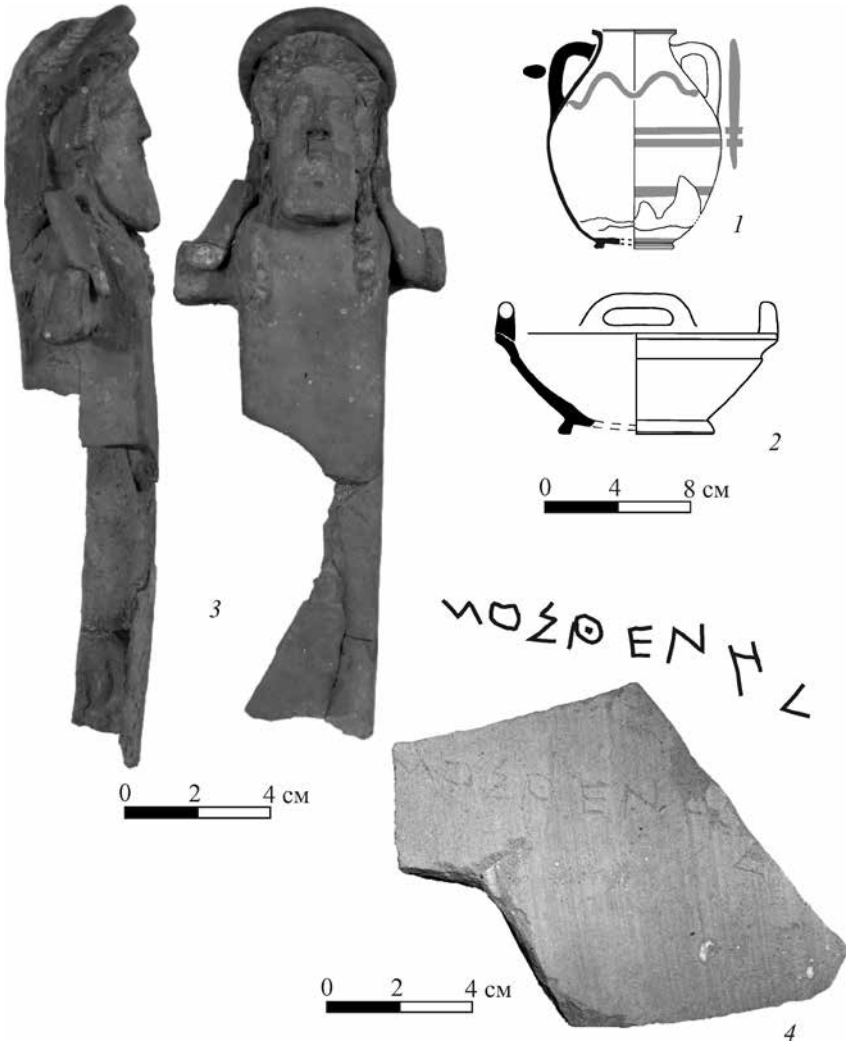


Рис. 3. Поселение 3. Находки из комплексов:
1, 2 – из ямы № 4/2018 г.; *3* – из ямы № 8/2022 г.; *4* – из ямы № 15/2024 г.

Ф. В. Шелов-Коведяев
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва

ОБ ИМЕНИ НА ОДНОМ ИЗ ЗОЛОТЫХ ПЕРСТНЕЙ ИЗ ФАНАГОРИИ

Совсем недавно Н. В. Завойкина (2024. С. 195–196) вновь обратилась к надписи на перстне (рис. 1), опубликованной в 2015 г. С. Р. Тохтасьевым (2015. С. 204). Последний прочитал ее Νεογ|οαου|ψυχή – и не скрывал своего недоумения по поводу увиденного им личного имени («неизвестное ни в одном другом источнике имя, звучащее к тому же диковато» и «имя Νεογοαου выглядит, по крайней мере, странно, и странность эта заключается в глубоком зиянии – три гласных подряд! Приходится предположить выпадение на письме консонантизированного ι <…> и постулировать *Νεογοαιος, что, однако, нисколько не приближает нас ни к этимологии имени, ни даже к его этнолингвистической атрибуции»).

Н. В. Завойкина, сославшись на ономастику Делоса и Пароса, предложила читать здесь генитив другого антропонима – Νεομόδου. Она резонно усомнилась в правильности понимания С. Р. Тохтасьева. В самом деле, тот, не имея особого вкуса к эпиграфике как таковой, пользовался ее материалом исключительно для своих замечательных лингвистических, и особенно ономастических, штудий, а потому был склонен повсюду находить для них пищу. Что, к сожалению, частенько играло против него самого. Так и тут: отметив крайне непривычную[1], не встречающуюся даже в демотической скорописи, графику *эпсилона* после *ню* в стк. 1, он на этом основании (как бы по аналогии) счел за *альфу* и необычного облика литеру, стоящую на втором месте (после *омикрона*) в стк. 2.

[1] *Тохтасьев*, 2015. С. 204, прим. 25: «Такой эпсилон, по-видимому, не получил продолжения в византийское время; по сообщению А.Ю. Виноградова, ему такая форма неизвестна, и я тоже не встречал ее ни в лапидарной эпиграфике Балкан, Малой Азии, островов Эгейского моря и Италии с Сицилией, ни на свинцовых печатях, по крайней мере, до 12 в.».

Н. В. Завойкина верно усмотрела в последнем случае не *альфу*, но весьма своеобразную *дельту* (шрифт, вообще, поражает сочетанием форм знаков – см. особенно *эпсилон*, *дельту*, *ипсилон*, *пси*, *хи*, *эту*, – принадлежащих заведомо разным эпохам и стилям). Впрочем, предложенная ею параллель – написание *дельты* на монете Фофорса (*Абрамзон, Кузнецов*, 2017. С. 691, табл. 190, 2841) – имеет совсем иные очертания. К тому же на штемпеле монарха (рис. 2) первой могла, в соответствии с датами его правления, фигурировать не *дельта*, но – *альфа* в схожем с рукописным начертании.

Однако и Н. В. Завойкина опрометчиво идентифицировала *мю* в конце стк. 1. На самом деле, там у края четко видна вертикаль, не соединяющаяся с предыдущей графемой. Каковая, в свою очередь, является, судя по плохо пропечатавшемуся в ее верхней части полукружью, – типичным *ро*.

Выходит, что родительный падеж АН надо читать: Νεοριόδου. Аналог ему в греческом ономастиконе находим в известном с рубежа VI–V вв. (или с 1 четверти V в.) до Р. Х. зафиксированном в Мегариде (героическом? – ср. LGPN IIIB s.v.) имени Νεᾶρίς (м). Что характерно, в генитиве Νεᾶρίδος (SEG XIII 300). Новый материал позволяет предполагать, что у данного ЛИ был склоняющийся по 3 скл. собрат. Например, – Νεᾶρίδης, который в римское время перешел на модель второго склонения (что дало бы род. пад. Νεωρίδου).

Неразличение на письме долгого и краткого [о] в период, которым датируется перстень, было обычным делом и не должно нас смущать. Важнее понять, *откуда* появилось [о] после [і]. Как вариант, могу предложить, что Νεορίοδος (отсюда Νεοριόδου) является вторичным производным от, скажем, Νεᾶρίδης. Локальным (?) боспорским (двуосновным?) образованием, возникшим, например, под влиянием таких ЛИ, как Ὄδιος (см. в различных томах LGPN) или Ὠδός (к последнему см. Ὠδή в LGPN).

Список литературы

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: ИА РАН, 2017. 748 с. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 5).

Завойкина Н. В. Новые материалы по истории Фанагории первых веков н. э. // Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. 2024. Вып. 6. С. 187–198.

Золото Фанагории / под ред. М. Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. 604 с.

Тохтасьев С. Р. Надписи на перстнях, содержащие слова ΧΑΡΑ и ΨΥΧΗ // Золото Фанагории / под ред. М. Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. С. 202–207. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 2).

Рис. 1. Перстень Неориода
(по: Золото Фанагории, 2015. С. 373, табл. 12, *2*)

Рис. 2. Статер Фофорса
(по: *Абрамзон, Кузнецов*, 2017. С. 691, табл. 190, *2841*)

Л. Г. Шепко
Донецкий государственный университет, г. Донецк

ПАМЯТНИКИ СКИФО-САРМАТСКОГО КРУГА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Территории Северо-Восточного Приазовья и Подонцовья играли значимую роль в миграционных процессах и культурных контактах различных этнических групп, включая скифов и сарматов. Археологические памятники этой зоны, объединяющие в себе элементы как скифской, так и сарматской культур, отражают сложные этнокультурные взаимодействия. Однако многие находки вызывают дискуссии по поводу их точной хронологии и этнокультурной атрибуции, характера культурогенеза в контактных зонах. Усложняют реконструкцию исторического контекста их появления сложившиеся в XX в. представления, которые требуют учета новых данных.

Дискуссия о времени и характере взаимодействия двух родственных племенных образований в определенной мере опирается на сведения античных авторов и локализует проблему в пределах рубежа IV–III вв. до н. э.

К IV в. до н. э. у скифов оформляется царская власть, формируется слой военной аристократии, что проявляется в характерных чертах материальной культуры и искусства. В этот период Скифская держава достигает своего расцвета, а ее восточные границы простираются вплоть до реки Дон. Комплексы, расположенные на правобережье Северского Донца и в Северном Приазовье, маркируют границы отдельных центров скифского присутствия в дельте Дона и Северо-Восточном Приазовье. Этот период представляют погребения скифской аристократии Двугорбая могила (№ 13), Передериева могила (№ 49), курган в Перевальске (№ 48), Луганске (№ 26) (здесь и далее номера даны по таблице 1, см.: *Шепко*, 2018. С. 258–260).

Упадок Скифии и неустойчивая этнополитическая ситуация в регионе не приводят к полному исчезновению населения, но этническая картина в нем становится еще более сложной. Археологические материалы указывают на проникновение групп, мигрировавших с востока. Обращает на себя внимание комплекс у с. Никифорово, который демонстрирует связь с савроматским кругом памятников V–IV вв. до н. э. (*Смирнов*, 1984. С. 25–26).

На данной территории выделена группа захоронений IV–III или III–II вв. до н. э., фиксирующая население, которое не может быть однозначно отнесено к скифской или сарматской археологической культуре. Это курганы у с. Кременевка Володарского р-на (№ 23), у с. Белояровка Амвросиевского р-на (№ 9), у пос. Острый (№ 79).

В могильнике на Беглицкой косе выделена серия комплексов, даты которых укладываются в рамки второй половины IV – первой трети III в. до н. э. (*Прохорова*, 2002).

Отдельные находки в среднем течении Северского Донца также говорят о наличии обитателей в IV–II вв. до н. э. В районе средневековых городищ Райгородское, Осиянская Гора (пос. Донецкий), Святогорское, на правом берегу реки, собран материал скифского времени – наконечники стрел, керамика, в т. ч. и IV–III вв. до н. э. (№№ 54, 58). В ряде случаев лепная керамика имеет сходство с материалами Донской лесостепи (*Кравченко*, 2004. С. 242, 249–250, 261, 270). У с. Николаевка было исследовано погребение, относящееся к IV–III вв. до н. э. (№ 38).

Судя по имеющимся данным, население здесь обитало непостоянно. Район среднего течения Северского Донца в конце I тыс. до н. э., являясь южной частью пограничья Степи и Лесостепи, был слабо заселен, что могло привлекать обитателей северных районов.

Для раннего железного века в степном Подонье выделен ряд регионов с локальными вариантами погребальной обрядности и особенностями материальной культуры. Комплексы VI–V вв. до н. э. дают сравнительно большое разнообразие обрядов на всей территории Подонья, что, вероятно, связано с их трансформацией под влиянием социальных и этнических процессов.

Локальные особенности в материальной культуре населения Нижнего Дона заметно начинают проявляться в V в. до н. э. На общем фоне населения степной зоны резко выделяется культура населения дельты Дона и прилегающего к ней побережья, особенно правобережного (*Максименко*, 2008. С. 49–50). Среди памятников, исследованных на рассматриваемой территории, выделена серия погребальных комплексов,

датированных второй половиной IV – первой третью III в. до н. э. Они группируются в дельте, на левом и правом берегу Дона, а также на территории Миусского полуострова.

Скифское население в устье Миуса оставалось в конце IV в. до н. э. на месте. Елизаветовское городище в силу каких-то обстоятельств было оставлено его жителями. На его месте появляется боспорская колония, просуществовавшая до конца первой трети III в. до н. э.

На правобережье Дона погребальные комплексы второй половины IV – начала III в. до н. э. единичны: четыре погребения в районе города Новочеркасска и одно – на территории могильника «Царский» в районе Танаиса (курган 71) (*Коваленко*, 2009. С. 11–12).

Анализ левобережных и правобережных комплексов Дона позволяет предполагать, что в последней четверти IV – начале III в. до н. э. в Подонье появляется население, которое является носителем новых для этого региона традиций в погребальной обрядности. В. Е. Максименко обращал внимание на локальные особенности археологических памятников кочевого населения Нижнего Дона эпохи раннего железа, рассматривая их в контексте этнической интерпретации. В степной зоне Подонья, особенно с V по III в. до н. э., в каждом из районов прослеживается культурное влияние смежных областей.

Он отмечал, что в междуречье Северского Донца и Дона материальная культура, особенно керамика, обнаруживает явное сходство с савроматской археологической культурой Поволжья и Приуралья. Изделия из цветных металлов, такие как стрелы, зеркала, колчанные крючки и бронзовые котлы, также имеют очевидное приуральское происхождение. Кроме того, прослеживается значительное сходство с культурой населения Среднего Дона, особенно в вооружении, конской сбруе и украшениях. В то же время мечи с брусковидным навершием и без металлического перекрестья характерны для воинов степной зоны Подонья, как правобережья (восточнее Северского Донца), так и всего левобережного региона. Притом в материальной культуре населения левобережья, до р. Маныч, заметно некоторое влияние Прикубанья. Более восточные районы тяготеют к Нижнему Поволжью (*Максименко*, 2008).

Данные замечания важны в свете определения времени и направления миграций, проходивших в IV – начале III столетий до н. э., оставивших след в виде погребальных комплектов в северо-восточном Приазовье. В начале XXI в. открыт и исследован ряд интересных погребальных объектов, которые позволяют внести дополнение в некоторые особенности исторической эпохи, понимание скифо-сарматского взаимодействия.

Остановимся на женском захоронении из кургана 15 могильника Красный Колос IV в Аксайском р-не Ростовской области. Курган раскопан в 2022 г. в 13 км к западу от Новочеркасска (*Рязанов и др.*, 2022). Этот комплекс подтверждает сложность этнокультурных процессов в данном регионе во второй половине IV – начале III в. до н. э. Элементы погребального обряда и инвентаря находят аналогии как в скифских, так и сарматских комплексах IV–III вв. до н. э. от Поднепровья до Южного Урала.

Инвентарь погребения включает традиционные категории вещей: посуду и тару, предметы вооружения, украшения и предметы туалета, детали одежды, предметы культа.

Бронзовый котел – атрибут савромато-сарматского круга, амфоры – свидетельство контактов с античными центрами, колчанный набор – показатель сословности и статуса в кочевых обществах; бронзовое зеркало – элемент женского погребального инвентаря, связанный в т. ч. и с культовыми действиями; гривна с наконечниками в виде фигурок хищников, нашивные золотые бляшки – элемент декора одежды, широко используемый как в скифской, так и в сарматской среде, перстень, серьги в зверином стиле.

Маркирующей деталью сарматского обряда является набор, состоящий из кусков мела и реальгара, каменной плитки и костяной ложечки, имеющий сходство с находками в двух погребениях Филипповского могильника.

Значительная часть погребальных предметов имеет признаки, свидетельствующие о продолжительном периоде их использования.

Котел, колчанный набор, украшения, зеркало и ритуальные предметы являются знаками социальной представительности, характерными для кочевого общества и свидетельствуют об особом положении погребенной женщины. Вещи из захоронения Красный Колос не находят прямых аналогий в известных скифо-сарматских памятниках, но по формальным признакам прослеживается сходство отдельных категорий инвентаря и элементов погребального обряда как со скифскими, так и с сарматскими комплексами IV–III вв. до н. э. от Поднепровья до Южного Урала (Филипповского могильника).

Погребение из кургана Красный Колос имеет ряд сходных черт в категориях и облике инвентаря скифского захоронения из кургана № 18 близ с. Колбино Репьевского р-на Воронежской обл. (работы Донской археологической экспедиции ИА РАН, 1997). В нем открыты деревянный сосуд с золотыми накладками, золотые нашивные бляшки, золотые «серьги»-подвески с пантерами, перстни, бронзовое зеркало в кожаной сумочке, комочки краски, есть элементы сходства в погребальном обряде, интересной деталью является совпадение в форме зеркал из Колбино и Филипповки (*Гуляев*, 2017).

На основе анализа погребальных комплексов можно сделать вывод, что во второй половине V – IV в. до н. э. на правобережье Нижнего Дона происходит миграция скифского населения из районов Среднего Дона. Это население, вероятно, испытало значительное культурное влияние ранних кочевников Южного Приуралья, что отразилось в материальной культуре и погребальном обряде. Процессы этнокультурного взаимодействия между скифами и савроматами/сарматами продолжались на протяжении IV–III вв. до н. э., создавая сложную картину смешанных традиций. В Нижнем Подонье и Северо-Восточном Приазовье фиксируются группы с элементами как скифской, так и сарматской культур, что свидетельствует о постепенной трансформации этнического состава региона.

Список литературы

Гуляев В. И. Необычный курган скифского времени на Среднем Дону // Исторические исследования. 2017. № 8. С. 73–93.

Коваленко А. Н. Северо-Восточное Приазовье во второй половине IV – первой трети III вв. до н. э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009.

Кравченко Э. Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. Киев; Харьков, 2004. С. 242–276.

Максименко В. Е. Особенности археологических памятников кочевого населения Нижнего Дона эпохи раннего железа и проблемы их этнической интерпретации // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 48–50.

Прохорова Т. А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе в 2001 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. *Вып. 18.* Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. С. 160–161.

Рязанов С. В., Шепко Л. Г., Щипанова А. Г., Козорезов А. А., Ревина Е. И. Новый памятник раннего железного века на Нижнем Дону // ЖИПМИ. 2022. № 3 (82). С. 8–19.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.

Шепко Л. Г. Скифские памятники Подонцовья и северо-восточного Приазовья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2018. С. 253–262.

В. Ю. Юрочкин

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ГОТЫ, АЛАНЫ, СЛАВЯНЕ. ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. П. БАБЕНЧИКОВА

Владимира Петровича Бабенчикова (1885–1974) вряд ли можно причислить к плеяде известных археологов. Опубликованное научное наследие ученого составляет чуть более десятка работ. Его помнят как исследователя храма на Тепсеньском плато в Коктебеле и Чернореченского могильника в Инкерманской долине. Кандидатская диссертация В. П. Бабенчикова посвящена склепам Неаполя Скифского, при этом трудно назвать его скифологом. Между тем с его именем связана целая эпоха послевоенной крымской археологии, самый яркий и в то же время самый противоречивый период.

До Великой Отечественной войны В. П. Бабенчиков работал в учебных и музейных заведениях Севастополя. Являясь одним из руководителей Севастопольского музея краеведения, он, вместе с братом Петром Петровичем Бабенчиковым, приобщил к археологии впоследствии известных ученых: Е. В. Веймарна, С. Ф. Стржелецкого, А. Н. Бернштама. Многие годы сотрудничал с Н. И. Репниковым. В период немецкой оккупации В. П. Бабенчиков перебрался в Симферополь. Здесь после окончания войны он начал работу в Центральном Краеведческом музее Крыма в качестве главного хранителя (*Акимченков*, 2018. С. 33–38).

К началу деятельности в 1945 г. Таро-Скифской археологической экспедиции под руководством П. Н. Шульца В. П. Бабенчиков оказался единственным в Симферополе, имевшим опыт полевой археологической работы. Он был прикомандирован к экспедиции, и под его руководством проведена расчистка вырубных склепов с росписью в пригороде Неаполя Скифского (*Бабенчиков*, 1949). После создания в конце 1947 г. Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР

(далее – СИА КНИБ) В. П. Бабенчиков зачислен в ее штат. П. Н. Шульц, заинтересованный в укреплении научных кадров, настаивал на подготовке им диссертации кандидата исторических наук, основанной на результатах раскопок склепов Неаполя Скифского. Черновик рукописи в целом был готов уже в 1947 г. (*Акимченков*, 2018. С. 42). Однако завершение работы над ней затянулось на целое десятилетие (*Бабенчиков*, 1957). Но дело не в отсутствии научной активности, скорее наоборот.

В послевоенный период наиболее актуальными проблемами крымской археологии стали т. н. «готский» и «славянский» вопросы (*Юрочкин*, 2021). Особое значение они приобрели на волне роста патриотизма в среде местной краеведческо-преподавательской интеллигенции, к которой относился В. П. Бабенчиков, пытавшийся предложить их решение на основе археологических данных. Уже в 1945 г. на первой сессии историков Крыма он прочел доклад «Готы в Крыму». Возвращался к этой теме и позднее (*Юрочкин*, 2018). После раскопок раннесредневекового могильника у подножия «пещерного города» – Чуфут-Кале (Кырк-Ор), являвшегося в позднем средневековье центром Крымской Алании, на очередной сессии 1947 г. он вместе с братом предложил считать подобные некрополи, ранее признававшиеся «готскими», принадлежавшими аланам. Причем первоначально речь шла не переселенцах с Северного Кавказа, а об автохтонных аланах, имевших отношение к гипотетическим «крымским славянам» (*Юрочкин*, 2016. С. 189–192).

Генеральной темой его исследований была «славянская», с 1948 г. ставшая одной из основных в деятельности СИА КНИБ. Ее руководителем официально считался А. Д. Удальцов, совмещавший должности директора ИИМК и КНИБ. Однако фактически вопрос разрабатывал В. П. Бабенчиков. С 1949 г. он осуществлял раскопки на плато Тепсень в Коктебеле, где располагалось большое поселение VIII–X вв. (*Бабенчиков*, 1953). Его керамический комплекс внешне напоминал древнерусский, поэтому В. П. Бабенчиков считал исследования чрезвычайно перспективными. Правда, столичные коллеги изначально указывали: материальная культура, скорее, напоминает древности известной салтово-маяцкой культуры, происхождение которой обычно связывали с аланами. Учитывая данное обстоятельство, В. П. Бабенчиков старался доказать: эта культура все же близка к славянской «через алано-росов или роксоланов, как их обычно называют» (*Акимченков*, 2018. С. 46). Еще до революции подобное мнение о роксоланах как предках русов получило распространение, прежде всего, благодаря И. Д. Иловайскому (*Юрочкин*, 2017. С. 113–115). Позднее В. П. Бабенчиков

подчеркивал своеобразие материальной культуры поселения: христианское исповедание жителей, каменное домостроительство, развитое керамическое производство. А это, по его мнению, делало невозможным идентифицировать его с аланским населением. Тепсень он предлагал рассматривать как центр культуры средневековых крымских славян, предшественник древнерусского Тмутараканского княжества в Восточном Крыму (*Юрочкин, Майко*, 2017. С. 194–197). И даже когда присутствие здесь элементов салтово-маяцкой культуры стало невозможным оспаривать, В. П. Бабенчиков все равно настаивал на оригинальности местной культуры, называя ее «тепсеньской» (Там же).

В 1950 г. при раскопках Чернореченского могильника в Инкерманской долине, в рамках экспедиции под общим руководством Е. В. Веймарна, В. П. Бабенчиковым были обнаружены несколько десятков погребальных урн с остатками трупосожжений, а также сосуд черняховской культуры. Это, как считал ученый, полностью подтверждало гипотезу о наличии славян среди крымского населения еще в первые века новой эры (*Акимченков*, 2018. С. 45). В период борьбы с «марризмом» А. Д. Удальцов окончательно устранился от крымско-славянской темы, и вопрос был включен в тему «Возникновение и развитие феодальных отношений в Крыму». Ее руководителем утвержден Е. В. Веймарн, на что сетовал В. П. Бабенчиков (НА ИАКр РАН. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 29. Л. 9). Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий выдвинули версию о появлении к Крыму славян не вследствие автохтонного развития, а как результат миграции около III в. Это привело к конфликтной ситуации с П. Н. Шульцем, придерживавшимся мнения о скифо-славянском единстве (*Юрочкин, Майко*, 2017. С. 213–217). В. П. Бабенчиков не принимал участия в этой дискуссии. Однако в первоначальном варианте планировалось, что именно он будет делать доклад о славянах в Крыму на готовящейся в 1952 г. сессии историков. Но эта проблема на форуме рассматривалась Б. А. Рыбаковым, поддержавшим миграционный подход, базировавшийся на материалах раскопок как В. П. Бабенчикова так и Е. В. Веймарна (*Юрочкин*, 2024. С. 280–284).

После передачи Крыма Украинской ССР в 1954 г. «готский» и «славянский» вопросы в археологии полуострова утратили свою актуальность. Но В. П. Бабенчиков не оставил прежней тематики. Результатом стали неопубликованные рукописи, хранящиеся в архиве Института археологии Крыма (НА ИАКр РАН. Ф. Л-14. Оп. 1. Д. 18; Д. 37). Ученый продолжил раскопки в районе Тепсеня, теперь на территории некрополя (*Майко*, 2004. С. 119). Продолжая настаивать на уникальности комплекса, он и его

преемник М. А. Фронджуло предлагали относить население Юго-Восточного Крыма VIII–IX вв. к оригинальной «северо-причерноморской культуре», сочетавшей как элементы салтово-маяцкой, так и жителей раннесредневекового Боспора (НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–21). Эта позиция отразилась в разделе научно-популярной книги «Дорогами тысячелетий», подготовленном М. А. Фронджуло (*Фронджуло*, 1966. С. 133–148). Примечательно, что в первоначальном варианте, подготовленном еще в 1954 г., в книге должен был присутствовать раздел В. П. Бабенчикова «Славяне в Крыму» (НА ИАКр РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 1). Только к 1957 г. ученый завершил подготовку диссертации и успешно защитил ее (*Бабенчиков*, 1957). Но годы брали свое, и в 1961 г. он вышел на пенсию.

Характеризуя послевоенную научную деятельность В. П. Бабенчикова, в определенной степени можно говорить о его «школе», по крайней мере – о методических подходах (*Юрочкин, Майко*, 2023). Они демонстрируют краеведческо-музейный взгляд, особенно проявившийся при решении «славянского» и «готского» вопросов. Учитывая повышенный интерес к этническим проблемам и высокую степень идеологизации археологической науки, результаты исследований рассматривались, скорее, как подтверждение уже сформировавшихся в обществе представлений и отличались довольно высокой степенью декларативности. Однако это нисколько не умаляет заслугу В. П. Бабенчикова как ученого, внесшего несомненный вклад в развитие археологической мысли и полевые исследования памятников полуострова.

Список литературы

Акимченков В. В. «Старые опытные археологические разведчики»: братья Бабенчиковы // Гераклейский сборник. Вып. I. СПб.: Алетейя, 2018. С. 25–48.

Бабенчиков В. П. Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ. 1949. № 1. С. 111–119.

Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949–1951 гг.) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 104–116.

Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского: автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1957. 16 с.

Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академпериодика, 2004. 315 с.

Фронджуло М. А. От Боспорского царства до Тмутараканского княжества. Восточный Крым в V–XII вв. // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь: Крым, 1966. С. 133–148.

Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // ИАКр. 2016. Вып. IV. С. 152–169.

Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь: СОНАТ, 2017. 495 с.

Юрочкин В. Ю. Первая послевоенная статья о крымских готах (неизданная рукопись В. П. Бабенчикова) // Материалы VI научно-практической конференции «Военно-исторические чтения» (26 февраля – 1 марта 2018 г.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. С. 295–300.

Юрочкин В. Ю. «Славянский вопрос» и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983) // РА. 2021. № 4. С. 179–189.

Юрочкин В. Ю. Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии // ПИФК. 2024. Вып. 3 (85). С. 272–284.

Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 157–231.

Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Школы в академической археологии Крыма (1948–1953 гг.): П. Н. Шульц, В. П. Бабенчиков, П. Н. Надинский // У истоков советских археологических школ (1918–1950): материалы междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2023. С. 77–79.

В. П. Яйленко
Независимый исследователь, г. Москва

ИРАНСТВО НА АНТИЧНОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ БОСПОРЕ: УЗЛОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Боспор второй половины VI в. до н. э. в составе Персидской империи. В разнообразных письменных источниках Боспора с V в. до н. э. и до конца античности нередко «звучит» иранская тема. В эпиграфике это, главным образом, антропонимика. Первым обобщил эту информацию М. И. Ростовцев в небольшой книге 1918 г. «Эллинство и иранство на юге России» (*Ростовцев*, 1918). Основная ее идея: на юге России с VI–V вв. до н. э. складывалась греко-иранская цивилизация, существо которой – взаимодействие скифов-иранцев и греческих городов. Однако его источниковая база была довольно узкой – «скифский логос» Геродота да вещи греческого производства в скифских курганах Прикубанья, Тамани, близ Нимфея и Пантикапея.

Затем исследователи, отталкиваясь от предполагаемого ахеменидского происхождения царей Боспора: Митридата Евпатора и Митридата Аспургова, конкретизировали проявление здесь некоторых соответствовавших традиций. Связи с Персией усматривали в немногих найденных тут персидских вещах, монетной эмблематике, топонимике, антропонимике и пр. Этот материал и литературу обобщил Н. Ф. Федосеев, высказав мнение о некой политической зависимости Боспора от Персии (*Fedoseev*, 1997). Г. А. Кошеленко и О. Н. Усачева усмотрели в факте передаче царем Сатиром (433–389 гг.) города Кепы афинянину Гилону влияние персидского обычая награждения городом или местностью «на кормление». Идею Н. Ф. Федосеева развил Г. А. Кошеленко, по мнению которого локализация Диодором прихода Спартокидов к власти «в Азии» указывает на контроль Ахеменидов над Боспором до 438 г. (*Кошеленко, Усачева*, 1992; *Кошеленко*, 1999. С. 138).

Затем качественно новое решение проблемы дали мы, найдя ее конкретное наполнение в данных V колонки Бехистунской надписи Дария о победоносном походе на заморских, т. е. северочерноморских, скифов и близком по содержанию рассказе писателя начала IV в. Ктесия (Persica, fr. 13 Jacoby) о походе сатрапа Каппадокии Ариарамна в 519 г. на Боспор, свержении там скифского царя и водворении персидского ставленника (*Яйленко*, 2004. С. 55–60; 2010. С. 5–11). При этом в списке завоеванных царем Нином стран «во всей Азии между Танаисом и Нилом», который идентичен провинциям Персидской державы, Ктесий (fr. 1 Jac.) упоминает провинцию «Каппадокия и варварские народы, обитающие вдоль Понта до Танаиса». Присутствие тут и Каппадокии, и Боспора (Танаис!), как и в рассказе о походе Ариарамна, позволяет думать, что Боспор еще до Дария вошел в Персидскую империю при Кире (559–530) или Камбисе (530–522) (*Яйленко*, 2013. С. 23).

Представление о какого-то вида зависимости Боспора от Персии в VI – раннем V вв., в том числе нашу концепцию, поддержали затем Й. Нилинг и Г. Цецхладзе. Расширил свою аргументацию этого и Н. Ф. Федосеев. С походом Ариарамна связали разрушения на городищах Европейского Боспора в конце VI – начале V в. А. А. Масленников и В. Н. Зинько. С тем же походом, по мнению С. А. Яценко, связаны роспись гробницы в турецком Татарлы и цилиндрическая печать с изображением боя двух персов и двух северочерноморских скифов (*Масленников*, 1999. С. 175 и сл.; *Nieling*, 2010. P. 123–124, 132; *Цецхладзе*, 2014. С. 213–220; *Федосеев*, 2014. С. 154–158; *Масленников*, 2001; *Зинько*, 2013; *Яценко*, 2011). Была и критика, в большей или меньшей мере ставившая под сомнение и сам постулат, и его аргументационную базу. Здесь не место излагать контраргументацию, тем более что позднее была найдена сокрушившая ее надпись, поэтому ограничимся ссылками на соответствовавшие работы (*Молев*, 2001; 2016; *Завойкин*, 2015; *Шашлова*, 2017; *Балахванцев*, 2018). Отметим лишь наглядную нелогичность позиции М. Ю. Трейстера, который подобрал достаточно репрезентативную коллекцию персидских изделий из серебра да их имитаций, а также, что особенно важно, персидских печатей, в том числе принадлежавших ахеменидским официалам (на Боспоре их полтора – два десятка, больше, чем в других областях), но не соглашался с мнением о вхождении раннего Боспора в систему персидского государства (*Treister*, 2010; *Трейстер*, 2011). Раскопками 2016 г. в Фанагории найден фрагмент персидской клинописной надписи на мраморной стеле. На нем сохранились мелкие остатки шести строк, но важно, что там упомянут царь Дарий – надпись сделана от его

имени или от имени его сына Ксеркса. В. Д. Кузнецов счел, что она указывает на важную роль персидской державы в приходе к власти на Боспоре в 480 г. династии Археанактидов (*Кузнецов, Никитин*, 2018. С. 154–159; *Кузнецов*, 2018. С. 160–185)[1].

Завершим тему персидского прямого правления на Боспоре или их протектората точной формулировкой Г. Цецхладзе: «До сих пор мало внимания уделялось “ахеменидскому фактору” в Северном Причерноморье, включая Боспор Киммерийский. То, что сейчас это изменилось, только улучшит наше понимание истории региона» (*Цецхладзе*, 2014. С. 220).

II. Иранство династии Спартокидов. Относительно этнической принадлежности Спартокидов были высказаны мнения, что они были фракийцами, греками, иранцами (Ю. М. Десятчиков), принадлежали к туземной среде Боспора, скорее всего к синдам или скифам Восточного Крыма. Мы считаем их сильно эллинизированной иранской по происхождению династией. При этом ее иранский бэкграунд, по существу, в ряде компонентов ахеменидский.

1. Ахеменидское наследие. Из 22 царей династии Спартокидов у 6 иранское имя Спарток[2], еще у 6 – персидское имя Παιρισάδης (это более ранняя форма среднеперсидского царского имени Pērōz, из иран. pari-aujah- «победоносный» (*Грантовский*, 1970. С. 201–203; *Расторгуева, Молчанова*, 1981. С. 40; *Яйленко*, 2017. С. 840)); из остальных 12 – двое с македонским именем Селевк, 10 с греческими. Популярность имени Спарток понятна – это наследственное имя основателя династии, но почему другое распространенное с IV в. династическое имя – персидское? Это можно объяснить только исходя из теории о Боспоре в составе империи Ахеменидов и правлении тут их ставленника. Еще одно династическое имя этой же этиологии происходит с Тамани – Καβαθαξης (КБН 1056, 1113, IV в. до н. э.), считаем его иранским: *Kavāta χšāya «Кавата царь» (подробнее см.: *Яйленко*, 2017. С. 831). Греческая передача личного имени Каваты со словом «царь» совместила имя Каваты с титулом, т. е. этот человек местный царек, ибо только этим можно объяснить включение его, единственного носителя негреческого имени, в список граждан Гермонассы. «Царское» значение имени таманского Каваты

[1] При наличии обоснованной рядом упомянутых ученых теории концептуальной зависимости Боспора от персидской державы представляется недостаточно логичным мнение О. Л. Габелко и Э. В. Рунга (2018), что эта надпись была привезена в Фанагорию с Фракийского Боспора в качестве памятного «своеобразного трофея» или корабельного балласта.

[2] О его иранском, а не фракийском, происхождении см.: *Яйленко*, 2017. С. 840. Если бы имя основателя династии Спартока было фракийским, ее следовало бы счесть фракийской, однако других фракийских имен нет у членов династии Спартокидов.

явствует из его династической природы: в легендарной истории иранцев Kavāta – первый царь изначальной династии Кайанидов (Kavi-, Яшт, XIII, 132), и 8 царей династии имели при личном имени титул Kavi-Kavāta. Имя Kavāta носили парфянские и сасанидские цари. В «Шахнаме» Фирдоуси постулируется связь Ахеменидов с Кайанидами (царь Бехмен по прозвищу Долгорукий сопоставляется с Ахеменидом V в. до н. э. Артаксерксом I, тоже Долгоруким; кайанид Гуштасп соответствен отцу Дария I Гистаспу и т. д.).

2. Цари Боспора Митридатиды – Ахемениды. Митридат Евпатор был из рода Ахеменидов. Когда крымские скифы в конце II в. до н. э. довели Боспорское царство до крайности, последний Спартокид - Перисад VI, по Страбону (VII, 4, 4), παρέδωκε τὴν ἀρχήν, «передал власть» Митридату. Это означает, что царская власть перешла в руки Митридата. Но почему именно его? Ведь херсонеситы, согласно Диофантову декрету, тоже воззвали к нему для защиты от скифов, и его полководец Диофант разгромил их. Но Херсонес не вошел в состав Понтийского царства, Митридат стал лишь его простатом. Считаем, что поглощение Боспора Митридатом было обусловлено его статусом Ахеменида и статусом Боспора как бывшего владения тех же персидских Ахеменидов. Иначе говоря, это продолжение давней принадлежности Боспора Персидской империи.

3. Иранские свойства династии Спартокидов. Мы сформулировали и подробно развили 6 аргументов в пользу иранского по преимуществу происхождения династии Спартокидов (Там же. С. 825–841). Так как этот материал опубликован, здесь лишь перечислим их: 1) посвящения за правящего Спартокида Аполлону Иетру; 2) связь культа Перисада I с Анахитой Апатурой; 3) Спартокиды энареи, травестизм; 4) улусное соправление; 5) инцест; 6) иранские имена у Спартокидов.

III. Иранство Боспора I–V вв. н. э. В критических событиях династической истории Боспора конца I в. до н. э. решающую роль сыграло иранское племя аспургиан, населявших часть Синдики и Восточного Приазовья: они убили присланного Римом на царство в Боспоре Полемона и восстановили в правах царицы внучку Митридата Евпатора Динамию (*Яйленко*, 2010. С. 250–253, 669–771). По ним мы назвали правившую Боспором в I–IV вв. н. э. династию аспургианской. Она и Ахемениды были в родстве: правнук Митридата Евпатора Митридат III (39–45 гг. н. э.) был по отцу Аспургу (?10–37 гг. н. э.) и аспургианин, и Ахеменид (Там же. С. 254–258)[3].

[3] Уместно вспомнить в связи с этим об устроенных Митридатом Евпатором браках своих многочисленных дочерей с племенными вождями Азиатского Боспора, которые умножили сонм обретавшихся тут Ахеменидов.

В падении Митридата III повинны мать его, фракиянка Гипеперия, да младший сын Котис (45 – между 62/67 гг.), отсюда вторым компонентом аспургианской династии стал фракийский, что выразилось преимущественно во фракийских личных именах ряда царей – Котис, Рескупорид, Реметалк. У ее иранских царей имена Савромат, Фарсанз, Ининфимей, Хедосбий, Радамсад. Основная тенденция времени правления аспургианской династии – сарматизация всех областей жизнедеятельности на Боспоре, т. е. упрощенная иранизация кочевого толка.

IV. Иранская ономастика античного Боспора. Иранскую ономастику, главным образом, антропонимику античного Северного Причерноморья, в том числе Боспора, успешно разрабатывали В. Ф. Миллер, К. Мюлленхоф, М. Фасмер, В. И. Абаев, С. В. Кулланда, К. Витчак. Сейчас назрела необходимость выделения из этого общего северочерноморского массива боспорской антропонимики. Это большая задача монографического уровня, предмет ее – разработка состава личных имен (в том числе общеиранские, персидские, восточноиранские, аланские и др.), выявление хронологического развития слоев от столетия к столетию[4].

Отдельную проблему составляет изучение иранской топонимики и этнонимии региона. Азиатский Боспор, как и Таврида в целом – древний, многоуровневый этно- и топонимический ареал. Мы вскрыли тут древнейшие средиземноморский и индоарийский пласты, иранский, фрако-дакийский, готский, адыгский слои (*Яйленко*, 2015. С. 386–458). Иранский – вполне представителен и в основном присутствует на Азиатском Боспоре: аорсы, роксоланы, аспургианы; Апатур, Танаис (река и город), Гаргадза, «страна Митридата», вал Асандра, позднеантичное и раннесредневековое названия нижней Кубани Вардан, Кофен (Там же. С. 393, 395, 400, 402–404, 409–410, 425, 435–437)[5].

V. Иранство позднеантичного и раннесредневекового Боспора.

1. Аланы. По сообщению Иосифа Флавия (Bell. Jud. VII, 7, 4), в I в. н. э. аланы обитали близ Танаиса и (Восточной) Меотиды. Аланам в целом посвящено множество работ, но по теме «аланы и Боспор» – немного; необходимо собрать все, что связывает алан с позднеантичным и раннесредневековым Боспором.

2. Согдийские фактории VII–IX вв. в Восточном Крыму и на Тамани. В только что законченной большой работе мы реконструировали по данным топонимики и письменных источников великий торговый путь согдийских купцов VII–IX вв. из Согда через Южный Прикаспий, Дагестан, Тамань, Восточный и Западный Крым, Днепро-Бугский лиман, Днепр в города Среднего Приднепровья (из них Чернигов, Канев, раннее имя Киева Самбатас согдийские)[6]. Тут коротко о согдийской топонимике Боспора.

1. Судак. Его византийское имя Σουγδαία известно с VIII в., согдийская этимология В. Ф. Миллера уточнена другими – к раннесогд. Sugda- / Suguda- «Согд», из древнеиран. *suxta- «сожженный», согд. suγd- «жечь, гореть». Название возникло еще в VII в. – Sugdabon Равеннского анонима (ок. 700 г.), что датирует начало согдийской торговли в Крыму и устройство фактории.

2. Керчь. Древнее имя Керчи – Корчъ (в греческом протографе конца VIII – первой половины IX в. «Жития» Стефана Сурожского). Таковы и арабская да и персидская передачи X в. – Karkh Ибн Русте, Karz «Худуд ал-‘галам». Считаем его согдийским: к kurč «убежище, защита». Самая характерная особенность Керчи (античного Пантикапея, византийского Боспора) – гора Митридат, естественное укрепление, на котором были развалины античных строений и фортификации, так что Корчъ действительно kurč «убежище».

3. Такой же конкретный характер видим в названии города на Тамани Тъмуторакань (летописные формы Тъмуторакань и под.). Здесь сложение трех согдийских основ: tam «ад, преисподняя», ātar «огонь», kan(δh) «город», в целом *tam-ātar-kan(δh) «город огня преисподней». Самая приметная физиографическая особенность Таманского (полу)острова – многочисленные сопки, это малые вулканы, порой приходящие в действие с извержениями огня, пепла, воды, грязи. Крупнейшая на полуострове и поныне действующая Карабетова сопка расположена непосредственно у Тмуторакани, она и дала имя городу. Греческая передача имени города с VIII в., Ταμάταρχα, почти целиком соответствует нашему согд. *tam-ātar-kan(δh), прежде всего, в передаче его *а-, ā-* огласовок, поэтому *у-, о-* огласовки рус. Тъмуторакань обязаны внутренней переработке в русском узусе.

4. Связующим звеном между Средним Приднепровьем и Восточным Крымом служит параллелизм одного из имен Киева Σαμβατάς (у Константина Порфирогенета, X в.) и поселения меж Керчью да Судаком Sanabatis («Равеннская космография», ок. 700 г.). Связываем оба названия с согд. zamb- «берег» + dys- «строить, укреплять» = *Zambadys- «укрепленный берег, прибрежное укрепление», чему соответствует их прибрежное

[4] Предварительную работу проделал А. А. Масленников (1990. С. 102–118).
[5] Теперь добавим и городок Асандрион при Тобечикском озере (*Яйленко*, 2025).
[6] Часть ее, относящаяся к Боспору, сдана в печать (*Яйленко*, 2025).

расположение. По перечню городов в «Космографии» (Acra, Cita, Sanabatin, Asandi, Nimfa) локализуем Санабатис на городище у Тобечикского озера.

Итого в Восточном Крыму и на прилегающей Тамани 4 согдийские фактории – Σουγδαία, Sanabatis, Кърчъ, Тъмуторакань. Политически они в VII–IX вв. пребывали под властью византийцев да хазар, поэтому можно вести речь лишь о согдийских торговых факториях там. Но они играли настолько важную роль, что имена согдийских кварталов и рынков стали названиями этих городов. В частности, тут найдены торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья (раскопки И. А. Баранова), что вполне может быть связано с согдийской торговлей, которая шла из Согда преимущественно через Южный Прикаспий, т. е. через иранский Табаристан.

Список литературы

Балахванцев А. С. Боспор и Ахемениды // БФ: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского Гос. Ун-та пром. технологий и дизайна, 2018. Ч. 1. С. 61–65.

Габелко О. Л., Рунг Э. В. Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // ВДИ. 2018. Т. 78, № 4. С. 847–869.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970. 395 с.

Завойкин А. А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 2015. Вып. 1. С. 240–261.

Зинько В. Н. Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // ПИФК. 2013. Вып. 2. С. 183–193.

Кошеленко Г. А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГВЕ. 1999. С. 130–141.

Кошеленко Г. А., Усачева О. М. Гілон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51–57.

Кузнецов В. Д. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 3 / под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. С. 160–185. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 6).

Кузнецов В. Д., Никитин А. Б. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Материалы по истории и археологии Фанагории. Вып. 3 / под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. С. 154–159. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 6).

Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990. 228 с.

Масленников А. А. Греки и варвары на «границах» Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГВЕ. 1999. С. 170–192.

Масленников А. А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. Т. 4. 2001. С. 291–323.

Молев Е. А. О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2001. Ч. 1. С. 29–33.

Молев Е. А. К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам // БИ. 2016. Вып. 33. С. 17–29.

Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1981. С. 6–146.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 190 с.

Трейстер М. Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // БФ: население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 113–121.

Федосеев Н. Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // ДГВЕ. 2014. С. 141–174.

Цецхладзе Г. Р. Боспорское царство: особенности образования и развития // ДГВЕ. 2012 г. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 200–235.

Шашлова Т. Ю. Источниковедческие замечания об одном сообщении Ктесия Книдского // ПИФК. 2017. Вып. 1. С. 50–57.

Яйленко В. П. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников: материалы междунар. науч. конф. СПб.: изд-во ГЭ, 2004. Ч. 1. С. 55–60.

Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф и К, 2010. 739 с

Яйленко В. П. Политическое состояние Боспора в VI–V вв. до н. э. // БФ: греки и варвары на Евразийском перекрестке: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 20–25.

Яйленко В. П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19. С. 386–458.

Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1023 с.

Яйленко В. П. Согдийские фактории раннесредневекового Боспора как часть великого согдийского торгового пути (по данным топонимики и письменных источников). Приложение I // ДБ. 2025. Т. 30 (в печати).

Яценко С. А. Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений // БФ: население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 109–113.

Fedoseev N. F. Zum achämenidschen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 1997. Bd. 29. S. 309–319.

Nieling J. Persian imperial policy behind the rise and fall of the Cimmerian Bosporus in the last quarter of the sixth to the beginning of the fifth century BC // Achaemenid impact in the Black sea: communication of powers / eds.: J. Nieling, E. Rehm. Aarhus: University press, 2010. P. 123–136.

Treister M. "Achaemenid" and "Achaemenid-inspired" goldware and silverware, jewellery and arms and their imitations to the north of the Achaemenid empire // Achaemenid impact in the Black sea: communication of powers / eds.: J. Nieling, E. Rehm. Aarhus: University press, 2010. P. 223–279.

С. В. Ярцев
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

Е. В. Шушунова, С. Л. Смекалов
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ДОРОГИ ЧЕРЕЗ ВТОРОЙ ПРОХОД В УЗУНЛАРСКОМ ВАЛУ В СТОРОНУ УРОЧИЩА АДЖИЭЛЬ

Тема античных дорог в целом и дорог Боспорского царства в частности всегда привлекала исследователей. За последнее время были основательно изучены основные направления античных магистральных дорог на Азиатском и Европейском Боспоре (*Масленников*, 1998. С. 178; *Паромов*, 1998; *Зубарев*, 2005. С. 451, рис. 5, с. 454, рис. 8). Однако не все проблемы здесь можно считать решенными. Наиболее сложной областью исследования остается слабоизученная сеть местных дорог, особенно на территориях, важных для функционирования государства, а также в районах крупных городов или поселений. Из таких исследований отметим работы Н. Ф. Федосеева, локализовавшего дороги в районе древних переправ Керченского полуострова (*Федосеев*, 1999), В. Н. Зинько, изучившего дороги на территории хоры Нимфея (*Зинько*, 2003. С. 240–241), Т. Н. Смекаловой, реконструировавшей проезды через Узунларский вал (*Смекалова*, 2017; 2018).

В этой связи особый интерес вызывает и реконструкция локализации дороги через второй проход в Узунларской оборонительной линии, в связи с открытием нового объекта археологического наследия «Аджиэль I». По предварительным данным, памятник представляет собой укрепленный

форт, расположенный в 1,7 км к востоку от указанного прохода, на плоской вершине обрывистого мыса Аджиэльской балки – естественной защиты Восточного Крыма. Данное урочище, как известно, отличается обилием воды и высокопродуктивных земель (*Зубарев и др.*, 2015). При этом локализация форта на правом северо-восточном склоне балки позволяет предположить, что его гарнизон контролировал не столько сам второй проход, где располагалась сторожевая башня, раскопанная А. А. Масленниковым (*Масленников*, 2003. С. 75–87), сколько стратегический район, где данная дорога в восточном направлении пересекала крутые склоны урочища и форсировала реку Аджиэль. Представляется, что второй проход через Узунларский вал был оборудован именно здесь неслучайно, так как он точно попадает на водораздел между двумя горными породами – мшанковыми рифами мэотического яруса и глинами, мергелями, известняками верхнего подъяруса сарматского яруса (*Зубарев и др.*, 2015. С. 171, рис. 1). Другими словами, именно здесь по указанному водоразделу, отмеченному на карте XIX в. доминирующей высотой как холм-курган Уч-Оба (*Смекалова*, 2018. С. 30, рис. 6), по-видимому, и должна была проходить дорога в сторону урочища Аджиэль. Дело в том, что замеченная исследователями тенденция локализации древних дорог на возвышенностях объясняется тем, что такие пути не имели твердого покрытия и поэтому принципиально располагались на водоразделах, то есть на участках, которые просыхали в степи в первую очередь (*Шилик*, 1979. С. 11). В этой связи неслучайно, что именно водораздел между вторым проходом и балкой Аджиэль отмечен большой курганной группой из восьми насыпей (рис. 1). Правда, основной курган Уч-Оба располагается здесь на небольшом удалении от основной группы погребальных насыпей, фактически на самом краю левого юго-западного склона Аджиэльской балки. Это может означать, что через второй проход в Узунларской оборонительной линии, вероятно, в античное время продолжал функционировать известный еще с древности миграционный путь кочевого населения, возможно совпадавший на данном участке с одной из основных военных и торговых дорог Боспорского царства в Приазовском регионе.

В этой связи любопытно будет рассмотреть связь предполагаемого пути по указанному водоразделу с расположением современных дорог в данном районе. Конечно, дороги на этом участке, функционирующие, по крайней мере, с XIX в., вполне могут иметь и самое позднее происхождение. Тем не менее, несмотря на все сложности подобных сопоставлений (*Зубарев, Смекалов*, 2024), остается вероятность того, что некоторые из них восходят к античному наследию (*Зубарев и др.*, 2017. С. 196–197),

ведь в ряде других мест такая особенность подтверждается современными исследованиями (*Смекалова*, 2018). Однако в нашем случае все обстоит не так однозначно. Дорога через второй проход в Узунларском валу, известная еще с XIX в. (судя по данным военной топографической карты полуострова Крыма, составленной генерал-майором С. А. Мухиным в 1817 г.; топографической карты полуострова Крыма 1842 г., составленной подполковником Д. Д. Обергом и полковником А. А. Бетевым; и др.), вначале, казалось бы, действительно идет в нужном нам восточном направлении, непосредственно пересекая группу из восьми курганов. Однако далее она резко уходит с водораздела и по склону одной из балок левого юго-западного склона Аджиэльского урочища спускается круто вниз к реке Аджиэль. Такое направление в точности соответствует пространственной характеристике данной местности в античное (начиная со II в. н. э.) и средневековое время, когда здесь существовали городище и поселение Белинское, а в дальнейшем – деревня Аджиэль. Трудно сказать, насколько данная дорога соответствует ситуации конца III – начала II тыс. до н. э., когда на этих землях по обе стороны реки располагались поселения Каменской культуры (*Зубарев, Ярцев*, 2013; *Зубарев и др.*, 2024), а выше античного некрополя по склону протянулась еще одна цепь курганов, явно маркирующая, возможно, тот же самый путь через Аджиэльскую балку далее на восток. Тем не менее использовать в период I в. до н. э. – I в. н. э. для переправы через реку Аджиэль именно данный участок ее широкой поймы (куда спускается современная дорога от второго прохода) вряд ли было оправданным. По нашему мнению, для локализации места переправы через Аджиэль в указанное время необходимо учитывать военно-стратегическое значение Аджиэльского урочища и его близость к земляным оборонительным укреплениям, лишенным в этот период крупных воинских формирований. В том месте, где позднее будет располагаться средневековое поселение Аджиэль, широкая и заболоченная пойма реки периодически заливается водой, что может вызвать затруднения при срочной переброске войск на границу. Неслучайно древние строители для возведении мостов в подобных местах старались использовать самые узкие места рек, где, несмотря на крутые берега, последние близко придвинуты друг к другу и достаточно прочны, чтобы выдержать конструкцию моста (*Надёжин*, 1989. С. 19). Не исключено, что переправа через речку Аджиэль в античный период была организована на том же участке, где она функционировала и в средневековье, то есть фактически у подножия склона, на котором располагается ОАН «Аджиэль I» и где река резко сужается и превращается, по сути, в бурный ручей

с круто обрывающимися и крепкими берегами. Любопытно, но это место находится как раз между двумя высокими противоположными мысами балки, на одном из которых расположен упомянутый нами курган Уч-Оба, а на другом – памятник «Аджиэль I». При этом именно здесь нами были выявлены остатки каменных опор древнего моста. Хорошо прослеживаются и следы, по крайней мере, двух дорог, проходивших когда-то через это стратегическое место. Одна из них, несмотря на то, что очень плохо заметна на местности, непосредственно выходит на курган-холм Уч-Оба и далее по уже известному нам пути подходит ко второму проходу в Узунларском валу. Вторая дорога, плавно набирая высоту, также выходит на наш водораздел, но только немного южнее указанного кургана. В противоположную сторону от переправы и предполагаемого древнего моста, несмотря на то, что здесь достаточно длительное время располагалось средневековое поселение Аджиэль, дороги также хорошо прослеживаются. Одна из них плавно поднимается наверх балки, огибая мыс с расположенным на нем объектом Аджиэль I, вторая – уходит по склону речной террасы в сторону некрополя городища Белинское (рис. 2). Если наша реконструкция верна, это может объяснять необычное расположение «Аджиэль I» на правом северо-восточном обрывистом склоне, небольшой гарнизон которого, по-видимому, в первую очередь и отвечал за безопасность сложного участка переправы через речку Аджиэль на этом важном древнем пути.

Список литературы

Зинько В. Н. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. 2003. Т. IV. С. 1–320.

Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.

Зубарев В. Г., Кислый А. Е., Ярцев С. В., Смекалов С. Л. Новые находки бронзового века с западного участка некрополя городища «Белинское» // Археология и история Боспора: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. П. Толстикова. Симферополь: Антиква, 2024. С. 48–59.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л. Надо ли искать античные дороги на Керченском полуострове? // XXV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: проблемы исследований древностей юга России / под ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2024. С. 140–147.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Природно-географические условия и ландшафтные особенности урочища Аджиэль в античный период // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: географическая среда и социум / под ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2015. С. 165–172.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Еще раз к вопросу о выявлении античных дорог на территории Боспорского царства // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: торговля: пути – товары – отношения / под ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2017. С. 195–204.

Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Новое поселение эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму // Таврические студии. 2013. № 1. С. 60–64.

Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. 304 с.

Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: ИА РАН; Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.

Надёжин Б. М. Архитектура мостов. М.: Стройиздат, 1989. 96 с.

Паромов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова // ДБ. № 1. С. 216–225.

Смекалова Т. Н. О расположении древних проездов через Узунларский вал по данным дистанционных и картографических методов // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: торговля: пути – товары – отношения / под ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2017. С. 461–472.

Смекалова Т. Н. О древних проездах через Узунларский вал // ПИФК. 2018. Вып. 1. С. 24–38.

Федосеев Н. Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора / под ред. Н. Ф. Федосеева. Керчь: Деметра, 1999. Т. III. С. 61–102.

Шилик К. К. Транспортные пути античного Северного Причерноморья // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху великой греческой колонизации (VII–V вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 10–12.

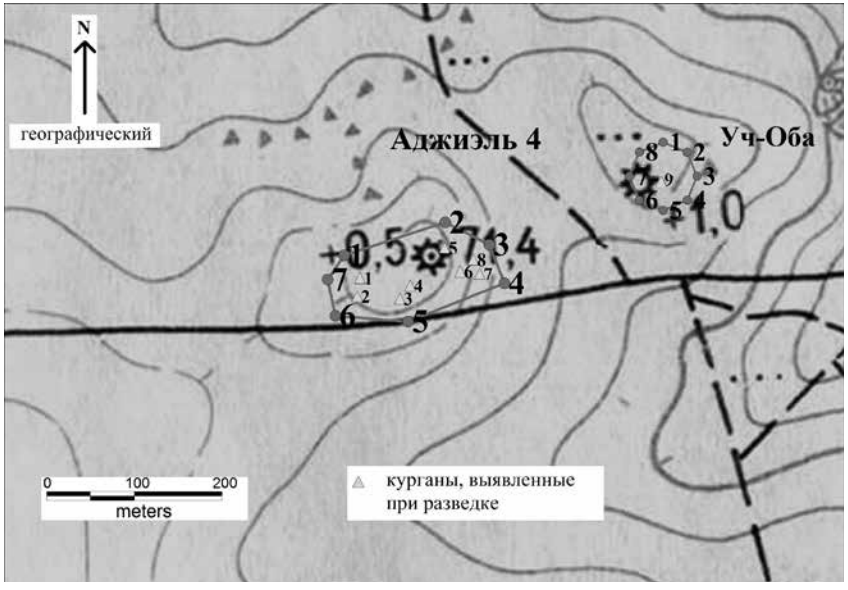


Рис. 1. Археологический объект курганная группа «Аджиэль IV».
Границы и положение поворотных точек границ территории памятника «Аджиэль IV»
и выявленных курганов на карте масштаба 1: 25000

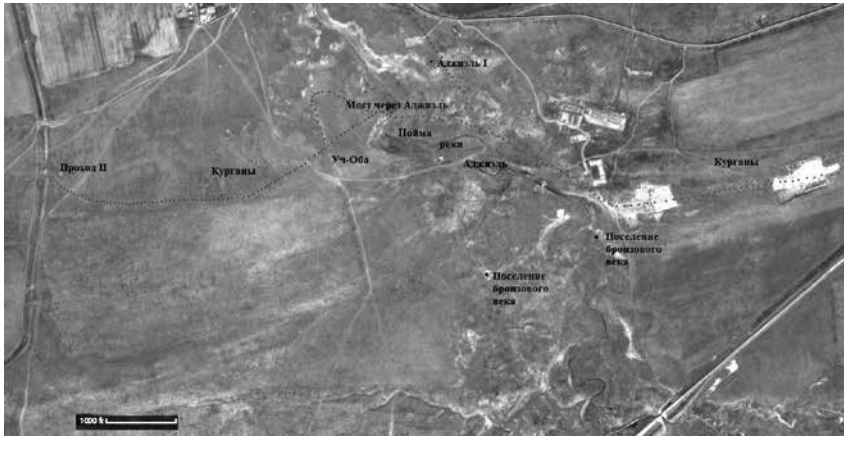


Рис. 2. Реконструкция на космическом снимке Google Earth древнего пути в районе
второго прохода в Узунларском валу и переправы через реку Аджиэль в I в. до н. э. – I в. н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Артезианская археологическая экспедиция
АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск/Екатеринбург
АНИБ – Археологическое научно-исследовательское бюро
АПЗ – архитектурно-планировочная зона
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БФ – Боспорский феномен. СПб.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВКАЭ – Восточно-Крымская археологическая экспедиция
ВКИКМЗ – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ВОАН – выявленный объект археологического наследия
ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора. М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЖИПМИ – Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАКН – Институт археологии и культурного наследия СГУ
ИАКр. – История и археология Крыма. Симферополь
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КНИБ – Крымская научно-исследовательская база АН СССР

КСИА – Краткие сообщения Института археологии СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАО – Императорское Московское археологическое общество
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МБОУ – муниципальное бюджетное образовательное учреждение
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА ААМ – Научный архив Анапского археологического музея
НА ИАКр РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН
НАО ГМЗ ХТ – Научно-архивный отдел Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НИВ – Новый исторический вестник. М.
НИР – научно-исследовательская работа
НМИДК – Новочеркасский музей истории донского казачества
ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск
ПФНИ ГАН – Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГАВМФ – Российский государственный военно-морской архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГУ – Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
СИА – Сектор истории и археологии
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
стк. – строка
ТГПУ – Тульский государственный педагогический университет
ФО НА ИИМК РАН – Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН
ХС – Херсонесский сборник. Севастополь
ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.
ЯИЛМ – Ялтинский историко-литературный музей
ASCSA – American School of Classical Studies at Athens
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique
DAI – Deutsches archäologisches Institut, Berlin
FrC – Fragmenta comica. Bd. 10.11. Ed. A. Bagardo. Göttingen, 2018.
LGPN – Lexicon of Greek Personal Names
LIMC – The Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
s. v. – specta verbum
WZ. Uni. Rostock – Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm-Pieck-Universität Rostock. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Д. В. Бейлин *(Симферополь),* ***И. В. Рукавишникова*** *(Москва).*
Курган «Горностаевка 7» – дозорно-оборонительный комплекс
между двух боспорских валов 9

А. Л. Бойко, А. В. Дедюлькин *(Ростов-на-Дону).*
Монеты эллинистической эпохи с территории Нижнего Дона
из собрания Донского музея 17

А. В. Бонин *(Москва).*
Сарматский могильник эпохи готских походов
на территории Ильичевского поселения 25

А. М. Бутягин *(Санкт-Петербург).*
Стратегии греко-варварских взаимоотношений
в Северном Причерноморье 30

М. Ю. Вахтина *(Санкт-Петербург).*
Об археологической деятельности В. Н. Рота, исследователя
кургана Огуз в 1902 г. (по материалам Научного архива ИИМК РАН) 35

И. И. Вдовиченко *(Симферополь).*
Аттическая расписная керамика из раскопок Южного пригорода
Херсонеса Таврического в 2021–2023 гг. 44

Н. И. Винокуров *(Москва).*
Цар кая крепость Артезиан на стыке варварства и цивилизации 51

А. А. Внуков *(Тула),* ***Л. Х. Алиева*** *(Щёкино).*
К вопросу о трансформации парадигм в мышлении восточно-римского
правительства относительно Таврики в конце III – первой половине IV в.
(Рим и варвары) 63

В. А. Горончаровский *(Санкт-Петербург).*
Илуратское граффито с изображением катафрактария (к 45-летию находки) . . 69

Н. В. Ефремов *(Штральзунд),* ***А. Б. Колесников*** *(Москва),*
Е. В. Болонкина *(Керчь).*
Οὐ παντὸς πλεῖν ἐς Κόρινθον. К вопросу о торговых связях Северного
Причерноморья с Коринфом (по материалам клейменой керамики) 76

Д. В. Журавлев *(Москва),* ***Н. В. Быковская*** *(Керчь).*
Мифологические сюжеты на светильниках типа Loeschcke VIII
из собрания Восточно-Крымского историко-культурного
музея-заповедника 85

Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк *(Симферополь).*
Позднескифское городище Мелек в I–IV вв. н. э.:
результаты исследований 2024 г. 96

В. Г. Зубарев, К. О. Маркова *(Тула).*
Лощеная посуда из раскопок городища и некрополя «Белинское» 102

А. О. Иваник, С. А. Кононова, В. Ю. Кононов *(Керчь).*
Античный некрополь на северной окраине мкрн. Капканы в Керчи 109

Е. А. Карцова *(Тамань).*
Миниатюрные рельефы античных керамических клейм:
опыт комплексного искусствоведческого анализа 118

А. К. Каспаров *(Санкт-Петербург).*
Фаунистические остатки поселения Акра:
первые обобщения за почти десять лет исследований 125

С. Г. Колтухов *(Симферополь).*
«Ученые сложности» при атрибуции таврских гробниц (от дольменов
и киммерийцев к таврам и каменным ящикам Горного Крыма) 131

Л. Л. Леонов, Д. О. Савельев *(Симферополь),* ***С. В. Семенова*** *(Азов).*
Анализ следов обработки и использования
на костяных изделиях эпохи бронзы в Северо-Западном Крыму
(по материалам разведок 2022–2023 гг.) 137

В. В. Майко *(Симферополь).*
Археологический материал из раскопок храма Иоанна Предтечи
в Керчи в 1957 г. 145

А. А. Масленников *(Москва).*
Еще раз о «боспорцах» или «боспорянах» 154

Н. В. Молева *(Нижний Новгород).*
Об одной группе хтонических алтарей из святилищ Китея 159

С. Ю. Монахов *(Саратов).*
Вкусовые предпочтения на Азиатском Боспоре, в Синдике
и в мире меотов в IV в. до н. э. 167

Е. В. Неделькин *(Севастополь).*
О находке керамического весового дирхема
в османской крепости Инкерман (Юго-Западный Крым) 175

Н. Г. Новиченкова *(Ялта).*
Тетрадрахмы Митридата VI Евпатора из святилища
у перевала Гурзуфское Седло 182

А. М. Новичихин *(Анапа).*
Гладиус типа «Майнц» из раскопок некрополя Горгиппии 191

И. В. Рукавишникова *(Москва),* ***Д. В. Бейлин*** *(Симферополь).*
Воинские погребения варварского могильника Батырский 1
эллинистического времени в районе Новороссийска 199

Е. А. Савостина, Н. И. Винокуров *(Москва),* ***Н. Л. Кучеревская*** *(Керчь).*
Статуя храма крепости Артезиан: реконструкция облика,
техника и идентификация 206

С. Л. Смекалов, А. А. Внуков, К. О. Маркова *(Тула).*
Места захоронения на Керченском полуострове восточнее
Узунларского вала от эпохи бронзы до наших дней 214

Т. Н. Смекалова, А. С. Деваев, С. К. Фридрихсон,
А. Н. Гаврилюк, Р. С. Кецко *(Симферополь).*
Магнитная съемка двух новых соседних поселений эллинистического
времени в Крымском Приазовье – Бабчик Западный 3 и 4 222

О. Ю. Соколова *(Санкт-Петербург).*
Комплекс находок из ямы № 25 (раскопки 2007 г. на городище Нимфей) 228

Н. И. Сударев, А. В. Иванов *(Москва).*
Об одной особенности погребального обряда
некрополя Виноградный 7 на Тамани 234

Н. И. Сударев *(Москва),* ***С. В. Кашаев*** *(Санкт-Петербург).*
Подбойные погребения в некрополях Виноградный 7 и Артющенко 2 . . . 240

А. А. Супренков *(Симферополь).*
К вопросу о греках и варварах на западной
и восточной периферии Средиземноморья в VI–III вв. до н. э.
Особенности взаимодействия и организация сельских территорий 247

А. Е. Терещенко *(Санкт-Петербург).*
Еще одна разновидность боспорских грифонов (истоки образа) 255

В. П. Толстиков *(Москва).*
Амфорная конструкция № 54 на северном склоне акрополя Пантикапея:
некоторые предварительные итоги 264

Е. В. Фокеева *(Москва).*
Герма Геракла: к вопросу об интерпретации памятника 267

З. В. Ханутина *(Санкт-Петербург),* ***В. А. Хршановский*** *(Москва).*
Склепы-катакомбы на Китейском некрополе (раскопки 1989–2022 гг.) . . 274

Н. Б. Чурекова *(Саратов).*
Комплексы с амфорами позднеархаического
и раннеклассического времени с Поселения 3 у станицы Тамань 284

Ф. В. Шелов-Коведяев *(Москва).*
Об имени на одном из золотых перстней из Фанагории 293

Л. Г. Шепко *(Донецк).*
Памятники скифо-сарматского круга Северо-Восточного Приазовья
в свете проблемы этнокультурного взаимодействия 296

В. Ю. Юрочкин *(Симферополь).*
Готы, аланы, славяне. Из научного наследия В. П. Бабенчикова 301

В. П. Яйленко *(Москва).*
Иранство на античном и средневековом Боспоре:
узловая проблематика по данным письменных источников 306

С. В. Ярцев *(Тула – Белгород),* ***Е. В. Шушунова, С. Л. Смекалов*** *(Тула).*
К вопросу о реконструкции дороги через второй проход
в Узунларском валу в сторону урочища Аджиэль 315

Список сокращений 321

Научное издание

XXVI
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО

Греки – варвары: контакты и конфликты

Редакторы-составители: Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева
Научный редактор: А. А. Масленников
Редактор: А. В. Меньшиков

Верстка и подготовка иллюстраций: А. Старчеус

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by **www.indrik.ru**

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
20,5 п. л. Тираж 100 экз.
Отпечатано с оригинал-макета